ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

2003–2004

Российская академия наук
Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

2003–2004

Тюркские народы в древности и средневековье

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2005

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
Т98

Издание осуществлено при финансовой поддержке Санкт-Петербургского научного центра РАН

Редакционная коллегия тома
С.Г.КЛЯШТОРНЫЙ (председатель), Т.И.СУЛТАНОВ, В.В.ТРЕПАВЛОВ

Редакторы издательства
С.В.ВЕСНИНА, Л.С.ЕФИМОВА

На первой стороне переплета:
Лучник. Резная кость. VII–VIII вв. Шиловский могильник (Ульяновская обл)

Тюркологический сборник / Ин-т востоковедения, С.-Петерб. Т98 фил. — М. : Вост. лит., 1970– .
2003–2004: Тюркские народы в древности и средневековье / редкол.: С.Г. Кляшторный (пред.), Т.И. Султанов, В.В. Трепавлов. — 2005. — 375 с. — ISBN 5-02-018491-8 (в пер.)

В сборнике рассматриваются проблемы средневековой истории и культуры тюркских народов, в том числе закономерности взаимодействия кочевой и оседло-земледельческой цивилизаций, функционирование языческих культов и обрядов, особенности устной и письменной литературы в тюркской языковой среде. Внимание авторов привлекают малоизученные вопросы политического развития тюркских обществ, отражены новые подходы в изучении древних тюрков и хазар.

ББК 63.3(5)

ТП-2006-I-319
ISBN 5-02-018491-8

© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, 2005
© Оформление Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Т.А.Аникеева (Москва)
Элементы древнетюркской картины мира
(на примере огузского героического эпоса «Китаб-и дедем Коркут»)..... 6

Ю.И.Дробышев (Москва)
К типологии средневековых заповедников Центральной и Средней Азии..... 30

И.В.Зайцев (Москва)
Ad Fontes: Крымская историография эпохи Средневековья и Нового
времени 48

О.В.Зотов (Москва)
Китай и Восточный Туркестан на геополитической «орбите» империй
Чингисидов и Тимуридов..... 86

С.Г.Кляшторный (Санкт-Петербург)
Хазарские заметки..... 95

И.В.Кормушин (Москва)
К прочтению надписи из местечка Шар-булаг в сомоне Дарв
Ховдоского аймака (Северо-Западная Монголия) 118

М.Г.Крамаровский (Санкт-Петербург)
Куманские пояса в Дешт-и Кипчаке и на Балканах в XIII–XIV вв. 126

С.В.Кулланда (Москва)
Актеву 142

Е.И.Кычанов (Санкт-Петербург)
Карлук Боянь Цзундао — юаньский конфуцианец 145

Б.Б.Овчинникова (Екатеринбург)
Поминальный обряд древних тюрков Саяно-Алтая..... 152

В.Я.Петрухин (Москва)
Хазарская дань и славяне: к истории тюрко-славянских отношений
в Восточной Европе IX в. 166

С.А.Ромашов (Москва)
От тюрков к хазарам: Северный Кавказ в VI–VII вв..... 185

Д.В.Рухлядев (Санкт-Петербург)
Проблема жанра в изучении древнетюркских рунических памятников 203

Т.И.Султанов (Санкт-Петербург)
Известия османского историка XVI в. Сейфи Челеби о народах Центральной Азии 254

В.В.Трепавлов (Москва)
Малая Ногайская Орда. Очерк истории 273

В.С.Флёров (Москва)
Были ли в Хазарском каганате города? Археологический аспект проблемы. 312

Ю.С.Худяков (Новосибирск)
Знамена древних тюрков и кыргызов в Центральной Азии в эпоху раннего Средневековья 350

А.Г.Юрченко (Санкт-Петербург)
Гадание по огню в сакральной практике хазарского кагана 366

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной выпуск сборника посвящен проблемам средневековой истории и культуры тюркских народов. В статьях, написанных историками из Екатеринбурга, Москвы, Новосибирска и Санкт-Петербурга, исследуются различные аспекты источниковедения, социальной и политической истории, материальной и духовной культуры тюркоязычного населения Восточной Европы, Северного Кавказа, Крыма, Южной Сибири, Центральной и Малой Азии в период VI–XVII вв. В соответствии с общепринятой периодизацией истории Великой Степи эпоха каганатов VI–X вв. обозначается как древнетюркская, что не совпадает с понятием «древность» в европейской историографии.

В центре внимания авторов находятся закономерности взаимодействия кочевой и оседло-земледельческой цивилизации, функционирование языческих культов и обрядов, наблюдения над особенностями устной и письменной литературы в тюркской языковой среде, малоизученные вопросы политического развития кочевых обществ и др. В нескольких работах отражены новые подходы в изучении древних тюрков и хазар, Тюркского и Хазарского каганатов.

Редколлегия признательна А.Г.Юрченко за помощь в подготовке настоящего издания.

Т.А.АНИКЕЕВА
(Москва)

Элементы древнетюркской картины мира

(на примере огузского героического эпоса «Китаб-и дедем Коркут»)

Одним из важных источников по истории кочевых обществ является устный фольклор, как правило эпический, который посредством языка и содержания отражает как исторические реалии, так и комплекс мифологических воззрений различных народов, в том числе кочевников-огузов в период их продвижения на запад. *Китаб-и дедем Коркут аля лисан-и таифа-йи огузан*; далее — «Китаб-и дедем Коркут» («Книга моего деда Коркута на языке племени огузов») — это единственный дошедший до нас в письменной форме памятник средневекового эпоса тюркоязычных (огузских) народов. Он является одним из важнейших источников по социальной и культурной истории не только огузских, но и других тюркских племен.

Сложение сказаний, вошедших в состав этого памятника, относят приблизительно к первой половине XI в., но запись их произошла только в XIV в., а обе редакции рукописи «Китаб-и дедем Коркут», которыми располагают исследователи, Дрезденская и Ватиканская, датируются XVI в. Памятник состоит из двенадцати песен (или *огуз-наме*, как их называет Х. Короглы [Короглы, 1976, с. 47]). Сказания были записаны после длительного и сложного процесса обработки в период своего устного бытования; их письменная фиксация произошла приблизительно в XIV в., после ухода монголов с территории Малой Азии и распада государства Сельджукидов.

Памятник становится объектом внимания востоковедов-тюркологов со времени публикации переводов Г.Дица и В.В.Бартольда с рукописи, хранящейся в Дрезденской библиотеке. Г.Диц обнаружил и опуб-

© Т.А.Аникеева, 2005

ликовал одно (VIII) сказание из рукописи в 1815 г. В 1859 г. Т.Нельдеке снял копию с рукописи и подготовил перевод на немецкий язык, но работа его не была закончена; свои материалы он передал В.В.Бартольду, который в течение 1894–1904 гг. опубликовал четыре главы-сказания, а в 1922 г. им был закончен русский перевод всей рукописи. Однако перевод этот с комментариями азербайджанских ученых Г.Араслы и М.Г.Тахмасиба увидел свет лишь в 1950 г. в издании Академии наук Азербайджанской ССР, которое, как отмечает В.М.Жирмунский, «не получило широкого распространения» [Жирмунский, 1962, с. 132]. В 1950 г. итальянским ученым Э. Росси была обнаружена, переведена и опубликована еще одна рукопись «Китаб-и дедем Коркут», хранящаяся в библиотеке Ватикана (так называемый Ватиканский список), состоящая из шести сказаний-*огузнаме*. Мы использовали издания, подготовленные Орханом Шаиком Гёкъяем [Dedem, 2000], Х. Ахмедом Шмиде (H. Achmed Schmiede) с Дрезденской рукописи (последнее, что особенно важно, снабжено ее фотокопией, текстом в латинской графике и небольшим словарем), а также русский перевод «Китаб-и дедем Коркут», сделанный В.В.Бартольдом.

Большинство трудов, созданных с тех пор, посвящены языку и художественным приемам в «Китаб-и дедем Коркут», историческому фону эпоса и анализу его именно как исторического или же сугубо лингвистического источника, и сейчас можно сказать, что они составляют целый раздел тюркологии[1]. Между тем сам текст памятника, содержащий термины родства, благословения, проклятия, клятвы, молитвы, прорицания, может выступать и как ценный источник информации по истории культуры и этнографии огузов. Наибольший, на наш взгляд, интерес вызывает хронологическая неоднородность памятника: сказания, составляющие «Китаб-и дедем Коркут», разделяются

[1] Наиболее полно поставленные исследователями проблемы в изучении памятника раскрывает обзорная статья М.Бернардини [Bernardini, 2002]. Предметом обзора в ней служат несколько недавно вышедших книг по этой тематике, однако статья Бернардини гораздо шире: она затрагивает, в сущности, все основные аспекты предыдущих направлений исследований этого эпического памятника. «Китаб-и дедем Коркут» в основном изучался прежде всего как источник по истории тюркских огузских племен, а также их географической локализации в Малой Азии. Существует также довольно обширная турецкая традиция исследования этого памятника, развивавшаяся параллельно с европейской. Однако и турецкими авторами (среди которых П.Н.Боратав, А.Инан, Ф.Кёпрюлю), чьи работы внесли значительный вклад в изучение памятника, «Китаб-и дедем Коркут» рассматривался как «памятник своего национального прошлого» [Жирмунский, 1962, с. 133]. Библиография основных трудов и направлений исследований «Китаб-и дедем Коркут» содержится также в труде «Тюркский героический эпос» В.М.Жирмунского [Жирмунский, 1974].

исследователями на ранние и поздние, которые сложились уже на территории Малой Азии после переселения огузов в Закавказье[2] и были записаны в более позднее время по сравнению со временем сложения. Все сказания о подвигах огузских бегов проникнуты мусульманской риторикой. Однако, по мнению М.Н.Серебряковой, в традиционном мировоззрении турок мусульманские черты часто носят поверхностный характер и в целом оно характеризуется сложностью и мозаичностью, «разобраться в которой непросто» [Серебрякова, 1992, с. 95].

Естественно было бы предположить, что изменение традиционной тюркской модели мира, происходившее на протяжении миграции огузских племен (прежде всего под влиянием ислама), нашло отражение и в сказаниях «Китаб-и дедем Коркут». Здесь мы рассматриваем комплекс представлений, связанных с образной системой традиционной тюркской модели мира, который содержит в себе «Китаб-и дедем Коркут»; его трансформации под влиянием принятия огузскими племенами ислама и переселения в Малую Азию.

Безусловно, влияние на соотношение мусульманского и доисламского в данном памятнике книжного эпоса оказала прежде всего устная эпическая тюркская традиция, следы которой четко просматриваются в тексте памятника. С большой долей вероятности можно считать, что в «Китаб-и дедем Коркут» сохранены формулы, восходящие к данной устной традиции[3]. Элементы книжности главным образом связаны с письменными литературными традициями региона, которые, в свою очередь, находятся под заметным влиянием ислама, тогда как домусульманской традиции соответствуют элементы устного бытования текста. Под формулой в «Китаб-и дедем Коркут» мы подразумеваем систему повторяющихся и особым образом упорядоченных лексем/образов, объединенных одинаковой грамматической структурой. Тем самым фрагменты текста, ее содержащие, могут быть отнесены к хронологически наиболее древним. Более подробно проблема

[2] К наиболее поздним относятся «Рассказ об удалом Домруле, сыне Дука-коджи» (V) и «Рассказ о Кан-Турали, сыне Канлы-коджи» (VI): они «по содержанию... связаны с малоазиатскими сказаниями с центром распространения в греческом Трапезунте» [Жирмунский, 1974, с. 575]. Кроме того, в этих сказаниях отсутствуют упоминания и о Баюндур-хане, и о Салор-Казане, что, по мнению В.В.Бартольда и В.М.Жирмунского, также свидетельствует о чисто формальном включении их в «Китаб-и дедем Коркут» [Жирмунский, 1974, с. 575]. А наиболее ранним и сохранившим в себе следы архаической сказки можно считать «Рассказ о Бамси-Бейреке, сыне Кан-Буры» (III) [Жирмунский, 1974, с. 584].

[3] В тюркологии и фольклористике было несколько попыток решения проблемы изучения книжного эпоса, в том числе и в отношении «Китаб-и дедем Коркут» (см., например, [Короглы, 1976, с. 201; Başgöz, 1998a, с. 150]).

формулы в «Китаб-и дедем Коркут» рассматривается в статье [Аникеева, 2003].

Что касается связи «Китаб-и дедем Коркут» с памятниками древнетюркской литературы, то судить об этой связи и о какой-либо преемственности в ее литературном аспекте крайне затруднительно[4]. Так или иначе, прорицание Коркута включает в себя ряд стилистических клише, распространенных в «Китаб-и дедем Коркут» в целом, которые, возможно, восходят к древнетюркским памятникам («Китаб-и дедем Коркут»: «Пусть даст переправиться через обагренные кровью реки» / ***Kanlu kanlu sular***dan (здесь и далее курсив мой. — *Т.А.*) geçit versün; памятник Кюль-Тегину: «Кровь твоя бежала как вода» // ***Qanyŋ subča*** Jügürti [Малов, 1951; Orkun, 1987]). В памятнике, относящемся к более позднему периоду, «Огуз-наме», говорится при описании битвы: «Схватки, сраженья были такими жестокими, что воды Итиль-реки стали красными-красными, подобно киновари» / Тутулунч урушунч андаҕ јаман болдї кім Itil мӱраннӱн суҕї кїп кїзїл сїп сіңгір дӓг болдї (Огуз-наме 19, III–IV [Щербак, 1959, с. 40]). Связь воды и крови, которая находит выражение в различных фигурах речи (метафоре, гиперболе), видимо, является довольно устойчивой в тюркской литературе.

Однако связь «Китаб-и дедем Коркут» с памятниками древних тюркских литератур не ограничивается лишь сходством и вероятной преемственностью литературных форм. Помимо того что к доисламскому времени безусловно восходят многие устойчивые стилистические клише, эпитеты и повторы, пословицы и поговорки, проклятия, благословения и клятвы, в различных фрагментах текста памятника сохранился собственно древнетюркский субстрат, в основном в виде мифологических представлений о мироустройстве (в частности, социальное устройство, эсхатологические представления, система ориентации по сторонам света, а также мантика). К подобным фрагментам можно отнести прежде всего прорицания, или благопожелания

[4] Это обусловлено неясностью поэтического характера самих древнетюркских памятников — по поводу данной проблемы существуют разные мнения (см., например, [Стеблева, 1965; Кляшторный, 2003б]). Так, И.В.Стеблева придерживается спорного мнения о поэтической природе древнетюркских памятников и утверждает, что сопоставление текста «Китаб-и дедем Коркут» с другими образцами тюркских литератур, в частности с древнетюркскими памятниками, вполне обоснованно: «...ближе всего к поэмам эпохи рунического стиха находятся, пожалуй, стихотворные тексты из „Китаб-и дедем Коркут“, которые дошли до нас в литературной обработке XV в., а не более поздней редакции», а сравнение текстов ряда тюркских эпических сказаний позволяет проследить эволюцию литературных форм [Стеблева, 1965, с. 64–65].

Коркута (*yöm*[5]), и сновидения героев эпоса. Они являются необходимой структурообразующей частью композиции сказаний «Китаб-и дедем Коркут». По словам В.М.Жирмунского, в основе прорицаний Коркута, «может быть, сохранились архаические, домусульманские по своему происхождению мотивы магического заклинания, но они перекрываются формулами, подсказанными вероучением ислама» [Жирмунский, 1974, с. 535].

Элементы традиционной тюркской картины мира в прорицаниях Коркута и сновидении Салор-Казана

Казалось бы, на фоне остальных составных частей прорицания именно эти благопожелания выглядят отражением мировоззрения, не затронутого влиянием ислама, и, следовательно, наиболее древними, т.е. являются той архаичной частью прорицаний, о которой писал В.М.Жирмунский. Это не совсем так. Благопожелательная формула — она же сердцевина прорицания Коркута — присутствует в концовках не всех сказаний, и это только подтверждает нашу гипотезу о ее домусульманском происхождении.

В финале VI сказания благопожелательные формулы отсутствуют, что дополнительно свидетельствует о явном домусульманском их происхождении. Но то, что они сохранились во всех других сказаниях, говорит о значительной их устойчивости. То есть в тех сказаниях, которые исследователи относят к наиболее поздним (сложившимся уже после прихода огузов в Малую Азию), такого благопожелания нет (есть сугубо мусульманские формулы), что, вероятно, также свидетельствует в пользу сохранения в прорицании архаических, доисламских элементов.

Перечисляемые в благопожеланиях Коркута объекты (реки, крепкое дерево, черные горы, шатер) имеют определенный круг значений

---

[5] В тексте Гёкъяя термин транскрибируется как *yöm* (*yöm vermek* — «давать прорицание»), у Шмиде — *yum* (соответственно «давать прорицание» — *yum vermek*). Шмиде полагает, что этот термин происходит от уйгурского *jum vermek* «закрыть, завершить» (при этом он ссылается на словарь Э.Н.Наджипа: *Necip E.N.* Yeni Uygur Türkçesi Sözlüğü. İstanbul, 1995, см. [Schmiede, 2000, с. 196]). Иными словами, сентенциям Коркута отводится композиционная роль завершения сказания. Гёкъяй, также возводя это выражение к уйгурскому, считает, что *yom vermek* означает «желать счастья, благополучия» [Dedem, 2000, с. 314], т.е. давать благословение. В таком случае наша трактовка прорицаний Коркута как благопожеланий основывается на мнении Гёкъяя. Структуру благопожелания Коркута см. [Аникеева, 2002].

в обрядах и мифологических преданиях многих тюркских народов. Как пишет Б.Огель, культ гор у тюрков был неотъемлемой частью культа Земли-Воды (*йер-су*) [Ögel, 1971, с. 278]. А культ священных вершин зафиксирован еще у древних тюрков («Культ священных вершин был частью общего культа Земли-Воды у древнетюркских племен» [Кляшторный, 1981, с. 134]).

Вообще, чрезвычайно распространенное у многих тюркских народов почитание гор носит ярко выраженный родовой характер [Традиционное, 1990, с. 35; Кызласов, 1982]. Имя родовой горы принадлежало к числу маркеров рода, как бы космологизировало его портрет [Традиционное, 1990, с. 35]. Дерево, как и гора, также было одним из важнейших маркеров рода у тюрков Южной Сибири. Иногда даже говорят об «одержимости» тюрков идеей дерева [Традиционное, 1990, с. 43]. «В представлениях тюрков Южной Сибири, гора и дерево заменяют и дополняют друг друга» [Традиционное, 1990, с. 32]. Примеров можно приводить очень много, наиболее характерные обнаруживаются в обрядовом фольклоре тюрков Южной Сибири, в частности у шорцев. Во-первых, гора и вода (*su*) упоминаются в неразрывной связи в рассказах, носящих характер этиологического мифа: «Давным-давно было. *Кудай гору-воду создал*, зверя-птицу создал, человека создал» [Дыренкова, 1940, с. 285] (здесь и далее курсив в цитатах наш); «Давным-давно тому назад было. *У подножия тайги*[6], *на берегу воды*, юрту поставив, мать и ребенок жили» [Дыренкова, 1940, с. 289]. Исходя из этого традиционного зачина, где в первом случае это почти формула, гора и вода вместе понимаются как определенная константа картины мира, как главные «ориентиры» обитаемого мира. Это прослеживается и в тексте родового моления горам и водам: «*Текущая вода зашумела, Могучая тайга заревела*, Листья великого дерева свесились... Проснувшимся *горе и воде* кропление да будет!» [Дыренкова, 1940, с. 339]. В «Китаб-и дедем Коркут» река обозначается тем же словом, что и вообще вода, — *su*.

В другом шорском тексте — молитвенного характера (обращение к духам), где есть и ритмическая организация, мы встречаем уже почти буквальное совпадение с текстом «Китаб-и дедем Коркут»; шорский текст: «На быстро текущей воде переправу дай!» (имеет смысл привести остальной текст: «С белой тайгой разговаривая, С текущей водой за руки берясь, — Если в белую тайгу охотиться поднимусь, Со зверем-птицей встретиться дай! Если в белую тайгу, охотясь, отправлюсь, Счастливый путь дай! В сеть, ловушку зверь-птица твоя пусть

[6] Слово «тайга» в тюркских языках означает «гора, поросшая лесом».

приходит!..» Здесь мы вновь видим уже упомянутое единство реки-воды — дерева — горы) [Дыренкова, 1940, с. 339]; в «Китаб-и Коркут»: «...пусть (бог) даст тебе подняться, *пусть даст переправиться через обагренные кровью реки*» / *Kanlu Kanlu sulardan geçit versün* (VIII, Песнь о том, как Бисат убил Депе-гёза [Книга Коркута, 1962, с. 83]).

Иными словами, основной функцией этих знаков (горы и дерева) в самом широком культурном контексте тюркской традиции является маркировка социального устройства, родовой принадлежности. Эта функция очень устойчива и существует как у тюркоязычных народов Южной Сибири, так и в Средней Азии, где сохраняется в форме почитания мусульманских святынь. В «Китаб-и дедем Коркут», как мы видим на примере прорицаний, гора (*dağ*), дерево (*ağaç*) и река (*su*) также в первую очередь очерчивают родовое (а следовательно, и личное) пространство, дополнительным подтверждением чему является использование аффикса принадлежности (*ağacun, suyun, dağlarun, atun* и т.п.). В тексте «Китаб-и дедем Коркут» есть прямое указание на это: «Брат, вершина моей черной горы!» (X, Песнь о Секреке, сыне Ушун-Коджи [Книга Коркута, 1962, с. 91]), «Сын, вершина моей черной горы! Сын, разлив моей обагренной кровью реки!» / *Kara dağun yüksegi oğul Kanlu suyun taşkunu oğul* [Dedem, 2000, с. 68] (IV, Песнь о том, как сын Казан-бека Уруз-бек был взят в плен). Названия этих объектов относятся к пратюркскому слою лексики [Грамматика, 2001, с. 724–726], что еще раз свидетельствует об их универсальности.

Согласно представлениям древних тюрков, весь мир и люди, которые его населяют, образовывают тюркское государство, а каган мыслится как повелитель всего мира [Ögel, 1971, с. 274]. Нарушение же миропорядка, согласно представлениям орхонских тюрков, влечет за собой потрясения и нарушает жизнь государства, общества; мятеж бегов приравнивается к космической катастрофе [Кляшторный, 1981]. «Миф о космической катастрофе (этот сюжет С.Г.Кляшторный выделяет как часть мифотворческого цикла, относящегося к космологии. — *Т.А.*) в памятниках Орхона представлен намеками, в постулируемой связи между неурядицами среди людей и потрясениями в окружающем мире. Всякое нарушение мирового порядка влечет за собой потрясения в государстве... Еще худшие последствия, гибель государства, могут повлечь за собой два события — мятеж бегов и народа или бедствие, когда небо „давит“, а земля „разверзается“ (КТб, 22). Здесь мятеж приравнен к космической катастрофе, представление о которой выражено традиционной формулой мифологического повествования» [Кляшторный, 1981, с. 123]. Согласно М.Уразу, конец света представ-

ляется алтайцам следующим образом: земля будет сожжена огнем, идущим изнутри, воды наполнятся кровью, горы сокрушатся, небеса расколются [Uraz, 1967, с. 73]. В телеутских и «урянхайских» (тувинских) рассказах о конце света говорится о нарушении общественного порядка как об одном из первых его признаков: «Когда придет кончина века, Небо затвердеет, как железо, Земля, как мощь, будет тверда, Царь на царя восстанет, Народ на народ будет злоумышлять. Твердый камень сокрушится, Крепкое дерево раздробится, Все народы возмутятся... Отец дитя свое не спознает, Сын не будет узнавать отца», «Наследство и родство пресекутся» [Вербицкий, 1893, с. 114, 115]. У тюрков конец света понимался как крах социального устройства, основой которого был род, кодирующийся в культуре, как мы показали выше, через определенные объекты окружающего мира, выполняющие ту же функцию в прорицаниях «Китаб-и дедем Коркут».

Это иллюстрируют и примеры из остального текста «Китаб-и дедем Коркут»:

Argab argab *kara dağıñ yıkılmışıdı*, yüceli âhır
Kanlu kanlu sularıñ soğulmışıdı, çağladı âhır
Kaba ağacıñ kurumışıdı, yeşerdi âhır (Dedem, 2000, с. 55).

«*Твоя черная гора шаталась*, шаталась и обрушилась; (вновь) поднялась она наконец! *Твои обагренные кровью воды иссякли*; (вновь) зажурчали они наконец! *Твое крепкое дерево засохло*; (вновь) зазеленело оно наконец!..» (III, Песнь о Бамси-Бейреке, сыне Кан-Буры).

Жена Казана — Бурла-хатун говорит своему мужу:

Ilgayuban *kara dağum yıkan* Kazan
Gölgelice kaba ağacum kesen Kazan
Bıçak olup kanadlarum kıran Kazan
Yaluñuz oğlum Uruza Kıyan Kazan (Dedem, 2000, с. 72).

«Повернувшись, *мою черную гору ты сокрушил*, Казан; *мое тенистое крепкое дерево ты срубил*, Казан; *взяв нож, ты разрезал части решетки моего шатра*, Казан; моего единственного сына Уруза ты погубил, Казан» (IV, Песнь о том, как сын Казан-бека Уруз-бек был взят в плен).

Эти же формулы (только как бы в «перевернутом» виде), являясь своего рода метафорами, передают социальную ситуацию (в первом случае — возвращение Бамси-Бейрека «в орду своего отца» из плена, во втором — предполагаемую гибель сына).

Эти благопожелания напоминают также представления древних тюрков об Отюкене (Ötüken) — прекрасном крае с горами, лесами и

реками, где «совсем нет горя» и где «ты можешь жить, созидая свой вечный племенной союз» (памятник Кюль-Тегину — см. [Малов, 1951]). По представлениям орхонских тюрков, Отюкен — центр космологической модели мира древних тюрков — находился к востоку от их государства [Ögel, 1971, с. 278; Кляшторный, 2003а, с. 241]. С одной стороны, есть представление об Отюкене как о счастливой земле, идеальном месте для жилья; с другой стороны, судя по некоторым текстам, «Отюкенская чернь» (т.е. земля Отюкена) — вполне определенное, конкретное место[7]. Как пишет Б.Я.Владимирцов, орхонское Ötüken имеет соответствие в старописьменном монгольском языке в форме etügen~ ötügen со значением «Земля», «Земля-владычица, божество земли» (это слово известно и в некоторых живых монгольских наречиях, например в восточнохалхаском етӯгӯн). Монгольское ötügen~етӯгӯн «является шаманским божеством» и встречается лишь в шаманских или полушаманских текстах призываний [Владимирцов, 1929, с. 134]. Следовательно, земля рассматривается как священная, божественная [Владимирцов, 1929, с. 134]. Согласно Б.Я.Владимирцову, орхонское и монгольское ötügen (одно — название местности, другое — название божественной земли) принадлежат области шаманских верований, представлений, шаманских наименований [Владимирцов, 1929, с. 135].

Таким образом, упомянутые в прорицаниях Коркута (а именно в центральной их части, обрамленной формулами мусульманского характера) объекты отсылают к традиционной тюркской социальной картине мироустройства (род) и в то же время в самом благопожелании Коркута реконструируется эсхатологическая модель древней тюркской мифологической системы.

О крушении миропорядка, переданном уже через предметный код сновидения, повествует и вещий сон Салор-Казана (II, «Песнь о том, как был разграблен дом Салор-Казана» — одно из наиболее ранних по времени сказаний, составляющих «Китаб-и дедем Коркут»). Сам по себе мотив вещего сновидения в «Китаб-и дедем Коркут» является архаическим[8]. Х.Кёксал относит мотив сна к числу так называемых

[7] «Из орхонских надписей известно, что так называлась горная цепь в Монголии, близ Орхона» [Бартольд, 1968, с. 207].

[8] У многих тюркских народов существовала и существует в рамках более общей мантической традиции развитая традиция толкования снов, которая нашла отражение в различных формах фольклора. Отношение к сну как к способу получения знаний о будущем, по всей видимости, является универсальным для тюркских народов. Так, в Южной Сибири состояние сна рассматривается как получение вещих знаний и сопоставимо с шаманским трансом [Традиционное, 1990, с. 105]. Это, в свою очередь, связа-

базовых, основных мотивов тюркского эпоса вообще, выделяя группу мотивов, которые восходят к доисламскому времени [Köksal, 1984; Köksal, 1985, с. 26]. К их числу отнесено и сновидение, предсказывающее будущее эпического героя. Надо сказать, что тема сновидения в турецкой/тюркской фольклорной системе существует в двух жанровых разновидностях, хотя восходит, по всей видимости, к одной общей традиции гадательных книг и снотолкователей. В турецких народных повестях (hikâye) и некоторых эпических произведениях (таких, как распространенный у многих тюркских народов эпос «Кёроглы» или туркменский «Саят и Хемра»), где наиболее четко прослеживается влияние ислама, сновидение становится важным структурообразующим элементом сюжета и характеризуется определенным набором признаков, позволяющих возводить его к обряду шаманской инициации (см., например, исследования И.Башгёза). В некоторых эпосах тюркских народов («Китаб-и дедем Коркут», «Манас») наряду с первым типом присутствует более архаический, на наш взгляд, тип повествования об увиденном сне, не играющий значимой роли в сюжете, но в символической форме предвещающий будущее героя (как правило, беду); образная система такого сна тесно связана с мифологическими представлениями тюркских народов.

В сне Салор-Казана основные концепты оказываются связанными по своему значению с понятиями жилища, государства, социального устройства. Слово **ordu/orda* (Düm kara pusarık ordumun üzerine dökülür gördüm «Я видел, что мелкий дождь и туман проливаются над моей ордой») этимологически почти во всех тюркских языках имеет круг значений «становище, местопребывание, место стоянки, ставка хана» [Грамматика, 2001, с. 495]. Э.В.Севортян возводит это слово к глаголу *orut-* «располагаться лагерем, останавливаться»; соответственно одно из значений слова *ordu* — «войско» — распространено и сохранилось в древнетюркском, османском, турецком, азербайджанском, крымско-татарском языках [Грамматика, 2001, с. 563], т.е. в тюркских языках огузской группы. В «Китаб-и дедем Коркут» *ordu* означает «свита, сопровождение бея» [Грамматика, 2001, с. 563].

Помимо ordu в значении «становище» в сне Салор-Казана встречается и словосочетание ag ban ev (ag ban ev или ag ev вообще довольно часто встречается в «Китаб-и дедем Коркут» в значении «жилище кочевника» [Dedem, 2000, с. 158]), т.е. «дом с белой крышей» (gökden

но с одной из основных характеристик традиционной тюркской культуры: «Для носителей мифологического сознания мир, понимаемый как „ты", являлся полноправным участником диалога» [Традиционное, 1990, с. 104].

ıldırım *ağ ban evüm* üzerine şakır gördüm «с неба молния поражает мое жилище с белым верхом»), который поражается молнией. В древнетюркской книге гаданий «Ырк Битиг» образ полностью разрушенного, сгоревшего жилища символизирует дурное, нехорошее: Uluγ äb örtänmiš, qatyŋa tägi qalmaduq, bökiŋä tägi qodm(ad)uq, — tir, anča biliŋlär: jablaq ol! «Большой дом, говорят, сгорел. Не осталось даже и забора (крыши?). Так знайте: это дурно!» [Малов, 1951, с. 86].

Кроме того, «Ырк Битиг» напрямую связывает достаточно абстрактное понятие «разрушение» с понятием государства: Qara jol täŋri män synuquŋun säpärmän üzüükiŋin ulajur män *ilig itmiš män*... «Я черное божество судеб. Твое сломанное я поправляю! Твое разорванное я соединяю! *Я устроитель государства*...» [Малов, 1951, с. 90].

Что касается образа волка в сне Салор-Казана, то вообще в тюркской мифологии он крайне неоднозначен и противоречив[9]. Один из его многочисленных аспектов связан с эсхатологическими мотивами: согласно астрономическим представлениям древних тюрков, созвездие Малая Медведица представляет собой повозку, влекомую двумя лошадьми; в упряжи Большой Медведицы находятся семь волков, которые гонятся за лошадьми. Если они догонят и схватят их, то нарушится земной и небесный порядок и наступит конец света [Ögel, 1971, с. 50]. В хакасских приметах о снах волк предстает как предвестник злого духа: «*Увидеть волка — значит придет дьявол*» [Образцы, 1907, с. 463].

В ответ на просьбу Салор-Казана истолковать сон его брат Кара-Гюне отвечает: «Ты говоришь о черной туче — это твое счастье; ты говоришь о снеге и дожде — это твое войско; волосы — забота, кровь — черное (бедствие); остального истолковать не могу, пусть аллах истолкует» (II, Повесть о том, как был разграблен дом Салор-Казана). Характерно, что истолковываемые им объекты сновидения в ряде тюркских гадательных традиций указывают на беду.

Словосочетание *düm kara pusarık* (букв. «совершенно черный туман, дымка») переведено В.В.Бартольдом как «мелкий дождь и туман». Слово *pusarık* имеет в основном значения «очень густой туман (похожий на воду)», «пасмурная, облачная погода», «дымка» [Clauson, 1972, с. 374; Dedem, 2000, с. 271]. По приметам хакасов, видеть во сне теку-

[9] Волк, как и собака, является одним из важных символов в тюркской мифологической системе. Более подробно об образе волка в тюркской мифологии см. [Ögel, 1971, с. 42–52]. Надо отметить, что в «Китаб-и дедем Коркут» также содержатся указания на противоречивость образа волка: с одной стороны, в сне Салор-Казана волки становятся предвестниками беды, с другой — «лицо волка благословенно».

щую воду «предвещает хорошо» [Образцы, 1907, с. 463]. Однако в то же время на тюркском материале хорошо прослеживается соотношение между мутной, темной субстанцией (вода–дым–туман), увиденной во сне, и плохим предзнаменованием для спящего[10]. Это видно и на упомянутом примере из «Китаб-и дедем Коркут», и на материале уйгурского сонника: «...видеть во сне огонь вместе с черным дымом — к беде... видеть себя в темной буре или вихре — терпеть зло от тиранов» [Пантусов, 1901, с. 39–40]. Согласно поверьям современных турок, увиденная во сне грязная и мутная вода предвещает смерть [Örnek, 1977, с. 209–210].

Снег и дождь (*kar ile yağmur*), как говорит Кара-Гюне, означает войско (хотя, как уже было замечено, собственно в рассказе Салор-Казана фигурирует туман). В уйгурском соннике, который приводит Н.Н.Пантусов, «видеть во сне снег — пойти на войну» [Пантусов, 1901, с. 40]. Хакасские приметы о снах говорят, что «если увидеть, что идет дождь, то будут литься слезы» [Образцы, 1907, с. 462].

В сне Салор-Казана все предвещает недоброе: он видит, как всевозможные бедствия происходят с ним самим, его домом и его людьми, и масштаб катастрофы обретает практически вселенский характер. Таким образом, здесь вновь встречается эсхатологический мотив конца света как разрушения государства.

В сновидении Салор-Казана сохранились и другие образы, которые не имеют прямых параллелей с древнетюркской мифологией, однако отсылают к другим архаическим представлениям — о злой, нечистой силе. Так, в том же тексте встречается эпитет *karakura* «черный зловещий (сон)». Согласно указателю к «Китаб-и дедем Коркут», составленному Гёкъяем, эпитет *karakura* встречается в эпосе только один раз — применительно ко сну Салор-Казана (karakura düş = kara kaygulu vakia); выражение «kara kuru düş görmek» означает «видеть страшный сон, кошмар, чувствовать во сне тяжесть» [Dedem, 2000, с. 237].

[10] Так, в совершенно иной культурной традиции — славянской в толковании снов, предвещающих смерть, играют важную роль, по словам С.М. Толстой, также концепты, связанные с водой: «...видеть во сне воду, особенно мутную, темную, идти через воду, брести по воде... всегда толкуется как знак смерти: „Черная вода снится и не переплывешь ее — к смерти“» [Толстая, 2002, с. 201]. По мнению С.М.Толстой, эта ассоциативная связь воды и смерти объясняется мифологическими представлениями славян о переправе умерших через воду и ролью воды в самом похоронном славянском ритуале [Толстая, 2002, с. 201]. Этот мотив сна, в котором спящему является текущая вода как предвестник смерти, конечно, отнюдь не является универсальным, и проводить широкие параллели сложно — тем более между абсолютно разными культурными традициями (такими, как славянская и тюркская).

В своем исследовании, посвященном «Китаб-и дедем Коркут», О.Гёкъяй упоминает этот эпитет, говоря о том, что слово «karakura» означает злого духа, который, согласно современным турецким поверьям, бытующим в Анатолии, мучает спящих людей [Dedem, 2000, с. CCCII]. Более подробно о поверье говорится у В.А.Гордлевского: «...*каракура* — это животное вроде кошки, она садится на человека, когда он спит. Спящий ощущает тяжесть, теряет голос, не может повернуться, дыхание его обрывается» (записано им от уроженца Аяша, Анкарского вилайета). Чтобы *каракура* ушла, необходимо прочесть 1-й аят из 113-й суры Корана, а чтобы она не приходила, под подушку кладут нож или кусок железа» [Гордлевский, 1968, с. 308]. Современные турецкие поверья сохранили отголоски мифологических представлений огузов; в то же время, если уже в «Китаб-и дедем Коркут» слово *каракура* является не более чем эпитетом, возможно, этот неясный образ — отражение еще более древних мифологических представлений[11].

Сны в «Китаб-и дедем Коркут» содержат в себе многие элементы традиционной тюркской картины мира и воспроизводят традиционные тюркские мифологемы. Кроме того, они, по всей видимости, являются одним из самых устойчивых элементов текста памятника, в которых влияние ислама отражено в наименьшей степени.

Система пространственной ориентации в «Китаб-и дедем Коркут»

Одной из наиболее важных составляющих картины мира является система пространственной ориентации, которая частично сохраняется в «Китаб-и дедем Коркут». Так, в «Песне о том, как Бисат убил Депе-Гёза» (VIII) Бисат произносит следующие слова: «Место, где я остаюсь, откуда поднимаюсь, — Гюн-Ортач; когда я заблужусь в темную ночь, моя надежда — Аллах; поднимающий крепкое знамя хан наш — Баюндур-хан...» (kalarda koparda yerüm *gün ortaç*// Karañu dün içre yol azsam umum Allah// Kaba alem götürün ḫanımız Bayındur Ḫan [Dedem, 2000, с. 113]). Слово «Гюн-Ортач» (*gün ortaç*) В.В.Бартольдом идентифицируется как название места (см. его примечание: предположи-

[11] В принципе образ неперсонифицированного ночного духа, являющегося к человеку во сне и душащего его, универсален для многих народов (мара у германцев, ламия и пр.) и имеет хорошо исследованную психическую природу (см. [Михайлова, 2002, с. 310–327]). Т.А.Михайлова относит к этим «ночным гостям» и тюркскую *Албасты*, однако *Албасты* как демонологический персонифицированный образ к подобным духам едва ли относится.

тельно Günortaç — местность в Карабахе); Гёкъяй, по всей видимости, также считает, что это географическое название (см. [Dedem, 2000, с. 332–338]). Хотя В.В.Бартольд отмечает, что буквальный перевод этого названия — «там, где солнце в зените», он все же предполагает, что *gün ortaç* — это географическое название конкретного места. Гёкъяй вскользь упоминает о возможной связи названия с обозначением сторон света у тюрков (со ссылкой на Фахреттина Челика [Dedem, 2000, с. CCXXIX]). И, как нам кажется, с большей степенью вероятности можно предположить, что в данном случае *gün ortaç* сохраняет основное значение, которое не приведено Бартольдом. Согласно ДТС (см. то же в этимологическом словаре Клосона), одно из значений словосочетания *kün ortu* — «юг, полуденный (южный)» [Древнетюркский, 1969, с. 326; Clauson, 1972, с. 725].

Например, в текстах буддийского содержания из Турфана (уйгурским письмом): «...alngadturyu saqïnč [:] kün ortu ödün *kün ortu* yïngaq yuz-länip ät'üz tägšürüp burqan ät'üz-in blgürtip» (Türkische, 1931, A_{88-89}, с. 10, «медитация на ослабление (демонов)»[12]). См. также тексты, посвященные движению планет, расположению созвездий, содержащие и сведения астрологического характера: «kün ordu-ta asursar...» [Türkische, 1936, с. 44–45 (№ 35, стк. 14, 45, 55: «когда [человек] в полдень [поселяется]»[13])].

В следующем, IX сказании «Китаб-и дедем Коркут» — «Песне об Амране, сыне Бекиля» имеются строки, переведенные В.В. Бартольдом следующим образом: «Жена тут заговорила — посмотри, хан мой, что она говорила: „...*оглядываясь назад*, ты поднялся на пеструю гору с крутым склоном; *оглядываясь назад*, ты переправился через многоводную прекрасную реку; *оглядываясь назад*, ты пошел в диван Баюндур-хана с белым челом...“ [Бекиль заговорил — посмотрим, хан мой, что он говорил: „Я поднялся и встал со своего места; я сел на своего черногривого кавказского коня; *оглядываясь назад*, я поднялся на пеструю гору с крутым склоном; *оглядываясь назад*, я рассек многоводную прекрасную реку, переправился через нее...“» (IX, Песнь об Амране, сыне Бекиля) [Книга Коркута, 1962, с. 84–85].

Текст оригинала:

Kalkubanı yerüñden duru-geldüñ
Arku bili Ala Dağdan dünün aşduñ
Akındılı görklü sudan dünün geçdüñ

[12] «Meditation zur Schwächung (der Dämonen). Zur Mittagzeit sich den Süden wendend (поворот), den Körper verändernd und (ihn als) einen Buddhakörper erscheinen lassend...».

[13] «Wenn Man am Mittag niest...».

Ağ alınlı Bayındur Hanun divanına dünün varduñ...
Begil soylamış, görelüm Hanum ne soylamış, aydur:
Kalkubanı yerümden duru-geldim
Yelesi kara Kazılık aluma butun bindüm
Arku beli Ala Dağdan dünün aşdum
Akındılı görklü suyu delüp dünün geçdüm
Ağ alınlı Bayındur Hanun divanına çapar vardum (Dedem, 2000, c. 116–117).

В примечаниях к этому отрывку текста выражение «оглядываясь назад», как отмечает Бартольд, также может быть переведено «ночью» — его прямое лексическое значение [Книга Коркута, 1962, с. 276].

Одно из значений слова *dün* в тюркских языках — север (наряду с основным — ночь), что связано с одним из традиционных способов ориентации у тюркских народов (см. ниже). В «Дафтар-и Чингиз-наме» есть топоним Tün Dengizi — Северное море (das Nördliche Eismeer — в указателе к этому памятнику): güzäl kemä birlä Tün Dengizinä salïb yibäräling [Däftär-i Čingiz-nämä, 2002, c. 34]. В «Огуз-наме» северная сторона также обозначается как «сторона ночи»: андан соң ӱчägӱсӱ таң сарïҕа бардïлар, такї ӱчägӱсӱ сарïҕа тӱн бардïлар («и затем трое из них пошли по направлению восхода, еще трое отправились *в сторону ночи*», т.е. на север [Щербак, 1959, с. 58–59]).

Кроме того, в данном случае словосочетание *arku beli*, переводимое В.В.Бартольдом как «оглядываясь назад», может иметь другие, более подходящие по смыслу значения. В «Родословной туркмен» Абу-л-Гази есть такая фраза: «В 1040 (=1630–1631 г. н.э.) с северной стороны, из иля калмыков прибыло десять тысяч кибиток» [Кононов, 1958, с. 44]). Словосочетание *arka tarafindan* (آرقا طرفندين) переведено А.Н.Кононовым как «с северной стороны» и сопровождается большим комментарием. А.Г.Туманский переводил «из тыльной стороны» (ср. перевод В.В.Бартольдом выражения *arku beli*), ссылаясь на тот факт, что у тюркских народов Средней Азии это выражение (*арка тараф*) употреблялось для обозначения той страны, из которой тот или другой народ полагает себя вышедшим; туркмены этой страной считают берега Сырдарьи [Кононов, 1958, с. 88]. А.Н.Кононов приводит достаточно много примеров, свидетельствующих о том, что слово *арка* в различных тюркских языках помимо первого значения «зад, назад, тыльная сторона» имеет значение «север»[14] [Кононов, 1958, с. 88]. Исторический контекст (Сырдарья находится на севере от территории расселе-

[14] Этот корень сохраняется, в частности, и в монгольском языке, с тем же значением: «северная сторона (горы)» [Кононов, 1958, с. 88].

ния туркмен) и наблюдения над лексикой этих языков, заключает А.Н.Кононов, позволяют переводить словосочетание *арка тарафы* не как «тыльная сторона», а как «северная сторона» [Кононов, 1958, с. 88][15].

Таким образом, словосочетание *arku beli* явно сохранило в себе отзвуки традиционной тюркской системы ориентации, по которой север обозначается описанным ранее способом. Само слово *bel*, имеющее значение «поясница», также может означать и «холм» [Древнетюркский, 1969, с. 93].

У древних тюрков существовало, а у некоторых тюркских народов сохраняется и по сей день несколько линейных способов ориентации в пространстве (помимо цветовой геосимволики), характеризующихся позицией относительно солнца: лицом к восходящему солнцу (на восток), лицом к полуденной стороне (т.е. к солнцу в зените, *күн орту* — на юг), лицом к полуночной стороне — *түн орту* [Кононов, 1978, с. 73]. Известно, что в ряде тюркских языков северная сторона ассоциируется с понятием темноты и обозначается словом *түн* — «ночь». Ориентация на солнце в зените, т.е. на юг, по мнению А.Н.Кононова, является отражением древнего культа Юга у тюркских народов, вытеснившего (не полностью) культ Востока, восходящего солнца [Кононов, 1978, с. 78].

У тюрков также существовал способ определения позиции на местности по вертикальной линии «верх–низ», который, как пишет А.Н.Кононов, соединил в себе две идеи[16]: восток и запад определяются по вертикали (вверх–вниз), юг и север — по горизонтали (вперед–назад) путем обращения к полуденной стороне небосклона. Этот способ ориентации сохранился в современном туркменском языке, у сарыг-югуров (желтых уйгуров), саларов и хакасов [Кононов, 1978, с. 83]. То есть, как мы видим, у народов, принадлежащих к совершенно разным тюркским языковым группам. В данном случае исходная позиция лицом к югу, при которой север оказывается позади, связывается с культом полуденного солнца, Юга [Кононов, 1978, с. 84].

---

[15] Ср. *arha* (тофалар.) — «северный склон горы» [Кононов, 1958, с. 88].

[16] Кроме того, при обозначении сторон света по вертикали возможны две исходные позиции: на восток (верх — восток, низ — запад) и на юг (верх — юг, низ — север) [Кононов, 1978, с. 84]. Эта система ориентации сохраняется и по сей день в фольклоре, в частности в Восточном Туркестане; см., например, современные записи текстов саларского фольклора, сделанные Э.Р.Тенишевым в конце 50-х годов [Тенишев, 1964, с. 102]: «Этот юноша подумал: „У меня нет ни отца, ни матери, ни старшего, ни младшего брата, ни старшей, ни младшей сестры. [Пойду-ка] *я на юг* (букв. *вверх)* поищу старшего брата и *на север* (букв. *вниз*) (курсив мой. — *Т.А.*)».

Можно сказать, что «Китаб-и дедем Коркут» сохранил некоторые указания на последний способ вертикальной ориентации, что подтверждается приведенными выше текстами и связью рассмотренных словосочетаний с пространственным местоположением (*«оглядываясь назад*, ты поднялся...», «Место, где я остаюсь, откуда поднимаюсь, — Гюн-Ортач»).

В то же время в памятнике практически отсутствует ориентация по сторонам света, связанная с исламом, — т.е. в сторону Мекки/Кыблы[17], как отсутствуют и такие географические образы, связанные с мусульманской мифологией, как, например, гора Каф[18]: «...ориентация на юг как реальное проявление культа Юга у тюркских народов, принявших ислам (VIII–IX вв.), была подкреплена традиционной мусульманской ориентацией на киблу» [Кононов, 1978, с. 79]. В то же время в другом огузском эпическом памятнике — туркменском «Гёр-оглы», получившем, конечно, более позднее оформление, этот образ, равно как и ориентация на Кыблу, занимает значительное место[19].

Таким образом, в «Китаб-и дедем Коркут» сохранились отзвуки архаической системы ориентации на полуденное солнце, использовавшейся древними тюрками и являющейся, в свою очередь, отражением культа Юга у тюркских народов. По приведенным выше примерам и сопоставлениям можно судить об устойчивости этой системы и о том, что она сохраняется даже спустя длительное время, несмотря на влияние ислама (в том числе и в таких сочинениях несколько иного жанра, как «Родословная туркмен» и «Дафтар-и Чингиз-наме», относящихся к гораздо более позднему времени).

---

[17] Мекка упоминается в «Китаб-и дедем Коркут» несколько раз: во вступлении, которое, несомненно, имеет значительно более позднее происхождение, чем сами сказания («В низком месте построенному дому божьему — Мекке слава!»), но нигде связь со способом ориентации в пространстве не прослеживается.

[18] Этот образ, предположительно имеющий иранские корни, играл важную роль не только в собственно мусульманской мифологии и в арабском фольклоре (также в персидском и фольклоре ряда тюркских народов), но и в арабской географической традиции: «...впоследствии, когда у арабов, главным образом в космографически-сказочной литературе, появилось шедшее, вероятно, из иранских кругов представление о горной цепи Каф, окружающей землю, делались попытки обосновать его коранического учением о горах...» [Крачковский, 2004, с. 45].

[19] Например:

— Видишь вон ту крепость, сын мой?

— Вижу.

— Коли видишь, [знай:] это гора Кап (*ине Кәйи-Кап шол*). Достиг ты [своей цели], сын мой, не щадил ни себя, ни коня... Войдешь в ворота, обращенные к кыбле (*кыбла дервези-синден барсаң*), [и увидишь], что порог [пери] охраняет дракон [Гёр-оглы, 1983, с. 438].

«В стороне кыблы (*кыбласында*) есть у него озеро Айдын-коль, куда он выезжает на охоту» [Гёр-оглы, 1983, с. 492].

Элементы исламского мировоззрения

Что касается мусульманской составляющей «Китаб-и дедем Коркут», то ее принято четко отделять от собственно тюркской основы сказаний; исследование влияния ислама на этот памятник представляет собой отдельную тему, и мы не будем на ней останавливаться (равно как и на персидских заимствованиях, которые, как правило, отражают целый культурный пласт, возможно имеющий отношение к иранским и среднеазиатским доисламским верованиям — в первую очередь к зороастризму, — а также связь с шиизмом, распространенным на территории Малой Азии и Ирана). Следует отметить только, что влияние ислама, которое повсеместно прослеживается в «Книге моего деда Коркута», вовсе не так однозначно: мусульманские составляющие не содержат указаний на время, когда они были заимствованы, и не обязательно относятся к периоду оседания огузов в Малой Азии.

Прежде всего, к этим мусульманским составляющим принято относить образы, характерные для мусульманской моралистической литературы (т.е. книжные по происхождению), и специфическую лексику, заимствованную из арабского и персидского языков[20], а также клишированные словосочетания (об этом подробнее см. [Аникеева, 2003]). Кроме того, большой интерес представляют образы, очевидно находящиеся под влиянием мусульманской мифологии, например Нимрод в обращении Уруза к Богу («Нимврод пустил стрелу в небо; ты противопоставил ему рыбу со светящимся брюхом»). Нимрод (Namrut) — фигура, которая играет большую роль как в мусульманской, так и в христианской мифологии, где он предстает как пример тирана и насильника, посмевшего противиться воле Бога[21]. Легенда о Нимроде столь широко распространена по всему ареалу культурного влияния ислама, что встречается и в текстах из Турфана (большинство этих текстов создано под влиянием буддизма). Эти несколько строк приве-

[20] Арабские лексические заимствования свойственны «Китаб-и дедем Коркут»; О.Гёкъяй пишет, что лексические заимствования в «Китаб-и дедем Коркут» в основном из арабского языка и все они так или иначе связаны с исламом [Dedem, 2000, c. CCIV].

[21] Согласно мусульманской версии легенды о Нимроде, он «пытается взлететь на небо в ящике на четырех орлах, вскормленных мясом. Потеряв из виду землю, Нимрод пускает в небо стрелы; их ему возвращает архангел Джибрил (Габриил), и Нимрод думает, что он ранил самого бога» [Мифы, 1980, с. 219]. Такую же версию мусульманской легенды (а также ее корни и развитие) приводит The Encyclopaedia of Islam (более подробно см. Isl., также [Dedem, 2000, c. CCLXXXIII–CCLXXXIV]). Упоминания о Нимроде также часты в арабском эпическом фольклоре — в длинном прологе народного романа «Сират Антара».

дены у Р.Арата: eng kiçig eng küçsüzni idgay-men. Ol barıp nem[rudnung...] kirgey tip tidi. Çibinden eng kiçig çibin[ni idti]. Sen bargıl, nemrudni bat öldürüp kelgil tip [Arat, 1991, с. 245] «(Бог) сказал: „Из моих творений я отправлю самое маленькое и бессильное; оно пойдет (к Немруду)"... из мух он отправил самую маленькую муху и сказал: „Иди и, быстро убив Немруда, возвращайся!"».

Заслуживает внимания словосочетание *Kaadir Taŋrı* («Всемогущий Бог»), встречающееся в прорицаниях Коркута. Арабское слово *kaadir* (قادر) — «могущественный» в исламе является одним из основных 99 эпитетов Аллаха; само слово «Бог» в «Китаб-и дедем Коркут» передается как *Taŋrı*[22], которое является древнейшей лексемой, обозначающей Небо-Бога, возможно еще дотюркского периода, восходящей ко II тыс. до н.э. [Clauson, 1972, с. 523]; понятие *kök teŋri* (т.е. «Голубое небо» как божество), в свою очередь, есть «неотъемлемый конструкт мифологемы Вселенной у тюрков» [Грамматика, 2001, с. 627]. М.Н.Серебрякова пишет, что с распространением ислама среди западных тюрков культ Тенри совершенно слился с монотеистическим культом Аллаха и, хотя эти две величины неравнозначны, «культ центрального бога древнетюркского пантеона» оказал влияние на развитие образа Аллаха у турок [Серебрякова, 1992, с. 67]. Здесь, в «Китаб-и дедем Коркут», как раз ясно видно это слияние на примере словосочетания *Kaadir Taŋrı*.

Не имеет смысла останавливаться на всех подобных случаях, необходимо только заметить, что сказания, составившие «Китаб-и дедем Коркут», вобрали в себя те элементы исламского мировоззрения, которые уже находились под сильным влиянием иных культурных традиций, прежде всего тюркских. В частности, упомянутые клишированные словосочетания заимствовались опосредованно и стали общим местом в уже собственно тюркоязычных литературах. Такова метафора жизни как каравана: «Дед мой Коркут сложил песнь, сказал слово; эту былину он сложил, он составил. Так он сказал: они пришли в этот мир и прошли; так караван останавливается и снимается; их похитила смерть, скрыла земля; за кем остался тленный мир?» (Anlar daḫı bu dünyaya geldi geçdi; kervan gibi kondu göçdü. Anları dahı ecel aldı, yer gizledi. Fani dünya kime kaldı). Эта же метафора встречается и у Абу-л-Гази в «Родословной туркмен»: «*Подлинно, этот мир похож на караван-сарай, [а] чада Адамовы похожи на караван: одни кочуют, другие останавливаются на стоянку*» [Кононов, 1958, с. 45]. По мнению ис-

[22] Наряду с эпитетом *Kaadir* в «Китаб-и дедем Коркут» встречаются также *Aziz, Cebbar, Kahhar* [Dedem, 2000, с. CCLXXIII]. Все они являются эпитетами при *Taŋrı*.

следователей, источники этих образов различны, но большинство образов происходит из хадисов, моралистической литературы [Кононов, 1958, с. 89]. Образ земной жизни как мимолетного, в сравнении с вечностью, существования не является новым для тюркской литературы: такие же сравнения обнаруживаются в поэме дидактического содержания «Подарок истин» Ахмеда Югнеки (поэма датируется приблизительно XI–XII вв., однако, как отмечает С.Е.Малов, есть основания относить этот текст к более раннему времени: «...с языковой стороны ничто не препятствует считать этот памятник написанным в довольно древнее время (X в.?)» [Малов, 1951, с. 321]). «*Сколько ни есть земли, не вмещаются мужи ее! Мужи ее (т.е. земли) ушли, и осталась только сухая земля*» [Малов, 1951, с. 317]

(197) نيجا يير بار اردي سيغيش‌ماز

(198) اري باردي قالدي قوروغ تاک ييري

Практически такие формулировки встречаются и в «Китаб-и дедем Коркут»:

[Kanı dedügüm Beg erenler; dünya benüm deyenler?]
Ecel aldı, yer gizledi
Fani dünya kime kaldı
Gelilmlü, gidimlü dünya
Son ucu ölümlü dünya

«Где те воины-беки, кого я прославил, кто говорил: (весь) мир — мой? Их похитила смерть, скрыла земля; за кем остался тленный мир? Земная жизнь, ты приходишь и уходишь; последний твой конец — смерть, земная жизнь!»[23].

Количество слогов в каждой из строк одинаково (восемь), что сближает эту группу выражений с произведениями тюркских литератур, написанными традиционным метром *бармак*[24]. Использование *бармака* очень распространено в тюркских литературах и характерно для тюркского фольклора [Хамраев, 1963, с. 91]. Но в уже рассмот-

[23] В разных изданиях текста «Китаб-и дедем Коркут» эти строки небезосновательно выделяют как стихотворную строфу [Schmide, 2000; Dedem, 2000].

[24] Как пишет М.К.Хамраев, «бармак — исконно тюркский, отвечающий строю тюркских языков древнейший стихотворный метр... основан на одинаковом количестве слогов в каждой стихотворной строке, и для него не имеет значения место ударения в том или ином слове» [Хамраев, 1963, с. 105–106]. Наиболее древними формами общетюркского стиха, встречающимися в древних письменных памятниках, например в «Диван-и лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгарского, являются семи-, восьми- и одиннадцатисложники [Хамраев, 1963, с. 106].

ренных нами собственно благопожеланиях подобный фрагмент встречается только один раз[25]. В то же время четкая грамматическая однородность, которая объединяет описанные благопожелания, в данных формульных словосочетаниях отсутствует. Таким образом, элементы устного текста прослеживаются и в условно «мусульманской», как мы ее называем, части прорицаний Коркута. Такие текстовые фрагменты, написанные наиболее типичным для тюркских языков метром, выражают специфически исламское осмысление течения жизни, связанное с центральным для ислама понятием *такдира* — предустановленности порядка вещей, божественной детерминированности происходящих в мире явлений, включая человеческие действия. Жизнь человека и весь вещный мир воспринимаются как тленное, преходящее (в арабском языке, в Коране, а затем и в турецком языке этот мир обозначается словом *dünya*, обозначающим все обитаемое, «человеческое», постижимое пространство); их смерть неизбежна. В «Китаб-и дедем Коркут», по крайней мере в прорицаниях Коркута, есть некоторое противоречие: с одной стороны, эпос прославляет героев-богатырей, сражающихся с гяурами, с другой — подвиги огузских бегов все же принадлежат миру тленному, *dünya*. Это противоречие подтверждает даже сам текст прорицания: сначала рассказывается о тщете мира, а затем следуют выражения, смысл которых сводится к пожеланию непрерывности поколений, рода (и обе противоречащие друг другу части формульны). Таким образом, именно здесь пролегает граница между мусульманским пониманием мироустройства и доисламским мировоззрением, отраженными в «Китаб-и дедем Коркут».

В целом же мусульманские элементы в картине мира огузов, отраженной в «Китаб-и дедем Коркут», не были привнесены непосредст-

[25] Здесь важно следующее: в том, что Коркут называет в «Песни о том, как Бисат убил Депегёза» собственно «благопожеланием» — *alkış*, можно обнаружить ритм и рифму:

[Hem Basata alkış verdi]
Kara dağa yetdüğüñde aşıt versün
Kanlu Kanlu sulardan geçit versün.

Мы видим, что, во-первых, ритмическая структура этого маленького отрывка очень напоминает ритм и рифму, подобные тем, которые находят исследователи, в частности И.Башгёз в приведенной им в качестве примера формуле, встречающейся в памятнике «Нога коня хрома, язык певца проворен» (At ayağı külük (olur)/ozan dili çevik olur). Во-вторых, есть характерная тюркская грамматическая рифма, и ритм определен количеством слогов в этих строчках — оно одинаковое (11 — при условии, если в слове *yetdüğüñde* слоги *üğü* считать как один долгий слог. Но ведь и в примере Башгёза есть некоторая натяжка — *olur*, не присутствующее в первой строке, лишь подразумеваемое); в русском переводе эти ритмические особенности не отражены.

венно исламом на территории Малой Азии, где окончательно оформились сказания, составляющие памятник, а претерпели долгое развитие на протяжении всего периода миграции огузских племен на запад.

На основе «Книги моего деда Коркута» в сравнении с другими произведениями тюркских литератур реконструируются многие элементы архаической тюркской картины мира, которая прежде всего известна нам по древнетюркским орхонским памятникам. Кроме того, данный памятник сохранил элементы древней тюркской системы ориентации и мифологических представлений.

В картине мира огузов, отраженной в хронологически неоднородных сказаниях «Китаб-и дедем Коркут», можно выделить несколько компонентов: наиболее древний — тюркский, связанный с мифологическими представлениями орхонских тюрков и системой ориентации, более поздний, связанный с исламом, а также иранский субстрат. Вероятно, древний тюркский слой этой многосоставной картины мира является единым для народов, принадлежащих к огузской группе, однако данный вопрос требует дальнейших исследований на основе уже упомянутых источников и нового материала.

Аникеева, 2002 — *Аникеева Т.А.* Домусульманские и исламские элементы в картине мира тюрков-огузов (на основе огузского героического эпоса «Книга моего деда Коркута») // Altaica. VII. М., 2002.

Аникеева, 2003 — *Аникеева Т.А.* Книжные и устные формулы в огузском героическом эпосе «Книга моего деда Коркута» // Традиционная культура. Научный альманах. М., 2003, № 2.

Бартольд, 1968 — *Бартольд В.В.* История турецко-монгольских народов // Соч. Т. V. М., 1968.

Вербицкий, 1893 — *Вербицкий В.И.* Алтайские инородцы. М., 1893.

Владимирцов, 1929 — *Владимирцов Б.Я.* По поводу древнетюркского Ötügen yïš // Доклады АН СССР. Сер. «В». 1929, № 7. Л., 1929.

Гёр-оглы, 1983 — Гёр-оглы. Туркменский героический эпос. Сост. Б.А.Каррыев. Пер. Б.А.Каррыева при участии Е.А. Поцелуевского. М., 1983.

Гордлевский, 1968 — *Гордлевский В.А.* Из османской демонологии // Избр. соч. Т. IV. М., 1968.

Грамматика, 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 2001.

Древнетюркский, 1969 — Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Дыренкова, 1940 — Шорский фольклор. Записи, пер., вступит. ст. и примеч. Н.П.Дыренковой. М.; Л., 1940.

Жирмунский, 1962 — *Жирмунский В.М.* Огузский героический эпос и «Книга Коркута» // Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. М.; Л., 1962.

Жирмунский, 1974 — *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос. Л., 1974.

Кляшторный, 1981 — *Кляшторный С.Г.* Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник. 1977. М., 1981.

Кляшторный, 2003а — *Кляшторный С.Г.* Представление о времени и пространстве в древнетюркских памятниках // История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.

Кляшторный, 2003б — *Кляшторный С.Г.* Эпические сюжеты в древнетюркских рунических памятниках // История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.

Книга Коркута, 1962 — Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. Пер. В.В.Бартольда. М.; Л., 1962.

Кононов, 1958 — *Кононов А.Н.* (пер. и коммент.). Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.; Л., 1958.

Кононов, 1978 — *Кононов А.Н.* Способы и термины определения стран света у тюркских народов // Тюркологический сборник. 1976. М., 1978.

Короглы, 1976 — *Короглы Х.* Огузский героический эпос. М., 1976.

Крачковский, 2004 — *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература. М., 2004.

Кызласов, 1982 — *Кызласов И.Л.* Гора-прародительница в фольклоре хакасов // Советская этнография. 1982, № 2.

Малов, 1951 — *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951.

Мифы, 1980 — Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х томах. Т. 2. М., 1980.

Михайлова, 2002 — *Михайлова Т.А.* Осмысление инобытия в традиционной культуре // Сны и видения в народной культуре. М., 2002.

Образцы, 1907 — Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. Ч. IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым. СПб., 1907.

Пантусов, 1901 — *Пантусов Н.Н.* Материалы к изучению наречия таранчей Илийского округа. Вып. 7. Таранчинский снотолкователь (текст и перевод). Казань, 1901.

Серебрякова, 1992 — *Серебрякова М.Н.* К вопросу об истоках и эволюции традиционного мировоззрения турок // Традиционное мировоззрение у народов Передней Азии. М., 1992.

Стеблева, 1965 — *Стеблева И.В.* Поэзия тюрков VI–VIII вв. М., 1965.

Тенишев, 1964 — *Тенишев Э.Р.* Саларские тексты. М., 1964.

Толстая, 2002 — *Толстая С.М.* Иномирное пространство сна // Сны и видения в народной культуре. М., 2002.

Традиционное, 1990 — Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск, 1990.

Хамраев, 1963 — *Хамраев М.К.* Основы тюркского стихосложения (на материале уйгурской классической и современной поэзии). А.-А., 1963.

Щербак, 1959 — *Щербак А.М.* (пер. и коммент.). Огуз-наме. Мухаббат-наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. М., 1959.

Arat, 1991 — *Arat R.R.* Eski Türk şiiri. Ankara, 1991.

Başgöz, 1998a — *Başgöz I.* Formula in prose narrative *Hikâye* // Turkish folklore and oral literature. Selected essays of Ilhan Başgöz. Ed. by Kemal Silay. Bloomington, 1998.

Başgöz, 1998b — *Başgöz I.* Dream Motif in Turkish Folk stories and Shamanistic Initiation // Turkish Folklore and Oral Literature. Selected Essays of Ilhan Başgöz. Ed. by Kemal Silay. Bloomington, 1998.

Bernardini, 2002 — *Bernardini M.* The Kitab-i dede Qorqut as an Historical Source (review article) // Eurasian Studies. 2002, vol. I, pt. 2.

Clauson, 1972 — *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteen century-Turkish. Oxf., 1972.

Däftär-i Čingiz-nämä, 2002 — Das Buch der Dschingis-Legende (Däftär-i Čingiz-nämä). Vorwort, Einführung, Transkription, Wörterbuch, Faksimiles M. Ivanics, M.A. Usmanov. Szeged, 2002.

Dedem, 2000 — Dedem Korkudun Kitabı. Hazırlıyan Orhan Şaik Gökyay. İstanbul, 2000.

Köksal, 1984 — *Köksal H.* Battalnâmelerde tıp ve motif yapısı. Ankara, 1984.

Köksal, 1985 — *Köksal H.* Millî destanlarımız ve türk halk edebiyatı. İstanbul, 1985.

Orkun, 1987 — *Orkun H.M.* Eski Türk yazıtları. Ankara, 1987.

Ögel, 1971 — *Ögel B.* Türk mitolojisi (kaynakları ve açıkmaları ile destanlar). I cilt. Ankara, 1971.

Örnek, 1977 — *Örnek S.V.* Türk halkbilimi. Ankara, 1977.

Schmiede, 2000 — *H.Achmed Schmiede* (изд.). Kitab-i Dedem Korkut. Destanların Dresden nüshası. Ankara, 2000.

Türkische, 1931 — Türkische Turfan-Texte, V. Von W.Bang und A. von Gabain. B., 1931.

Türkische, 1936 — Türkische Turfan-Texte, VII. Von Dr. G.R. Rachmati mit sinologischen Anmerkungen von Dr. W. Eberhard. Aus den Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Jahrgang 1936. Phil.-hist. Klasse. Nr. 12. B., 1936.

Uraz, 1967 — *Uraz M.* Türk mitolojisi. İstanbul, 1967.

Ю.И.ДРОБЫШЕВ
(Москва)

К типологии средневековых заповедников Центральной и Средней Азии

История создания заповедников в тех или иных целях насчитывает в Центральной и Средней Азии свыше двух тысячелетий, а возможно и значительно больше, и отражает устойчивую традицию, присущую многим тюркским и монгольским народам. А.М.Хазанов — один из крупнейших специалистов-кочевниковедов, называет refugia, т.е. заповедники, существовавшие наряду со священными территориями и культовыми центрами, в числе институтов, имевших широкое распространение в степях Евразии на протяжении многих веков [Хазанов, 2002, с. 54]. Обычно в тюркских языках заповедники обозначаются словом *курук* (*гурук*), а в монгольских — *хориг* (*кориг*). В своей статье я буду пользоваться тюркским обозначением, сохраняя авторское написание в цитируемых источниках. Само понятие *курук*, означающее «запретное», тюркского происхождения, а стоящий за ним обычай заповедования, по-видимому, может рассматриваться для Центральной Азии как автохтонный. В.В.Бартольд полагал, что понятие о *куруке* сформировалось в уйгурской среде и было заимствовано от уйгуров прочими насельниками Центральной Азии [Бартольд, 1966, с. 383]. Как правило, своим происхождением *куруки* были обязаны правителю государства, которому они и принадлежали. Однако эти заповедники могли являться собственностью не только светских, но и духовных лиц. Например, представитель шейхов Джуйбари — крупный бухарский землевладелец ходжа Тадж ад-Дин (1589–1646) имел обширные пастбища (*яйлак* и *курук*), а его брат Абд ар-Рахим тоже владел *яйлаком* и *куруком* [Иванов, 1954, с. 73, 75]. Земли, составлявшие вакф в пользу медресе Султан-Шахида в Самарканде, располагались в местности под названием Курук [Самаркандские документы, 1974, с. 273].

© Ю.И.Дробышев, 2005

Впрочем, не исключено, что указанная местность к тому времени уже не являлась запретной и просто сохраняла это название. Такого рода топонимы и сейчас встречаются в Центральной Азии.

Источниками информации о заповедниках служат главным образом средневековые исторические сочинения, а также официальные документы: указы правителей, земельные акты и др. Локализация заповедников осуществляется посредством анализа географических названий. Дополнительные сведения дают археологические изыскания.

Одними из первых в нашей стране историю *куруков* исследовали В.В.Бартольд и Б.Я.Владимирцов. Рассматривая вопрос традиционного монгольского землевладения, Б.Я.Владимирцов кратко затронул тему запретных земель: «Затем Монгольский кочевой сеньор мог по своему желанию объявлять „заповедными" определенные участки своего нутука[1], создавать так называемые „запретные места"» (xorig), которые отводились под кладбища лиц ханского рода или предназначались для господской охоты. На подобные „запретные места", как это явствует из наименования, конечно, никто из посторонних не допускался совершенно. Нужно отметить, что древнемонгольские вожди, хааны, имели уже иногда подобные „заповедники"» [Владимирцов, 1934, с. 112]. Эта цитата затем повторялась много раз в различных работах, как отечественных, так и зарубежных, где поднимался вопрос традиционного заповедования территорий в Центральной Азии. В ней указаны две важнейшие функции *куруков*, однако этим их значение не исчерпывается. В настоящей статье мы ставим перед собой задачу наметить типологию средневековых заповедников и выявить различия между кочевой и оседлой традициями их создания.

Пожалуй, самым известным на сегодняшний день предназначением заповедников было резервирование земель для царских охот. Охота всегда служила любимым развлечением правителей Древности и Средневековья, причем не только в странах Востока, но и в Европе. Для степного нобилитета она имела еще одно принципиально важное значение — тренировку воинов, так как правила облавных охот применялись также в военных походах. По мнению Р.Груссе, терпеливое подкрадывание к стадам оленей научило кочевников посылать вперед молчаливых, незримых разведчиков для наблюдения за добычей или врагом. Использование линии загонщиков способствовало выработке особого движения (tulugma), которое позволяло охватывать с флангов оба крыла вражеской армии, как бегущее по степи стадо диких животных. Кочевники появлялись неожиданно, развертывались в боевой

[1] *Нутук* — территория кочевья.

порядок и закрывали собой горизонт. Сначала они действовали в полном молчании и осуществляли маневры без выкриков команд, по сигналам флажков, а затем внезапно, в подходящий момент, атаковали с пронзительными криками. Это были освященные веками традиционные хитрости охотника, ищущего способы, как сбить с толку жертву, чтобы подчинить ее своей воле. Самые значительные кампании монголов, имевшие место в Трансоксиане, т.е. за рекой Окс — Амударьей, и в Венгрии, должны были выглядеть как гигантские облавы, задуманные с целью утомить «дичь», сбить ее с толку, исчерпать ее силы и окружить, а уже потом довести кампанию до конца методичным уничтожением врага [Grousset, 1994, с. 224–225].

На степных просторах Центральной Азии, где плотность населения была невелика и где имелось достаточно места и для кочевников с их стадами, и для диких зверей, видимо, не всегда требовалось заповедовать участки для ханской охоты. Кроме того, масштабы облав были поистине грандиозны: тысячи воинов ехали по степям неделями, замыкая кольцо, прежде чем наступала финальная сцена — избиение согнанной с огромной территории дичи. На таких площадях едва ли можно было в реальности поддерживать заповедный режим. Если же кочевники охраняли специальные охотничьи угодья, то это происходило в условиях сложной, пересеченной местности — в горных или речных долинах.

Китайские источники сообщают об организации заповедников у хунну, отмечая их полифункциональность. Известно, что один из заповедников располагался в горах Иньшань, богатых лесом и травами, зверем и птицей. Там хуннский шаньюй Модэ (209–174 гг. до н.э.) разводил охотничью дичь, заготавливал материал для луков и стрел и оттуда производил набеги на Китай. Потеряв этот горный хребет, хунну, по словам китайского автора, не могли проходить мимо него без слез. В 33 г. до н.э. шаньюй Хуханье предложил китайскому императору заменить китайских воинов своими на отрезке Великой стены, граничащим с этими землями. Сановник Хэу Ин обосновал нежелательность этого шага, и Хуханье было отказано. Очевидно, шаньюй под благовидным предлогом хотел вернуть эти изобильные горные леса под власть хунну [Бичурин, 1950, т. 1, с. 93–96; Материалы, 1973, с. 39, 40].

Охотничьи заповедники для развлечений знати существовали в хуннуском государстве Ранняя Чжао (304–325). Один из них находился на реке Фэншуй в Северном Китае. Шаньюй Лю Яо упразднил его и раздал землю бедным семьям [Материалы, 1989, с. 92].

Мужун Хуан (337–348), правивший в Ранней Янь, которую основало на территории Северного Китая одно из сяньбийских племен, тоже разрешил бедноте обрабатывать землю в местах, прежде предназначавшихся для разведения зверей и птиц. Тот, кто не имел тягловых животных, получал в пользование степных быков [Материалы, 1992, с. 60]. Судя по тексту источника, вчерашних кочевников побуждали к подобной заботе о народе китайские чиновники. Однако отсюда не следует, что практика создания заповедников для развлечения охотой была сяньбийцами забыта. Кочевники, освоив оседлый образ жизни и восприняв многие обычаи оседлого населения, устраивали заповедники по образцам, имевшимся в земледельческих странах. В Китае запретные охотничьи угодья для развлечения высшей знати существовали с древних времен [Го юй, с. 49, 232, 233]. Мужун Си (401–407) — правитель династии Поздняя Янь, несомненно, в своей деятельности копировал китайские образцы. «Мужун Си начал большие работы по созданию заповедника Лунтэнъюань, площадью более 10 *ли*[2], на строительстве которого работало 20 тысяч человек, собранных для отбывания трудовых повинностей. На территории заповедника воздвигли гору, названную Цзинюньшань, основание которой равнялось 500 *бу*, а высота 17 *чжанам*. Кроме того, были воздвигнуты дворец Сяояогун и Зал Ганьлудянь, состоявшие из нескольких сот соединенных между собой помещений и бесчисленным количеством башен и павильонов. Для подвода воды во дворец был вырыт канал, названный Тяньхэцюй. Для наложницы... выкопали озеро... и устроили дающий прохладу пруд. Была середина лета, стояла сильная жара, но командирам и воинам, [занятым на работах], не давали отдыха, поэтому больше половины из них умерли от зноя» [Материалы, 1992, с. 163].

В Средней Азии, где места обитания промысловых зверей и птиц ограничены горными хребтами, пустынями и, что не менее важно, возделанными землями, широкомасштабные облавные охоты трудноосуществимы или вообще невозможны. Они происходили в специально приспособленных для этой цели запретных местах — *куруках*, размеры которых не могли быть очень велики, но их в общей сложности было много. В Средней Азии и Казахстане Р.Сатимбеков насчитал более 80 топонимов со словом *курук*. Большинство из них локализуются в предгорьях, долинах рек и близ водных источников. Много куруков располагалось в бассейнах рек Заравшан, Сырдарья, Талас, Чу, Или, Аягуз, Иртыш [Сатимбеков, 1981, с. 246].

[2] Упоминающиеся в этой цитате китайские меры длины приблизительно равны: *ли* — около 500 м, *бу* — 1,6 м, *чжан* — 2,3 м.

В VII в. один из каганов Западно-Тюркского каганата, будучи любителем оленей, под страхом смерти запретил охотиться на них в урочище Минг-булак в Джетысу, где сам он спасался от летней жары. Знаменитый китайский путешественник Сюань-цзан отметил, что в 630-х годах их тут было множество. Олени привыкли к людям. На них надевали маленькие колокольчики и кольца [Массон, 1953, с. 147].

В верхней части долины Таласа, на южном склоне Киргизского хребта в Тянь-Шане до сих пор уцелели остатки обширного средневекового *курука*. Все его пространство было обнесено высокой земляной стеной, теперь превратившейся в расплывшийся широкий вал. Там содержались главным образом куланы, бывшие до недавнего времени одним из любимых объектов конной охоты кочевников. Поэтому современное название этой местности — Кулан-курук или Кулан-камалган. Там же происходило и спаривание куланов с домашними лошадьми для получения мулов [Массон, 1953, с. 148].

В Семиречье, в районе современного г. Панфилов, располагалось обширное охотничье угодье потомка хана Чагатая, Туглук-Тимура (1359–1370) [Сатимбеков, 1981, с. 245]. По сообщению Абу-л-Гази, этот правитель был язычником, но случайная встреча с бухарским шейхом Джемаль ад-Дином, произошедшая как раз на запретной территории, повернула его сердце к исламу. «Случай, по которому он сделался мусульманином, был такой. В один день он велел быть охоте, а потому, когда он, охотясь, ездил, неожиданно увидел там толпу людей, которые во время своего переезда тут остановились. Хан дал приказ привести к нему тех людей, перевязав им руки; его есаулы перевязали их и привели их к нему. Хан сказал им: „Зачем вы не соблюдаете моего повеления и ездите на местах, отведенных для охоты?“ Хан прежде того дал повеление, чтобы в ловище его никто не ездил, и если кто там поедет, тех вязать и представлять ему». Разговор с шейхом произвел на хана сильное впечатление. По возвращении с охоты он приказал есаулам привести к нему Джемаль ад-Дина и расспрашивал его о вере, после чего сердце его стало «мягко как воск» [Абу-л-Гази, 1906, с. 138–139].

В Хульме — одном из городов области Балха, были обширные места охоты, которые назывались Шамар и принадлежали Аштарханиду Надр Мухаммад-хану [Махмуд ибн Вали, 1977, с. 43]. Вокруг горы Шамар к востоку от Хульма были сухополья. Из-за обилия ланей и других животных ее окрестности были объявлены заповедником [Махмуд ибн Вали, 1977, с. 91].

Характерные черты заповедных охотничьих территорий правителей Центральной и Средней Азии суммированы П.К.Симаковым: это право хана и его окружения охотиться на территории *куруков* наряду с запретом нахождения там посторонних лиц; наличие охраны и иногда маркировка границ канавами, посадками камыша и др.; право пересекать эти земли лишь гонцам с важными государственными сообщениями; приравнивание охотничьих *куруков* по их значению к таким хозяйственно или ритуально важным территориям, как лучшие пастбищные угодья и места захоронения лиц ханского происхождения [Симаков, 1998, с. 143, 144].

Регламент парадных охот для развлечения двора описан в «Шикарнаме» («Книге охоты»), составленной при сельджукском султане Малик-шахе (1072–1092), очень любившем охоту. Султан обладал сильным ударом копья и никогда не промахивался. Однажды он приказал пересчитать охотничьи трофеи, и насчитали якобы 10 тыс. голов животных. За каждую голову он раздал по динару милостыни, сказав: «Я боюсь Аллаха всевышнего, что проливаю кровь животных для забавы» [Хусайни, 1980, с. 76].

В завоеванном Иране монголы тоже объявляли некоторые местности заповедными охотничьими угодьями. Привилегией создавать эти заповедники пользовались ханские сокольничие. Их злоупотребления описаны Рашид ад-Дином: «Они также придирались к баскакам, наибам и хакимам, что мы-де такую-то местность объявили заповедником, а там охотились или там проходили и вспугнули птиц. Если кто-нибудь проходил в окрестностях заповедного места, далеко ли близко ли, они без разговоров отнимали у него лошадь, одежду или сумму денег [в виде] взятки, и он с тысячью неприятностей избавлялся из их лап. О таком образе действий имеется столько рассказов, что изложение их будет излишней подробностью» [Рашид ад-Дин, 1946, с. 304]. Если верить персидскому историку, конец бесчинствам сокольничих положил Газан-хан (1295–1304) [Рашид ад-Дин, 1946, с. 304–306].

Некоторые *куруки* предназначались для публичного пользования. Например, под Самаркандом в XV в. располагался Бидана-курук, т.е. «Перепелиный заповедник», где люди добывали птиц для популярного развлечения — перепелиных боев [Массон, 1953, с. 148, 149].

Иногда в один *курук* объединялись места обитания охотничьих зверей и пастбища для скота, хотя, на первый взгляд, подобное объединение кажется маловероятным. Такие заповедники могли иметь прежде всего военное значение. У кагана тюргешей Сулука (убит

в 737 г.), прославившегося упорным сопротивлением арабской экспансии, ставка находилась в Чуйской долине восточнее современного г. Токмака. Каган владел запретными лугом и горой, к которым никто не смел приближаться. Пасущиеся на этом лугу стада и обитающая на горе дичь служили стратегическим запасом питания на случай войны [Бартольд, 1963, с. 34]. Эти заповедные земли описал великий арабский историограф ат-Табари (IX в.): «Хакан приказал своим готовиться к войне. А у хакана были во владении луг и заповедные горы, к которым никто не приближался и не смел в них охотиться, ибо они были оставлены для (подготовки) к войне. Пространство, которое занимал этот луг, было в три дня (пути) и заповедника в горах — три дня. И люди стали готовиться (к походу). Они выпустили пастись свои стада (на заповедный луг), стали дубить шкуры убитых на охоте животных и делать из них сосуды, стали изготавливать луки и стрелы» (цит. по [Кляшторный, 2001, с. 75]). Сопоставляя данные ат-Табари, надписи на стеле Тоньюкука и наскальные надписи Адыка, С.Г.Кляшторный идентифицировал местонахождение этого *курука* с Ярышской равниной, которая сегодня называется Кочкор. Ее отделяли от ставки кагана два конных перехода по долине реки Чу.

В других случаях заповедовались только пастбища. Например, в государстве Гаочан, существовавшем в Центральной Азии в 460–640 гг., принадлежащих правящему двору лошадей и овец пасли в местах, о которых знал лишь узкий круг людей. Таким способом скот уберегали от набегов неприятеля [Бичурин, 1950, т. 2, с. 250, 279]. Цылими — один из правителей усуней, кочевавших по равнинной части Семиречья во II в. до н.э. — V в. н.э., «обнародовал, чтобы никто не смел пасти свой скот на его пастбищах» [Бичурин, 1950, т. 2, с. 197].

Г.Рамстедт опубликовал распоряжение одного из юаньских ханов, вероятно Тогон Темура (1333–1370), уйгурскому идикуту Чинг Темуру, правившему с 1328 г., где говорится об охране земельных угодий и водных источников в *куруке* Ходжо, который, по всей видимости, представлял собой хорошее пастбище: «Олджей Темур, наше слово. Ходжоскому идикуту Чинг Темуру, всемогущему даруге[3] Тумен Булункаю и сановникам... Этому Асану поручили заведовать водами Ходжо, чтобы Иос-санча был вторым. Кроме того, сказали: „Пусть он охраняет земли кориги. Пусть Иос-санча не позволяет кому-либо пользоваться водой тайно и неведомо от Асана. Отдельные люди пусть не изменяют слов“. Об этом поручили объявить. Если кто-нибудь станет пользоваться водой и угодьями кориги Ходжо тайно и без разрешения

[3] *Даруга* (*дарга*) — начальник, наместник.

Асана, станет оспаривать или учинит ссору, то разве не станет бояться и не понесет наказание, согласно приказа?» (цит. по [Тихонов, 1966, с. 128]).

Куруки были не только постоянными, но и временными. Военная необходимость заставляла правителей центрально-азиатских государств пользоваться правом наложения запрета на осуществление природопользования в стратегически важных районах. Когда готовился поход внука Чингисхана Хулагу в Иран, вперед выслали гонцов, чтобы они объявили заповедными все луга и пастбища от столицы Монгольской империи Каракорума до берегов Джейхуна (Амударьи) на предполагаемом пути монгольских войск [Рашид ад-Дин, 1946, с. 23]. Цель этого мероприятия вполне ясна: сохранить в целости источники фуража для монгольской конницы.

С.В.Дмитриев акцентирует внимание на военной функции постоянно существовавших *куруков*, которую они приобрели или которая стала более заметной в условиях частых войн в Средней Азии во второй половине XVI в., — это обеспечение с их помощью проходящих войск фуражом и пищей. Там же происходили сборы и смотры войск, а возможно и сражения. Обретая стратегическое значение, *куруки* сами становились желанной добычей.

Впрочем, *куруки* и ранее служили местами стоянок войск. В 1357 г. золотоордынский хан Джанибек выступил против правителя Азербайджана Мелик-Ашрефа и, увидев войско последнего возле Уджана, приказал окружить его, как на облавной охоте. Сам Джанибек расположился в Уджанском *куруке*, а его противнику удалось уйти в Тебриз [Золотая Орда, 2003, с. 278]. Бабуру не раз приходилось располагаться в различных *куруках* перед битвами со своими врагами: в Абьяре на пути к Самарканду, в Аба-Куруги недалеко от Кабула [Бабур-наме, 1948, с. 52, 157, 158] и др. Стремление полководцев занимать *куруки* представляется совершенно естественным, так как эти заповедники, учрежденные в местах, обильных лесом, водой, зверем и птицей, предоставляли необходимое укрытие и провиант для войск. Там можно было отдохнуть, привести в порядок вооружение, запастись свежим мясом, откормить лошадей, а также провести тренировку воинов в ходе облавных охот.

Организация заповедников отличалась у кочевых и оседлых народов. Кочевники не прилагали особых усилий для обустройства запретных территорий. По-видимому, максимум из того, что они делали, это обносили их земляной стеной или деревянной изгородью. Источник донес до нас признание хана Угэдэя: «Из жадности я все боялся, как

бы дикий зверь не перебежал к моим братьям. И вот, чтобы создать для него преграды, я приказывал строить глинобитные стены и выслушивал упреки от братьев» [Сокровенное сказание, 1941, § 281][4]. Впрочем, в районе Алмалыка и Куйаса его брат Чагатай оборудовал себе участки для облав таким же точно образом [Juvaini, 1997, с. 29].

Правивший в Иране Газан-хан, видимо никогда не знавший кочевой жизни, приказал построить среди гор изгороди из жердей и хвороста, сходящиеся клином. Туда загоняли зверей. «Часть их перебили, а часть отпустили на волю», — пишет Рашид ад-Дин [Рашид ад-Дин, 1946, с. 129].

Сменив юрту на дворец, основатель монгольской династии Юань в Китае — хан Хубилай тоже устраивал огороженные «заповедники» для развлечения охотой, но уже включая их в дворцовые комплексы, описание которых оставил Марко Поло: «А вокруг дворца на шестнадцать миль стена, и много тут фонтанов, рек и лугов; великий хан держит тут всяких зверей: оленей, ланей и антилоп; ими он кормит своих соколов в клетках. Раз в неделю сам ходит их смотреть. В эту равнину, что обнесена стеной, великий хан ездит часто на коне, с собою везет леопарда и выпускает его на оленя, лань или на антилопу, а что поймает, то соколам в клетках. Развлекается он так в свое удовольствие» [Марко Поло, 1997, с. 242].

По-видимому, Хубилай строго следил за тем, чтобы запасы охотничьих животных в его государстве не оскудевали, для чего установил определенные сроки охоты. «Во всех местах, где великий хан властвует, знайте еще, по истинной правде, никакой царь, никакой князь и ни один человек не смеет охотиться на зайцев, оленей, ланей и антилоп, на всех зверей, что плодятся с марта по октябрь; а кто противное учинит, жестоко раскается. Великий хан установил так, и приказу его, скажу вам, повинуются; зачастую зайцы, лани и другие звери, что я называл, идут прямо к человеку, и никто их не трогает и зла им никакого не делает» [Марко Поло, 1997, с. 263].

Особой известностью пользовались такие места ханских охот, как Большая Орхонская равнина и Желтая степь в провинции Шаньдун [Далай, 1983, с. 91]. Некоторые интересные детали описания охот добавляет францисканец Одорико де Порденоне, посетивший империю Юань в 1320-х годах, в правление правнука Хубилая, Йесун Тэмура.

[4] Подтверждение этому, с некоторыми дополнительными деталями, можно найти у персидских авторов. Стена имела ворота для входа дичи и тянулась от китайских земель до зимней ставки хана. Часть загнанных туда зверей отпускали «для разводки» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 41, 42; Juvaini, 1997, с. 29].

В частности, он говорит о том, что охота велась в императорском лесу в двадцати днях пути от Пекина. Загонщикам помогали охотничьи собаки. Хан восседал на слоне, а знатные монголы пускали в дичь стрелы разной окраски. Поскольку при юаньском дворе видную роль играли буддийские ламы, традиционный выпуск на волю оставшейся в живых дичи мотивировался уже не только тем, что так поступал сам Чингисхан, но и буддийским требованием сострадания ко всем существам [Grousset, 1994, с. 318].

Народы, изначально ведущие оседлый образ жизни, вкладывали в заповедники больше труда — как минимум, воздвигали укрытия для охотников. Согласно римскому историку Квинту Курцию Руфу, согдийцы выбирали большие леса, орошаемые не иссякающими ручьями, огораживали их и строили башни. Интервалы между охотами, в течение которых дичь успевала размножиться, порой бывали многолетними. Эти заповедники были типа иранских охотничьих парков *парадизов* (*psiridaeza* поздних текстов Авесты). Один из таких парков находился в лесистой местности Базайра (Базара, Басиста) в долине Зеравшана, близ г. Мараканда. В 328 г. до н.э. там провел несколько дней Александр Македонский.

«Главным признаком богатства в этой варварской стране, — пишет Квинт Курций Руф, — является ни что иное, как стада отменных зверей, которые содержатся в больших рощах и парках. Для этого выбирают просторные рощи, изобилующие непересыхающими источниками, обносят их оградой и строят там башни для охотников. Было известно, что в одном из таких загонов на протяжении четырех поколений никто не охотился. Александр вошел в него со всем войском и приказал повсюду встревожить зверей. Когда на редкость огромный лев побежал на самого Александра, то случайно оказавшийся рядом Лисимах, ставший впоследствии царем, хотел рогатиной встретить зверя. Царь, оттолкнув его и приказав не вмешиваться, заявил, что он один, как и Лисимах, может убить льва. Ведь однажды Лисимах, охотясь в Сирии, в одиночку убил зверя исключительной величины, который успел разодрать ему левое плечо до кости, и тот оказался на краю гибели. С укором напомнив об этом Лисимаху, царь доказал свою храбрость на деле лучше, чем на словах: он не только подпустил к себе льва, но и убил его одним ударом. Выдумка, будто Александр бросил Лисимаха на съедение льву, я полагаю, была порождена именно этим случаем. Хотя охота Александра окончилась удачно, македонцы, согласно обычаю своего народа, постановили, чтобы царь не охотился пешим и без сопровождения знатных и приближенных. Когда было

забито четыре тысячи зверей, царь в том же лесу стал пировать со всем войском» [Квинт Курций Руф, 1993, с. 167–168].

Весьма показателен рассказ о создании заповедника царем Великой Армении Хосровом. Согласно армянской хронике V в., в заповеднике не только воздвигли стены и дворцы, но и осуществили посадку нужных пород деревьев. Поскольку речь идет о дубе, можно полагать, что в этом заповеднике планировалось, в первую очередь, охотиться на кабана, чью излюбленную пищу составляют желуди. «И приказал царь своему полководцу набрать в стране многочисленный трудовой народ в порядке несения (государственной трудовой повинности) хашар, доставить из лесов деревья дикого дуба и насадить в Айраратском гаваре, начиная от сильной царской крепости, по названию Гарни, до того холма в долине Мецамора, который называется Двином и находится к северу от великого города Арташата. Так насадили дубовый лес вниз по течению реки до дворца Тикнуни. Этот лес он назвал Тачар-маири („Лесные хоромы"). Еще другой лес они насадили к югу от этого места, по краю камышника, и все поле засадили дубовыми деревцами — и лес этот назвали Хосровакерт. Там же построили также царские дворцы, и оба места оградили стенами и не соединили вместе, чтобы оставалась дорога для движения. Лес разросся и поднялся. Потом царь приказал набрать всяких диких животных и зверей и пустить их внутрь ограды, чтобы превратить эти места в места царской охоты, гуляний и увеселений. Вече (имя полководца. — *Ю.Д.*) немедленно исполнил поручение царя» [История Армении, 1953, с. 17]. Таким образом, получился благоустроенный рукотворный лес.

Функции среднеазиатских *куруков* не оставались неизменными. Правители там не только охотились, но и предавалась всевозможным увеселениям, для чего строили на запретных землях дворцы. Малик Шамс ал-Мульк (1068–1080) купил в Бухаре много земельных участков и разбил там сады. «Он израсходовал на постройки там очень много материала и денег и назвал это место Шамсабад. Близ Шамсабада Шамс ал-Мульк отвел пастбище для царских лошадей и назвал это место Гурук. Он огородил это место крепкими стенами на протяжении одной мили. В этом пространстве он построил дворец, устроил голубятню, и, кроме того, собрал в Гуруке различных диких животных, как-то: антилоп, коз, лисиц и кабанов. Все эти животные привыкли к жизни в зверинце, а забор был настолько высок, что они не могли оттуда убежать» [Наршахи, 1897, с. 40–41]. Однако уже при сыне Шамс ал-Мулька Шамсабад постепенно пришел в упадок, а в 1119 г. на его месте построили мечеть [Наршахи, 1897, с. 41].

Знаменитым *куруком* такого типа был Кан-и Гиль, находившийся на высоком берегу Зеравшана, у подножия Кухака, к востоку от Самарканда. Его поэтическое описание в весеннюю пору принадлежит перу Фазлаллаха ибн Рузбихана Исфахани [Ибн Рузбихан, 1976, с. 152]. Осенью 1404 г. Тимур созвал в Кан-и Гиле курултай, устроил пышные пиры и свадьбы царевичей. Там присутствовали послы из Египта, Индии, Дешт-и Кипчака и Восточного Туркестана. Подробное описание этого празднества оставил испанский посол Руи Гонсалес де Клавихо [Клавихо, 1990, с. 114–133].

Пользовались известностью и заповедные земли Худояр-хана, правившего в Коканде во второй половине XIX в. [Троицкая, 1955, с. 122–156; Набиев, 1973, с. 133–162]. Функции этого заповедника были еще более широкими. Ханский *курук* представлял собой обширное хозяйство, приносившее его владельцу немалый доход. В его состав входили камышовые заросли, участки целины, фисташковые леса, охотничьи угодья, пастбища, озера и др. Хан выделял часть своих угодий родственникам, военачальникам, а часть сдавал в аренду местному населению, которое, однако, было обязано возвращать ему $^{1}/_{5}$ того, что рождала целина, камышовники, озера и болота *курука*. Осенью на эти земли пускали за определенную плату кочевников, чей скот находил там какое-то пропитание. Без ханского соизволения никто не смел пустить на запретную территорию своих животных, даже если трава была уже скошена и налог собран. Административные функции осуществляли назначаемые ханом *курукчи*, которых насчитывалось десятки или даже сотни, обязанные следить, чтобы на заповедные земли не проникали посторонние лица. Они также собирали ренту, разрешали возникающие споры и т.д. Однако их права были весьма ограниченными: без ведома хана *курукчи* не могли мобилизовать окрестное население для работ по эксплуатации ресурсов *курука* или продать даже вязанку заготовленного там хвороста. Худояр прибирал к своим рукам угодья, которые столетиями использовались общинами. Были в его распоряжении также *куруки*, номинально принадлежавшие государству.

Наконец, особое значение термин *курук* приобрел в Монголии. Так обозначали заповедные территории, где располагались некрополи монгольских ханов. Местонахождение ханских могил составляло тайну. Здесь различие между монгольской и тюркской культурами Центральной Азии прослеживается достаточно четко: захоронения монгольских ханов первоначально скрывались в горах и со временем превращались в святилища, где представители ханского рода совершали жертвоприношения своим предкам, тогда как у тюрок могилы каганов

не только не укрывались от постороннего взгляда, но и маркировались памятными стелами и скульптурами. В оседлой тюркской среде усыпальницы правителей, как и известных мусульманских святых, становились объектами поклонения отнюдь не только для их потомков. Напротив, они нередко превращались в места паломничества. В труде Рашид ад-Дина термин *курук* (*гурук*) неоднократно употребляется по отношению к могилам монгольских ханов, но, видимо, никогда он не применялся для обозначения мест погребения тюркских владык, хотя В.Е.Войтовым выдвинута гипотеза, согласно которой сама традиция создания *куруков* проистекает из обычая древних тюрок и уйгуров объявлять заповедными участки земли с погребально-поминальными памятниками. В планировке *куруков* он видит «отражение универсальной космограммы» [Войтов, 1996, с. 78]. Вместе с тем В.Е.Войтов признает, что «в рунических надписях нет данных о существовании в ту эпоху особых зон, не подлежавших хозяйственному освоению в связи с находившимися здесь погребально-поминальными объектами» [Войтов, 1996, с. 78].

Вопрос о создании заповедников с целью охраны ханских погребений продолжает вызывать интерес [Бартольд, 1966, с. 377–396; Скрынникова, 2003; Дробышев, 2005, с. 119–140; Serruys, 1974, с. 76–79]. Ученые потратили немало усилий на поиски этих запретных мест, справедливо полагая, что открытие местонахождения ханских могил прольет свет на многие неясные пока стороны культуры монголов XIII–XIV вв. Литература по данной проблеме достаточно обширна. Вероятнее всего, великие ханы обретали последний приют на горе Бурхан-Халдун в горной системе Хэнтэя на северо-востоке Монголии. Монгольский ученый Х.Пэрлээ обнаружил в верхнем течении реки Керулен, берущей начало в Хэнтэе, топонимы, вероятно, связанные с историей создания *Ике-Хориг* («Великий Хориг»), где, как полагают, покоятся кости Чингисхана, Мункэ, Тулуя, Хубилая и некоторых других представителей ханского рода. По мнению Х.Пэрлээ, это запретное место создавалось путем расширения так называемой «Земли предков» (*Йэкэс-э гажар*), представлявшей собой кладбище предков Чингисхана. Теперь оно включает три заповедных территории: «Северные», «Средние» и «Узкие» запретные места (*Хойт-хоригуд*, *Дунд-хоригуд* и *Мухар-хоригуд*). Там до последнего времени погребали местных жителей [Пэрлээ, 1975, с. 117].

Внук Хубилая хан Улджайту (1294–1307) обустроил ханский некрополь на Бурхан-Халдуне: «И никому туда нет пути, так как вблизи находится заповедник. Он сделал их [покойных предков] изображе-

ния, там жгут постоянно фимиам и благовония. Камала[5] тоже построил там для себя капище» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 207].

Практика создания таких заповедников не являлась нововведением монголов времен империи, как иногда полагают (см., например: [Boyle, 1977, с. 11]). Из текста важнейшего источника — «Сокровенного сказания монголов» следует, что останки правителей, как правило, скрывали в горах, в труднодоступных местах. Так, Ван-хан кереитский говорит: «Ведь я уже стар. Я до того одряхлел, что пора мне восходить на вершины. Когда же я в преклонных летах взойду на горы, на скалы, кто же примет в управление весь мой улус?» [Сокровенное сказание, 1941, § 164].

Есть основания думать, что организация запретных мест в тюркском и монгольском мире диктовалась не только практическими нуждами, например, вполне понятным желанием правителя отгородить от посягательств соплеменников лучшие охотничьи угодья, пастбища, водопои для скота, места произрастания целебных растений или могилы предков. Возможно, не менее важной была ритуальная сторона проблемы: учреждая заповедники и предусматривая ответственность за самовольное вторжение в них, правитель утверждал свое право на обустройство не только своих подданных, но и географического пространства, которое семантически неоднородно и включает различные структурно-функциональные элементы: ханскую ставку (или шахский дворец), родовую гору, земли для кочевания или обработки, дикую природу. Часть территории обладает сакральными качествами, часть является собственностью хана и его рода. Упорядоченное пространство, очевидно, должно содержать в себе и запретные земли. Видимо, прав А.И.Шевяков, предположивший, что специальные охотничьи парки — *парадисы* создавали в Древнем Иране для ритуальных охот царя, причем предназначением этих охот было подтвердить, что царь — лучший охотник и воин государства [Шевяков, 1999, с. 82]. Действительно, открытые археологами древнеиранские изображения монархов, поражающих льва или кабана, наводят на мысль, что древний художник старался передать нечто большее, чем просто победу царя над диким зверем.

В этой связи представляется далеко не случайным, что легендарный Огуз, став каганом и произнося соответствующие своему новому статусу повеления, в частности, изрек: «В заповедных местах пусть бродят куланы, [текут] моря и реки» [Щербак, 1959, с. 33]. Сказанное вполне согласуется с центрально-азиатской концепцией верховной

[5] Камала — старший брат Улджайту.

власти. Правитель творит мир, пользуясь благой небесной силой, которая изливается на него, как на законного главу государства. Харизма легитимного правителя упорядочивает как социально-политические, так и природные процессы, и кто еще, как не он, может и должен устраивать свои владения?

Однако заповедники создавались не только по указу власть имущих. В странах со сложными природно-климатическими условиями, где легко можно было нарушить природный баланс, существовали традиции «народного заповедования», когда определенные, нередко ключевые в экологическом отношении, участки исключались из хозяйственного оборота на тот или иной срок либо бессрочно. Что касается мотивации такой деятельности, то она определялась традиционными верованиями: народное сознание населяло такие места духами, в чьи владения нельзя проникать простым смертным [Мартынова, Пивнева, 2001, с. 61–62]. Эти заповедники принадлежали общинам и дольше всего сохранялись там, где процессы социальной дифференциации были замедленными. Социально ориентированные запреты на охоту и рыболовство в определенных местах соблюдались в Туве, Монголии и других странах [Труды экспедиции, 1901, с. 471; Пурбуева, 1984, с. 62–63; Биче, 1997, с. 17].

Проанализировав данные по центральноазиатским *курукам*, бурятский философ И.С.Урбанаева выделяет три аспекта: 1) *куруки* отражали древнюю тюрко-монгольскую экологическую традицию организации заповедников; 2) они были связаны с правом собственности и имели хозяйственно-экономическое значение; 3) само понятие *курук* возникло в ходе эволюции культа «земли-воды» и связанного с ним культа предков [Урбанаева, 1994, с. 46]. Более того, по мысли этого автора, феномен *куруков* выражает «этноэкоэтику центральноазиатского мира» [Урбанаева, 1994, с. 47]. Однако с таким экологическим акцентированием значения *куруков* трудно согласиться, хотя в охотничьих заповедниках, по-видимому, осуществлялась достаточно хорошая регуляция обилия дичи. Во-первых, охота в них была ограничена определенным кругом лиц. Во-вторых, соблюдались перерывы, в течение которых животные могли размножиться, не тревожимые людьми. В третьих, кажется очень вероятным, что охота там не превращалась в бойню — владелец *курука* вряд ли был в этом заинтересован. Напрашивается аналогия с современными охотничьими заказниками, где, в отличие от настоящих заповедников, животные охраняются не как эталон дикой природы, а как резерв охотресурсов. Поэтому, хотя мы и не можем без оговорок отнести эту форму центральноазиатского запо-

ведования к маркерам «экологичности» практиковавших ее этносов, существование охотничьих *куруков*, без сомнения, в некоторой степени способствовало сбережению живой природы.

Таким образом, можно насчитать как минимум шесть функций средневековых заповедников Центральной и Средней Азии (хотя значений термина *курук* еще больше): охотничьи угодья, пастбища, стратегический резерв природных ресурсов, места увеселений, места сбора войск, ханские некрополи.

Иногда один и тот же *курук* мог выполнять несколько функций одновременно. В Средней Азии в той или иной степени благоустроенные *куруки* служили местами увеселений знати, в том числе охотой, и местами дислокации войск во время военных кампаний. Мы разделяем точку зрения С.В.Дмитриева, что институт *курука* был развивающимся. Вероятно, вершиной такого развития может считаться многопрофильное хозяйство Худояр-хана, обозначаемое этим термином и включавшее земли различного назначения, которые объединял запрет на использование посторонними лицами. По-видимому, усложнение структуры *куруков* и соответственно расширение их функций происходило в среде оседлых жителей Средней Азии. В восточной части Центральной Азии и на землях Китая переходившие к оседлости кочевники перенимали местные традиции заповедования земель.

Абу-л-Гази, 1906 — *Абу-л-Гази.* Родословное дерево тюрков. Пер. Г.С.Саблукова. Казань, 1906.

Бабур-наме, 1948 — *Захириддин Бабур.* Бабур-наме. Записки Бабура. Пер. М.Салье. Таш., 1948.

Бартольд, 1963 — *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья // Соч. Т. II. Ч. 1. М., 1963.

Бартольд, 1966 — *Бартольд В.В.* К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов // Соч. Т. IV. М., 1966.

Биче, 1997 — *Биче М.С.* Историко-географический анализ и экологическая оценка традиционных форм природопользования Тувы. Автореф. канд. дис. М., 1997.

Бичурин, 1950 — *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1–2. М.; Л., 1950.

Владимирцов, 1934 — *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

Войтов, 1996 — *Войтов В.Е.* Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М., 1996.

Го юй, 1987 — Го юй (Речи царств). Пер. В.С.Таскина. М., 1987.

Далай, 1983 — *Чулууны Далай.* Монголия в XIII–XIV веках. М., 1983.

Дробышев, 2005 — *Дробышев Ю.И.* Похоронно-поминальная обрядность средневековых монголов и ее мировоззренческие основы // Этнографическое обозрение. 2005. № 1.

Золотая Орда, 2003 — Золотая Орда в источниках. Т. I. Арабские и персидские сочинения. Сост. Р.П.Храпачевский. М., 2003.

Ибн Рузбихан, 1976 — *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани.* Михман наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). Пер., предисл. и примеч. Р.П.Джалиловой. М., 1976.

Иванов, 1954 — *Иванов П.П.* Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии XVI–XVII вв. М.; Л., 1954.

История Армении, 1953 — История Армении Фавстоса Бузанда. Пер. М.А.Геворгяна. Ереван, 1953.

Квинт Курций Руф — *Квинт Курций Руф.* История Александра Македонского. С приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре / Отв. ред. А.А.Вигасин. М., 1993.

Клавихо — *Руи Гонсалес де Клавихо.* Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406). Пер. И.С.Мироковой. М., 1990.

Кляшторный, 2001 — *Кляшторный С.Г.* Новые открытия древнетюркских рунических надписей на Центральном Тянь-Шане // Изв. Национальной Академии наук Кыргызстана. 2001, № 1, 2.

Марко Поло — Книга Марко Поло // Путешествия в восточные страны. М., 1997.

Мартынова, Пивнева, 2001 — *Мартынова Е.П., Пивнева Е.А.* Традиционное природопользование народов Северного Приобья (по материалам Ханты-Мансийского автономного округа). М., 2001.

Массон, 1953 — *Массон М.Е.* О былых охотничьих парках в Средней Азии // Тр. АН Таджикской ССР. Сталинабад, 1953, т. XVII.

Материалы, 1973 — Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. Пер. В.С.Таскина. М., 1973.

Материалы, 1989 — Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 1. Сюнну. Пер. В.С.Таскина. М., 1989.

Материалы, 1992 — Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 3. Мужуны. Пер. В.С.Таскина. М., 1992.

Махмуд ибн Вали — *Махмуд ибн Вали.* Море тайн относительно доблестей благородных (география). Таш., 1977.

Набиев, 1973 — *Набиев Р.Н.* Из истории Кокандского ханства (Феодальное хозяйство Худояр-хана). Таш., 1973.

Наршахи — *Абу-Бакр Мухаммад Наршахи.* История Бухары. Пер. Н.Лыкошина. Таш., 1897.

Пурбуева, 1984 — *Пурбуева Ц.П.* «Биография Нейджи-тойна» как источник по истории буддизма в Монголии. Новосибирск, 1984.

Пэрлээ, 1975 — *Пэрлээ Х.* Где Великое запретное место с останками монгольских ханов (Ике-Хориг)? // Труды монгольских историков (1960–1974). Аннотированная библиография. Сост. Ц.Ишдорж, Д.Дорж. Ред. Ш.Бира. Улан-Батор, 1975.

Рашид ад-Дин, 1946 — *Рашид ад-дин.* Сборник летописей. Т. 3. Пер. А.К.Арендса. М.; Л., 1946.

Рашид ад-Дин, 1960 — *Рашид ад-дин.* Сборник летописей. Т. 2. Пер. Ю.П.Верховского. М.; Л., 1960.

Самаркандские документы, 1974 — Самаркандские документы XV–XVI вв. (О владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Афганистане). Факсимиле, критич. текст, пер. О.Д.Чехович. М., 1974.

Сатимбеков, 1981 — *Сатимбеков Р.* Древние заповедники Средней Азии и Казахстана // Изв. Всесоюзного Геогр. общества. Л., 1981, т. 113. Вып. 3.

Симаков, 1998 — *Симаков П.К.* Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии (ритуальный и практический аспекты). СПб., 1998.

Скрынникова, 2003 — *Скрынникова Т.Д.* Бурхан-Халдун — сакральный центр средневековых монголов // Чингисхан и судьбы народов Евразии. Улан-Удэ, 2003.

Сокровенное сказание, 1941 — *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941.

Тихонов, 1966 — *Тихонов Д.И.* Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X–XIV вв. М.; Л., 1966.

Троицкая, 1955 — *Троицкая А.Л.* «Заповедники»-курук кокандского хана Худояра // Сб. Гос. публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Вып. III. Л., 1955.

Труды экспедиции, 1901 — Труды экспедиции ИРГО по Центральной Азии, совершенной в 1893–1895 гг. под начальством В.И.Роборовского. Ч. I. Отчет начальника экспедиции В.И.Роборовского. СПб., 1901.

Урбанаева, 1994 — *Урбанаева И.С.* Человек у Байкала и мир Центральной Азии. Улан-Удэ, 1994.

Хазанов, 2002 — *Хазанов А.М.* Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002.

Хусайни, 1980 — *Садр ад-Дин Али ал-Хусайни.* Ахбар ад-даулат ас-селджукиййа (Сообщения о сельджукском государстве). Пер. З.М.Буниятова. М., 1980.

Шевяков, 1999 — *Шевяков А.И.* «Охота Александра» и ее географическая локализация // Обществ. науки в Узбекистане. 1999, № 5, 6.

Щербак, 1959 — *Щербак А.М.* Огуз-наме. Мухаббат-наме. М., 1959.

Boyle, 1977 — *Boyle J.A.* The Thirteen-Century Mongol's Conception of the After Life: The Evidence from Their Funerary Practices // *Boyle J.A.* The Mongol World Empire. 1206–1370. L., 1977.

Grousset, 1994 — *Grousset R.* The Empire of the Steppes. Rutgers, 1994.

Juvaini, 1997 —*Ata-Malik Juvaini.* The History of the World-Conqueror. Transl. by J.A. Boyle. Manchester, 1997.

Serruys, 1974 — *Serruys H.* Mongol «Qoriг»: Reservation // Mongolian Studies. Journal of the Mongolia Society. 1974, vol. I.

И.В.ЗАЙЦЕВ
(Москва)

Ad Fontes: Крымская историография эпохи Средневековья и Нового времени*

Источниковедение истории Крымского ханства развивается в нескольких направлениях. Первое и, вероятно, наиболее важное — публикация и изучение актового материала, а также внешнеполитической переписки ханов[1]. Практически совершенно не изучены так называемые инша[2] — письмовники с образцами посланий монархов или членов правящей крымской династии. Ждут своего исследователя казы-аскерские

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ.

[1] Назовем главнейшие работы [Усманов, 1979; Ianbay, 2002; Ivanics, 1975; Ivanics, 1975–1976; Ivanics, 1981; Kurat, 1940; Kurat, 1972; Le Khanat, 1978; Matériaux, 1864; Osmanlı,1992; Ostapchuk, 1987; Soysal, 1939; Vásáry, 1982; Veselá, 1984, с. 207–220 (дефтер Т30 из Гёттингена)]. Не опубликованы и практически не изучены, например, 24 документа, принадлежавшие коронному гетману Яну-Клеменсу Браницкому, среди корреспондентов которого были османские великие везиры, комендanты Хотина и Бендер, а также крымские ханы (Собрание РНБ, Т. д. 61–84; см. [Васильева, 1993, с. 44]).

[2] О жанре *инша* см., например, [Encyclopaedia, 1987, с. 511]. В Парижской национальной библиотеке (Bibliothéque Nationale de France, Supplément Turc 1188) хранится один из таких сборников (почерк *дивани*, XVIII в.). Среди документов (писем и указов) этого тома (л. 90об.–91об.) есть, например, список высочайшего послания (*наме-йи хумаюн*) крымскому хану Ислам-Гирею III, написанного в правление великого везира Мехмед-паши, датированного 1058 г.х. (1648 г.). Примеров подобного рода много и в других книжных собраниях мира (например, три письма хану Селим-Гирею от великого везира Мехмед-паши, написанные в июле и сентябре 1696 г., письмо хану от *капуджилер-кетхюдасы* ноября того же года, *наме-йи хумаюн* Селим-Гирею 1696-97 г., а также письмо великого везира Хусейн-паши хану от 23 сентября 1697 г., письмо Каплан-Гирея Карлу XII 1715 г. (см. [Zetterstéen, 1935, с. 95, 96, 101, 105 (письмо Тохтамыш-Гирею в *Муншеат* Мустафы Сами, ум. в 1733 г.), 127, л. 34b, 35b, 37a, 38a, 41b, 43b; № 715 (с. 127)]). См. также ниже в нашей статье описание сборника Supplement Turc 1361 (№ 20 сохранившихся сочинений) и письмо Саадет-Гирея (скорее всего Саадет-Гирея III, правившего в 1716-17 — 1724-25 гг.) в рукописном сборнике собрания библиотеки университета Джона Райланда в Манчестере, адресованное французскому послу в Стамбуле (возможно, де Боннаку), о присылке ему своего врача [Schmidt, 1999, с. 391, 432].

© И.В.Зайцев, 2005

книги, переданные в РНБ (тогда Императорскую Публичную библиотеку) в Санкт-Петербурге в 1905 г. из Симферопольского губернского архива «по распоряжению министра внутренних дел благодаря просвещенному содействию министра просвещения В.Г.Глазова», — 121 том (с 1608 по 1786 г.). Эти книги представляют собой реестры (сиджил), в которые «вносились большей частью в извлечениях, а иногда и полностью все юридические и административные дела, подлежавшие ведению казы-эскеров (верховных судей) при диване (судилище) бывших крымских ханов... протоколы судебных разбирательств по гражданским и уголовным делам, охранительные описи имуществ умерших, духовные завещания, раздельные акты, межевые акты, правительственные распоряжения по финансовой части и общественному благоустройству, сметы по сооружению общественных построек и т.п.» [Отчет, 1912, с. 38] (см. также: [Васильева, Лебедев, 1984, с. 145–146][3]. Практически нетронуты документы коллекции Ф.П.Кеппена, непосредственно касающиеся Крыма [Отчет, 1883, с. 45–51]. Традиция составления актов на турецком языке дожила в Крыму почти до конца XIX в.[4].

Еще одно важнейшее направление — исследование историографического наследия ханства. В этой области также сделано немало. «Историческая литература крымских татар бедна», — когда-то заметил Ф.Хартахай [Хартахай, 1867, с. 157]. Однако ныне эти слова с полным основанием можно поставить под сомнение. Настоящая работа ставит целью подведение своего рода итогов изучения крымской историо-

[3] Х.Иналджык, будучи в Крыму на конференции, посвященной 50-летию депортации крымских татар в 1994 г. («Крымские татары: прошлое и современность»), обнаружил в Крымско-татарской библиотеке им. И.Гаспринского коллекцию фотокопий *сиджилов*, которые были сделаны и переплетены еще до революции. Всего в коллекции 59 книг — с 1608 по 1750 г. Много пропусков (большинство материалов — второй половины XVII и XVIII в.). Книги пронумерованы с 1 по 71, отсутствуют номера 2, 5–7, 10, 39, 41–43, 50, 63, 69, 70. Предполагается, что это копии тех книг (или, скорее, их части), оригиналы которых хранятся в РНБ [Остапчук, 1994, с.204; Иналджик, 1996; İnalcık, 1996]. Первоначально при обнаружении этих книг в Симферопольском губернском архиве В.Д.Смирновым всего их было 124 переплетенных в кожу тетради. В заметке об этом событии говорилось: «В книгах интересны „охранительные ханские записи" или подробные описи ханского имущества в момент их смерти, начиная с табунов коней и кончая стаканом недопитого молока» [Живая старина,1907, с. 40].

[4] См., например: рук. из коллекции А.С.Фирковича в СПбФ ИВ РАН, Евр. С130 (Записная книга караимской кенасы г. Солхата (Старого Крыма) с печатью кенасы на первом листе, всего 40 л., 14,5×30,5 см). Записи начинаются с 1720 г. На л. 13 — перечень бывших в солхатской кенасе ценных предметов и тканей (1785 г.). Несколько листов вклеены в эту книгу, они представляют собой различные письма и акты на арабском и турецком. Например, акт на турецком языке (л. 38), датированный 29 марта 1864 г., о постройке еврейской общиной стен в Бахчисарае (рядом с дворцом), с подписями свидетелей.

графии и не претендует на скрупулезный археографический анализ источников (т.е., скорее, является опытом указателя публикаций и рукописного материала по теме)[5].

В ханстве процветали и другие историографические школы — армянская [Schütz, 1975] и караимская (см., например, [События, 1856]).

I. Несохранившиеся труды

Вероятнее всего, не дошло до нас гораздо более того, что сохранилось. Книжное собрание крымских ханов было велико. Источниками его пополнения служили не только обмен и закупка книг в Османской империи[6], Казани[7], Астрахани, Иране, Египте и Сирии[8], но и книжный рынок самого Крыма[9].

[5] Очень кратко османские и собственно крымские труды по истории ханства были некогда охарактеризованы составителями книги «Le Khanat de Crimée dans les archives du Musée du palais de Topkapi» (см. [Le Khanat, 1978, с. 410–413]). Однако этот список неполон и очень лаконичен. Еще ранее сочинения по истории Крыма кратко перечислил и оценил З.Абрахамович [Senai, 1971, с. 78–81]. Затронул тему и А. Баттал-Таймас [Battal-Taymas, 1964, с. 785, 786]. Ныне назрела необходимость обобщить материалы заново, с учетом современных публикаций. Это тем более важно потому, что в последнее время появляется довольно много работ, дезориентирующих читателей [Хайбуллаева, 2001].

[6] Бахчисарайское собрание РНБ (поступило в отдел рукописей в 1976 г. из Бахчисарайского историко-археологического музея) сохранило для нас часть библиотеки крымских ханов. Так, список 4-го тома *тафсира* (комментария Корана) автора XIII в. Мухаммеда б. Ахмада ал-Куртуби, переписанный, возможно, в начале XV или даже в XIV в., согласно записи на л. 272об., был подарен ханом Селим-Гиреем I в 1103/1691-92 г. «ученым Бахчисарая». В двух рукописях юридического содержания на первых листах имеются печати турецкого султана Махмуда I (1730–1754), а на последних — Селямет-Гирея II (1740–1743). То есть в библиотеку хана они попали из книжного собрания османского падишаха (см. [Васильева, Лебедев, 1983, с. 131, 132]). Список «ас-Саб ас-сиййар фи ахбар мулук ат-татар» из собрания СПбФ ИВ РАН, переписанный в 1206/1791-92 г. в Кара-Хисаре, происходит из библиотеки хана Сахиб-Гирея б. Девлет-Гирея [Дмитриева, 2002, с. 48]; о списках см. ниже. Рукописи из ханского собрания (судя по печатям) еще в начале прошлого века хранились в Восточном музее Ялты [Гордлевский, 1968, с. 258]. Судьба их мне неизвестна.

[7] См. [Зайцев, 2000, с. 77–82].

[8] Так, в Бахчисарайском собрании РНБ имеются рукописи, переписанные в Египте и Сирии. Под шифром Бахч. 8 хранится список супракомментария ат-Тафтазани к комментарию ал-Иджи на юридический компендиум ал-Хаджиба «Мухтасар ал-Мунтаха» («Сокращение „Предела“»), переписанный в каирском медресе ал-Маликийа в январе–феврале 1453 г. Под шифром Бахч. 70/6 хранятся 6 каллиграфических томов хадисов ал-Бухари — в списке 1479-80 г., сделанном в Дамаске муэдзином Омейадской мечети Йунусом б. Мухаммедом ал-Аджлуни и Ибрахимом б. Ахмадом ал-Кудси и заверенным известным юристом XV в. Ибрахимом б. Мухаммедом ан-Наджи аш-Шафии (см. [Васильева, Лебедев, 1983, с. 132, 133]).

[9] В Крыму переписка книг на арабском, тюркских и персидском языках шла постоянно. Так, в Национальной библиотеке Франции хранится персидский евангельский

Вероятно, часть рукописей ханского собрания в Крыму происходила из коллекции ханов Золотой Орды. В частном собрании Фуада Кёпрю-

сборник (Persan 3), переписанный в Крыму в городе Солхат (Шахр-и Крым) в 776 г.х. (1374 г.) [Richard, 1981, с. 225, 245; Richard, 1989, с. 29, 30; Manuel, 2000, с. 129, ill. 35]. Скорее всего автором копии был армянин — возможно, монах соседнего с Солхатом армянского монастыря Сурб-Хач (о монастыре см. [Микаэлян, 1965; Микаэлян, 1974; Домбровский, Сидоренко, 1978, с. 53–124]). В том же собрании хранится список «Гюлистана» Саади, выполненный Дервиш Хафизом б. Фахр ад-Дином Каши, учеником Баба-Мухаммеда Мир Гийаси в Кафе в начале 1510 г. [Richard, 1989, с. 307]. Крымские авторы много переводили с персидского и арабского: например, умерший в 983/1575-76 г. муфтий Кафы по прозвищу Бабакуши (по Хаджи Хальфе) — Мустафа б. Шейх Абд ар-Рахман перевел с персидского сочинение «Анис ал-мулук» (рук. см.: BNF, Supplément Turc 1066). Для XVII в. укажем на список арабского комментария к «ал-Мисбах фи-ннахв» ал-Мутарризи (1213 г.) «ал-Ифтитах фи шарх ал-Мисбах» Хасан-баша б. Ала ад-Дина ал-Асвада (ок. 1397 г.) [Арабские рукописи, 1986, с. 312, 313 (№ 7062–7074)], переписанный во времена Мурад-Гирея в 1680 г. (рукописное собрание МГИМО, № 44). Две арабские рукописи грамматического содержания крымского происхождения хранятся в коллекции ЦНБ Украины. Первая (грамматический комментарий «Дау ал-Мисбах»), переписанная Мухаммедом б. Йусуфом б. Мухаммедом, закончена в 1706 г. при хане Гази-Гирее III; другая (грамматика «ал-Фаваид ад-дийаиййа би шарх ал-Кафийа либни-л-Хаджиб» знаменитого Джами (1414–1492 гг.) закончена в 1223/1808 г. Челеби б. Монла Османом, однако в колофоне сказано, что это произошло при хане Селим-Гирее [Рыбалкин, 1984, с. 167]. См. также сочинение Усам ад-Дина Ибрахима б. Арабшаха حاشية على الفوائد الضيائية للجامى, переписанное в правление Каплан-Гирея, т.е. в 1707–1708, 1713–1716, 1730–1736 или 1770 г. (см. [Арабские рукописи, 1986, с. 321 (№ 7329)]). В 1145/1732-33 г. в правление Каплан-Гирея в Крыму Хаджи Абдаллахом б. Курман Али Хаджи был переписан сборник, хранящийся ныне в Отделе редких книг и рукописей библиотеки МГУ (инв. № 288708, шифр 10a/108; Ms Arabe 2), — несколько трактатов на арабском по фикху: сочинения второй половины XIV в. «Джавахир ал-фикх» Тахира б. Ислама ал-Хварезми и неизвестное ранее в других списках, кроме петербургского, الفاظ الكفر Аби ал-Фаттаха Музаффара б. Ибрахима б. Мансура ал-Хатиба [Арабские рукописи, 1986, с. 220 (№ 4668–4672) и 300 (№ 6713)]. Для XIX в., например, укажем на популярнейшую поэму о рождении Пророка «Мевлюд-наме», также своим происхождением связанную с Крымом (Bibliothéque Nationale de France, Supplément Turc 1181), или список (из РНБ, Бахч. 83, 1812 г.) сочинения Мухаммеда б. Абд ар-Рахима б. Ибрахима ал-Кирими (жителя деревни Буз-Ангари), составившего в 1748 г. супракомментарий к комментарию Абд ал-Гафура ал-Лари на учебник арабской грамматики Джами (см. [Васильева, Лебедев, 1983, с. 134]). Крымские писцы работали не только в Крыму, но и в Московском государстве (см., например, [Морозов, 1996, с. 22, 24, 25]) и Османской империи. Так, в колофоне стамбульского списка «Теварих-и Дешт-и Кипчак» сказано: «Писал это бедняк Сеййид Осман из Крыма (القريمى), писец соборной мечети Нур-и Османи» [Зайончковский, 1969, с. 21]. Крымские авторы достаточно часто встречаются в каталогах восточных рукописей мира. См., например, список персидского комментария к «Гюлистану», составленного Хусейном б. Ибрахимом из Кафы (ум. 27 августа 1601 г.), подготовленный после смерти автора комментария Хусейном б. Рустам-пашой (Хусайни, ум. в 1023/1614-15 г.). Об этом комментарии с похвалой отзывался Хаджи Хальфа [Persischen, 1859, с. 92, 93, № 62].

лю, например, хранилась рукопись «Хикает-и Джюмджюме Султан» Хюсама Кятиба. Ученый отмечал, что эта копия — перевод на турецкий, выполненный по приказу Сахиб-Гирея б. Хаджи-Гирея. В начале этого экземпляра была пометка, что в сокровищнице Сахиб-Гирея имелся монгольский вариант произведения, с которого делался турецкий перевод. Имя переводчика не сохранилось. Ф.Кёпрюлю предположил, что оригинал был написан уйгурицей на чагатайском или монгольском языке (см. [Tansel, 1970, с. 252, 253]). Любопытно, что именно при Сахибе в Крыму был осуществлен и еще один перевод с «монгольского» (مغال دلندن) на тюркский (ترکی دلینه) — сокращения астрономического сочинения (рисале), посвященного расчету лет 12-летнего животного цикла под названием «Источник жизни» [Flügel, 1977б, с. 179, 180, № 1750]. Этим «монгольским» языком мог быть не собственно монгольский, а, например, уйгурский.

Крымские ханы были не только грамотными людьми[10], но многие из них писали стихи[11]. Ниже предпринимается попытка перечислить лишь некоторые из утраченных трудов по истории Крыма. Список, конечно, неполон, однако нельзя терять надежды, что часть утерянного вполне может быть обнаружена или же ныне известные сочинения будут отождествлены с числящимися утраченными.

1. Сочинение по истории Хафиза Мухаммеда Ташкенди (حافظ محمد طاشکندی). На этого автора ссылаются многие средневековые османские сочинители (султан Мухаммед, Дженнаби, Мюнеджжим-баши[12], Абдаллах б. Ризван и др.), однако «история» его не обнаружена до сих пор. В.Д.Смирнов в свое время писал, что «анахронизмом является и указание на историю мевляны Ташкенди как на источник сведений султана Мухаммеда о Крыме, потому что автор этой ненаходимой доселе истории дома Чингиза считается внуком Али-Кушчи, известного математика времен Мухаммеда II» [Смирнов, 1887, с. 52, 210 и др.]. Летом 1879 г. в библиотеке Кылыдж-Али-паши в Стамбуле, где, по Хаджи-Хальфе, эта рукопись хранилась, старик библиотекарь сказал В.Д.Смирнову: «Может быть, и была она когда-нибудь... да, вероятно, ее украли!» — «Хорошо еще, — добавляет В.Д.Смирнов, — коли украли: тогда хоть есть надежда, что когда-нибудь и отыщется этот интересный памятник» [Сборник, 1881, с. V].

---

[10] Например, грамоту 1537 г. в Москву сын хана Сахиб-Гирея, его калга Эмин-Гирей «писал... своею рукою» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 8, л. 390–390об.].

[11] См. образцы и некоторую литературу по теме в сборнике [Грезы, 1999].

[12] Мюнеджжим-баши прямо называет Хафиза Ташкенди внуком Али-Кушчи и хронистом (مورخ, см. об этом ниже). См. [Мюнеджжимбаши, 1285, с. 697].

Сведения Хафиза Мухаммеда Ташкенди, вероятно, легли в основу сведений «Кюнх ал-ахбар», т.е. «Сути известий» (كنه الخبار) Мустафы Али Гелиболулу (конец XVI в.). Последний, в свою очередь, стал источником о Крыме для целой плеяды османских хронистов. Прежде всего, это Хезарфенн и его сочинение «Изложение сути законов Османской династии» (BNF. Supplément Turc 884. Texte relatif au statut juridique des khans de Crimée, précieux pour des renseignementes d'ordre administratif et institutionell) [Hezârfen, 1998, с. 169–172][13]. В другом своем труде — «Исправлении истории царей» — Хезарфенн упоминает Хафиза Мухаммеда Ташкенди как источник своих сведений о Крыме [Хезарфенн, л. 28; Хезарфенн(а), л. 73об.].

С полным правом в этот раздел можно включить и «Канун-наме» некоего Эйюби, писавшего после Хезарфенна, во времена Мехмеда IV. Его раздел о крымских ханах очень близок к соответствующей главе сочинения Хезарфенна (Eyyubî, 1994, с. 53–56): два последовательно составленных сочинения имеют своим источником труд Али-эфенди[14].

2. Сочинение Хюсейна Веджихи, крымчанина из Бахчисарая, под условным названием «История Веджихи» (تاريخ وجيهى) мне известно по использованию его сведений Фундуклулу (например, в описании одной из битв крымцев с русскими; см. Фундуклулу, I, л. 79v-96r венского списка). Этот Веджихи писал и стихи (сохранился его Диван). Его «Историю» упоминал В.Д.Смирнов, который пользовался венской рукописью Веджихи и венской же рукописью Фундуклулу [Смирнов, 1887, с. XXII][15]. В каталоге венских манускриптов числится еще один Веджхи — поэт (вероятно, произведения того же автора в составе поэтических сборников (XVI в.) хранятся в Санкт-Петербурге в ИВ РАН, но, возможно, это другой, которого не следует путать с нашим историком. „Наш" Веджихи прибыл в Стамбул и был мюхюрдаром (хранителем печати) до кончины умершего в 1051/1641-42 г. в Темешваре адмирала Силяхдара Мустафы-паши (впоследствии великого везира Кара Мустафы-паши). Умер Веджихи в Стамбуле в 1081/1670-71 г. [İstanbul Kütüphaneleri, 1944, с. 276, 277][16]. Его сочинение охватывает время правления Мурада IV, Ибрахима I и Мехмеда IV (с 1047 по 1072 г.х., т.е. с 1637-38 по 1661-62 г.). В библиотеках Стамбула хра-

[13] Русский перевод раздела из сочинения Хезарфенна см. [Орешкова, 1990].

[14] По крайней мере В.Д.Смирнов считал, что Хезарфенн взял свой крымский раздел у Али (см. [Сборник, 1881, с. V]).

[15] Шифр в Венской библиотеке, как указывает В.Д.Смирнов, Н.О. № 83.

[16] Или, по более вероятным другим данным, на десять лет ранее — в 1660 (т.е. 1071 г.х.) (см. [Flügel, 1977a, с. 271 (№ 1069); Babinger, 1987, с. 1136–1137]).

нятся три списка истории Веджихи (Нуросманийе № 3198, Хафиз Ахмед-паша (библиотека Кёпрюлю) № 225 и Хамидийе (Библиотека Мурада моллы) № 917). Безусловно, Веджихи использовал какие-то не дошедшие до нас крымские исторические труды.

3. «Хроника Тохта-бая» (условное название). История Крымского ханства всегда привлекала внимание османских летописцев, путешественников и мемуаристов. Наиболее яркой и известной фигурой из них, конечно, был Эвлия Челеби[17]. Неоднократно бывавший на полуострове, Эвлия в целом очень точно передавал увиденное и услышанное, записывая подробности и обстоятельства[18]. Неудивительно, что в тексте османского путешественника мы находим сведения об источниках по истории Крыма. Так, весной 1667 г. на пиру у Адиль-Гирея он слушал чтение вслух хроники некоего Тохта-бая, написанной на чагатайском языке. Чтение совершалось по рукописи, хранившейся у сына Тохта-бая — аталыка Имрана. Вероятно, Эвлия записывал услышанное: значительная часть его сведений является пересказом хроники Тохта-бая[19].

4. «Историческая справка» («Доводы») последнего крымского хана, Шахин-Гирея, предоставленная русскому резиденту Константинову («Перевод с копии, сообщенной от светлейшего Шагин-Гирей-хана резиденту Константинову, из доношения и приложения при оном от имени правительства к его светлости писанного») [Дубровин, 1887, с. 480–485]. Справка была составлена, вероятно, по имевшемуся в распоряжении крымского правительства историческому сочинению (или сочинениям). Содержание «Доводов», согласно несовершенному русскому переводу, таково: рассказ о разделении Чингизом в 1211 г. (610 г.х.) страны на четыре части; племена, обитавшие в этих частях; смерть в 1226 г. Джучи; сын Джучи Саин (Бату) начинает править племенами правой руки, «а левая рука, называемая часть, которую составляли живущие по реке Сирре, досталась уделом Иджан-хану».

---

[17] Сведения о Крыме в основном сосредоточены в 7-м томе сочинения Эвлии [Evliya, 1928]. Труд переводился на русский язык выдержками (см. [Эвлия, 1961; Эвлия, 1979; Эвлия, 1983]). Последнее издание сведений Эвлии о Крыме см. [Книга, 1999].

[18] Теме достоверности сведений Эвлии Челеби о Крыме (в частности, точности передачи им эпиграфического материала) посвящена специальная статья [Григорьев, Фролова, 1968].

[19] Русский перевод см. [Бахревский, 1996, с. 186, 187]. Эвлия использовал многие исторические хроники предшественников, записывал услышанные предания (так, легенда о постройке в Солхате (Старом Крыму) Амбровой, или Мускусной, мечети является вариантом легенды, приводимой позднее в «Семи планетах» Мухаммед-Ризы). См. подробнее [Григорьев, 1974, с. 19–28, особенно с. 23–25], где указаны сведения Эвлии из исторических произведений.

Смерть в 660 г.х. Саина, после него правит Берке — его брат. В 880 г.х. на престол вступает Джанибек-Махмуд. «По распоряжению мугуллов означенныя земли от берегов реки Волги до так называемого Маяк-Азыз на реке Днестре брода вручил в правление командовавшему над всем правая рука именуемым ханским войском Беглер-бею и Хаджину сыну Мамай-бею. Сей Беглер-бей и после Джани-бек-хана правительствовал над оными землями по 838 год, в котором произошли странныя приключения у Тохтамыш-хана с беем Эдиду». Иджан-хан здесь — это брат Бату, Орда-Ичен (монг. эджен); Мамай-бей — знаменитый золотоордынский правитель второй половины XIV в. (любопытно, что из этого текста мы узнаем имя, а вернее, почетное прозвище его отца — Хаджи); «Эдиду» — это Эдиге.

5. Карасубазарская генеалогия. До 1786 г., когда француз Жильбер Ромм путешествовал по Крыму, карасубазарский муфтий («муфтий-ефенди», как называл его Жильбер Ромм) «составил на татарско-ногайском наречии генеалогическую историю своего народа». «Он обещал подарить мне ее перевод, — писал француз, — который перешлет в Акмечеть через г-на Фаззарди, толмача при генерале Корсакове. И эта история, как и все вообще, что может явиться плодом учености муфтия-ефенди, не возместит потерь, причиненных в 1735 г., когда генерал Миних сжег город Бахчисарай, где у хана было многочисленное собрание рукописей и печатных книг на татарском и других восточных языках» [Ромм, 1941, с. 56][20].

6. Поэма Джан-Мухаммеда, повествующая, в частности, о совместном походе Богдана Хмельницкого с Ислам-Гиреем III и Тугай-беем на Польшу. В 1925 г. в ходе этнографической экспедиции Крымского наркомата образования рукопись поэмы (не имевшая названия в оригинале) была обнаружена Османом Акчокраклы в селе Капсихор (Восточный Крым) у Хаджи-Али-эфенди. В 1930 г. О.Акчокраклы опубликовал описание манускрипта и изложение содержания поэмы на укра-

[20] Этот муфтий был вообще, как можно судить по сочинению Ромма, высокообразованным человеком, причем в науках светских. «Наш муфтий, — писал Ж.Ромм, — показал нам большую рукописную, на татарском языке книгу по географии, с картами, на глянцевитой бумаге, — работу шейха Мохамеда, написанную лет 200 назад, о которой и теперь упоминают как о значительном и полезном труде, а скорее, конечно, как о редком явлении, ибо нет ничего более редкого, как научная книга на этом языке». Тот же муфтий достал Ромму «отличную копию Корана» [Ромм, 1941, с. 42, 55]. Ж.Ромм был знаком в Крыму с еще одним знатоком и владельцем рукописей, проводником француза в окрестностях Бахчисарая. Это «ученый татарин, знававший Бахчисарайского каймакана Мехмет-агу, около полутора лет назад уехавшего в Анатолию... Он владеет многочисленными рукописями, откуда удалось почерпнуть любопытные предания (о прошлом Крыма. — *И.З.*)...» [Ромм, 1941, с. 71].

инском языке [Акчокраклы, 1930, с. 163–170][21]. О.Акчокраклы с тремя практикантами переписал манускрипт (поскольку владелец отказывался продать его) в течение 3–4 часов на месте, а затем сверил с оригиналом.

Рукопись оригинала (17×22 см, насх; 34 листа, т.е. 68 страниц, из которых две страницы были заняты хронологическим списком крымских ханов от Менгли-Гирея I до Шахин-Гирея) скорее всего погибла[22]. Поэма была написана 11-сложником в поэтическом жанре месневи, который характеризуется рифмовкой полустиший-мисра в пределах одного бейта, т.е. попарно (излюбленный жанр крымско-татарской поэзии), имела 1892 стиха и была разделена на 17 глав-разделов. Язык поэмы — турецкий, близкий к народному говору, который был известен в турецкой литературе конца XIX в. как ашик-тарзи. Поскольку список Хаджи-Али-эфенди не имел ни даты переписки, ни места, ни указания переписчика текста, О.Акчокраклы датировал оригинал концом XVIII — началом XIX в. (по бумаге и списку ханов в начале, доведенному до Шахин-Гирея, т.е. до 1783 г.), а создание самой поэмы относил к середине XVII в.

Отдельно стоит разобрать вопрос об авторстве поэмы. В тексте имя автора — Джан-Мухаммед — было указано дважды (на стр. 48 и 64 оригинала). О.Акчокраклы предполагал, что Джан-Мухаммед — то же лицо, что и Шейх-Мухаммед, также упомянутый в тексте поэмы (стр. 34 оригинала, VI раздел) как зять Султан-Гельди-мурзы, брата главного героя — Тугай-бея. Дело в том, что османский историк XIX в. Халим-Гирей (происходивший из крымского ханского рода; о нем и его трудах см. ниже) упоминает в сочинении «Гюльбун-и ханан» в качестве источника своих сведений о походе Ислам-Гирея на Польшу историю секретаря ханского дивана Шейх-Мухаммеда-эфенди под названием «Вакаи-и Кырым» — «Крымские события (известия)». Это обстоятельство, по О.Акчокраклы, подтверждает догадку о тождестве Джан-Мухаммеда (автора поэмы) и Шейх-Мухаммеда (автора «Вакаи-и Кырым»). «Неясно, однако, — совершенно справедливо писал О.Акчокраклы, — имеется ли в виду под „Сборником крымских известий“ поэма, которую мы разбираем, или же у Шейх-Мухаммеда было еще другое сочинение под названием „Вакаи-и Кырым“? Если это так, то

[21] Эта работа перепечатана в возобновленном журнале «Східний Світ» в рубрике «Зі спадку наших попередників» (1993, № 1); см. также [Прицак, 2001, с. 123, 127].

[22] О.Акчокраклы писал, что, по последним данным, имевшимся у него, оригинал поэмы был куплен у наследников Хаджи-Али-эфенди Ялтинским Восточным музеем [Акчокраклы, 1930, с. 164].

название поэмы — „Вакаи-и Кырым", хотя в предпоследнем стихе оно передано как „Васф-и гуззат", т.е. „Описание битвы"» [Акчокраклы, 1930, с. 165]. Содержание поэмы довольно подробно пересказано О.Акчокраклы прозой (по разделам, с некоторыми пояснениями). Текст поэмы, судя по всему, просматривал и акад. А.Е.Крымский (ему принадлежит отождествление названия Албав в тексте поэмы с топонимом Желтые Воды, хотя это, как показал З.Абрахамович, название Львова — i-Lbow) [Senai, 1971, с. 36]. О поэме про совместный поход Тугай-бея с Богданом Хмельницким против Польши имеется недоступная мне статья на крымско-татарском языке [Фетислямов, 1939][23].

7. «Сефер-наме». Об этой небольшой анонимной поэме, существовавшей в рукописи, известно лишь из краткого упоминания О.Акчокраклы. Поэма повествовала о совместном походе крымских татар с запорожцами на Польшу [Акчокраклы, 1930, с. 70].

8. Аноним Зуева. Вероятный источник исторических сведений в записках В.Зуева (1782 г.) [Зуев, 1783]. Как кажется, ряд сведений Зуева мог быть почерпнут им только из письменного источника, причем тюркоязычного (т.е. скорее всего местного, крымского). Прежде всего, это форма имени Бенгли-Гирей (Менгли-Гирей). Чередование б~м в начале слова (и, в частности, в данном имени) — характерная черта крымских текстов (см. [Ivanics, 1975, с. 219])[24]. В. Зуев все время употребляет выражение «Аличингисхан» (например, «племя Аличингисхана»), которое может быть понято, только если иметь в виду устойчивое письменное сочетание — آل جنكيز خان, т.е. «дом (династия) Чингиз-хана». Наконец, подробное изложение крымской истории: воспитание Менгли-Гирея генуэзцами, его отправка в Стамбул, вмешательство Мехмеда Фатиха в татарскую распрю, дата принятия османского сюзеренитета (почему-то в 1490 г.), перечисление условий, на которых Крым становился вассалом, описание обряда присоединения татарского войска к османскому, происхождение бейских родов) — все это заставляет предположить существование письменного источника, который в каком-то виде (прямо или через посредство) был адаптирован В.Зуевым[25].

---

[23] Название в ссылках разнится (Тогъай-бей акъкъында поэма ?). См. [Музафаров, 1970, с. 113].

[24] В качестве примера написания имени Бенгли-Гирей укажем на № 6 нашего описания сохранившихся источников.

[25] Надо сказать, что тема скрытого использования европейскими и русскими авторами оригинальных крымских или османских источников крайне любопытна. Например, Тунманн в своем труде приводит образец подписи-титула крымского хана: *Улуг*

9. تقويم («Календарь»)[26] историка (مورخ) Хейри-заде.

10. مجموعه («Сборник») Абд ал-Вели-эфенди.

11. واقعات مجموعهسی («Сборник событий») Масуда-эфенди, советника царевича Шахбаз-Гирея, убитого черкесами в 1111/1699-1700 г. Все три сочинения (№ 9–11) упомянуты Мухаммедом Ризой как источники его собственного труда [Ассеб о-ссейяр, 1832, с. 148, 159 (о Хейри-заде), 198, 203 (об Абд ал-Вели с критическим отзывом автора о нем), 225 (о Масуд-эфенди)]; см. также [Смирнов, 1887, с. XII]. Что же можно сказать об этих произведениях? Ф.Хартахай некогда замечал, что «нет никаких оснований думать, чтобы сочинения двух вышеупомянутых историков — Абдула, сына Магомета и Хейр-заде-Эфенди — отличались какими-нибудь особенными достоинствами содержания, так как они, без малейшего в том сомнения, написаны в том же духе», что и остальные крымские исторические сочинения, известные Ф.Хартахаю (см. [Хартахай, 1867, с. 160]). Первый труд (№ 9; Риза называет его «Календарь-история» — تقويم تاريخى), посвященный «крымским событиям», — وقايع قريم, является, вероятно, крымской репликой османских таквимов (календарей, погодных записей, составлявшихся в XV–XVI вв. и легших затем в основу многих османских хроник) (см. [Inalcik, 1962, с. 157, 158; Menage, 1962, с. 170, 171; Menage, 1964, с. 15; Menage, 1976, с. 570–584; Turan, 1984].

Форма их была самая простая: обозначение года (причем далеко не всегда годы шли подряд), а затем краткое перечисление наиболее важных событий, в этот год произошедших (как правило, военных предприятий, смертей, рождений и восшествий на трон представителей правящей династии). Хронология календарей была не абсолютной, а относительной, т.е. годы обозначались не по хиджре, а по количеству лет, прошедших со времени определенного события до даты составления календаря. Хронологический охват таквимов — история пророков от Адама, халифы, основные события времен Сельджукской, Османской и Караманской династий. Между прочим, то, что Риза называет Хейри-заде مورخ, примечательно. Эта должность при османском дворе означала придворного летописца — *вакаи нювиса*. Название «Меджмуа» (сборник, журнал) слишком общо, чтобы делать какие-либо

Йортнынг ве Техти Кырымнинг ве Дешти Кыпчакнинг улуг хани [Тунманн, 1991, с. 23]. Эта подпись абсолютно правильна и соответствует действительным титулованиям ханов в официальных посланиях. Интересно было бы установить источник этой цитаты у Тунманна.

[26] Или, как переводит В.Д.Смирнов, «Табель».

выводы. О сборнике Абд ал-Вели (№ 10) можно судить со слов самого Ризы: кто был этот Абд ал-Вели, неизвестно[27].

12. Источник (источники?) глав 5–6 «Селим-наме» (или «Меасир-и Селим-ханы») Джелал-заде Мустафы Челеби (Коджа Нишанджи)[28]. Автор (ок. 1490–1567), нишанджи в 1534–1557 и 1566–1567 г., написал свой труд, посвященный восхождению на трон и деяниям султана Селима Грозного, между 1557 и 1566 гг. Сохранилось шесть списков сочинения. Оно состоит из 23 глав. Главы 5 и 6 повествуют о пребывании Селима в Кафе. Один эпизод хроники (встреча Селима и Менгли-Гирея в Кафе, во время которой прибывает письмо от Ахмеда, брата Селима, с предложением последнему крепости и нахие Кафы в обмен на прекращение борьбы, уговоры Селима Менгли-Гиреем и Мухаммед-Гиреем, бегство Селима через Днепр в Румелию) не встречается более ни в одном из известных османских или крымских источников. Ряд чисто крымских деталей позволяет считать его заимствованным из неизвестного сочинения, скоре всего посвященного истории Крыма. Назовем его Аноним Нишанджи[29].

13. Возможный источник османского сочинения, написанного неизвестным турецким чиновником, который много лет состоял в должности секретаря арсенала и финансовой канцелярии при мухафызе в

---

[27] Имя нашего историка — Абд ал-Вели (عبد الولي) слишком распространено, чтобы делать какие-либо выводы. См., например, бахчисарайские надгробия 1777 г. — 1192 г.х. некоего *силахдара* (т.е. мечника, оруженосца) Али-аги, сына Абд ал-Вели-паши, а также, видимо, его сестры Зейнеб-султан-ханым, дочери Абд ал-Вели-паши, умершей в 1204 г.х., т.е. в 1789 г. [Бахчесарайские, 1848, с. 511, 518]. Судя по дате смерти Али и Зейнеб, их отец вполне мог жить в конце XVII — XVIII в., т.е. быть предшественником Мухаммед-Ризы. Однако такое отождествление, безусловно, нуждается в дополнительной аргументации. Мне известен еще один (или тот же?) Абд ал-Вели, брат Бахадыр-аги. Какой-то трехбунчужный паша «Абдулвели-бей», владелец Коккозской долины, был убит татарами при присоединении Крыма к России за призыв подчиниться русским [Протоколы, 1913, с. 230].

[28] По-видимому, первым на это сочинение обратил внимание И.Узунчаршылы. О рукописях см. [Uzunçarşılı, 1958, с. 409; Kerslake, 1978, с. 48, 49].

[29] Среди интеллектуальной элиты Османской империи было немало выходцев из Крыма (нисба Кырыми или Кефеви довольно часто встречается в османском ономастиконе). Как известно, литературным языком в Крымском ханстве был староосманский, что, конечно, облегчало знакомство османского общества с крымскими текстами. Мне неизвестны переводы крымских исторических сочинений, написанных на тюркú или крымско-татарском языке, на староосманский. Однако такие переводы, вероятно, все же могли быть исполнены, подобно тому как делались переводы крымских художественных произведений (см., например, перевод «Йусуфа и Зулейхи» [Фалев, 1925]). Вероятными авторами таких переводов могли быть крымчане, для которых владение несколькими тюркскими языками, арабским и фарси было нормой.

Хотине (1740 г.)[30]. Оригинал труда, хранившийся в коллекции османского собирателя рукописей Субхи-бея, возможно, утерян. Он представлял собой трехтомное описание Египта, Африки, Европейской Турции, Европы и Америки, устройства османского двора, войска и флота. Крыму уделялась специальная глава. Автор описывает крымские населенные пункты и города с указанием долгот и широт, примечательных особенностей, этнического состава населения. Особый раздел он посвятил рассказу о внешнем облике, нравах и обычаях татар.

14. Источник труда Давида б. Элиазара Лехно (или Ляхну)[31] [Финкель, 1848, с. 693–704][32]. Сочинение раббинита из Карасу-Базара под названием «Девар Сефатаим» (דבר שפתים, т.е. «Устное повествование») написано на древнееврейском языке между 1681 и 1731 гг. Автор умер в 1735 г. Сочинение состоит из 53 глав, им предпослано предисловие, в котором содержится история крымских ханов до 1681 г. Первым крымским ханом назван Урус. Предисловие оканчивается воцарением в третий раз Каплан-Гирея в 1143/1730-31 г. Оба списка сочинения (они хранились в Одесском обществе истории и древностей) после этого события имели лакуну в 5 листов. Далее шел фрагмент второй главы. Третья глава начиналась воцарением Хаджи-Гирея в 1094 г.х., а 35-я глава — 2490 г. еврейского летосчисления, или 1143 г.х., — низвержением Менгли-Гирея султаном Махмудом. Автор слышал «устные рассказы от ученых измаильтян», т.е. крымских мусульман, и передал их в своей хронике, но мы вправе предположить, что источником сочинения могли быть и не дошедшие до нас крымские исторические труды. Аргументом в пользу этого может служить не только очень точная передача Давидом топонимов, этнонимов и личных имен в их крымско-татарской или османской форме (ср., например, Ах-бей, Шермет-оглу, Нукрат-Кирман, Кази-Кирман, Бутаклы, Барабаш-Хазахи, Занджили-хулалар (Ваддин-хула и Джан-хула), Диджан-каласи и др.), но и прямое указание автора (глава 21) на использование им «Истории крымских царей», т.е., вероятно, несохранившейся крымско-татарской хроники [Боровой, 1941, с. 298].

15. Данные по истории ханства не могли не отразиться и в крымско-татарском фольклоре, причем некоторые записанные тексты свидетельствуют о книжном источнике сведений. «То, что (принято) назы-

[30] Первый перевод на русский язык см. [Брун, 1867, с. 10–13]; комментированное издание см. [Губоглу, 1964, с. 147–153].

[31] Это прозвище означает, что сам автор или его предки происходили из Польши.

[32] Об этом сочинении см. также [Гаркави, 1884, с. 1–41; Маркон, 1910, с. 599–602; Маркон, 1916, с. XI, XII; Markon, 1938, с. 547, 548; Боровой, 1941, с. 295–299].

вать Крымом, — пятьдесят один хан» (Qырым дедiклepi elli бip хандыр) — пелось в переселенческой песне, записанной А.Олесницким в Крыму летом 1909 г.[33].

16. Интересные данные приводит в своем дневнике Эрик Густав Эрстрём — швед по происхождению, студент Московского университета, изучавший русский язык. В 1812 г. во время наступления Наполеона на Москву он был эвакуирован вместе с университетом в Нижний Новгород. Там он встретил отряд крымских татар, идущих на войну. Эрстрём спросил у татарского офицера, «слышал ли он про людей, коих называют шведами.

— Конечно, почему же нет! Менее ста лет назад их король был с нами в Бендерах!

— Ну и что же ваши соотечественники говорят о шведском короле? — спросил я.

— Этот мужчина не боялся смотреть в лицо своих врагов, — был ответ.

Я спросил также, как называется швед по-татарски.

— Швид, — отвечал он. — Шведы были храбрым народом и нашими друзьями» [Эрстрём, 1991, с. 79].

Этот диалог убеждает, что память об исторических событиях столетней давности (в данном случае о союзе Карла XII с крымскими татарами в начале XVIII в.) была жива у татар. Скорее всего этому событию были посвящены отдельные произведения народной словесности или исторические хроники, не дошедшие до нашего времени.

II. Сохранившиеся сочинения

Кратко охарактеризуем некоторые крымские историографические труды (как опубликованные, так и известные нам в неизданных списках). Понятие «крымские историографические сочинения» я трактую расширительно. Так же как под крымско-татарскими рукописными материалами исследователи подразумевают «весь комплекс бытовавших среди татар рукописных книг и архивных документов Крымского ханства независимо от того, на каком языке и где они были написаны» [Васильева, 1993, с. 37], под крымскими историческими сочинениями я, вслед за О.В.Васильевой, понимаю все труды, посвя-

[33] См. [Олесницкий, 1910, с. 52, 131 (№ LV)] с примечанием Олесницкого: «Кажется, слово „хан“ текста удобнее понять как титул турецких правителей, хотя, напомним, число крымских ханов меньше 51; если не считать повторных царствований, ханов было только 46» (см. [Лэн-Пуль, 1899, с. 196, 197]).

щенные истории Крымского ханства, независимо от того, написаны ли они крымскими уроженцами или природными османами. Такое понимание не противоречит логике.

1. «История хана Сахиб-Гирея» (تاريخ صاحب كراى خان) Бадр ад-Дина Мухаммеда б. Мухаммед Кайсуни-заде Нидаи-эфенди, более известного под именем Реммал-ходжи. Автор, по происхождению турок, из семьи медиков, служил у хана Сахиб-Гирея с 1532 г. (поступил на службу при отъезде хана из Стамбула в Бахчисарай)[34]. «Историю» написал после убийства Сахиб-Гирея в 1551 г. по просьбе дочери хана — Нур-Султан. Закончил труд в конце реджеба 960 г.х. (13 июня — 12 июля 1553 г.). Умер в 975/1567-68 или 976/1568-69 г. [Дмитриева, Муратов, 1975, с. 48 (№ 21); Inalcik, 1979–1980, с. 445–447]. Сочинение известно в шести списках. Старейший (1651 г.) хранится в Национальной библиотеке Франции (BNF, Supplément Turc 61). Второй по старшинству — список Отдела рукописей восточного факультета СПбГУ (MS. 0 488) [Gökbilgin, 1970, с. 463; Некрасов, 1997, с. 95]. Еще четыре списка XVIII–XIX вв. хранятся в ОР СПбФ ИВ РАН[35].

Выдающийся отечественный тюрколог В.Д.Смирнов[36] подготовил русский перевод этого сочинения, однако он не увидел свет (см.: Архив востоковедов СПбФ ИВ РАН, ф. 50 (Василий Дмитриевич Смирнов), оп. 1, ед. хр. 114, «Повествование о событиях царствования Сахиб-Гирея, хана крымского»). В.Д.Смирнов пользовался двумя старейшими списками произведения: Санкт-Петербургской рукописью, с которой был выполнен первый вариант перевода (начат 31 октября 1881 г.), а также фотокопией Парижского манускрипта, которая также хранится в фонде ученого в Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН (там же, ед. хр. 11). Первый вариант работы подвергся затем существенной правке по Парижской рукописи. В.Д.Смирнов много занимался этим сочинением: наблюдения над текстом были сведены им в небольшую работу «Отметки, касающиеся языка, орфографии и неясностей в турецком сочинении под заглавием „Tāvārihe Vakiāte Sahib Girei-han“ Раммаль-Ходжи» (там же, ед. хр. 68). Ввиду высокого качества и ху-

[34] Медицинские интересы автора сказались в другом его произведении — поэме-рецептурной книге, своего рода поэтическом лечебнике — «Трактате кроткого Кайсуни-задэ» (رساله حليم قيسوني زاده — BNF, Supplément Turc 829). Другое его медицинское сочинение — «Манафи ан-нас» («Польза для людей») в списке 1840 г. (см. [Дмитриева, 1972, с. 79]).

[35] См. [Дмитриева, Мугинов, Муратов, 1965, с. 124–126 (№ 117–119)]. Ряд данных о сочинении Реммала дает В.Д.Смирнов [Смирнов, 1887, с. XII, 414–425]. Одним из первых к сведениям Реммала обратился Ф.Хартахай [Хартахай, 1867, с. 157, 158].

[36] Из последних работ о нем см. [Непомнящий, 1991; Мейер, 2000].

дожественных достоинств перевод В.Д.Смирнова заслуживает издания[37]. Сводный текст двух старейших рукописей (с приложением французского перевода XVIII в.) был опубликован О.Гёкбильгином [Tarih-i Sahib, 1973][38].

2. «Теварих-и Дешт-и Кипчак» (تواريخ دشت قبچق) османского автора Абдаллаха б. Ризвана (известного под тахаллусом Абди) [Babinger, 1927, с. 176] — сочинение, составленное в эпоху Мурада IV (1623–1640) и преподнесенное, очевидно, каймакаму Мусе-паше около 1638 г. (известно в двух рукописях — Парижской и Стамбульской) [Zajączkowski, 1966; Зайончковский, 1969, с. 10–28][39]. Очевидно, что это та самая «История» Абдаллаха б. Мухаммеда — паши Кафы в 1610 г., которую он писал, по свидетельству Дегиня (см. [Хартахай, 1867, с. 157]).

Сочинение состоит из нескольких частей (вступление, описание Дешт-и Кипчака, генеалогия Чингизидов, краткая история Крыма от Хаджи-Гирея, заключение). Оно издано А.Зайончковским по рукописи Топкапы (Багдад Кёшк, В 289) и подробно проанализировано им же.

3. Стихотворное сочинение «Теварих-и Ал-и Осман» (تواريخ آل عثمان) — «Летописи дома Османа» крымского автора Талиби-и Кефеви (т.е. Кефинского)[40]. Талеби, вероятно, происходил из простонародья; согласно «Тезкере» Лятифи, он был даже неграмотным (не умел ни читать, ни писать), но при этом имел большие поэтические способности и принадлежал к числу крымских поэтов, жил в Кефинском вилайете [Latîfî, 1990, с. 457, 458]. Сочинение рассказывает об истории Османской династии от Османа I до Ахмеда I (последний правил в 1603–1617 гг.). В конце поэмы автор рассказывает о хане Гази-Гирее и вступлении на крымский престол хана Селямет-Гирея в 1020/1611-12 г.

---

[37] По всей видимости, В.Д.Смирнов предлагал свой перевод для издания в горьковской «Всемирной литературе» в 1919 г., причем текст просматривался самим А.М.Горьким «главным образом в смысле стиля и выражений». Об этом сохранилась запись в дневнике И.Ю.Крачковского (см. [Долинина, 1994, с. 175]). К печати рукопись перевода была подготовлена В.Д.Смирновым еще в 1912 г.: на заседании Таврической ученой архивной комиссии 15 ноября 1912 г. рассматривалось его предложение об издании этого перевода, однако, несмотря на положительное решение, издан он так и не был (см. [Протоколы, 1913, с. 274; Смирнов, 1975, с. 264]).

[38] См. также [Остапчук, 2002].

[39] Следует сказать, что в Парижском списке имеется отсутствующая в стамбульском поздняя приписка копииста — хронологический перечень крымских ханов до Каплан-Гирея (1713 г.).

[40] Единственная рукопись в сборнике времени Махмуда I (1730–1754 гг.) хранится в Fatih Kütüphanesi под № 5424/6 (см. [İstanbul Kütüphaneleri, 1944, с. 271, 272 (№ 153)]).

4. «Семь планет в известиях о татарских царях» Сейид-Мухаммеда Ризы[41]. Автор был родом из Амасьи, происходил из улемы[42]. Был муллой в Нише, Ускюдаре, Диярбакыре и Бурсе. Занимал должность накиб-уль-эшрафа[43]. Умер в Стамбуле в 1169/1755-56 г.[44]. Сочинение составлено в 1737 г. Название происходит от взгляда автора на историю ханства как историю правления семи ханов (Менгли-Гирея I, Сахиб-Гирея, Девлет-Гирея I, Гази-Гирея II, Бахадур-Гирея, Хаджи-Селим-Гирея и Менгли-Гирея II). В.Д.Смирнов, отмечая ценность «Семи планет» как первостепенного источника, писал, что «необыкновенная длиннота и вычурная хитросплетенность огромных периодов, сплошь переполненных метафорами, требуют большого вникания и иногда неимоверных усилий для того, чтобы добраться до заключенного в них смысла» [Смирнов, 1887, с. X]. Сочинение было издано в Казани в 1832 г. М.Казем-Беком по рукописи, купленной адъюнктом Казанского университета Хальфиным у казанского муллы, который, в свою очередь, купил ее у одного бухарского хаджи в Казани [Ассеб о-ссейяр, 1832; Казем-бек, 1831][45]. Эта рукопись была переписана насталиком в 1169 / 1755-56 г., т.е. вскоре после окончания труда. Труд Ризы был очень популярен. Помимо рукописи Хальфина известно еще несколько списков[46]. Издание М.Казем-Бека, будучи вынужденно из-

[41] Название произведения глубоко традиционно и восходит к символике числа 7 в литературе, мифологии, эстетике и философии Ближнего Востока. О числе 7 и связанной с ним цвето-символической гамме, «темпераментах» планет, философских и мифологических коннотациях, особенно ярко проявившихся у Низами, см. [Бертельс, 1997, с. 290 и сл.]. Например, четвертая поэма из «Пятерицы» Навои называется «Саба-и саййар». При условии чтения «саййара» — это 7 планет, при чтении «саййар» — 7 путешественников. Последнее чтение предпочтительнее (см., например, [Наджип, 1965, с. 136]).

[42] Вопрос о происхождении Сейид-Мухаммеда Ризы не решен. М.Казем-Бек считал его турком (или по крайней мере воспитанным в Османской империи (см. [Ассеб о-ссейяр, 1832, с. III]). В.Д.Смирнов склонялся к крымскому происхождению автора «Семи планет» [Смирнов, 1887, с. X]. А.П.Григорьев называет его уроженцем города Крыма [Григорьев, 1974, с. 23]. Б.Келлнер-Хайнкеле считает его османским ученым [Келлнер-Хайнкеле, 1999, с. 34]. Надо сказать, что крымские султаны в период своего воспитания в Османской империи довольно тесно общались с *накиб-уль-эшрафами* [Uzunçarşılı, 1965, с. 199], поэтому должность Ризы могла свести его с крымцами и вызвать интерес к истории Крыма.

[43] Ученый-богослов, доверенное лицо *шерифов* (потомков Пророка).

[44] В сентябре 1756 г. [Смирнов, 1887, с. X].

[45] См. также [Смирнов, 1903, с. 140–146] и своего рода комментарий к отрывку из Ризы [Казем-бек, 1835б, с. 345–374]. См. также [Хартахай, 1867, с. 159, 160].

[46] Санкт-петербургские списки см. [Смирнов, 1887, с. X]. Первый список (Учебное отделение МИД № 369), вероятно, происходил из собрания российского посла в Риме А.Я.Италинского (1743–1827), который родился в греческой семье в Киеве, был рус-

дано только по одной рукописи, содержит ряд пропусков [Сборник, 1881, с. XLII, XLIII].

5. Крайне тяжеловесный, цветистый язык сочинения Сейид-Мухаммеда Ризы породил трудности в восприятии текста, что вызвало к жизни своего рода краткую редакцию его труда, имеющую продолжение. Ее составил во второй половине XVIII в. Хурреми-челеби Акай-эфенди[47]. Сочинение не имеет оригинального названия, поэтому В.Д. Смирнов обозначал его как «Краткую историю». Это произведение известно в нескольких списках. Два — давно известные киевский (некогда был в собственности Таврической ученой архивной комиссии) и петербургский [Самойлович, 1913][48]. Третий еще в 1306/1888-89 г. был отмечен в каталоге турецких рукописей Хедивской библиотеки Египта[49]. Выдержки из Хурреми-челеби публиковались дважды в переводах на русский и украинский языки [Негри, 1844][50].

ским послом в Турции (1802–1806, 1812–1816 гг.), археологом, собирателем восточных рукописей. Начав изучать арабский язык в 60 лет, составил записку об арабских словах в «Слове о полку Игореве». Завещал громадную коллекцию рукописей МИДу (см. о нем [Крачковский, 1950, с. 100]). Списком А.Я. Италинского, кстати, пользовался Й. фон Хаммер-Пургшталль (234 листа; переписан дервишем ордена Ибрахима Эдхема, кятибом Халилем в 1791 г. в Карахисаре [Hammer-Purgstall, 1828, с. VII, VIII]; по Л.В.Дмитриевой, переписчик — ал-Хаджж Халил Ратиб [Дмитриева, 2002, с. 48]). Этим же списком пользовался Шармуа (см. [Казем-бек, 1835б, с. 346]). Второй петербургский список — рук. Азиатского музея 590, октября 1779 г., переписчик Ахмад ал-Арифи: по Л.В.Дмитриевой — из коллекции Перовского, 1862 г. [Дмитриева, 2002, с. 48]. Три турецких списка — Hamidiye (Murad Molla Ktb.), No. 950; Süleymaniye (Ragib Paşa), No. 1016; Reşid Efendi (Millet Ktb.), No. 664 — см. [İstanbul Kütüphaneleri, 1944, с. 181–183 (№ 99)].

[47] Время составления — не ранее 1161 г.х. (почти полностью укладывается в 1748 г.). Акай-эфенди был сыном некоего *мюдерриса* Каракаша Мехмеда-эфенди из крымской деревни Хуррем, по которой и получил прозвище. О нем подробно сообщает Саид-Гирей (см. [Kellner-Heinkele, 1975, с. 224, 225]).

[48] РО ЦНБ НАН Украины (Киев), У. 3805; РО РНБ, ф. 933, № 208; см. [Некрасов, 1997, с. 96]. Бывший список ИТУАК имеет листы размером 16×22,5 см, нижнее поле — 8,5×16 см, 24 строки на странице, текст начинается на л.5а, имя автора сочинения несколько раз упомянуто в тексте [Самойлович, 1913]. Как пишет В.Д.Смирнов, санкт-петербургская рукопись «предоставлена была в мое пользование многообязательным Исмаил-мурзою Гаспринским, редактором газеты „Переводчик", издаваемой им в Бакчэ-Сарае. Рукопись эта написана на толстой серой бумаге разными почерками... по 23 строки на странице. Ни имени автора, ни переписчика, ни ясной даты нет; но, судя по внешнему виду, она может быть отнесена к концу прошлого (т.е. XVIII. — *И.З.*) столетия». На основании изучения манускриптов В.Д.Смирнов пришел к выводу «о совершенном тожестве содержания... кодекса с текстом, бывшим в руках г. Негри» [Смирнов, 1887, с. XIV].

[49] Условный арабский заголовок списка — تاريخ القريم خلاف ماسبق. Рукопись переписана почерком *талик*, имеет 138 листов по 19 строк, создана в 1169 г.х. (1755-56 г.).

6. Уникальное сочинение без оригинального названия и указания автора, хранящееся в СПбФ ИВ РАН (С 861) и представляющее собой краткую историю крымских ханов от Менгли-Гирея до Шахин-Гирея [Дмитриева, Мугинов, Муратов, 1965, с. 127, 128 (№ 122); Дмитриева, 1987, с. 473; Дмитриева, 2002, с. 49]. Переписано в Крыму не ранее XIX в. Не издано. Заглавие на переплете: تواريخ قريم خانلرى, т.е. «Крымские ханы. Летописи». На бумажном переплете (левой крышке, т.е. в конце книги) позднейшее французское заглавие: «Chronologie des Khans de la Crimée en Tatare». Труд является самостоятельным (это не извлечения из Ризы), начинается с описания вторичного восшествия на престол Менгли-Гирея в 883/1478 г. (в тексте он назван Бинли-Гирей), заканчивается правлением Шахин-Гирея (1777–1783). Сочинение дает краткие сведения о ханах: год восшествия на престол, указание на то, кто был наследником-калгой при нем, число детей, срок правления, год смерти, количество прожитых лет и наиболее значительные события в царствование (походы и т.д.). Текст занимает 34 страницы (заканчивается на л. 17об.). На с. 1–5 приведен текст четырех пунктов соглашения между Менгли-Гиреем и турецким султаном.

7. Как предполагал А.М.Некрасов [Некрасов, 1997, с. 96], с сочинением № 5 сходны два списка — киевский (РО ЦНБ НАН Украины, У 3804) и парижский[51]. Однако мне кажется, что парижский список (и, возможно, киевский) — самостоятельное сочинение (а может быть, даже два произведения). То, что парижский список не есть только редакция «Семи планет», а во многих местах противоречит Ризе и содержит еще сокращение истории крымских ханов с 880 / 1475 г. по 1198/ 1784 г., в то время как сочинение Ризы оканчивается 1150/ 1737 г., показал еще М.Казем-Бек [Казем-Бек, 1835б, с. 12]. К числу списков, сходных с парижским, следует отнести феодосийский список И.И.Граперона, сведения о котором имеются у П.Кеппена [Кеппен,

Если верно замечание ад-Дагестани о том, что это сокращенная редакция труда Ризы, то мы имеем, возможно, экземпляр краткой редакции «Семи планет», сделанной Акай-эфенди (Челеби-эфенди ал-Аки — الاقى, как называет его ад-Дагестани) еще на закате жизни Сейид-Мухаммеда Ризы (см. [Дагестани, 1306, с. 174], а также [Mısır, 1987, с. 111]).

[50] Список с рукописи мурзы Мурата Аргинского, 257 страниц в четверть — см. [Акчокраклы, 1928, с. 188–192]. Перевод А.Негри, по словам В.Д.Смирнова, «сделан замечательно хорошо: г. Негри умел сохранить близость перевода к тексту при чистоте и правильности русской речи, с придатком оттенков стиля турецкого» [Смирнов, 1887, с. XV].

[51] Supplément Turc 515. Французский список, привезенный из Крыма в 1819 г. А.Жобером, имеет перевод [Précis, 1833, с. 349–380, 428–458].

1837, с. 288] и подлинная судьба которого мне неизвестна (возможно, он тождествен киевскому списку).

8. «История хана Ислам-Гирея III» крымского автора, чиновника ханской канцелярии, а потом кади, ханского историографа Хаджи Мухаммеда, известного под поэтическим псевдонимом Сенаи и носившего нисбу Кырымлы (сохранилась в рукописи из собрания Британского музея под шифром Add. 7870). Автор закончил труд, написанный по просьбе ханского везира Сефер Гази-аги, 1 августа 1651 г. (начат он был, вероятно, после 1648 г.). Текст, сохранившийся в копии, переписанной неким Мустафой б. Омером по прозвищу Кара Языджи (окончил переписку 1 сентября 1681 г. в Крыму в селении Хан-эли на реке Альме — в 10 км к северу от Бахчисарая), написан на староосманском языке [Senai, 1971]. Источниками сочинения Хаджи Мухаммеда Сенаи стали официальные (канцелярские) материалы, дневники татарских военных походов на соседей (двух походов Ислам-Гирея III — 1648 и 1649 гг. и похода осени 1648 г. калги Крым-Гирей-султана на Польшу с осадой Львова), архивные материалы (в частности, вероятно, татарско-польская дипломатическая переписка в ханском архиве), устные истории (песни о походах и битвах), строительные хронограммы (тарихи) и пр. Хаджи Мехмед часто использовал источники бездумно (возможно, торопясь), чисто механически копируя и перенося информацию из оригинала в свой текст, не заботясь о согласовании сведений[52].

9. «Тарих-и Мехмед-Гирей». Уникальный список этого сочинения сохранился в Венской Österreichische Nationalbibliothek № 1080 (венского каталога Г.Флюгеля) [Babinger, 1927, с. 235, 236; İnalcık, 1948, с. 783–789; Flügel, 1977a, с. 277, 278 (№ 1080)] под шифром H.O.86. [Abrahamowicz, 1973, с. 26, 27][53]. Труд закончен в реджебе 1115 г.х. (ноябрь–декабрь 1704 г.). Автор сочинения — Дервиш Мехмед-Гирей б. Мубарек-Гирей, родной брат хана Мурад-Гирея (1678–1683) и двоюродный брат хана Саадет-Гирея II Кривого (правил в 1691 г.). Язык сочинения не строго староосманский. Много диалектных слов. Сочинение охватывает время с 1095 по 1115/1684–1703 г., т.е. период от правления султана Мехмеда IV до Ахмеда III. Первым крымским ханом в 1095 г.х. назван Хаджи-Гирей, в следующем году — Селим-Гирей б. Бахадур-Гирей.

[52] См. [Туранли, 2000] (рецензию см. [Черников, 2002]). Существует также перевод К.А.Усейнова, выполненный с издания З.Абрахамовича в популярном стиле [Сенаи, 1998].

[53] Перевод на польский язык выдержек из труда Мехмед-Гирея, относящихся к Венской кампании 1683 г., и факсимиле одного листа венской рукописи (ил. № 34) см. [Abrahamowicz, 1973, с. 309–322]. Этот же шифр указывал и В.Д.Смирнов.

10. Анонимное «Рисале фи ахвали Кырым ве Кубан» (رساله فى احوال قريم و قوبان — «Трактат о положении Крыма и Кубани»), написанное приблизительно во второй половине XVIII в. Описание турецких крепостей на южном берегу Черного моря с указанием их местоположения, расстояния между ними и т.п. Сохранилось два списка — стамбульский и санкт-петербургский. Стамбульский (библиотека Атыфа-эфенди близ Вефа-мейданы, № 1886/2) не датирован [İstanbul Kütüphaneleri, 1944, с. 293 (№ 180)]. Санкт-петербургский список (24 л., в четверть) выполнен ходжей Шерифом-эфенди в 1875 г. со стамбульского подлинника [Отчет, 1876, с. 22, 23].

11. «История татарских ханов, Дагестана, Москвы и народов Дешт-и Кипчака» Ибрахима б. Али Кефеви [Кефеви, 1933]. Единственное румынское издание этого труда было подготовлено Джафером Саид-Ахмедом Кырымлы по стамбульской рукописи. Рукопись была найдена в Стамбуле крымским адвокатом Омером Фуад-беем и в 1930 г. подготовлена к печати. Насколько мне известно, существует только польский перевод этого труда, выполненный Абдаллахом Зинни [Ibrahim Ben Ali, 1935]. Публикация перевода сразу же вызвала ряд упоминаний сочинения, правда весьма поверхностных [Górka, 1935, с. 149,152; Zajączkowski, 1935, с. 213, 484]. Между тем и позднее в исторических трудах зарубежных авторов (в частности, турецких) труд Кефеви использовался не столь активно (см., например, [Kafalı, 1976, с. 5; Öztürk, 2002, с. 480–513]). В отечественных работах, насколько мне известно, «История» Кефеви не упоминалась и его данные не использовались. Автор сочинения — Ибрахим б. Али Кефеви (или Кефели, т.е. связанный происхождением с Кафой), секретарь (*диван кятиби*) крымского хана Фетх-Гирея II (правил в 1149–1150/1736–1737 гг.) (см. [Ortekin, 1938, с. 12; Guboglu, 1958, с. 116]).

Кефеви много пишет о происхождении восточноевропейских племен, приводит весьма подробные данные о внешней политике России, например, сообщает о посольстве Петра I в Бухару во главе с Флорио Беневени. Вполне вероятно, что это сочинение — очень поздняя компиляция, претендующая на «древность» (во всяком случае, есть большие сомнения в подлинности этого труда) [Зайцев, 2003б].

12. «Суть известий» — عمدة الاخبار («Умдет ал-ахбар») Абд ал-Гаффара Кырыми (полное имя автора — ал-Хадж Абд ал-Гаффар б. ал-Хадж Хасан б. ал-Хадж Махмуд б. ал-Хадж Абд ал-Ваххаб ал-

Кырымы) [İstanbul Kütüphaneleri, 1943, с. 13, 14 (№ 3)][54]. Он происходил из крымского рода Ширин, поэт и секретарь дивана при Каплан-Гирее I (1712–1714 гг., первое царствование). Всеобщая история от сотворения мира (пророки до Мухаммеда, затем история Древнего Ирана, праведные халифы, Омейады, Аббасиды, Сельджуки и др. до османского султана Махмуда I (1730–1754)). Среди своих источников Абд ал-Гаффар упоминает арабов — ат-Табари, ал-Масуди, Абу-л-Фиду, аш-Шихну, персов — Фирдоуси, ал-Байдави, Шараф ад-Дина Йезди, Мирхонда, турок — Нешри, Лютфи-пашу[55], уже известных нам Мустафу Али и Хезарфенна.

Особое место в этом произведении уделено Чингизидам и особенно Крыму. Говорится о происхождении крымских ханов, далее — об истории полуострова от принятия османского господства в 1475 г. до 1125/1739 г., т.е. от правления Менгли-Гирея до ханствования Селямет-Гирея. Наш автор был современником и очевидцем многих описываемых им событий, о чем он сам и собщает. Так, он принимал участие в Прутской кампании (1711 г.) — это первый эпизод, который он описывает как очевидец. Вероятно, сразу же после этого Абд ал-Гаффар принимал участие и в карательной экспедиции против черкесских племен на Кубани (вместе с ал-Хадж Джан-Тимур-беком из рода Ширин и ханом Девлет-Гиреем II). После этого эпизода автор снова упоминает о себе как о кади во владениях Ширинов при описании случившегося в 1724 г. (свержения Саадет-Гирея III).

В 1735 г. Абд ал-Гаффар совершил хадж, в это время он уже служил секретарем (*диван кятиби*) при Каплан-Гирее I (1730–1736, третье царствование). Ту же должность он занимал и при преемнике этого хана — Фетх-Гирее II (1736–1737). Зимой 1149/1736-37 г. историк участвовал в посольстве Фетх-Гирея в Стамбул с дарами (он присутствовал на аудиенции, данной Махмудом I, встречался с высшими османскими сановниками), а в 1150/1737 г. хан отправил Абд ал-Гаффара в ставку османских войск близ крепости Картал (там он получил распоряжение участвовать в делегации для встречи нового крымского хана, Менгли-Гирея II, в Монастире возле Бабадага в Добрудже в сен-

[54] Рукопись хранится в Сулеймание (библиотека Эсада Эфенди (Es'ad Efendi) No. 2331). Об этом манускрипте см. [DeWeese, 1994, с. 145, 353]. Части этой всемирной истории, относящиеся к Золотой Орде и Крымскому ханству, были вполне удовлетворительно опубликованы в 1924–1925 гг. (см. [Kırımî, 1343]).

[55] Между прочим, крымские события описываются среди других и в «Летописях дома Османа» Лютфи-паши — произведении, написанном скорее всего около 1553 г. (см. [Atik, 2001, с. 306]).

тябре 1739 г.). Как показала Б.Келлнер-Хайнкеле, Абд ал-Гаффар аль-Кырыми — именно тот самый Гафури-эфенди, который упоминается Саид-Гиреем в его записках [Kellner-Heinkele, 1975, с. 226, 227], и не кто иной, как Гафури Кырыми, о котором пишет и сведениями которого пользуется Халим-Гирей (см. ниже).

Во введении к «Умдет ал-ахбар» Абд ал-Гаффар говорит, что хан (это был правивший в 1743–1748 гг. Селим-Гирей б. Каплан-Гирей, который назначил нашего автора кади) по непонятным причинам разгневался на него и выслал его в загородное имение в деревню Сафа Кунграт, позже подверг домашнему аресту в его собственном доме в Карасу, а потом выслал в крепость Согуджак (на Черноморском побережье Абхазии) — ужасное место, по отзывам самого Кырыми [Kellner-Heinkele, 1998; Келлнер-Хайнкеле, 2002[56]]. Именно в ссылке он и написал большую часть своих трудов на религиозные и исторические темы. В печатном варианте рукописи имеется четыре приложения (в первых трех представлена краткая история крымских Ширинов от Ректемур-бека в XIV в. до ал-Хадж Джан-Тимур-бека, современника автора).

13. «Хроника» или «История» (تاريخ) Саид-Гирей-султана [Verzeichnis, 1968, с. 227]. История Саид-Гирея (сына Саадет-Гирея III — 1717–1724) — автобиографические заметки (хронологически охватывают время с начала XVIII в. до 1171/1757-58 г.). Составлены записки были примерно в 1755–1758 гг.[57]. Единственный список сочинения хранится в марбургской (сейчас в Берлине) Staatsbibliothek [Kellner-Heinkele, 1975]. Основное содержание хроники — описание событий, происходивших в Крыму и подвластных ногайских ордах, кочевавших от Дуная до Волги [Мухамедьяров, 1991].

14. Вместе с единственным списком «Истории» Саид-Гирея в том же сборнике (л. 62a–86b) хранится и Диван Хурреми Кырыми (касыда, лугаз, матали, месневи). Об авторе ничего не известно[58]. Одно из месневи Дивана называется «Едисан-наме» по имени ногайской племенной группы (л. 83b). Тематика произведений — жизнь татарской верхушки, знати Крымского ханства. Список датирован по пометке на

[56] Последняя работа — это перевод с английского указанной выше статьи, выполненный А.А.Арслановой.

[57] Заметки начинаются с октября 1755 г. и продолжаются по июнь 1758 г. с экскурсами в более раннее время (примерно с третьего десятилетия XVIII в.).

[58] Не одно ли это лицо с автором сокращения «Семи планет» Хурреми-челеби Акай-эфенди? Прямых препятствий считать так нет. См. [Kellner-Heinkele, 1996, с. 285–286].

поле одного из листов (л. 83а) 1171 / 1757-58 г. [Verzeichnis, 1968, с. 336].

15. Анонимная история без названия. Парижский список (Supplément Turc 1157).

16. «История Крыма» (تاريخ القريم) из собрания Хедивской библиотеки в Каире. Переписан почерком рика, 83 листа (тетради формата султани) по 15 строк на каждом. Переписчик — Хафиз Мухаммед-Эмин, переписано в середине рамазана 1198 г.х., т.е. июле–августе 1784 г. [Дагестани, 1306, с. 173; Mısır, 1987, с. 111]. Скорее всего этот труд является не самостоятельным произведением, а только списком сочинения Неджати[59]. Выяснить это можно, лишь тщательно изучив каирскую рукопись.

17. «История Крыма» (تاريخ القريم) Мехмеда Неджати, составленная, судя по санкт-петербургской рукописи, в 1197/1782-83 г. Турецкие списки дают дату 1199/1785-86 г.[60]. Неджати служил секретарем (дефтер-эмини) главнокомандующего (сераскера) османской армии в Крыму Ибрахима-паши во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг., был взят в плен вместе со своим патроном в 1185 г.х. (11 июля 1771 г.) и отправлен в Санкт-Петербург, где провел около четырех лет (уехал из столицы в феврале, прибыл в Стамбул 2 июля 1775 г.). Помимо описания российской столицы и ее достопримечательностей сочинение Неджати в начале содержит ценные сведения об истории ханства, населении полуострова, о военных действиях в Крыму в указанное время и др. Перевод труда османского чиновника был сделан В.Д.Смирновым [Смирнов, 1894, март, с. 113–134; апрель, с. 179–208; май, с. 144–169][61].

---

[59] Об этом можно судить по тому, что дата переписки и имя переписчика (некоего чиновника Высочайшего Дивана Хафиза Мухаммед-Эмина) в данном случае совпадают с таковыми в рукописи Национальной библиотеки Франции (Supplément Turc 1068).

[60] Турецкие списки: Kırım Tarihi. Kırım Seraskeri İbrahim Paşa'nın kâtibi Necati Efendi'nin hatıratını havi olan bu el yazmasının İsmail Otar kitaplığında bulunan Mısır nüshasından istifade ettik. Один из списков хранится в библиотеке Эсада Эфенди (Es'ad Efendi (Sleymaniye Ktb.) Kütüphanesi No. 2278); другой — в Ali Emirî (Fatih Millet Kütüphanesi No. 831) (см. [İstanbul Kütüphaneleri, 1944, с. 207, 208]); третий — Üniversite Kütüphanesi No. 3880 (см. [Unat, 1992, с. 116–128]). Имеется турецкое издание записок Неджати новым алфавитом [Kırım Tarihi, 1944]. О санкт-петербургском списке (авторская редакция сочинения) см. [Дмитриева, Муратов, 1975, с. 49 (№ 22)]. Этот же список и еще один из СПбФ ИВ РАН см. [Дмитриева, 2002, с. 49].

[61] В.Д.Смирнов переводил сочинение, пользуясь рукописью Азиатского музея (590 id), а дополнял перевод по манускрипту, принадлежавшему драгоману Российского генерального консульства С.И.Чахотину. Описание Крыма см. в апрельской книге Русской старины [Смирнов, 1894, с. 195 и сл.].

Собственно Крыму Неджати посвятил совсем немного места, что дало В.Д.Смирнову право говорить о «довольно неопределенном, даже несколько странном заглавии» труда. Помимо указанных турецких и отечественных списков приведем еще один, хранящийся в Национальной библиотеке Франции (Supplément Turc 1068) и отождествленный нами именно с сочинением Неджати (см. [Blochet, 1933, с. 153]). Эту рукопись упоминал А.С.Левенд [Levend, 1956, с. 155]. В ней, например, дается подробное описание полуострова — городов Кафы, Керчи, Тамани, Рабата, Чонгарского залива, крепости Ор (Перекопа), Судака, Гёзлева, Балаклавы и др. с подробным указанием достопримечательностей и расстояний между пунктами (л. 25об.–28).

18. Анонимная «История Крыма». Написана, вероятно, не ранее начала 1790 г. (по Л.В.Дмитриевой). В.Д.Смирнов допускал две датировки: не ранее 1795 г. или по крайней мере до 1786 г. (поскольку самое позднее из описываемых событий — регламентация османским правительством прав и объема полномочий иностранных и консульских драгоманов, вызванная злоупотреблениями их званиями, — датировано 1209/1794-95 г., а, согласно османскому хронисту Вассыфу, это произошло на 9 лет раньше). Редкое сочинение, содержащее краткий обзор истории ханства от его возникновения до XVII в.; причем особое внимание уделено взаимоотношениям крымских ханов с Турцией, а Турции — с Россией, Францией и другими странами по крымскому вопросу в XVII–XVIII вв. В тексте содержится большое количество копий договоров и других официальных бумаг относительно Крыма. Известно два списка[62]. Издано В.Д.Смирновым по санкт-петербургской рукописи (Азиатский музей 590аа), причем текст исправлен и восполнен по парижскому списку [Сборник, 1881][63].

Сочинение это состоит из 124 статей, среди которых есть и исторические повествования, и бытописания, и анекдоты, и целые международные трактаты с дополнительными к ним документами, ноты европейских дипломатов Порте, донесения ее агентов и послов, статистические таблицы и пр. Все они, за немногими исключениями, относятся ко времени первой екатерининской войны с османами. Сочинение на-

[62]Основной список хранится в Париже (см. [Blochet, 1933, № 435; № 1152]). Он выполнен рукой некоего перса в Стамбуле и несвободен от ошибок и неточностей. Санкт-Петербургский, выполненный, вероятно, рукой Х.Фейзханова, является копией парижского, причем количество ошибок в нем намного больше, чем в парижском списке (см. [Дмитриева, Муратов, 1975, с. 50, 51 (№ 23); Дмитриева, 2002, с. 49]).

[63] Заголовок: دولت علیه ایله روسیه دولتی و قریم حقنده بعض معلومات مهمه و تحریرات رسمیه‌ی حاوی مجموعه‌در. واسیلی سمیرنوفك معرفتیله تذییل و نشر اولندی. پترسبورغ، ۱۲۹۷.

чинается с истории халифов, краткого перечня мусульманских династий, затем автор переходит к истории Крыма, описывает ряд государственных учреждений, хозяйство и быт ханства, а также населяющих его ногайцев.

Автор труда — османский чиновник, современник некоторых из описываемых событий. Так, он рассказывает, как очевидец, о церемонии назначения нового садразама Хамзы-паши в 1768 г. Автор служил *мюлязимом* в департаменте счетоводства, был командирован в Хотин, в 1182 г.х. получил назначение в Исакчу для производства ремонта крепости. В мухарреме 1183 г.х. (май 1769 г.), во время первой осады Хотина русскими, он, будучи *кетхудой* в бухгалтерии Хадым-Ибрахим-паши, был назначен *дефтердаром* и послан в Хотин для составления отчета о состоянии крепости. Несомненно, автор этого анонимного сочинения имел доступ к османским архивам. В.Д.Смирнов на основании анализа скупой информации об авторе в его тексте делал вывод, что «это был, видимо, человек толковый и деловой, так как на него возлагались экстренные поручения, в особенности в такой щекотливой в Турции административной должности, как финансовая» [Сборник, 1881, с. VI–VIII]. В.Д.Смирнов склонялся к тому, что автором сочинения был дефтердар Шериф-эфенди, хотя и не исключал, что им мог быть и некий Кесби-эфенди (ведь на него как на автора некой «историйки» (تاريخچه) ссылается в своем труде Джевдет-паша).

19. Поэма «Приятель остроумцев» (انيس الظرفا). Сочинение это написано в поэтическом жанре месневи. Время переписки — 1174/1760-61 г. Переписчик — некий Дервиш Зеки, писарь Селим-Гирея III. Поэма сохранилась в сборнике второй половины XVIII в. (помимо этого сочинения в нем также представлен письмовник–инша, содержащий в себе переписку крымского хана Гази-Гирея II с османским историком Садэддином, султаном Фетх-Гиреем и др. [Blochet, 1933, с. 244, № 1361])[64]. Текст месневи начинается на л. 91об. и кончается на л. 117. Поэма делится на главы, описывающие внутреннюю структуру Крымского ханства, его социальный и этнический состав: о калге (л. 105), о нураддине (л. 105об.), о бее Ора (Перекопа, л. 106об.), сераскере

[64] Хасан Абдаллах-оглу Кырымлы посвятил большую работу эпистолярному и поэтическому наследию Гази-Гирея [Kırımlı, 1932, с. 118–122, 159–166, 249–252]. Корреспонденция Гази привлекала внимание и других исследователей. Имею в виду публикацию Тахсином Джемилем ярлыка хана молдавскому господарю Арону (1591–1592, 1592–1595) [Gemil, 1974]. Традиция публикации официальных посланий крымских ханов очень богата также в западноевропейском востоковедении. См., например, [Kraelitz-Greifenhorst, 1972, с. 223–231].

(л. 107), сераскере Кубани (л. 108об.), о клане Ширинов (л. 109об.), о прочих кланах ханства (л. 110), кубанских ногайцах (л. 112), абазинцах и черкесах (л. 112об.).

20. «Розовый куст ханов» («Гюльбун-и ханан») Халим-Гирея [Halim-Geray, 1870; Halim-Geray, 1909]. Халим-Гирей родился в 1186 г.х. (год начался 4 апреля 1772 г.) в Крыму, а умер в 1239 г.х. (начался 7 сентября 1823 г.) в Чаталджа, Румелия. Он был внуком Арслан-Гирей хана (1748–1755, 1767) и сыном Шахбаз-Гирея (1723–1793), правителя Кубани[65]. Свое сочинение Халим-Гирей завершил в 1226 г.х. (год начался 26 января 1811 г.), но напечатано в первый раз оно было только в 1870 г. Первое издание показывает, насколько автор гордился своим умением выражаться изящным османским слогом. Текст второго издания, подготовленный Арифзаде А.Хильми Кырыми в 1909 г., по сравнению с первым несколько изменен: он более краткий и вместе с тем лишен очарования первоначального варианта[66].

Во введении Халим-Гирей перечисляет восемь крымско-татарских историков, сочинениями которых он пользовался, а также упоминает и «другие» (с. 4–5 издания 1870 г.). Образцом для написания своего труда он называет сочинение Ахмеда Таиба Османзаде «Хадикату-л-вюзера». Его же как образец использовал и Абд ал-Гаффар Кырыми; собственно, этот образец заключается в перечислении хронологического порядка правлений ханов. Так и Халим-Гирей представляет историю ханства в виде царствований ханов от Хаджи-Гирея (ок. 1426–1466) до Бахт-Гирея, хана Кубани (1789–1792), т.е. обнимает период в 366 лет.

В традиционном стиле османской историко-биографической прозы Халим-Гирей описывает родственные отношения ханов, период их взросления и воспитания (часто среди черкесских племен, бесленей), службу в различных должностях (наследника-калги), набеги на «неверных», государственные деяния, отношения с соседями (особенно с Османской и Российской империями), а в заключении еще время кончины и место погребения. Как правило, он дает также информацию об отношениях ханов с учеными-современниками, поэтами, дервишами, часто указывает на вакфы ханов, благотворительность, рассказывает об их строительной деятельности. Халим-Гирей не имел под рукой письменных источников за последние 50 лет существования ханства, и его работа в значительной степени опиралась на коллективную семей-

[65] О Халиме, «Чингизиде и османском турке», см. [Kellner-Heinkele, 2001].

[66] О двух рукописях сочинения в BNF (Supplément Turc 1116 и 1274) см. [Gökbilgin, 1970, с. 462]. Еще один список хранился в Восточном музее Ялты [Гордлевский, 1968, с. 261].

ную память, предания, возможно сочинения и бумаги некоторых родственников, также оказавшихся в Румелии. У данного автора практически отсутствуют критические высказывания по отношению к ханам: он в значительной степени идеализировал прошлое своей страны (что, конечно, объяснялось его положением изгнанника). Кстати сказать, поэтические наклонности Халим-Гирея сказались и в тексте истории: он часто дает образцы поэтического стиля ханов — от Менгли-Гирея до последних ханов[67].

К перечисленным сочинениям близки несколько работ тюрко- и арабоязычных авторов XIX в., в которых так или иначе затрагивается история Крыма. Безусловно, эти сочинения равно далеки как от классических образцов исламской историографии, так и от европейских исторических сочинений того времени. Но, будучи все же очень традиционными по структуре, они скорее продолжают классическую линию. Вот некоторые из них.

Труд Шихаб ад-Дина Марджани [Марджани, 1885][68]. Списки Марджани в мировых хранилищах не единичны[69]. Так, в Душанбе хранится тюркская рукопись под условным названием تاريخ روسيه, которая представляет собой компилятивный переводной труд по истории России и тюркских государств (ей сопредельных или находившихся от нее в зависимости). Изложение начинается описанием русских племен и образования русского государства в 375/986 г., по данным арабского космографа Шамс ад-Дина Димишки (ум. в 1327 г.). Введение утрачено, история России доведена до 542/1148 г., а затем продолжается с 1174/1761 г. (утрата листов). Заканчивается история России описанием событий 1294/1877 г., убийством Александра II и вступлением на престол Александра III. Далее следуют главы об истории волжских болгар, о постройке Бату Сарая, правлении джучидских ханов. Около 17 листов (с л. 205б) посвящено истории Казанского ханства, с л. 222б рассказывается об Астраханском ханстве, а с л. 235а до л. 237 —о Крымском ханстве. Далее говорится о ханах Белой Орды и казахских ханах Дешта и Сибири, событиях в Хорезме и Мавераннахре при Шейбанидах, излагается история Бухары при Мангытах, Хивы при кунградских ханах и Кокандского ханства (до 1875 г.).

[67] Труду Халим-Гирей-султана посвятил часть своей монографии Ферхад Туранлы [Туранлы, 2000].

[68] Об авторе и источниках его труда см. [Усманов, 1969; Юсупов, 1981].

[69] Помимо казанских см. [İstanbul Kütüphaneleri, 1944, с. 270, 271].

Рукопись копирована, вероятней всего, в 1323 или 1324/1905-06 или 1906-07 г. [Каталог, 1960, с. 170, 171 (№ 161)]. Она, к сожалению, нам недоступна. Но думается, что это сочинение может сильно зависеть от сочинения Марджани (или даже быть списком его труда): содержание «Мустафад ал-ахбар» очень сходно с ним. Может быть, количество листов, отведенное на астраханскую историю, ошибочно (перепутано в описании с листами, где говорится о Крымском ханстве): слишком несообразное соотношение с объемом текста о Крыме. Раздел о Крыме в «Мустафад ал-ахбар» мало что вносит в разработку темы.

Продолжателем дела Ш.Марджани стал Мухаммед-Мурад Рамзи, писавший на арабском [Рамзи, 1908][70]. Он, как правило, следует в описании событий Марджани, а также довольно активно использует для соответствующих разделов данные русской историографии (прежде всего Н.М.Карамзина). Соответствующий раздел его труда для истории Крыма также малоинтересен, однако информативен с точки зрения объема известных автору и использованных им источников.

Акчокраклы, 1928 — *Акчокракли О.* Про перший проект споруди Волго-Доньского канала у XVI сторіччі // Східний Світ. 1928, № 2.

Акчокраклы, 1930 — *Акчокракли О.* Татарська поэма Джан-Мухамедова про похід Ислям-Гирея спільно з Богданом Хмельницьким на Польшу 1648–1649 р.р. // Східний Світ. 1930, № 12 (3).

Арабские рукописи, 1986 — Арабские рукописи Института востоковедения АН СССР. Краткий каталог. Ч. 1. М., 1986.

Ассеб о-ссейяр, 1832 — Ассеб о-ссейяр, или Семь планет, содержащий историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана 1-го до Менгли-Гирей хана 2-го, т.е. с 871/1466 по 1150/1737 г. Сочинение Сейида Мухаммеда Ризы. Казань, 1832.

Бахревский, 1996 — *Бахревский Е.В.* Кладбище в Эски-Юрте // МАИЭТ. Вып. V. 1996.

Бахчесарайские, 1848 — Бахчесарайские арабские и турецкие надписи // ЗООИД. 1848, т. II.

Бертельс, 1997 — *Бертельс А.Е.* Художественный образ в искусстве Ирана XI–XV веков (Слово, изображение). М., 1997.

Боровой, 1941 — *Боровой С.Я.* Давид Лехно и его история Крымского ханства // Исторические записки. Т. 10. М.; Л., 1941.

Брун, 1867 — *Брун Ф.* Крым в половине XVIII столетия. Одесса, 1867.

Васильева, 1993 — *Васильева О.В.* Крымско-татарские рукописные материалы в отделе рукописей // Восточный сборник РНБ. Вып. 5. СПб., 1993.

Васильева, Лебедев, 1983 — *Васильева О.В., Лебедев В.В.* Бахчисарайское собрание восточных рукописей // Источники по истории отечественной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг. Л., 1983.

[70] Об этом труде и его авторе см. [Гараева, 1985; Гараева, 1999; Зайцев, 2002; Зайцев, 2003а].

Васильева, Лебедев, 1984 — *Васильева О.В., Лебедев В.В.* Арабские, тюркские и персидско-таджикские документы в Государственной публичной библиотеке им. М.Е.Салтыкова-Щедрина // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры. Л., 1984.

Гараева, 1985 — *Гараева Н.Г.* Традиции татарской историографии XIX в. и «Талфик ал-ахбар...» М. Рамзи // Проблема преемственности в татарской общественной мысли. Казань, 1985.

Гараева, 1999 — *Гараева Н.Г.* Мурад Рамзи (1855–1934) // Из истории Альметьевского региона. Вып. I. Альметьевск, 1999.

Гаркави, 1884 — *Гаркави А.Я.* Отрывки из исторического сочинения Давида Лехно // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1882 год. СПб., 1884.

Гордлевский, 1968 — *Гордлевский В.А.* Рукописи восточного музея г. Ялты // Избр. соч. Т. IV. М., 1968.

Грезы, 1999 — Грезы розового сада / Gülşen Hayalları. Из средневековой крымскотатарской классической поэзии. Пер. С.Дружинина. Сост., предисл. и коммент. Н. Абдульваапа. Симферполь, 1999.

Григорьев, 1974 — *Григорьев А.П.* «Книга путешествия» Эвлии Челеби — источник по истории Крыма XIII–XVII вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. III. Л., 1974.

Григорьев, Фролова, 1968 — *Григорьев А.П., Фролова О.Б.* О достоверности культурно-исторических деталей в «Книге путешествия» Эвлии Челеби // Вестник ЛГУ. 1968. Вып. 2. История, язык, литература. Вып. 1.

Губоглу, 1964 — *Губоглу М.* Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964.

Дагестани, 1306 — Али-эфенди Хильми ад-Дагестани. Фихрист ал-кутуб ат-туркийа ал-махфуза би-л-кутубхана ал-Хадивийа ал-Мысрийа. Каир, 1306 (1888-1889) (араб. шрифт).

Дмитриева, 1972 — *Дмитриева Л.В.* Тюркские рукописи коллекции «новая серия» собрания Государственной публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина // Восточный сборник ГПБ. Вып. 3. М., 1972.

Дмитриева, 1987 — *Дмитриева Л.В.* Тюркоязычная арабописьменная рукописная книга по ее ареалам // Рукописная книга в культуре народов Востока. Очерки. Кн. 1. М., 1987.

Дмитриева, 2002 — *Дмитриева Л.В.* Каталог тюркских рукописей Института востоковедения Российской Академии наук. М., 2002.

Дмитриева, Мугинов, Муратов, 1965 — *Дмитриева Л.В., Мугинов А.М., Муратов С.Н.* Описание тюркских рукописей Института народов Азии. Т. I. История. М., 1965.

Дмитриева, Муратов, 1975 — *Дмитриева Л.В., Муратов С.Н.* Описание тюркских рукописей Института востоковедения. Т. II. М., 1975.

Долинина, 1994 — *Долинина А.А.* Невольник долга. СПб., 1994.

Домбровский, Сидоренко, 1978 — *Домбровский О., Сидоренко В.* Солхат и Сурб-Хач. Симферополь, 1978.

Дубровин, 1887 — *Дубровин Н.* Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Т. III (1779–1780 гг.). СПб., 1887.

Живая старина, 1907 — Живая старина. Периодическое издание отделения этнографии императорского Русского географического общества. СПб., 1907, год XVI, вып. IV.

Зайончковский, 1969 — *Зайончковский А.* «Летопись Кипчакской степи» («Теварих-и Дешт-и Кипчак») как источник по истории Крыма // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. II. М., 1969.

Зайцев, 2000 — *Зайцев И.В.* К истории книжной культуры в Джучидских государствах // Восточный Архив. М., 2000, № 4–5.

Зайцев, 2002 — *Зайцев И.В.* Мурад Рамзи и Арминий Вамбери // Altaica. Вып. VI. М., 2002.

Зайцев, 2003а — *Зайцев И.В.* Добавление к статье «Мурад Рамзи и Арминий Вамбери» // Altaica. Вып. VII. М., 2003.

Зайцев, 2003б — *Зайцев И.В.* «История татарских ханов, Дагестана, Москвы и народов Дешт-и Кипчак» Ибрахима б. Али Кефеви // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. М., 2003.

Зуев, 1783 — Выписка из путешественных записок Василья Зуева, касающихся до полуострова Крыма. 1782 года // Месяцеслов исторический и географический на 1783 год. СПб., 1783.

Казем-бек, 1831 — *Казем-бек М.А.* Предисловие к Ризовой Истории крымских ханов // Казанский вестник. Казань, 1831, ч. 29, кн. 1.

Казем-бек, 1835а — *Казем-бек М.А.* Сравнительные извлечения из разных писателей, относящиеся к истории Семи планет // ЖМНП. 1835, ч. 6, № 6.

Казем-Бек, 1835б — *Казем-Бек М.А.* О взятии Астрахани в 1660 году. Казань, 1835.

Каталог, 1960 — Каталог восточных рукописей Академии наук Таджикской ССР. Т. I. Сталинабад, 1960.

Келлнер-Хайнкеле, 1999 — *Келлнер-Хайнкеле Б.* «На границе все как обычно»: Дипломатическая переписка между Россией и крымскими татарами по документам Архива внешней политики Российской империи (середина XVIII в.) // Altaica. Вып. III. М., 1999.

Келлнер-Хайнкеле, 2002 — *Келлнер-Хайнкеле Б.* Кто был Абдулгаффар ал-Кирими (Заметки о крымско-татарском историке XVIII века) // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2002.

Кеппен, 1837 — Кеппен П. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837.

Кефеви, 1933 — *Ибрахим ибн Али Кефеви.* Теварих-и татар хан ве Дагистан... Пазарджик, 1933 (араб. шрифт).

Книга, 1999 — Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.). Пер. и коммент. Е.В. Бахревского. Симферополь, 1999.

Крачковский, 1950 — *Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики. Л., 1950.

Лэн-Пуль, 1899 — *Лэн-Пуль С.* Мусульманские династии. Хронологические таблицы с историческими сведениями. Пер. с англ. с примеч. и доп. В. Бартольда. СПб., 1899.

Марджани, 1885 — *Марджани Ш.* Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар. Ч. 1. Казан, 1885 (араб. шрифт).

Маркон, 1910 — *Маркон И.* Давид Лехно // Еврейская старина. Трехмесячник еврейского историко-этнографического общества. Год 2-й. Вып. III. СПб., 1910.

Маркон, 1916 — *Маркон И.Ю.* Давид Лехно и его хроника истории Крыма *Дебар Сефатаиим* // ЗВОРАО. 1916, т. 23.

Мейер, 2000 — *Мейер М.С.* В.Д.Смирнов — основоположник российской османистики // Османская империя. События и люди. Сборник статей (к 70-летию со дня рождения Ю.А. Петросяна). М., 2000.

Микаэлян, 1965 — *Микаэлян В.А.* История армянской колонии в Крыму. Автореф. докт. дис. Ер., 1965.

Микаэлян, 1974 — *Микаэлян В.А.* На крымской земле. История армянских поселений в Крыму. Ер., 1974.

Морозов, 1996 — Краткий каталог арабских рукописей и документов Российского государственного архива древних актов. Сост. Д.А.Морозов. М., 1996.

Музафаров, 1970 — *Музафаров Р.* Об изучении фольклора крымских татар // СТ. 1970, № 6.

Мухамедьяров, 1991 — *Мухамедьяров Ш.Ф.* «Тарих-и Сайид-Гирей-хан» и его автор // Восток: прошлое и будущее народов. IV Всесоюзн. конф. востоковедов. Тез. докл. и сообщ. Т. II. М., 1991.

Мюнеджжимбаши, 1285 — Мюнеджжимбаши. Сахаиф ул-ахбар. Т. II. Стамбул, 1285/1868-69 (араб. шрифт).

Наджип, 1965 — *Наджип Э.* Тюркоязычные рукописи в Пекине // НАА. 1965, № 3.

Негри, 1844 — *Негри А.* Извлечения из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // ЗООИД. 1844, т. I.

Некрасов, 1997 — *Некрасов А.М.* О перспективах создания базы данных по генеалогии крымской аристократии XV–XVI вв. // Базы данных по истории Евразии в Средние века. Вып. 4–5. М., 1997.

Непомнящий, 1991 — *Непомнящий А.А.* В.Д.Смирнов — историк Крыма // МАИЭТ. Вып. II. 1991.

Олесницкий, 1910 — *Олесницкий А.* Песни крымских турок (Текст, перевод и музыка). М., 1910 (Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским Институтом восточных языков. Вып. XXXII).

Орешкова, 1990 — *Орешкова С.Ф.* Османский источник второй половины XVII в. о султанской власти и некоторых особенностях социальной структуры османского общества // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990.

Остапчук, 1994 — *Остапчук В.* Османістика в Інституті Сходознавства / / Східний Світ. 1994, № 1–2.

Остапчук, 2002 — *Остапчук В.* Хроника Реммаля Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымско-татарским походам // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2002.

Отчет, 1876 — Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1875 г. СПб., 1876.

Отчет, 1883 — Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1881 г. СПб., 1883.

Отчет, 1912 — Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1905 г. СПб., 1912.

Пріцак, 2001 — *Пріцак Л.Д.* Кардаш-казаги // Східний Світ. 2001, № 2.

Протоколы, 1913 — Протоколы заседаний Таврической ученой архивной комиссии // ИТУАК, № 49. Симферополь, 1913.

Рамзи, 1908 — *Рамзи М.М.* Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакаи Казан ва Булгар ва мулук ат-татар. Муджаллад 2. Оренбург, 1908 (араб. шрифт).

Ромм, 1941 — *Ромм Ж.* Путешествие в Крым в 1786 году. Пер., вступит. ст. и примеч. К.И.Раткевич. Л., 1941.

Рыбалкин, 1984 — *Рыбалкин В.С.* Собрание арабских рукописей Центральной научной библиотеки (ЦНБ) АН УССР // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. 1976–1977. М., 1984.

Самойлович, 1913 — *Самойлович А.Н.* Предварительное сообщение о новом списке сокращения «Семи планет» Мухаммеда Ризы // ИТУАК. 1913, год 26-й, № 49.

Сборник, 1881 — Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма. Изд. В.Д.Смирнов. СПб., 1881.

Сенаи, 1998 — Кырымлы Хаджи Мехмед Сенаи. Книга походов: история хана Ислям-Гирая III. Симферополь, 1998.

Смирнов, 1887 — *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.

Смирнов, 1894 — *Смирнов В.Д.* Записки Мухаммеда-Наджати-эфенди, турецкого пленного в России в 1771–1775 гг. // Русская старина. 1894, март–май.

Смирнов, 1903 — *Смирнов В.Д.* Образцовые произведения османской литературы в извлечениях и отрывках. СПб., 1903.

Смирнов, 1975 — *Смирнов В.Д.* Турецко-османские сказки // Тюркологический сборник. 1973. М., 1975.

События, 1856 — События, случившиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирей-хана (перевод с еврейской современной рукописи, сочиненной караимом Рабби-Азарья сыном Илии). Пер. А.С.Фирковича // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 24. М., 1856.

Тунманн, 1991 — Тунманн. Крымское ханство. Симферополь, 1991.

Туранлы, 2000 — *Туранли Ф.* Літописни твори М. Сена'і та Г. Султана як історичні джерела. Київ, 2000.

Усманов, 1969 — *Усманов М.А.* Источники книги Ш.Марджани «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар», ч. 1, Казань, 1885 // Очерки истории Поволжья и Приуралья. Вып. II–III. Казань, 1969.

Усманов, 1979 — *Усманов М.А.* Жалованные грамоты Джучиева Улуса XV–XVII вв. Казань, 1979.

Фалев, 1925 — *Фалев П.* Старо-османский перевод «крымской» поэмы // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее РАН. Л., 1925, т. 1.

Фетислямов, 1939 — *Фетислямов А.* Тогъай-бейнинъ Богдан Хмельницкийнен бирликде Польшагъа походы хусусындаки поэма акъкъында // Эдебият ве культура. 1939, № 6.

Финкель, 1848 — *Финкель И.* Девар-Сефафаим // ЗООИД. 1848, т. II.

Хайбуллаева, 2001 — *Хайбуллаева Ф.Х.* Новый турецкий источник по истории Крыма // МАИЭТ. Вып. VIII. 2001.

Хартахай, 1867 — *Хартахай Ф.* Историческая судьба крымских татар (статья вторая) // Вестник Европы. Пг., 1867, июнь, т. II.

Хезарфенн — *Хюсейн Хезарфенн.* Тенких-и теварих-и мулюк. Рук. МГИМО (У) МИД (№ 257).

Хезарфенн(а) — *Хюсейн Хезарфенн.* Тенких-и теварих-и мулюк. Рук. BSB (Cod. turc. 67) (1730 г.).

Черников, 2002 — *Черніков І.* Унікальна орієнталістична монографія про міжнародні відносини у Північному Причормор'я (середина XVII ст.) // Східний Світ. 2002, № 2.

Эвлия, 1961 — *Эвлия Челеби.* Книга Путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 1. М., 1961.

Эвлия, 1979 — *Эвлия Челеби.* Книга Путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2. М., 1979.

Эвлия, 1983 — *Эвлия Челеби.* Книга Путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 3. М., 1983.

Эрстрём, 1991 — *Эрстрём Э.Г.* Для меня и моих друзей // Наше наследие. М., 1991, № V.

Юсупов, 1981 — *Юсупов М.Х.* Шигабутдин Марджани как историк. Казань, 1981.

Abrahamowicz, 1973 — *Abrahamowicz Z.* Osmańskie i krymskie źrydła do dziejyw wyprawy wiedeńskiej wielkiego wezyra Kara Mustafy paszy w roku 1683 // Kara Mustafa pod Wiedniem. Źrydła muzułmańskie do dziejyw wyprawy wiedeńskiej 1683 roku. Z tureckiego przełożył i opracował Zygmunt Abrahamowicz. Kraków, 1973.

Atik, 2001 — *Atik K.* Lütfi Paşa ve Tevârih-i Âl-i Osman. Ankara, 2001.

Babinger, 1927 — *Babinger Fr.* Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke. Lpz., 1927.

Babinger, 1987 — Babinger Fr. Wedjīhī // E.J. Brill's First Encyclopaedia of Islam. 1913–1936. Vol. VIII. Leiden; New York; København; Köln, 1987.

Battal-Taymas, 1964 — Battal-Taymas A. La littérature des Tatars de Crimée // Philologiae Turcicae Fundamenta. Vol. II. Mainz, 1964.

Blochet, 1933 — Bibliothèque Nationale. Catalogue des Manuscrits Turcs par E. Blochet. Vol. II. Supplément. P., 1933.

DeWeese, 1994 — *DeWeese D.* Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park (Pennsylvania), 1994.

Encyclopaedia, 1987 — E.J. Brill's First Encyclopaedia of Islam. 1913–1936. Vol. III. Leiden; New York; København; Köln, 1987.

Evliya, 1928 — Evliya Çelebi. Seyahatnamesi. Cilt 7. İstanbul, 1928.

Eyyubî, 1994 — Eyyubî Efendi Kanûnnâmesi. Tahlil ve Metin / Haz. A.Özcan. İstanbul, 1994.

Flügel, 1977a — *Flügel G.* Die arabischen, persischen, türkischen Handschriften der Kaiserlichen und Königlichen Hofbibliothek zu Wien. Bd. II. Hildesheim; New York, 1977.

Flügel, 1977б — *Flügel G.* Die arabischen, persischen, türkischen Handschriften der Kaiserlichen und Königlichen Hofbibliothek zu Wien. Bd. III. Hildesheim; New York, 1977.

Gemil, 1974 — *Gemil T.* Un Yarlîg al Hanului Crimeii Gazi Ghiray — Bora Câtre Domnul Moldovei Aron Vodâ Tiranul // Anuarul Institutului de Istorie şi Arheologie «A.D.Xenopol». XI. 1974. Iaşi, 1974.

Górka, 1935 — *Górka O.* Uwagi Orjentacyjne o Tatarach Polskich i Obcych // Rocznik Tatarski. Zamość, 1935, t. II.

Gökbilgin, 1970 — *Gökbilgin Ö.* Quelques sources manuscrites sur l'époque de Sahib Giray Ier khan de Crimée (1532–1551) à Istanbul, Paris et Leningrad // CMRS. 1970, vol. XI (3).

Guboglu, 1958 — *Guboglu M.* Paleografia şi Diplomatica Turco-Osmana. Studiu şi Album. Bucureşti, 1958.

Halim-Geray, 1870 — *Halim-Geray Sultan.* Gülbün-i Hanan yahud Kırım tarihi. İstanbul, 1287/1870.

Halim-Geray, 1909 — *Halim-Geray Sultan.* Gülbün-i Hanan yahud Kırım tarihi. 2-e изд. İstanbul, 1327/1909.

Hammer-Purgstall, 1828 — *Hammer-Purgstall J.* von Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. II. Pesth, 1828.

Hezârfen, 1998 — *Hezârfen Hüseyin Efendi.* Telhîsü'l-beyân fî kavânîn-i Âl-i Osmân / Haz. S. İlgürel. Ankara, 1998.

Ianbay, 2002 — *Ianbay I.* Letters by Crimean Noblewomen to Sweden // Manuscripta Orientalia. SPb. 2002, vol. 8, № 1.

Ibrahim Ben Ali, 1935 — *Ibrahim Ben Ali.* Przyczynki do historji (Z dziejów narodów Kaukazu, Nadczarnomorza, Krymu, Moskwy i Polski). Warszawa, 1935.

İnalcık, 1948 — *İnalcık H.* Giray // Islâm Ansiklopedisi. Cüz 38. İstanbul, 1948.

Inalcik, 1962 — *Inalcik H.* The Rise of Ottoman Historiography // Historians of the Middle East. Oxf., 1962.

Inalcik, 1979–1980 — *Inalcik H.* The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I // Eucharisterion: Essays presented to Omeljan Pritsak on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students Harvard, 1979–1980 (Harvard Ukrainian Studies. Vol. III/IV).

İnalcık, 1996 — *İnalcık H.* Krım Hanlığı Kadi sicilleri buluntu // TTK Belleten. Cilt LX, Sayı 227. Ankara, 1996.

İstanbul Kütüphaneleri, 1943 — İstanbul Kütüphaneleri Tarih-Coğrafya Yazmaları Katalogları. I. Türkçe Tarih Yazmaları. 1. Fasikül (Umumî Tarihler). Istanbul, 1943.

İstanbul Kütüphaneleri, 1944 — İstanbul Kütüphaneleri Tarih-Coğrafya Yazmaları Katalogları. I. Türkçe Tarih Yazmaları. 2. Fasikül (Türk Tarihine Ait Eserler). İstanbul, 1944.

Ivanics, 1975 — *Ivanics M.* Formal and Linguistic Peculiarities of the 17th Century Crimean Tatar Letters Adressed to Princes of Transylvania // AO. 1975, t. XXIX (2).

Ivanics, 1975–1976 — *Ivanics M.* Két Krími-Tatár Oklevél Bethlen Gáborhoz // Nyelvészeti Dolgozatok. Kiadja a József Atilla Tudományegyetem Bölcsészettudományi Kara. 145. Szeged, 1975–1976.

Ivanics, 1981 — Ivanics M. Macaristan'daki Kırım Tatarlarına Ait Vesikalar. VIII. Türk Tarih Kongresi. II. Cilt'den ayrıbasım. Ankara, 1981.

Kafalı, 1976 — *Kafalı M.* Altın Ordu Hanlığının Kuruluş ve Yükseliş Devirleri. İstanbul, 1976.

Kellner-Heinkele, 1975 — *Kellner-Heinkele B.* Aus den Aufzeichnungen des Sa'id Giray Sulṭān. Eine zeitgenössische Quelle zur Geschichte des Chanats der Krim um die Mitte des 18. Jahrhunderts. Freiburg im Breisgau, 1975.

Kellner-Heinkele, 1996 — *Kellner-Heinkele B.* Crimean Tatar and Nogay Scholars of the 18th Century // Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries. Hrsg. von M. Kemper, A. von Kügelgen, D. Yermakov. B., 1996.

Kellner-Heinkele, 1998 — *Kellner-Heinkele B.* Who was 'Abdulghaffar el-Qırımı? Some Notes on an 18th Century Crimean Tatar Historian // Journal of Asian History. 1998, vol. 32(2).

Kellner-Heinkele, 2001 — *Kellner-Heinkele B.* A Chinggisid and Ottoman: Halim Gerey Sultan // Altaica. Вып. V. M., 2001.

Kerslake, 1978 — *Kerslake C.S.* The Selīm-nāme of Celāl zāde Mustafā Çelebi as a Historical Source // Turcica. Revue d'études turques. T. IX/2 — X. Paris; Strasbourg, 1978.

Le Khanat, 1978 — Le Khanat de Crimée dans les archives du Musée du palais de Topkapi. P., 1978.

Kırım Tarihi, 1944 — Kırım Tarihi veya Necati Efendi'nin Rusya Sefaretnamesi // Tarih Vesikaları. Ankara, 1944, cilt II, sayı 13–14.

Kırımî, 1343 — *Abdülgaffâr Kırımî.* Umdetü't-tevarih (Neşr. Necib Asım; Türk Tarih Encümeni Mecmuası ilâvesi). İstanbul, 1343 (араб. шрифт).

Kırımlı, 1932 — *Kırımlı H.A.* Kırım tarihine ait notlar ve vesikalar. I–III. Gazi Girayın mektupları // Azerbaycan Yurt Bilgisi. İstanbul, [1932], № 1–3, 4–5, 6–7.

Kraelitz-Greifenhorst, 1972 — *Kraelitz-Greifenhorst Fr.* Aufforderungs- und Kontributionsschreiben des Tataren-Hans Murād Giraj vom Jahre 1683 an Wr. Neustadt // Mitteilungen zur osmanischen Geschichte. Herausgegeben von Fr. Kraelitz und P. Wittek. Bd. I. Neudruck der Ausgabe von 1921–1922. Osnabrück, 1972.

Kurat, 1940 — *Kurat A.N.* Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına Ait Yarlık ve Bitikler. Istanbul, 1940.

Kurat, 1972 — *Kurat A.N.* IV–XVIII Yüzyıllarda Karadeniz Kuzeyindeki Türk Kavimleri ve Devletleri. Ankara, 1972.

Latîfî, 1990 — Latîfî Tezkiresi / Hazırlayan Doç. Dr. M.İsen. Ankara, 1990.

Levend, 1956 — *Levend A.S.* Gazavāt-Nāmeler ve Mihaloğlu Ali Bey'in Gazavāt-Nāmesi. Ankara, 1956.

Manuel, 2000 — Manuel de codicologie des manuscrits en écriture arabe. P., 2000.

Markon, 1938 — *Markon I.* Die Chronik der Krim'schen Chane von David Lechno «Debar Sephatajim» // 19 Congresso internazionale degli orientalisti (1935): Atti. Roma, 1938.

Matériaux, 1864 — Matériaux pour servir à l'histoire du Khanate de Crimée... قريم غه داير يازولار. Par V. Vélliaminof-Zernof. S.Pb., 1864 (араб. шрифт).

Menage, 1962 — *Menage V.L.* The Beginning of Ottoman Historiography // Historians of the Middle East. Oxf., 1962.

Menage, 1964 — *Menage V.L.* Neshri's History of the Ottomans. The Sources and Development of the Text. L., 1964.

Menage, 1976 — *Menage V.L.* The "Annals of Murad II" // BSOAS. 1976, vol. XXXIX, pt. 3.

Mısır, 1987 — Mısır Millî Kütüphanesi Turkçe Yazmalar Kataloğu (1870–1980). Cilt 1. Kahire, 1987.

Ortekin, 1938 — *Ortekin H.* Kırım Hanlarının Şeceresi. İstanbul, 1938.

Osmanlı, 1992 — Osmanlı Devleti ile Kafkasya, Turkistan ve Kırım Hanlıkları Arasındakı Münâsebetlere dair Arşiv Belgeleri (1687–1908). Ankara, 1992 (T.C. Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü Osmanlı Arşivi Daire Başkanlığı, Yayın № 3).

Ostapchuk, 1987 — *Ostapchuk V.* The Publication of Documents on the Crimean Khanate in the Topkapı Sarayı. The Documentary Legacy of Crimean-Ottoman Relations // Turcica. Revue d'etudes turques. T. 19. 1987.

Öztürk, 2002 — *Öztürk Y.* Kırım Hanlığı // Türkler. Cilt 8. Ankara, 2002.

Persischen, 1859 — Die Persischen Handschriften der Herzoglichen Bibliothek zu Gotha. Verzeichnet von Dr. W. Pertsch. Wien, 1859.

Précis, 1833 — Précis de l'histoire des khans de Crimée depuis l'an 880 jusqu'a l'an 1198 de l'hégire (traduit du turc par M.M. Kazimirski, revu par Am. Jaubert) // Nouveau Journal Asiatique. P., 1833, t. XII.

Richard, 1981 — *Richard Fr.* Un Lectionnaire Persan des Évangiles copié en Crimée en 776 H./1374 // Studia Iranica. Leiden, 1981, t. 10, fasc. 2.

Richard, 1989 — Bibliothéque Nationale. Département des Manuscrits. Catalogue des Manuscrits Persans. I. Ancien Fonds. Par Francis Richard. P., 1989.

Schmidt, 1999 — *Schmidt J.* French-Ottoman Relations in the Early Modern Period and the John Rylands Library MSS Turkish 45&46 // Turcica. Revue d'etudes turques. 1999, t. 31.

Schütz, 1975 — *Schütz E.* Eine Armenische Chronik von Kaffa aus der Ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts // AO. 1975, t. XXIX (2).

Senai, 1971 — Hadży Mehmed Senai z Krymu. Historia Chana Islam Gereja III. Tekst turecki wydał, przełożył i opracował Z. Abrahamowicz. Warszawa, 1971.

Soysal, 1939 — *Soysal A.Z.* Jarłyki Krymskie z Czasów Jana Kazimierza. Warszawa, 1939.

Tansel, 1970 — *Tansel F.A.* Cümcüme Sultān. Ottoman Translation of the Fourteenth Century Kipchak Turkic Story // Archivum Ottomanicum. T. II. The Hague, 1970.

Tarih-i Sahib, 1973 — Tarih-i Sahib Giray Han. (Neşr. Ö.Gökbilgin). Ankara, 1973.

Turan, 1984 — *Turan O.* İstanbul'un Fethinden Önce Yazılmış Tarihî Takvimler: 2. Baskı. Ankara, 1984.

Unat, 1992 — *Unat F.R.* Osmanlı Sefirleri ve Sefaretnameleri. Ankara, 1992.

Uzunçarşılı, 1958 — *Uzunçarşılı İ.H.* Onaltıncı Asır Ortalarında Yaşamış Olan İki Büyük Şahsiyet. Tosyalı Celâl Zâde Mustafa ve Salih Çelebiler // Belleten TTK. 1958. XXII. Sayı 87.

Uzunçarşılı, 1965 — *Uzunçarşılı İ.H.* Osmanlı Devletinin İlmiye Teşkilâtı. Ankara, 1965.

Vásáry, 1982 — *Vásáry I.* A Contract of the Crimean Khan Mängli Giräy and the Inhabitants of Qïrq-yer from 1478/79 // CAJ. 1982, vol. 26. № 3–4.

Verzeichnis, 1968 — Verzeichnis der orientalischen Handschriften in Deutschland. Band XIII. Teil 1. Wiesbaden, 1968.

Veselá, 1984 — *Veselá Z.* Les rapports de la Porte Sublime avec le Khanat de Crimée (1676–1686) // Rapports, Co-rapports, Communications Tchécoslovaques pour le Ve Congrès de l'Association Internationale d'Etudes du Sud-Est Européen. Prague, 1984.

Zajączkowski, 1935 — *Zajączkowski A.* Elementy Tureckie na Zemiach Polskich // Rocznik Tatarski. Zamość, 1935, t. II.

Zajączkowski, 1966 — *Zajączkowski A.* La Chronique des Steppes Kiptchak *Tevarih-i Deşt-i Qipcaq* du XVIIe siècle. Warszawa, 1966.

Zetterstéen, 1935 — *Zetterstéen K.V.* Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften der Universitätsbibliothek zu Uppsala. T. II. Uppsala, 1935.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского императорского археологического общества. СПб.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МГИМО (У) — Московский государственный институт (университет) международных отношений
НАА — Народы Азии и Африки. М.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов. М.
РНБ — Российская национальная библиотека. СПб.
РО ЦНБ НАН — Рукописный отдел Центральной научной библиотеки им. В.И.Вернадского Национальной академии наук Украины. Киев
СТ — Советская тюркология. Баку
AO — Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest
BNF — Bibliothéque Nationale de France. P.
BSB — Bayerische StaatsBibliothek. Münich
BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London
CAJ — Central Asiatic Journal. Wiesbaden
CMR — Cahiers du monde russe. P.
CMRS — Cahiers du monde russe et soviétique. Paris; La Haye
TTK — Türk Tarih Kurumu. Ankara

О.В.ЗОТОВ
(Москва)

Китай и Восточный Туркестан на геополитической «орбите» империй Чингисидов и Тимуридов

В XIII — начале XV в. Восточный Туркестан и Китай пребывали в силовом поле империй Чингисидов и — несколько меньше — Тимуридов.

Данная постановка вопроса объясняется тем, что *унитарная* Монгольская империя так и не была создана (сам Чингис-хан в континентальных масштабах ее вряд ли планировал), а «*федеративная*» — оказалась недолговечной. Империя Юань в Китае стала очередным китайским государством с «варварской» (в данном случае — монгольской) династией; установить контроль над Восточным Туркестаном ей не удалось. Монгольского государства, одновременно включавшего Китай и Восточный Туркестан, в реальности не было. Можно говорить о разной степени асинхронного контроля и влияния монголов в этих странах, т.е. о степени их геополитического притяжения к Монголии XIII–XIV вв.

С мирного присоединения Восточного Туркестана началось строительство *империи* Чингис-хана (присоединение Южной *Сибири* — географически противоположной Шелковому пути — представляется достаточным лишь для стабилизации собственно Монголии); завоеванием Китая оно завершилось — и начался распад.

Восточный Туркестан, разделенный к западу от Кучара на две неравные части между небольшим Уйгурским царством Кочо с центром в Турфане и обширным Каракитайским государством с центром в Кашгаре, привлек внимание Чингис-хана как сопредельный земледельческий ареал и зона Шелкового пути. В отличие от правителей Китая кочевые правители традиционно признавали значение торговли

© О.В.Зотов, 2005

и старались ее поощрять. За развитием государственности монголов и укреплением державы Чингис-хана внимательно наблюдал царь уйгуров Кочо Баурчук. Перед лицом серьезных противников в кочевом мире севера и оседлого среднеазиатского запада (покорителей основной части Восточного Туркестана) он предпочел добровольно присоединиться к Чингис-хану. Царство Кочо фактически стало едва ли не «пятым улусом» монгольской державы, его пятым державным началом — поистине quinta essentia.

Баурчук первым и по собственной инициативе обратился к Чингис-хану с просьбой о принятии его под высочайшее покровительство в качестве «пятого сына». Чингис-хан остался доволен инициативой Баурчука, тем более что уйгурская культура имела большое значение в кочевом мире уже не первое столетие. Уйгурский царь был принят на уровне выше простого вассала; ему была обещана в жены Алтунбеги, дочь самого Чингис-хана [Кутлуков, 1977, с. 87]. Уйгуры обрели в нестабильной Центральной Азии начала XIII в. могущественного сюзерена, Чингис-хан — ценного союзника и важнейший отрезок Шелкового пути на подступах к Китаю. В дальнейшем продвижении в Среднюю Азию и борьбе с обширным ханством кара-китаев идикут уйгуров Баурчук лично возглавил 10-тысячное войско. Чингис-хан союзом с Кочо обезопасил свои тылы в Восточном Туркестане, а затем в Семиречье.

Не меньшим было для монголов культурное значение Восточного Туркестана — прежде всего Уйгурского государства. Именно благодаря уйгурам у монголов появились основы развитой городской культуры, письменность, государственное делопроизводство, литература. Разгромив в 1204 г. государство найманов, Чингис-хан привлек к себе на службу в качестве высшего государственного чиновника уйгура по имени Тататунга, служившего до того его противникам-найманам. Другим книжником, стоявшим у истоков монгольского госаппарата, был кераит Чинкай — также носитель уйгурского языка и письменности. Уйгурская письменность сделала монгольский язык поистине государственным языком империи Чингис-хана.

В 1208 г. правитель кара-китаев недальновидно принял на своей территории правителя найманов Кучлука, изгнанного из Монголии, и сделал его своим зятем. Чтобы подчинить оседлых тюрок материально, тот (свергнув тестя) вытаптывал их посевы копытами конницы, а чтобы подчинить их духовно — преследовал ислам, давно утвердившийся в государстве Караханидов-кара-китаев как господствующая религия. Своей политикой этот правитель снискал всеобщую ненависть, чем облегчил действия Чингис-хана.

Не исключено, что монголы проникли во владения кара-китаев не напрямую через Джунгарию, а скрытно через Кочо и тянь-шаньские перевалы. В Семиречье и Восточном Туркестане монголов встретили не как устрашающих завоевателей и кару небесную, а как освободителей, несущих справедливость.

Разбив кара-китаев, Чингис-хан оказался соседом среднеазиатской державы хорезмшахов, включавшей большую часть Средней Азии, современный Афганистан и Иран. Поначалу Чингис-хан не ставил перед собой задачи конфронтации с этой империей: его интересы лежали преимущественно восточнее Памира (где представляли опасность тангутское государство Си Ся и чжурчжэньское Цзинь). Чингис-хан направил к хорезмшаху двух послов, которые были убиты. Лишь тогда Чингис-хан решил наказать хорезмшаха — хотя, конечно, сам эксцесс явился лишь последней каплей в сосуде накопившейся напряженности.

Летом 1218 г. монгольские войска сосредоточились у южных склонов Алтая, близ истоков Иртыша и Урунгу. Затем по долине Эмиля вдоль Тарбагатайских гор они спустились в Семиречье через Джунгарские ворота. Эти края принадлежали тюркам-карлукам, чей правитель Арслан давно стал вассалом Чингис-хана. Его войска присоединились к монгольским; то же сделали алмалыкцы Сукнак-тегина и, наконец, 10 тыс. кочоских уйгуров идикута Баурчука. Они сыграли важную роль в осаде и штурме Отрара, затем Нишапура. Немаловажно, что левофланговые силы монголов и их союзников прошли в Среднюю Азию через Восточный Туркестан южнее Тянь-шаня (Кашгарию) и затем через Фергану [Mirza Haidar, 1898, с. 109].

Чингис-хан весьма последовательно осуществлял доктрину, которая гласила: «Бог Тенгри отдал мне Восток и Запад — все царство земное. Подчинившиеся будут пощажены, сопротивляющиеся будут уничтожены поголовно» [Груссе, 2000, с. 188]. На Востоке он утверждал свою верховную власть не просто мирно, но как освободитель народов и конфессий от деспотизма тогдашних правителей (нагляден пример Восточного Туркестана), на Западе — поступал как «бич Божий»; хотя и с этим «дальним зарубежьем» он первоначально пытался установить мирные отношения и никаких войн там не планировал.

Восточный Туркестан оформился как важная геополитическая опора державы Чингис-хана в географическом, политическом, культурном и даже военном отношении. При ненадежности монгольских позиций на севере Китая, где еще не были побеждены чжурчжэни, но уже появился новый противник в лице тангутского государства Си Ся, царство **Кочо и Восточный Туркестан в целом для монголов** геопо-

литически значили много и **были попросту незаменимы**. К полному контролю над Ираном и Китаем Чингис-хан не стремился, не без оснований считая такие задачи избыточными: в принципе все, что могли дать Монголии Китай и отдаленный Иран, уже давали тесные связи с Восточным Туркестаном и торговля по Шелковому пути через его территорию.

В 1225 г. империя Чингис-хана простиралась от Пекина до Самарканда и он был скорее заинтересован в ее стабилизации, чем в расширении. На ближних границах продолжалась война в Китае с ослабевшей империей Цзинь, а бывший союзник — государство Си Ся в Ганьсу успело поглотить восточные уйгурские княжества в Ганьчжоу и Сучжоу. То и другое создавало в перспективе серьезную опасность для уйгурского царства Кочо в Восточном Туркестане — «пятого улуса» (ключа к Средней Азии и Шелковому пути) — и для империи в целом. Но лишь весной 1226 г. Чингис-хан лично повел войска на Тангут. Чингис-хан стремился не безгранично расширять пределы своей империи, как иногда считают, а, напротив, стабилизировать ее ядро и завоеванные территории. [Гео]стратегическим «центром тяжести» (*К.Клаузевиц*) империи Чингис-хана можно считать в первую очередь Восточный Туркестан (Джунгарию и Кашгарию), а также сопредельные им Семиречье и Фергану (открывавшие пути на запад, в степи нынешнего Казахстана и оазисы Средней Азии). В этом центре тяжести ключевую роль играло уйгурское царство Кочо, граничившее с Си Ся и неспособное устоять против него без помощи монголов. **Без обеспечения безопасности царства Кочо — малого, но ключевого геополитического звена — вся конструкция обширной империи оказывалась под угрозой**. Чингис-хан понимал значение Восточного Туркестана много лучше своих наследников и потомков (которые, вообще слабо понимали суть контитентальной геополитики Чингис-хана). Чингис-хан не считал полезным создавать в уделах империи варварские династии типа Цзинь в Китае, чувствующие себя неуверенно в новой местной среде.

Однозначные оценки геополитического проекта Чингис-хана и его далеко не завершенного осуществления весьма уязвимы. Проще всего считать (как это делают В.В.Бартольд и Т.Грановский), что его империя была грабительским новообразованием [Бартольд, 1963, с. 159; Грановский, 1912, с. 13]. Но сам же Чингис-хан признавал, что создать империю верхом на коне можно, но управлять ею — затруднительно. Он привлек к управлению государством высокообразованных уйгуров Восточного Туркестана (кстати, именно уйгурская поговорка гласит,

что нельзя «косить сено, сидя на верблюде»). Столь же спорна однозначная оценка политики Тимура как деструктивной: у него, как и у Чингис-хана, была конструктивная программа, которая не без успеха осуществлялась [Тамерлан, 1992; Зотов, 1998].

Интегральным звеном «степоцентричной» империи (ее геополитическим ядром) являлось **оазисно-кочевое двуединство Монголии и царства Кочо** (которое само представляло в миниатюре оазисно-кочевую империю). Такое двуединство продержалось до второй половины XIII в. — пока престол верховного хана не перешел к Хубилаю, а тот не превратился из императора монголов в китайского — заурядного основателя Юань, очередной варварской династии. В Монгольской империи была заметна неординарная роль уйгуров как государственных деятелей. Хранителем печати (т.е. канцлером — главой правительства) государства найманов был уйгур Татанунга; после разгрома найманов он занял тот же пост в империи Чингис-хана (он же обучал сыновей Чингис-хана уйгурской грамоте, поскольку монголы приняли уйгурский письменный язык в качестве государственного). По сведениям «Юань ши», уйгур Чинкай был первым министром преемников Чингис-хана — Угэдэя (1228–1241) и Гуюка (1246–1248). Уйгур Сянгай занимал пост главнокомандующего войсками «западных дорог» (очевидно, Западного стратегического направления). Уйгур Куркуз был назначен наместником исламского региона — Ирана и Хорасана, где сумел навести порядок в делах управления и стабилизировать ситуацию. В то же время центральноазитский мусульманин Махмуд Ялавач и его сын Масудбек до 1289 г. управляли Средней Азией и Восточным Туркестаном. Так было до тех пор, пока сохранялся заведенный Чингис-ханом четкий порядок компетентного руководства империей и не началось перерождение ее уделов.

В середине XIII в. в Восточный Туркестан и, что особенно странно, в союзное царство Кочо стали назначать монгольских и даже китайских чиновников для внутреннего контроля и взимания налогов (при Чингис-хане такое было немыслимо), а полномочия идикутов в управлении своим государством были урезаны. В 1252 г. по клеветническому доносу одного из слуг был казнен идикут Салынды (Салын-тегин).

В условиях раскола и начавшейся междоусобной войны линия «фронта» прошла по бывшей границе государства Караханидов и Кочо в Восточном Туркестане. Экономический упадок и разорение оазисов Восточного Туркестана вынудили хана Хубилая — тогда уже основателя монголо-китайской династии Юань — в 1286 и 1289 гг. оказывать Турфану и Комулу помощь зерном и скотом. Правитель

Китая хан Хубилай пытался установить контроль если не над Средней Азией, то над близлежащим Восточным Туркестаном. Но с 1260 г. в Монголии ему противостояла коалиция во главе с великим ханом Ариг-бугой. Верх одержал Хубилай, но подчинить ни Восточный Туркестан, ни Среднюю Азию он не сумел. Там возникла коалиция во главе с Хайду — внуком Угэдэя, подчинившим большую часть Восточного Туркестана; яблоком раздора его с Хубилаем (до самой смерти последнего в 1294 г.) стало Кочо. Идикуты Кочо сперва переселились из Турфана в Комул, а затем в 1283/94 г. укрылись в г. Юнчане китайской провинции Ганьсу. Отъезд идикута и его двора из Кочо мало что менял в новом статусе его государства: в уйгурские оазисы уже длительное время назначались такие же чиновники, как и в юаньском Китае [Тихонов, 1966, с. 60]. Турфанское и Комульское княжества, на которые распалось уйгурское царство Кочо, затем лавировали между Чагатаидами и Юань.

Восточный Туркестан долгие десятилетия оставался в эпицентре континентальной нестабильности. В 1340–1348 гг. среднеазиатское ханство Чагатаидов распалось на две части — западную (Мавераннахр, где тюркские эмиры свергли Казан-хана) и восточную (степной Моголистан, где был провозглашен собственный хан Туглук Тимур, а городскими центрами стали города Аксу и Турфан в Восточном Туркестане). Непростыми оставались отношения двух Туркестанов — Западного и Восточного — и после 1370 г., когда Среднюю Азию объединил эмир Тимур (Тамерлан); два десятилетия его отношения с могольскими ханами оставались сложными — вплоть до чреватых войной.

Поскольку центром империи Тимура являлся Мавераннахр (междуречье Амударьи и Сырдарьи), а основные завоевательные походы он осуществлял на Ближнем и Среднем Востоке, Кавказе и — отчасти — в приуральских степях (объединяя земли бывших монгольских уделов Чагатаидов в центре, Джучидов на севере и Хулагуидов на юге), то Восточный Туркестан (входивший во владения воинственных могольских ханов — Моголистан) долгое время не вызывал у него первостепенного интереса. Неоднократные нападения моголов вызывали ответные походы Тимура, но не уничтожение самого государства моголов. Изгнав агрессивного хана Камар эд-Дина в Сибирь, Тамерлан стал зятем его преемника Хызр Ходжи-хана.

Закономерны вопросы: каков был замысел похода Тамерлана «в Китай», начатый им осенью 1404 г., и какова была в нем роль Восточного Туркестана. Этот поход был частью так называемого семилетнего похода [Тюраков, 1996, с. 35–42], который Тимур начал в 1399 г. на

Ближнем Востоке и планировал завершить в 1405/06 г. где-то у границ Китая. Выступив из Самарканда, он неспешно продвигался к Отрару близ Сыр-дарьи, где сосредоточил войска, собранные со всех завоеванных стран. Но выбор Отрарского направления указывает вовсе не на Китай, а на запад Монголии, где к тому времени усиливались ойраты (их давление ощущали Комул и моголы; в середине XV в. они нанесут поражение империи Мин); именно этим путем сам Чингис-хан начал свой западный поход 1219 г. (его сыновья шли много южнее [Roux, 1991, с. 109]). Подчинение ойратов делало Тимура безусловным гегемоном внутренних регионов Евразии и уже само по себе давало ему огромные преимущества в отношениях с минским Китаем, ослабленным гражданской войной 1399–1402 гг. Китай вряд ли был непосредственным предметом геостратегии Тимура (он был удален от центра его империи на такое же расстояние, как Ближний Восток, который Тимур не стал присоединять к своей империи; Пекин отстоит от Самарканда на то же расстояние, что Босфор и Константинополь); Тимур ограничился закреплением своих позиций лишь на западном берегу Каспия.

Тамерлан ограничивался собиранием земель, включающих прежде всего Мавераннахр и бассейн Каспия; за эти пределы он выходил эпизодически. Завязан этот «мешок» был в междуречье Урала и нижней Волги разгромом Тохтамыша — главного противника империи (см. [Roux, 1991, с. 109]). Для ее стабилизации восточнее Сырдарьи Тамерлану был необходим симметричный «мешок». Рассчет расстояний и учет вероятных противников в том регионе показывает, что в него попадают прежде всего земли между Алтаем и Куньлунем — Восточный Туркестан. Сознательно следуя традициям Чингис-хана, Тимур был объективно заинтересован в стабильности Восточного Туркестана как «сердца» своей империи (второго наряду с Мавераннахром) и действительно в целом обеспечивал эту стабильность [Mirza Haidar, 1898, с. 64–65]. Для стабилизации и закрепления именно этих земель были полезны зимняя кампания 1405 г., поход на Иртыш и далее против ослабленных морозами и снегами ойратов — с последующим возвращением через юг Восточного Туркестана, т.е. Кашгар (тем же путем, каким монголы прошли в 1219 г. и сам Тимур возвратился из очередного похода на моголов в 1388 г. (Pittard, 1986, с. 25; Григорьев, 1873, с. 314; Корнилов, 1903, с. 7, 331–332); в 1404 г. именно здесь были созданы склады провизии и снаряжения). Задача прямого воздействия на минский Китай в данном контексте выглядит избыточной, тем более что Тимур располагал информацией о трудностях борьбы Чингис-хана с

империей Цзинь и причинах, по которым тот отложил ее завоевание на неопределенное будущее. Во всех отношениях много выгоднейшим выглядел контроль над центром так называемой «Высокой Азии»: как подметил *Й.Баркхаузен*, ее центральное местоположение, коммуникации и рельеф позволяют при желании создавать проблемы для любых геополитических соперников на континенте [Barckhausen, 1935, с. 21–22].

Закрепление контроля над Восточным Туркестаном немало значило для скорого завершения строительства империи Тимура — усиления ее позиций в Монголии и геополитического перевеса над минским Китаем. Тимур, «собирая» среднеазиатские осколки империи Чингисидов и сопредельные им территории, неизбежно включал в свои расчеты Восточный Туркестан. Логика его последнего, «китайского» похода 1404–1405 гг. объяснима стремлением установить контроль над Восточным Туркестаном как «осевым» (по определению О.Латтимора [Lattimore, 1950]) элементом азиатской геополитики целого ряда империй.

Итак, Восточный Туркестан играл ключевую роль в глобальных геополитических начинаниях Чингис-хана и Тамерлана. (Позиции в этой стране были утрачены их несостоятельными наследниками.) Заинтересованность империй Чингис-хана и Тимура в Восточном Туркестане (как и последнего в двух этих империях) была взаимной: они приобретали друг в друге геополитическую опору и условия безопасного существования. Восточный Туркестан — логичный пример полного *не*применения обоими великими завоевателями «показательной жестокости» к соседним народам; понять это помогает учет геополитической логики Тимура и Чингис-хана во времени и реалиях исторической психологии [Cerbo, 1996, с. 233, 227–228]. Упадок Восточного Туркестана объяснялся не татаро-монгольскими завоеваниями, а, напротив, распадом империй Чингисидов и Тимуридов.

Рашид ад-Дин, 1952–1960 — *Рашид-ад-дин.* Джами ат-таварих (сборник летописей). Т. 1. М.–Л., 1952; т. 2–3. М.–Л., 1960.

Mirza Haidar, 1898 — *Mirza Haidar* The Tarikhi Rashidi. A History of the Moghuls of Central Asia. L., 1898.

Бартольд, 1963 — *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. 1. М., 1963.

Грановский, 1912 — *Грановский Т.* Четыре характеристики. СПб., 1912.

Григорьев, 1873 — *Григорьев В.В.* Восточный, или Китайский, Туркестан. Вып. 2. СПб., 1873.

Груссе, 2000 — *Груссе Р.* Чингис-хан. М., 2000.

Зотов, 1998 — *Зотов О.В.* Одинокий садовник в пустыне // Живая история Востока. М., 1998.
Корнилов, 1903 — *Корнилов Л.Г.* Кашгария, или Восточный Туркестан. Таш., 1903.
Кутлуков, 1977 — *Кутлуков М.* Монгольское господство в Восточном Туркестане // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.
Тамерлан, 1992 — Тамерлан: эпоха, личность, деяния. М., 1992.
Тихонов, 1966 — *Тихонов Д.И.* Хозяйство и общественный строй уйгурского государства. X–XIV вв. М.–Л., 1966.
Тюраков, 1996 — *Тюраков В., Файзаев А.* Великий амир Тимур: даты жизни и событий. Таш., 1996.

Barckhausen, 1935 — *Barckhausen J.* L'empire jaune de Genghis khan. P., 1935.
Barfield, 1989 — *Barfield T.* The Perilous Frontier. Cambridje (Mass.), 1989.
Bouvat, 1927 — *Bouvat L.* L'empire mongol (2me phase). P., 1927.
Cerbo, 1996 — *Cerbo A.* Il Tamerlano negli "Elogia" di Paolo Giovio // Oriente moderno. NS XV (LXXVI). Napoli, 1996, № 2.
Elias, 1898 — *Elias N.* The Tarikhi Rashidi. A History of the Moghuls of Central Asia. L., 1898 (Introduction).
Kurban, 1992 — *Kurban I.* Şarki Türkistan Cümhuryeti (1944–1949). Ankara, 1992.
Lattimore, 1950 — *Lattimore O.* Pivot of Asia. Boston, 1950.
Martin, 1950 — *Martin H.D.* The Rise of Chingis Khan and His Conquest of China. Balt, 1950.
Piemontese, 1996 — *Piemontese A.M., Mignanelli B.* Senese biografo di Tamerlano // Oriente moderno. NS XV(LXXVI). Napoli, 1996.
Pittard, 1986 — *Pittard D.* Genghis Khan and 13th Century AirLand Battle // Military Review. July, 1986.
Roux, 1991 — *Roux J.P.* Tamerlan. P., 1991.

С.Г.КЛЯШТОРНЫЙ
(Санкт-Петербург)

Хазарские заметки

1. Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки

Фрагмент амфоры с рунической надписью был найден в 1978 г. при земляных работах на городище Маяки (правобережье Северского Донца) (о городище Маяки см. [Плетнева, 1967, с. 22, 192]); амфора относится ко времени существования поселения (VIII–IX вв.) и, скорее всего импортирована из Крыма.

Надпись исполнена на тулове амфоры (после обжига сосуда) глубокими штрихами. Высота знаков 5–7 мм, знаки расположены одной строкой (рис. 1). Полностью сохранились 16 знаков, но по линии излома фрагмента видны следы еще двух. Начертания отчетливы, выполнены с профессиональным мастерством. Надпись относится к восточноевропейской разновидности древнетюркского рунического письма (ВЕР), ареал распространения которой включает территорию степной зоны Юго-Восточной Европы между Волгой (Нижнее и Среднее Поволжье) и долиной Дуная (в пределах Румынии, Болгарии и Венгрии) [Щербак, 1971, с. 76–82; Rónа-Tas, 1976, с. 267–271].

Первыми памятниками ВЕР стали надписи на золотых сосудах из клада, обнаруженного в 1799 г. близ селения Надь-Сент-Миклош в долине р. Марош. Путь к дешифровке сент-миклошских надписей был проложен датским филологом В.Томсеном, ранее успешно дешифровавшим древнетюркскую рунику Центральной Азии (ЦАР) [Thomsen, 1922, с. 325–354]. В.Томсен прочел по-тюркски одну из сент-миклошских надписей, выполненную в отличие от остальных греческими буквами, и установил, что неизвестные рунические граффити должны быть отнесены к особой разновидности древнетюркского письма, которое, несмотря на значительное сходство с ЦАР, совершенно расхо-

© С.Г.Кляшторный, 2005

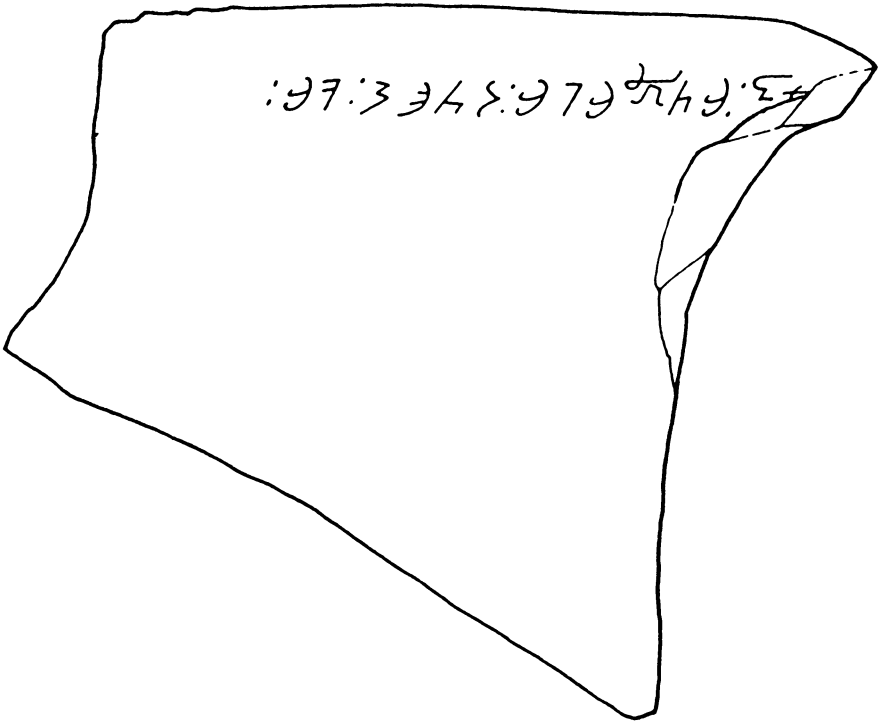


Рис. 1

дится с последней по фонетической атрибуции знаков. Дешифровка сент-миклошских рунических надписей была осуществлена венгерским тюркологом Ю.Неметом [Németh, 1932]. Позднее академик Ю.Немет опубликовал дополнения и уточнения к своим прежним выводам [Németh, 1971, pt. 1–2, с. 1–52]. Значительное число небольших надписей того же типа было обнаружено в Юго-Восточной Европе; опыт дешифровки некоторых находок предпринял А.М.Щербак (перечень работ см. [Щербак, 1971, с. 76]). Однако эти граффити по репертуару знаков не полностью совпадали с сент-миклошской эпиграфикой, что затруднило их адекватное прочтение и вызвало сомнения в правильности самой дешифровки. Так, А.М.Щербак, рассматривая в качестве примера различные варианты чтения и перевода надписи на одной из новочеркасских баклажек, предложенные в разное время А.Н.Бернштамом, М.Рясяненом, А.М.Щербаком, И.А.Фигуровским, Г.Ф.Турчаниновым, пишет: «Вероятнее всего, ни один из приведенных вариантов чтения не является окончательным, и все они представляют собой лишь опыты дешифровки, проверка которых будет производиться по мере выявления новых материалов» [Щербак, 1971, с. 77–78][1]. Каждый вновь найденный текст, возможность прочтения которого на основе одной из предложенных систем фонетической оценки знаков достаточно обоснованна, становится контрольной пробой сделанных ранее выводов и дополняет еще далекий от завершения процесс полной дешифровки всех вариантов ВЕР.

В надписи на амфоре нет знаков, специфических для других донецких рунических граффити и отличающих эти последние от сент-миклошской руники. Вместе с тем по крайней мере две палеографические особенности сближают надпись на амфоре с ЦАР. Одной из них является четырежды фиксируемое в надписи двоеточие-словоразделитель. В сент-миклошских надписях словоразделителем служит вертикальная черта, используемая лишь эпизодически. В надписях на новочеркасских баклажках Г.Ф.Турчанинов отмечает наличие словоразделителей в виде одной, двух или трех точек, хотя в издании А.М.Щербака эти знаки не упомянуты [Турчанинов, 1971, с. 68–69; Щербак, 1954, с. 269–282]. Другую параллель ЦАР представляет направленность палеографических изменений в надписи на амфоре.

Аналогией сент-миклошским надписям является крестообразный знак 1 (см. рис. 2), который, по мнению Ю.Немета, отмечает начало или

[1] Впрочем, А.М.Щербак убедительно отстаивает здесь идею тюркской принадлежности ВЕР. О сомнениях, относящихся к дешифровке сент-миклошских надписей, см. [Németh, 1971, с. 9–13].

Знаки на амфоре	Сент-миклошские руны	Атрибуция знаков по Ю. Немету
		a
		в
		g
		q
		k'
		ч'
		č

18 17 16 15 14 13 12 11 10 9 8 7 6 5 4 3 2 1

Рис. 2

конец слова [Németh, 1971, с. 36]. Напротив, знак 4 (а также 7, 9, 17 на рис. 2) не имеет прямых аналогий в ВЕР и может рассматриваться как результат эволюции знака), определяемой разрывом передней скобы, рудименты которой сохранились в виде стежков, сочлененных со скобой-основой в ее нижней и средней части. Такой путь переработки знака, создающий известную вычурность и усложненность его начертаний, совпадает с иными эволюционными отличиями рун на амфоре от сент-миклошских рун. Знак 5 (а также 12 на рис. 2), имеющий прямой графический прототип в ЦАР, здесь является несомненным аналогом знака h, И. Знак 6 не имеет аналогий ни в одной из разновидностей древнетюркской руники. Соположение двух графов само по себе является одним из обычных способов образования сложных графем в руническом письме, однако в данном случае не вызывает сомнений иносистемное происхождение обоих составляющих. Общая семантика знака может быть определена, если не будут найдены исторически оправданные аналогии, только контекстом надписи. Знак 8 также не имеет прямых аналогов в ВЕР. Несколько напоминающий его знак для обозначения Z (по Ю.Немету) имеет, однако, в качестве основного графа не ствол, а скобу. Поэтому представляется более надежным рассматривать знак 8 как эволюционный вариант знака ↿, ↾. Палеографически аналогичное развитие этого знака, с иным, впрочем, фонетическим содержанием, наблюдается в поздних вариантах ЦАР [Gabain, 1976, с. 12]. Прямые аналоги в сент-миклошской рунике незначительно модифицированных, а также оставшихся неизменными знаков 11, 13, 14, 16 не вызывают сомнений (см. таблицу).

Всего в надписи на амфоре фиксируется 11 графем, две из которых (знаки 2, 6) впервые отмечены в ВЕР и скорее всего являются заимствованиями, а одна (двоеточие-словоразделитель), хотя и органична для древнетюркской руники, еще не регистрировалась с полной определенностью как регулярно используемый знак. Остальные 8 графем представляют либо эволюционно преобразованные (три знака), либо незначительно модифицированные (два знака), либо не подвергшиеся изменениям (три знака) варианты того палеографического извода ВЕР, который можно было бы назвать «сент-миклошским».

Очевидно, основное направление палеографической эволюции сент-миклошских знаков, определяемое заменой простых и прямолинейных начертаний отдельных элементов графемы усложненными криволинейными и дугообразными, что делает письмо более вычурным и парадным, проводит более четкую грань между графемой и тамговым знаком, придает рунике внешнюю схожесть с более распространенны-

ми курсивными уставами. Совершенно аналогичную эволюцию претерпела в уйгурскую эпоху (не позднее рубежа VIII–IX вв.) ЦАР; в Монголии и Восточном Туркестане она почти полностью видоизменилась и лишь на верхнем Енисее, далеком от интенсивного воздействия иных систем письма, оказалась более консервативной.

Именно гомогенность рун на амфоре и сент-миклошских рун позволяет полагаться на фонетические атрибуции, установленные Ю.Немет-ом, и транслитерировать, обозначая через *x* неопределенные знаки, следующие лексические единицы, содержащиеся в надписи на амфоре:

x rq x rkr aq čg br

Со всей очевидностью транслитерация показывает, что ВЕР сохраняет — и, может быть, с большей последовательностью, чем ЦАР, — принцип консонантно-звукового письма, в котором обозначались преимущественно согласные. Однако лишь в одном случае эксплицитно обозначены палатальный и велярный позиционные варианты согласной фонемы. Если полногласная форма *aq* сразу относит знак 12 (5) к велярному ряду, то уже наличие иного обозначения той же фонемы (знак 8) указывает на ее палатализованный характер. Действительно, эволюционный вариант знака 8 в сент-миклошской рунике регистрируется в слове *ilbek* [Németh, 1971, с. 36].

Нет ясных указаний на раздельнорядность остальных знаков надписи; напротив, знак 4 (а также 7, 9, 17 в таблице) фиксируется в сочетаниях, подтверждающих его обоюдорядность. Тем не менее благодаря четкому выделению лексических единиц вокализация текста не представляет особых трудностей.

Транскрипция: *x arqa x irkir aq ačyg bor*

Примечания:

а) в ряду значений слова *arqa* для данного случая наиболее достоверны следующие: «все, весь» [Радлов, 1893, 287]; «множество, некоторое количество, совокупность» [ДТС, с. 53];

б) *irkir* < *irk-* «собирать(ся), скапливать(ся), наполнять(ся)» [ДТС, с. 212; Севортян, 1974, с. 378–379]. Форма *irkir* как причастие для обозначения присубъектного определения здесь маловероятна; в случае *verbum finitum* форма на — *ir* выступает как аорист и передает действие, совершающееся вне временных условий [Кононов, 1956, с. 228; Кондратьев, 1970, с. 32; Gabain, 1976, с. 111, 112];

в) *ačyg*, *ačyγ* «кислый, горький» [ДТС, с. 4; Clauson, 1972, с. 21–22];

г) *bor* «вино» [ДТС, с. 112; Clauson, 1972, с. 354];

д) знаки 2, 6 в контексте надписи означают либо цифру (число), либо наименование меры. В древнетюркских письменностях не было

собственных цифровых знаков и количество всегда обозначалось словесным написанием соответствующего числительного. Лишь в сравнительно позднее время появляются китайские (в древнеуйгурских текстах) и арабские цифры. В.А.Лившиц (устная консультация) полагает, что знак 6 может быть одним из эволюционных вариантов согдийского обозначения числа «сто»; такое предположение находит поддержку не только в контексте, но и в генетической связи древнетюркской руники с согдийским письмом. Все же гипотеза В.А.Лившица предполагает сложный путь эволюции начертания согдийского знака, и ее подтверждение зависит от выявления промежуточных вариантов. Поэтому пока предпочтительнее рассматривать знаки 6 и 2 как неопределенные наименования мер.

Перевод: «х (единиц) всего; (сюда) х (мер) входит (помещается). Белое сухое вино».

Вероятно, надпись была сделана владельцем груза, в который входили разные по емкости сосуды, наполненные винами разных сортов. Если правильно предположение об импорте амфоры из Крыма, то надпись скорее всего была сделана там, хотя нельзя исключить иной вариант — оптовую закупку груза в Подонье, при которой была необходима соответствующая маркировка сосудов.

Крупные центры производства амфор в хазарское время находились в Приазовье (Таматархе, Фанагории) и Восточном Крыму. Как отмечает С.А.Плетнева, «отсюда, из юго-западного угла Хазарского каганата, амфоры, наполненные пряностями и вином, расходились по всему Подонью» [Плетнева, 1967, с. 129]. Производство амфор, изготовленных из плотного теста (таков исследуемый фрагмент), как и время существования поселения, где найден фрагмент, датируется VIII–IX вв. [Плетнева, 1967, с. 22, 129]. Однако для уточнения датировки возможно привлечение показаний рунической палеографии.

Сосуды сент-миклошского клада с греческими и руническими надписями датируются концом VIII — IX в. [Маршак, 1971, с. 55, 62, 63; Даркевич, 1976, с. 173][2]. Тем же временем датируются баклажки с надписями из Новочеркасска [Плетнева, 1967, с. 131]. Прочтенная по-тюркски надпись греческими буквами на одном из сент-миклошских сосудов показывает, что она была выполнена вскоре после изготовления сосуда [Thomsen, 1922, с. 349; Németh, 1971, с. 16]. Так как рунические граффити на сент-миклошских сосудах упоминают то же самое лицо, что и надпись греческими буквами, то выполнение всего комплекса

[2] Среди венгерских археологов существует, однако, мнение о более позднем формировании клада, см. [Németh, 1971, с. 3].

надписей практически синхронно изготовлению сосудов. Палеография надписи греческими буквами, как уже отмечали И.Хампель и Г.Фехер, позволяет датировать ее IX в. (по Фехеру — периодом между 820 и 906 гг.) [Hampel, 1885, с. 54; Fehér, 1931, с. 124]. В.Томсен датирует сент-миклошские надписи, также опираясь на греческую палеографию, последней третью IX в. или временем вскоре после 866 г. [Thomsen, 1922, с. 325, 353]. Если учесть периферийный характер сент-миклошской руники, эволюционно более развитые знаки на амфоре могут быть отнесены к тому же времени, т.е. к концу IX в.

Теперь уже не вызывает сомнений, что памятники ВЕР были созданы в хазарскую эпоху и по большей части на территории Хазарского каганата. Поэтому вполне закономерным представляется определение этих надписей как хазарских. В то же время следует учитывать многоплеменной состав Хазарского каганата и преобладание среди тюркской части его населения родственных хазарам болгарских племен [Плетнева, 1976, с. 21–23; Плетнева, 1967, с. 186]. Скорее всего именно с болгарами связано широкое распространение ВЕР от Волги и Северного Кавказа до долины Дуная. Поэтому представляются убедительными аргументы В.Томсена, Н.Мавродинова, М.И.Артамонова и многих других исследователей, определявших сент-миклошские надписи как болгарские (протоболгарские), а не печенежские (Ю.Немет, А.М.Щербак), хотя, конечно, возможность использования хазарско-болгарской руники другими тюркскими племенами Юго-Восточной Европы нельзя исключать. Надпись на амфоре со всей определенностью подтверждает существование в Хазарии наряду с заимствованными системами письма [Бартольд, 1968, с. 466–467; Артамонов, 1962, с. 268–269] весьма архаичного варианта собственно тюркской письменности, который появился в Юго-Восточной Европе вряд ли намного позднее периода тюркских завоеваний второй половины VI в. [Ильюков, Кляшторный, 1993, с. 151–163; Кляшторный, 1991, с. 111–116; Кляшторный, Флёров, 1993, с. 91–93; Klyashtorny, Vasari, 1987, с. 171–191][3].

2. Об одном хазарском титуле у Ибн Фадлана

При описании устройства власти в Хазарском каганате самый информированный в хазарских делах арабский автор Ибн Фадлан, посетивший Итиль в 922 г., называет вслед за верховным сакральным главой государства, великим хаканом (каганом), только трех высших должно-

[3] О современном состоянии проблем дешифровки восточноевропейской руники в контексте общих исследований проблем тюркской рунологии см. [Tryjarski, 2002–2003].

стных лиц. Эти трое, каждый из которых, последующий в иерархии, «замещает», по выражению Ибн Фадлана, предыдущего, — хакан-бек (каган-бек), реально управляющий государством, кундур-хакан и джавшигар (?). О функциях двух последних лиц в системе государственного управления Ибн Фадлан ничего не сообщает. Эти вельможи упомянуты в том финальном разделе *рисаля* Ибн Фадлана, который отсутствует в уникальной мешхедской рукописи и сохранился лишь в «Муджам ал-булдан» Йакута [Ковалевский, 1939, с. 84; Ковалевский, 1956, с. 146].

Слово *кундур* (*кюндюр*), после малоубедительных попыток его этимологизации, так и не получило объяснения из тюркской лексики. Толкование четвертого титула, упомянутого Ибн Фадланом, затруднено неясностью его прочтения.

А.П.Ковалевский и редактор первого перевода *рисаля* на русский язык (с учетом мешхедской рукописи) И.Ю.Крачковский предложили два альтернативных чтения слова: *джавшигар* и *джавишгар*. В их комментарии нашло поддержку предложенное Х.Френом сближение этого титула с турецким *чауш* «полицейский и военный чин» [Ковалевский, 1939, с. 167, 184]. Позднее А.П.Ковалевский предпочел чтение *джавышгыр* ~ *чавышгыр*, считая, что оно лучше учитывает гармонию гласных [Ковалевский, 1956, с. 269].

Этимологическая неясность формы побудила З.В.Тогана и А.Зайончковского, выделивших в термине две составляющие его лексемы (*джав шыгар*), предложить конъектуры, меняющие графику текста [Toğan, 1939, с. 261; Zajączkowski, 1947, с. 35]. Последнее было справедливо отвергнуто П.Голденом. Сам П.Голден принял чтение *джавашигар* [Golden, 1980, с. 191–192]. Между тем разночтения в написании титула по восьми спискам «Муджам ал-булдан» незначительны и касаются лишь огласовок и диакритики [Golden, 1980, с. 191].

Можно предположить, не изменяя графики слова, иное его прочтение: не جاو شيغر, а جاو شنغر *джав шунгар*. В этом случае вторая лексема не вызывает трудности при интерпретации: тюркское *шунгкар* ~ *шонгкар* «сокол, кречет», у ал-Хорезми (X в.) — *шункар*, у Махмуда Кашгарского — *шункур*, в «Мухаббат-наме» (XIII в.) — *шункар* [ДТС, с. 525; Clauson, 1972, с. 838; Doerfer, 1963, с. 360].

Начальная лексема *джав* или, по уточненному А.П.Ковалевским чтению, *чав*, очевидно, восходит к древнетюркскому *чавлы* «сокол, ловчая птица», отмеченному в енисейской надписи (VIII–IX вв.) и, позднее, Махмудом Кашгарским. В «Кутадгу билик» (XI в.) упомянут придворный титул *чавлы-бег* «сокольничий» (стих 4068) [ДТС, с. 142; Clauson, 1972, с. 397; Arat, 1979, с. 128].

Судя по структуре обозначения высших должностей в Хазарском каганате, интересующий нас термин в тексте Ибн Фадлана — Йакута передан в усеченном виде и его полная форма может быть восстановлена как *чавшунгар-(бег)* «начальник царской соколиной охоты», что совершенно аналогично титулу чавлы-бега среди самых высокопоставленных лиц в государстве *илек-ханов*.

В контексте записок Ибн Фадлана возможно предположить, что «заместители» каган-бега, кундур-каган и чавшунгар-бег, исполняли административные функции, аналогичные функциям командующего армией и хаджиба в Караханидской империи.

3. Праславяне в Поволжье

Три этнических массива в течение длительного времени определяют культурную палитру Поволжья — три массива, создавших здесь многообразное единство экологически обусловленных хозяйственно-культурных типов. Их симбиотическая связь и в то же время разнообразие цивилизационных устремлений в немалой степени были предопределены направленностью великого водного пути, теми возможностями, которые открывались и диктовались связующей ролью водной трассы. Конечно же, я имею в виду три главных этнических массива — финно-угорский, тюркский и славянский. Иногда их слияние в бассейне Волги трактуется как относительно недавнее явление, результат исторических событий последнего полутысячелетия. Иногда, напротив, неправомерно преувеличиваются временные и территориальные параметры распространения той или иной этнической группы. Мне бы хотелось изложить здесь свои выводы, быть может не бесспорные, о начальном этапе формирования нынешнего поволжского триединства.

Шел 119 год хиджры или 737 год от Р.Х.Наместник Кавказа и Джазиры, омейад Марван ибн Мухаммад, окончательно завершивший подчинение Халифату Закавказья, готовился к большой войне с хазарами. В покоренной Грузии наместника прозвали Мурван Кру «Марван Глухой», так как, по мнению грузин, он не считался с голосом разума и отличался невероятной дерзостью своих замыслов и действий. Армянские нахарары во главе с Ашотом Багратуни присоединились к стодвадцатитысячной сирийской армии Марвана. Вслед за армянами в армию Марвана влились отряды «царей гор», т.е. ополчение северокавказских племен. Двумя отрядами армия форсировала горные проходы, вышла на плато и штурмом взяла крупнейший хазарский город Самандар.

Дальнейшие перипетии похода относительно подробно изложены арабским историком начала X в. Ибн Асамом ал-Куфи и менее подробно у ат-Табари, ал-Балазури и ал-Йакуби. Разделы об арабско-хазарской войне 119 г. х. из сочинения ал-Куфи были впервые опубликованы А.З.В.Тоганом в 1939 г. и А.Н.Куратом в 1949 гг. [Toğan, 1939, с. 296–298; Kurat, 1949, с. 258]. Согласно ал-Куфи, главной целью Марвана было принуждение хакана к принятию ислама, т.е. окончательное решение «хазарской проблемы» в контексте борьбы трех держав — Византии, Халифата и Хазарии за Кавказ и Малую Азию. Поэтому, не удовлетворившись богатой добычей в Самандаре, Марван повел войско в дальний поход к ставке хакана — городу ал-Байда, т.е. «Белому», и осадил его. По мнению А.З.В.Тогана, ал-Байда тождествен позднейшей столице хазар, Итилю, но скорее речь идет о другой хазарской ставке, Сарыгшине, как это уже предположили И.Маркварт и В.Ф.Минорский [Minorsky, 1937, с. 452–454]. Дело в том, что в языках булгарской группы слово *Сары / сарыг* означало белый цвет, и арабы просто калькировали название хаканской ставки. Согласно позднейшим источникам, Сарыгшин был расположен в степи.

Вот что пишет Ибн Асам ал-Куфи о дальнейших событиях: «Хакан бежал от Марвана и достиг гор. И упорно продвигался Марван с мусульманским (войском) по стране хазар, пока не прошел с ним (по этой стране) и не оставил (ее) позади. Потом он напал на славян (*ас-сакалиба*) и на соседних с ним и неверных разного рода и захватил в плен из них двадцать тысяч семей. Затем подошел он к реке славян (*нахр ас-сакалиба*) и стал лагерем». Марван приказал одному из своих военачальников сразиться с выступившим против арабов хазарским войском, возглавляемым полководцем Хазар-тарханом. Этот военачальник, ал-Каусар б. ал-Асвад ал-Анбари, во главе 40 тыс. всадников ночью переправился через реку, внезапно напал на хазар и разгромил их. После поражения хакан отправил к Марвану послов с просьбой о мире, причем посол в ходе переговоров упомянул о хазарах и славянах, убитых и взятых в плен арабами.

После того как арабское войско подошло к ал-Байда, хакан бежал в сторону гор. А.З.В.Тоган считает, что Ибн Асам ал-Куфи в данном случае имел в виду Общий Сырт, так как путь на юг, к Кавказу, был отрезан арабами. Других гор, по мнению А.З.В.Тогана, поблизости нет. Такое толкование текста понадобилось А.З.В.Тогану для доказательства его гипотезы, согласно которой *сакалиба* не славяне, а «тюрко-финская помесь» [Toğan, 1939, с. 296]. Какие именно горы, по мнению арабских и персидских географов, окружали хазарские города,

рода, можно ясно понять из сообщения анонимного автора «Худуд ал-Алам» (X в.) и карты ал-Идриси (XII в.). По «Худуд ал-Алам», горы опоясывают страну хазар не только с юга (Кавказ), но и с запада, отделяя землю хазар от земель хазарских печенегов, кочевавших в Приазовье. В разделе о хазарских печенегах эти горы названы «горами хазар». На современной карте им соответствуют Ергени. По карте ал-Идриси, «земля хазар» с востока ограничена Итилем (Волгой), а с юга, запада и северо-запада — Хазарским (Каспийским) морем и полукольцом гор (Кавказ, Ставропольская возвышенность, Ергени, Приволжская возвышенность) [Minorsky, 1937, с. 160; Miller, 1926, H. 2, taf. 5].

Следующий этап, отмечающий в рассказе Ибн Асама продвижение арабов, — «река славян», упоминаемая также Ибн Хордадбехом. Т.Левицкий убедительно показал, что «рекой славян» Ибн Хордадбех назвал Итиль (Волгу), которая, как пишет Ибн Хордадбех в другом месте своего сочинения, вытекает «из земель славян». А.З.В.Тоган также приходит к выводу, что «река славян», упомянутая Ибн Асамом, может быть только Волгой [Lewicki, 1956, с. 76–77, 133–134]. Следовательно, преследуя кагана, бежавшего в сторону гор, арабское войско в то же самое время подошло к Волге.

Местом в «земле хазар», где горы сближаются с рекой, является район севернее излучины Волги. Там, по карте ал-Идриси, был расположен хазарский город Хамлидж, в котором, согласно сообщениям Ибн Хордадбеха и ал-Масуди, находилось большое хазарское войско, взимавшее пошлину с купцов и закрывавшее путь по Волге для врагов. В этом месте отряд ал-Каусара переправился через реку и на восточном берегу разгромил хазарское войско. Сам Марван через реку не переправлялся. Но, двигаясь на север от ал-Байда в сторону гор, Марван покинул пределы Хазарии, напал на поселения *ас-сакалиба*, т.е. славян и их иноплеменных соседей, угнал в полон 20 тыс. семей. Речь идет не о сплошном славянском населении в районе боевых действий, не о 20 тыс. славянских семей (так у ал-Балазури), а о славянских поселениях, вкрапленных в разноплеменный массив севернее пределов Хазарии.

Эти выводы опубликованы мною еще в 1964 г. [Кляшторный, 1964, с. 16–18]. Однако они были поставлены под сомнение только на одном основании — археологически ранние славяне ни в Среднем, ни тем более в Нижнем Поволжье не были тогда выявлены, а точнее, не были опознаны. Прошло два десятилетия, и археологическая ситуация здесь существенно изменилась. Получила вполне определенную этническую атрибуцию открытая еще в 1953–1954 гг. казанскими археологами

Н.Ф.Калининым и А.Х.Халиковым так называемая именьковская культура. После раскопок в 1956–1957 гг. В.Ф.Генингом именьковского могильника у с. Рождествено — раскопок, выявивших характерный для этой культуры обряд трупосожжения, возникла длительная дискуссия об этнической принадлежности «именьковцев». Значительный вклад в дальнейшие исследования внес П.Н.Старостин, опубликовавший в 1967 г. свод памятников этой культуры [Старостин, 1967]. После раскопок больших именьковских некрополей в 70–80-х годах и нескольких поселений в Ульяновской и Куйбышевской областях был наконец накоплен достаточный материал для уверенных выводов.

Именьковская культура IV–VIII вв. создана племенами, основу хозяйства которых составляло пашенное земледелие, до того в Среднем Поволжье не практиковавшееся, земледелие с очень широким набором зерновых культур. Оказалось, как это впервые показала самарский археолог Г.И.Матвеева, что именьковская культура генетически свʼязана с праславянской зарубинецкой культурой Верхнего и Среднего Приднестровья (конец I тыс. до н.э. — начало I тыс. до н.э.) и ее вариантом — пшеворской культурой. По убедительно аргументированному выводу Г.И.Матвеевой, поддержанному и развитому крупнейшим археологом-славяноведом В.В.Седовым, племена именьковской культуры создали в Среднем Поволжье мощный пласт славянского земледельческого населения. Сейчас здесь известно более 600 памятников именьковской культуры, из которых исследованы в разной степени лишь несколько десятков. На рубеже VII–VIII вв. часть именьковцев ушла на запад, в Среднее Приднестровье. Между тем и Г.И.Матвеева, и В.В.Седов не сомневаются, что более широкие раскопки именьковских поселений позволят выявить материалы VIII–IX вв. [Седов, 1994; Смирнова, Скарбовенко, 1999].

Немаловажное значение для атрибуции языковой принадлежности именьковцев имеют выводы лингвистов. Ими установлено, что в финно-угорских языках Поволжья и Приуралья (удмуртском, коми, марийском, мордовском) ряд терминов, связанных с земледелием («рожь», «участок земли», «пахотная земля»), были заимствованы из языка балто-славянского круга не позднее середины I тыс. н.э. Но именно с именьковской культурой связано в ту эпоху распространение в Среднем Поволжье прогрессивных форм земледелия и новых зерновых культур, в частности ржи. Таким образом, есть основания полагать, что создатели именьковской культуры говорили на языке (языках) праславянского круга [Napolskich, 1996].

Теперь вопрос о несоответствии сведений письменных источников археологическим материалам снят. Более того, сняты и те сомнения, которые высказывались относительно этнической семантики термина *ас-сакалиба* в сообщениях арабских авторов о походе Марвана. В их повествованиях речь идет о масштабном историческом событии — первом и единственном вторжении войск Халифата не только в глубинные волжские земли Хазарии, но и на территории к северу от владений хакана, в Среднее Поволжье, где они нападают на поселения славян и других племен, захватывают в полон и переселяют массу полонян в пределы Халифата и, возможно, побуждают к бегству и уходу с насиженных мест немалое число людей. Вместе с тем сообщается также о важнейшем историографическом факте — первой письменной фиксации славянского населения в Среднем и Нижнем Поволжье, первой фиксации сосуществования на этой территории этнически смешанного населения, включавшего и значительный славянский массив.

В начале X в. Ибн Фадлан сообщает в своем *рисаля*, как титулует себя владетель Булгарии, носивший исконное древнетюркское имя Эльалмыш. В наиболее полной форме титула, зафиксированной Ибн Фадланом и несомненно восходящей к булгарской традиции, он именуется «*ылтывар* (т.е. эльтебер. — *С.К.*), малик Булгара и амир Славии». Имя и титул царя Булгарии еще в 1981 г. восстановлены О.И.Смирновой, замечательной исследовательницей, текстологом и нумизматом, но ее статья с этой точки зрения еще не оценена должным образом [Смирнова, 1981, с. 249–255].

В начале X в. Эльалмыш именует себя *ылтываром* (эльтебером), т.е. вождем, главой племенного союза, а также царем страны булгар и эмиром страны славян. Ясно, что в X в. титул «амир Славии» был уже таким же анахронизмом, таким же историческим воспоминанием, как упоминание царств Казанского, Астраханского и Сибирского в титуле российских императоров, но воспоминанием, имеющим свою политическую цену легитимности власти.

В XII в. багдадский проповедник и историограф Ибн ал-Джаузи, очень плодовитый сочинитель и собиратель сведений о прошлых событиях в Багдаде (первым обратил внимание на его труд А.Б.Халидов), рассказывает, что в июле 1042 г. в Багдад, по пути в Мекку, прибыл некий вельможа из Булгара в сопровождении пятидесяти спутников. Халифский двор оказал ему внимание, его кормили продуктами из дворцовой кухни. В числе сопровождающих был хорезмиец Йала б. Исхак, которого опросили в диване в присутствии кади, т.е. как бы под присягой. В частности, его спросили о булгарах — что они за народ?

И хорезмиец ответил: «Это народ по происхождению между тюрками и славянами (рожденный между тюрками и славянами) и страна их на окраине тюркских стран».

И это было последнее смутное воспоминание о древнейшем тюрко-славянском единении на берегах Волги.

4. Азиатский аспект ранней истории хазар

Хазарская традиция в том виде, как она сохранилась до наших дней, не содержит воспоминаний о далеком прошлом. Во всяком случае, в письме царя Иосифа кроме приводимого генеалогического древа потомков Тогармы говорится, что предки хазар были малочисленны и «они вели войну за войной с многочисленными народами, которые были могущественнее и сильнее их» [Коковцов, 1932, с. 92].

Если не принимать во внимание анахроническое упоминание хазар у Мовсеса Дасхуранци, первая достоверная фиксация этого этнонима, относящаяся к середине VI в., содержится у Псевдо-Захария Ритора в списке тринадцати народов, «живущих в шатрах» [Пигулевская, 1941, с. 163; Czeglédy, 1961, с. 239–246]. Список охватывает перечень народов, обитавших в степях, на Северном Кавказе и в Средней Азии, что не позволяет определить места обитания хазар, упомянутых там на седьмом месте. А.П.Новосельцев относит первые проявления военной активности хазар к 90-м годам VI в., но, по мнению М.И.Артамонова, самостоятельно хазары проявили себя лишь в середине VII в. [Новосельцев, 1990, с. 86; Артамонов, 1962, с. 171].

Все это, однако, сведения и соображения достаточно общего характера. Едва ли не единственными конкретными упоминаниями о начале хазарской истории в византийской и ближневосточной историографии остаются два взаимосвязанных сообщения в «Хронографии» Феофана и «Бревиарии» Никифора (начало IX в.). Вот сообщение Феофана: «После того как они (болгары) разделились таким образом на пять частей и стали малочисленны, из глубин Берзилии, первой Сарматии, вышел великий народ хазар и стал господствовать на всей земле по ту сторону вплоть до Понтийского моря» [Чичуров, 1980, с. 61]. Здесь по крайней мере определены исходная дата — вскоре после смерти Кубрата (642 г.) и исходная территория хазарской экспансии. О дате смерти Кубрата см. [Оболенский, 1998, с. 72]; согласно же другому предположению, Кубрат царствовал до 665 г. [Pritsak, 1955, с. 36, 76], а центр его державы располагался в Южном Поднестровье [Róna-Tas, 2000, с. 1–22].

Местоположение Берсилии (Берзилии) не раз обсуждалось в специальной литературе. Наиболее полные сводки по этому вопросу составлены П.Голденом [Golden, 1980, с. 143–147] и А.В.Гадло [Гадло, 1979, с. 65–68]. Берсилию обычно локализуют на Северном Кавказе, но А.В.Гадло, опираясь главным образом на «Географию» Анания Ширакаци (конец VII в.), убедительно показал, что в начале VII в., когда барсилы были впервые упомянуты Феофилактом Симокаттой, их коренной территорией был так называемый «Черный остров», т.е. земли в междуречье Кумы и Волги, лучшие пастбища Северного Прикаспия. В то время хазары были частью барсилов, а старшей женой хазарского кагана была женщина «из народа барсилов» [Гадло, 1979, с. 62]. Представление об изначальной генеалогической близости барсилов и хазар сохранилось в мусульманской этногеографической традиции.

Более скудные сведения о хазарах содержит иная группа источников — китайская историография, а также один из текстов сериндийского круга. В перечнях уйгурских племен VII–VIII вв. в сочинении, относящемся к танскому своду источников, упоминается племенное название *коса*, надежно реконструируемое синологами как *касар* / *казар* [Hamilton, 1955, с. 3]. В среднеперсидском тексте из Турфана (*Махрнамаг*, 825 г.) упомянут один из вождей племени — Хазар-тегин [Golden, 2000, с. 292].

Здесь нужно обратиться к более широкому историческому контексту. Уйгуры были одним из древнейших племенных союзов Центральной Азии, генетически связанным с позднегуннскими государствами. В III–V вв. уйгуры входили в еще более крупное племенное объединение, которое в китайских хрониках носило название *гаочэ* или *гаоцзюй* (букв. «высокие телеги»). Они успешно противостояли попыткам императоров Северного Китая из династии Тоба Вэй и каганов жуаньжуаней (авар) подчинить их племена. В конце V в., воспользовавшись ослаблением жуаньжуаней, их вожди присвоили себе каганскую титулатуру. В начале VI в. потомкам основателей уйгурской династии пришлось выдержать не всегда успешную борьбу с эфталитами и жуаньжуанями в Восточном Туркестане. С VI в. их племенной союз стал именоваться в китайских хрониках *теле* (из тюрк.-монг. **тегрег* «телега, повозка»). Скорее всего название «тележники», очевидно очень древнее, не было их самоназванием и пришло в китайский литературный обиход из языка соседних с *теле* племен [Hamilton, 1962, с. 25–26]. В ходе непрерывных войн значительная группа племен *теле* мигрировала на запад, в степи Юго-Восточной Европы, но большая часть осталась в Центральной Азии. Еще до возникновения Тюркского кага-

ната, в 546 г., центральноазиатские *теле* были подчинены великим ябгу Бумыном, ставшим в 551 г. первым тюркским каганом. Эта часть *теле*, еще в IV в. возглавленная племенем *сеяньто* (*сиры* тюркских надписей) и их династийным родом *Ильтэр*, образовала тогда союз «десяти племен». Однако в 600 г., в результате междоусобных войн с племенем *сикер*, сиры вышли из союза «десяти племен», где первенство перешло к уйгурам с их династийным родом *Яглакар* [Кляшторный, 1986, с. 153–164]. Новое объединение получило в китайских источниках устойчивое название «девять племен».

Только обратившись к тюркским руническим памятникам VIII в., мы можем выявить самоназвание *теле* и их центральноазиатской племенной группировки — в текстах они названы *тогуз огузами* «девятью огузами». Теперь, возвращаясь к западным источникам, повествующим о событиях V в., мы обнаруживаем там фонетически более архаичную форму того же имени — *огур*. Племена *теле*, которые, согласно смутной китайской информации, ушли в V в. к Западному морю, появились в Прикаспии и Причерноморье под своим собственным общим названием *огур*, но разделенные на многие племенные союзы — оногуров (*он огур* «десять огуров»), кутригуров (*хутур огур* «тридцать [племен] огуров»), сарыгуров (*сары огур* «белых огуров») и т.д. Произошел, казалось бы, окончательный раскол «тележников» на западную группу *огурских* племен, сохранивших преобладавшие в их среде архаичные тюркские диалекты, и восточную группу *огузских* племен, где архаичная языковая норма *огур* сохранилась лишь в этнониме *уйгур* [Кляшторный, Султанов, 2000, с. 134–139]. Естественно, и на западе, в Припонтийских степях, и на востоке, в Монголии и Джунгарии, среди огуров и огузов сохранились одни и те же племенные группы с одними и теми же самоназваниями. Одной из таких групп и были хазары.

Такова в самых общих чертах схема событий V–VI вв., подтвердить которую какими-либо сведениями и конкретными указаниями источников еще недавно не представлялось возможным. Но теперь обозначился первый информационный просвет.

В 1969 и в 1976 гг. возглавляемый мною отряд Советско-монгольской историко-культурной экспедиции обнаружил в Северной Монголии, в Хангайской горной стране, две стелы с древнетюркскими руническими надписями. По названиям рек, в долинах которых были обнаружены стелы, памятники были названы Терхинским и Тэсинским. Оба памятника оказались разбитыми и сильно пострадали от эрозии. Тем не менее сохранившиеся части текста донесли до нас крохи бес-

ценной информации не только актуального, но и историографического характера [Klyashtorny, 1982, с. 335–366; Klyashtorny, 1985, с. 137–156]. Обе стелы были воздвигнуты по повелению первых государей возникшего в 744 г. Уйгурского каганата — Элетмиш Бильге-кагана и его сына Бёгю-кагана — в 753 г. (Терхинская) и в 762 г. (Тэсинская).

Историографические разделы обеих надписей, насколько можно судить по сохранившимся фрагментам, достаточно близки по содержанию. Главная идея историографических разделов этих текстов на первый взгляд парадоксальна — уйгурские каганы VIII в., чьи владения находились в Монголии и Туве, считали себя наследниками и преемниками древних вождей, которые возглавляли огуро-огузские племена евразийских степей за сотни лет до них. И оба уйгурских государя, именовавшие себя каганами «десяти уйгурских (племен)» и «девяти огузских (племен)», сочли нужным напомнить об этом своим соплеменникам и своим подданным в высеченных на камне надписях-декларациях. Они возвеличили тех, кто возглавлял племена и создавал *Эль*-кочевую империю, и осудили других, разрушавших Эль в междоусобицах и межплеменных войнах. Память уйгурских историографов охватила несколько эпох созидания и разрушения Элей за более чем полутысячелетний период.

В начальных строках история сливалась с мифом о сотворении мира и легендами о каганах-основоположниках: «Когда в давние времена были сотворены [Голубое Небо вверху и Бурая Земля внизу, между ними обоими возникли сыны человеческие. Над сынами человеческими] уйгурские каганы на царство сели. [Они были] мудрые и великие каганы. [Триста лет] они на царстве сидели, триста лет тем своим Элем правили. Потом их народ погиб» (Тэс., стк. 7–8).

Легенда о начале сохранилась только в Тэсинской надписи и реконструируется с помощью совершенно идентичных тюркских повествований, высеченных на камне на тридцать лет раньше и воздвигнутых невдалеке, в долине р. Орхон. Но место тюркских каганов заняли уйгурские, а первый тюркский каган, Бумын, был вставлен как общий легитимный государь в список древних уйгурских каганов: «Йолыг-каган... Бумын-каган (эти) три кагана на царстве сидели, двести лет на царстве сидели. Их народ, придя в неистовство, погиб... из-за двух именитых истощился и погиб. Кадыр Касар и Беди Берсил, прославленные огузы... (тогда погибли)» [Терхин., стк. 9–10]. Так повествует о времени после Бумына Терхинская надпись. А вот сохранившиеся строки с повествованием о тех же событиях Тэсинской надписи: «Из-за вождей бузуков (их народ), придя в неистовство, истощился и по-

гиб. Из-за ничтожного Кюля, из-за двух именитых истощился и погиб... Беди Берсил и Кадыр Касар тогда погибли. Тот мой народ затевал многие (междоусобные) распри и ссоры» (Тэс., стк. 9–10).

Время и пространство междоусобных войн, в которых погибли «прославленные огузы», определяется упоминанием Бумына — это время и пространство Первого Тюркского каганата, т.е. вся евразийская степь до Боспора Киммерийского во второй половине VI в. Междоусобная война, длившаяся в Эле двадцать лет и приведшая к распаду царства, началась в 582 г. и завершилась в 603 г. Имена трех каганов, царствовавших тридцать лет после Бумына, либо не сохранились, либо скорее всего и не были упомянуты, ибо цель повествования — обозначить смену эпох и назвать виновников бед и несчастий, избавление от которых принесла следующая в повествовании собственно уйгурская династия, династия Яглакаров — ее Элетмиш Бильге-каган обозначает словами «мои предки» (Терхин., стк. 18).

Ключевое слово в цитированном отрывке Тэсинской надписи — термин *бузук*. Сохраненное позднейшей огузской традицией (легендами об Огуз-хане, предке-эпониме огузских племен) и зафиксированное мусульманской историографией (Захир ад-дин Нишапури, Ибн ал-Асир, Рашид ад-Дин) устойчивое деление огузов на два крыла, два объединения племен — *бузуков* и *учуков*, как теперь ясно, восходит к глубокой древности. Бузуки, правое крыло, соотносимое с восточной ориентацией, в квазиимперских и имперских структурах огузов имели преимущества старшинства. Только из их среды выдвигался великий хан (каган), номинальный глава всех огузов, а иерархическое положение аристократии бузуков, их племенных вождей, было более высоким, чем статус учуков.

Ко времени, о котором говорится в надписях, времени Булымкагана и его первых наследников, в двусоставной тюрко-огузской структуре Тюркского эля место бузуков занимали десять тюркских племен, одно из которых, Ашина, было каганским племенем. После распада каганата на восточную и западную части деление на бузуков и учуков в Восточнотюркском, а позднее и Уйгурском каганатах сменилось делением на тёлисов и тардушей, восточное и западное крыло, которые, вместе с каганским центром-ставкой (*орду*), формировали военно-административную структуру Эля. В Западнотюркском каганате, в «народе десяти стрел» (как они сами себя называли), сложилась или проявилась иная древняя структура — деление на *дулу* и *нушиби*, восточное и западное объединения племен, соперничество между которыми часто приводило к междоусобным войнам.

В повествовании автора Тэсинской надписи вся вина за раскол и распрю возлагается на бузуков — вождей собственно тюркских племен, что совпадает с реальной событийной канвой, известной по другим источникам. Более всего в этой распре пострадали западные огузы-огуры, и авторы обеих надписей сочли нужным отметить гибель двоих, назвав их имена и их племена, — вождя берсилов Беди и вождя хазар (касар) Кадыра. Оба упоминания позволяют оценить прежде всего место обоих племенных союзов в исторической памяти огузов, в той политической картине ушедшего мира, с которым было связано и имперское величие, и крушение тюрко-огузского дуумвирата в евразийской степи.

Другое, не менее интересное наблюдение — и хазары, и берсилы косвенно причислены к учукам, т.е. к западному крылу огуро-огузских племен. Обстоятельство тем более важное, что в позднейшей огузской традиции конца I — первой половины II тысячелетия берсилы и хазары уже не фигурируют. Так же как сиры (сеяньто китайских хроник) они выпали из огузских объединений и создали собственные имперские структуры примерно в одно и то же время (сиры в 630–647 гг.).

И наконец, еще одна особенность цитированных фрагментов — в обоих случаях вождь берсилов и вождь хазар упомянуты вместе. В представлении уйгурского историографа, взаимосвязь между этими племенами была столь же очевидна, насколько очевидна она и для западной, византийской и мусульманской, историографических традиций.

Подводя итог наших наблюдений и анализа древнеуйгурских рунических текстов, следует, очевидно, констатировать, что ранняя история хазар и берсилов-барсилов не только взаимосвязанна, но и генетически привязана к огуро-огузским племенам и на раннем этапе политически обусловлена становлением и распадом тюрко-огузского дуумвирата в Центральной Азии.

Артамонов, 1962 — *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962.

Бартольд, 1968 — *Бартольд В.В.* О письменности у хазар // Сочинения. Т. V. М., 1968.

Гадло, 1979 — *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979.

Даркевич, 1976 — *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока VIII–XIII вв.: Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М., 1976.

ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Ильюков, Кляшторный, 1993 — *Ильюков Л.С., Кляшторный С.Г.* Рунические граффити из раннесредневекового кочевнического погребения в долине р. Сал // Ономастика и эпиграфика средневековой Восточной Европы и Византии. М., 1993.

Кляшторный, 1964 — *Кляшторный С.Г.* Древнейшее упоминание славян в Нижнем Поволжье // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964.

Кляшторный, 1986 — *Кляшторный С.Г.* Кипчаки в рунических памятниках // Turcologica. Л., 1986.

Кляшторный, 1991 — *Кляшторный С.Г.* Рунические граффити из Приазовья // Varia Euroasiatica. Festschrift für Prof. A. Róna-Tas. Szeged, 1991.

Кляшторный, Султанов, 2000 — *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000.

Кляшторный, Флёров, 1993 — *Кляшторный С.Г., Флёров В.С.* Руническая надпись с правобережного Цимлянского городища // Краткие сообщения Института археологии. М., 1993, вып. 210.

Ковалевский, 1939 — [*Ковалевский А.П.*] Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. М.; Л., 1939.

Ковалевский, 1956 — *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956.

Коковцов, 1932 — *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.

Кондратьев, 1970 — *Кондратьев В.Г.* Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., 1970.

Кононов, 1956 — *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956.

Маршак, 1971 — *Маршак Б.И.* Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М., 1971.

Новосельцев, 1990 — *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Оболенский, 1998 — *Оболенский Д.* Византийское Содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.

Пигулевская, 1941 — *Пигулевская Н.В.* Сирийские источники по истории народов СССР. Хроника Захарии Ритора. М.; Л., 1941.

Плетнева, 1967 — *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967.

Плетнева, 1976 — *Плетнева С.А.* Хазары. М., 1976.

Радлов, 1893 — *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. I. СПб., 1893.

Севортян, 1974 — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.

Седов, 1994 — *Седов В.В.* Славяне в древности. М., 1994.

Смирнова, 1981 — *Смирнова О.И.* К имени Алмыша, сына Шилки, царя булгар // Тюркологический сборник. 1977. М., 1981.

Смирнова, Скарбовенко, 1999 — *Смирнова Г.И., Скарбовенко В.Н.* Очерк тридцатилетних работ Средневолжской археологической экспедиции Самарского университета // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара, 1999.

Старостин, 1967 — *Старостин П.Н.* Памятники именьковской культуры // Свод археологических источников. Вып. D-32. М., 1967.

Турчанинов, 1971 — *Турчанинов Г.Ф.* Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971.

Чичуров, 1980 — *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора (тексты, перевод, комментарий). М., 1980.

Щербак, 1954 — *Щербак А.М.* Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону // СА. 1954, XXX.

Щербак, 1971 — *Щербак А.М.* О рунической письменности в Юго-Восточной Европе // СТ. 1971, № 4.

Arat, 1979 — *Arat R.R.* Kutadgu bilig. İstanbul, 1979. C. III.

Clauson, 1972 — *Clauson G.* An etymological dictionary of pre-thirteenth century Turkish. Oxford, 1972.

Czeglédy, 1961 — *Czeglédy K.* Bemerkungen zur Geschichte der Chazaren // Acta Orientalia Hungarica, 1961, т. XIII, fasc. 3.

Doerfer, 1963 — *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elements in Neupersischen. Bd. I. Wiesbaden, 1963.

Fehér, 1931 — *Fehér G.* Les monuments de la culture protobulgare et leur relations hongroises. Budapest, 1931.

Gabain, 1976 — *Gabain A.* Alttürkische Grammatik, 3. Auflage. Wiesbaden, 1976.

Golden, 1980 — *Golden P.B.* Khazar studies. Vol. 1. Budapest, 1980.

Golden, 2000 — *Golden P.B.* Nomads of the Western Eurasian Steppes: Oγurs, Onoγurs and Khazars // Philologiae et Historiae Turcicae Fundamenta. T. 1. B., 2000.

Hamilton, 1955 — *Hamilton J.R.* Les Ouïghours à l'èpoque des Cinq Dinasties. P., 1955.

Hamilton, 1962 — *Hamilton J.R.* Toquz-Oquz et On-Oyghur // Journal Asiatique. 1962, т. 250.

Hampel, 1885 — *Hampel J.* Der Goldfund von Nagy-Szent-Miklós, sogenannter Schatz des Attila. Budapest, 1885.

Klyashtorny, 1982 — *Klyashtorny S.G.* The Terkhin inscription // Acta Orientalia Hungarica. 1982, т. XXXVI, fasc. 1–3.

Klyashtorny, 1985 — *Klyashtorny S.G.* The Tes inscription of the Uighur Bögü qaghan // Acta Orientalia Hungarica. 1985, т. XXXIX, fasc. 1.

Klyashtorny, Vasari, 1987 — *Klyashtorny S.G., Vasari J.* A Runic Inscription On a Bull-Skull from the Volga Region // Between the Danube and the Caucasus. A Collection of Papers Concerning Oriental Sources. Budapest, 1987.

Kurat, 1949 — *Kurat A.N.* Abu Muhammad Ahmed bin A'sam al-Kufi'nin Kitab al-Futuh'u // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. 1949, № 2, c. VII.

Lewicki, 1956 — *Lewicki T.* Źródła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny. T. I. Wrocław; Kraków, 1956.

Miller, 1926 — *Miller K.* Mappae Arabicae. Bd. I. Stuttgart, 1926.

Minorsky, 1937 — *Minorsky V.* Hudud al-'Alam. L., 1937.

Napolskich, 1996 — *Napolskich V.V.* Die Vorslaven im unteren Kama-Gebiet in der Mitte des 1. Jahrtausends n. Z. // Finnische-Ugrische Mitteilungen. Hamburg, 1996, Bd. 18–19.

Németh, 1932 — *Németh J.* Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklós. Budapest, 1932.

Németh, 1971 — *Németh J.* The Runiform Inscriptions from Nagy-Szent-Miklós and Runiform Scripts of Eastern Europe // Acta Linguistica. Budapest, 1971, т. 21.

Pritsak, 1955 — *Pritsak O.* Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden, 1955 (Ural-Altaische Bibliothek, I)

Róna-Tas, 1976 — *Róna-Tas A.* A Runic Inscription in the Kujbyšev Region // Acta Orientalia. 1976, т. XXX, fasc. 3.

Róna-Tas, 2000 — Where was Khuvrat's Bulgaria? // Acta Orientalia Hungarica. 2000, т. 53, fasc. 1–2.

Thomsen, 1922 — *Thomsen V.* Une inscription de la trouvaille d'or de Nagy-Szent-Miklós // Samlede Afhandlinger. København, 1922, т. III.

Toğan, 1939 — *Toğan A.Z.V.* Ibn Fadlan's Reisebericht // Abhandlungen für die Kunde des Morgenländes. Lpz., 1939, Bd. XXIV (арабский текст).

Tryjarski, 2002–2003 — *Tryjarski E.* Runes and Runelike Scripts of Eurasian Area // Archivum Ottomanicam. Edited by G. Hazai. Wiesbaden, 2002. т. 20, p. 5–80; 2003, т. 21, p. 5–90.

Zajączkowski, 1947 — *Zajączkowski A.* Ze studiow nad zagadnieniem chazarskim. Kraków, 1947.

И.В.КОРМУШИН
(Москва)

К прочтению надписи из местечка Шар-булаг в сомоне Дарв Ховдоского аймака (Северо-Западная Монголия)

Как сообщает проф. Л.Болд в своей книге «Эпиграфические памятники МНР (Памятники тюркского письма)» (Улан-Батор, 1990, на монг. яз.), паспортизующей древнетюркские надписи Монголии, о тюркской надписи из сомона Дарв впервые от местных жителей узнал чл.-кор. МНА Х.Пэрлээ, который, «кажется, об этом нигде не писал». Надпись была обследована на месте в 1969 и 1970 гг. отрядом Советско-монгольской историко-культурной экспедиции под руководством С.Г.Кляшторного. По результатам этого обследования член экспедиции М.Шинэху в 1972 г. в сборнике «Некоторые вопросы древнетюркской истории и культуры в Монголии» издал надпись. Л.Болд приводит из этой публикации рисунок, относящийся, заметим, только к одной из трех строк эпиграфического памятника — строке, выбитой на северной стороне.

В августе 2004 г. в составе экспедиции Тывинского госуниверситета я побывал в Ховдоском аймаке МНР, где благодаря содействию местных жителей мне удалось посетить место нахождения указанной надписи и в течение нескольких часов работать с ней — изучать ее непосредственно на камне, зарисовывать и фотографировать.

В июле 2005 г. во время работы в Москве 48-й сессии PIAC я показал подготовленный к печати текст настоящей статьи вместе с фотографиями проф. С.Г.Кляшторному, который предложил опубликовать ее в «Тюркологическом сборнике», а также любезно предоставил имевшиеся у него материалы по данной надписи.

Примерно в 60 км южнее Ховда, центра аймака, шоссе, идущее на восток и в сторону райцентра Дарв, подрезает невысокую гряду, протянув-

© И.В.Кормушин, 2005

Дарвская надпись. Общий вид восточной стороны

Дарвская надпись. Общий вид восточной стороны под углом

Дарвская надпись. Северная сторона

Дарвская надпись. Западная сторона

шуюся перпендикулярно шоссе к северу. Метрах в 600–700 от дороги, на вершине одного из холмов, естественные, по-видимому, нагромождения массивных валунов были использованы в средневековье для создания небольшого мемориального комплекса: на камнях выбиты надписи тюркскими руническими буквами, их сопровождают рисунки и знаки, похожие на тамги. Они нанесены на восточной, северной и западной сторонах мемориала. Принадлежность сторон единому памятнику устанавливается благодаря повтору собственного имени Ай-чор, по-видимому мемориантa надписи, на восточной и западной сторонах, а также из повтора некоторых неалфавитных знаков, предположения о характере которых будут приведены ниже. Выбивки на восточной стороне составляют главную часть комплекса — и по количеству знаков, и содержательно, а выбивки на южной и западной сторонах можно рассматривать как дополнения.

Восточная сторона. К востоку обращена поверхность огромного (около 3 м высотой) валуна, ровная, несколько под уклон вверх плоскость которого содержит основную надпись из двух строк и основную композицию из рисунков.

Первая строка. Нанесена по центру относительно расположенной под ней второй строки, начинаясь на уровне ее десятого знака. Заметно некоторое нарушение интервалов между буквами: близко оказались 3-й знак (ко 2-му, но 4-й, напротив, далеко отстоит от 3-го. Во втором слове явно была пропущена третья буква — 7-й знак строки, который втиснут между 6-м и 8-м знаками сверху, так что не доходит до нижнего края строки, а правая часть 7-го знака «наезжает» и сливается со штамбом 6-го. Пропуск этого знака может иметь фонетическое объяснение — следование произносительным особенностям слияния гоморганных t и d корня и аффикса, а его дописывание — возвращение пишушего к орфографическим нормам. Все знаки строки идентифицируются уверенно.

Вторая строка. 3-й знак строки, он же 3-й знак первого слова, также был пропущен и вписан почти целиком сверху, нижний конец его штамба ненамного входит между знаками 2 и 4, показывая его место в слове (так же, как делают вставки современные люди). Знак 17, хотя и похож немного на Y : l^2 из-за некоторой выгнутости штамба, все же благодаря отходу зубчика почти от середины штамба должен пониматься как ŋ. Тем не менее и по поводу 2-й строки мы также можем признать, что все 31 знак строки идентифицируются вполне уверенно.

Северная сторона. Единственная строка нанесена на отдельном гораздо меньшем камне, подпирающем снизу и сбоку центральный валун

комплекса и обращенном широкой стороной к северу. Эта строка оказывается почти на метр ниже уровня строк восточной стороны.

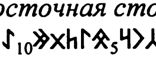
Третья строка. Есть сомнение в идентификации первого знака: смыкаются параллельные зубцы на конце в петлю или нет, т.е. это j^2 или k; как будто бы смыкаются, давая j^2. Очень похожи по начертаниям знаки 3 и 4 за счет нестрого вертикальной ориентации ꓶ : k, у которого практически вертикальными оказались два верхних зубца, а собственно штамб буквы отходит под тупым углом влево вниз (для сравнения: штамб 1-го знака — той же буквы k — вертикален). Указанное начертание k является приметой относительно поздней палеографии. Практически стертыми оказались последние знаки последнего слова строки, чтение глагольного окончания в них почти конъектурально.

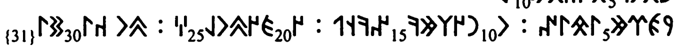
Западная сторона. Эта часть надписи также состоит из одной строки, нанесенной на сравнительно небольшом камне, расположенном сзади и ниже уровня центрального валуна комплекса.

Четвертая строка. Она повторяет фразу первой строки, но буквы ее зеркально перевернуты и написаны слева направо. Написание имени перевернутыми буквами в противоположном обычному направлении на западной стороне может иметь символическое значение, указывающее на то, что обладатель этого имени отошел в иной мир, или «мир-наоборот, в котором левое становится правым, ломаное — целым» [Кормушин, 1998, с. 34]. Не вполне ясно начертание очевидного в этой форме седьмого знака d^2, сливающегося с перевернутым влево m.

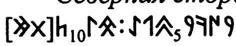
Текст

Восточная сторона

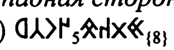
 (1)

 (2)

Северная сторона

 (3)

Западная сторона

(4) 

Транслитерация

(1) ^{a}j or $b^{i}t^{i}d^{i}m$-ä
(2) jäg^{i}rmi bin : on ölm^{ä}k^{i}n k^{ä}ŋ^{i}p : ügü tol^{ï}γ toqïdï
(3) jük^{ä}j t^{a}pa bit^{i}[d^{i}m]
(4) ^{a}j or $b^{i}t^{i}d^{i}m$

Транскрипция

(1) aj or bitidim-ä
(2) jägirmi bin on ölmäkin käŋip ügü tolïγ toqïdï
(3) jükäj tapa biti[dim]
(4) aj or bitidim

Перевод

(1) Ай-чор, я написал!
(2) Он наголову разбил двадцать тысяч, (из них) свыше десяти — насмерть.
(3) Для Юкея написал [я].
(4) Ай-чор, я написал.

Примечания

2_{9-18}: on ölmäkin käip — десять (тысяч) насмерть, букв.: «с умиранием»; деепричастная форма от глагола käi- ~ käü- ‘распространяться, расширяться’ выступает здесь с адвербиальной семантикой меры и степени: ‘более, свыше’. В таком значении форма käip не была отмечена, но оно вполне выводимо и понятно. Формальная отнесенность к деепричастию не позволяет этому слову сместиться непосредственно к числительному: *on käip ölmäkin.

2_{19-25}: ügü tolïγ — подобные слова ни одиночно, ни в качестве сочетания ни разу не встречались в древнетюркских памятниках. Первый элемент видится как общемонгольское слово отрицательной семантики: монг. *үгүй*, бур. *үгы*, калм. *уга* ‘отсутствие, неимение’; в сочетании с глаголом активного воздействия «делать» получает значение «уничтожать, ликвидировать»: монг. *үгүй хийх* [БАМРС III, с. 388–389], бур. *үгы хэхэ*, калм. *уга кех*.

Тюрк. tolïγ тоже необычно, поскольку общетюрк. tolï ~ tolu / dolï ~ dolu ни в древних, ни в современных языках не обнаруживает конечного -γ и обычно считается производным на -ï/ -u от глагола tol- ‘наполняться’, если только не связывать «полный» с омонимом «град» (от чего этимологи обычно отказываются, см. подробнее [ЭСТЯ III, с. 257–261]), тогда следы *-γ, возможно, удалось бы отыскать.

В целом данные слова представляются парным сочетанием с приблизительной семантикой ‘целиком и полностью’.

2_{26-31}: tokïdï — неясно, кто денотат этого действия: очевидно, что не автор надписи Ай-чор, иначе окончание было бы 1-го л. ед. ч. Может быть, это Юкей, упоминаемый в следующей строке надписи (см. след. прим.), либо фразу хотели построить как обобщенно-личную («наше войско, мы разбили»).

3_{1-7}: jükäj tapa — послелог tapa в др.-тюрк. употребляется преимущественно с глаголами движения, в значениях ‘к, на, по направлению к кому-л., чему-л’, иногда с оттенками ‘против’, ‘наперекор’ [ДТС, с. 533, 525]. Если в орхонских памятниках во всех случаях (чуть менее 20 употреблений) tapa выступает как «на = против»: «на/против киданей, огузов, табгачей и т.п. пошел/ пошли войной», то в «Кутадгу Билиг» (чуть более 20 употреблений) он применяется в значении общей направленности действия: «к правителю/к брату» отправился, вошел, возвратился и т.п. Причем есть пример сочетания с глаголом информативной семантики: ilig tapa uqturu·kiši ïdtï ‘чтобы известить правителя, отправили человека’ (КБ, 5033; у нас — с перестановкой синтагм из стихотворного инверсированного порядка), ср. совершенно аналогичный смысл с падежной конструкцией вместо послелога: jana uqturajïn iligkä bu söz ‘потом я сообщу правителю об этом’ (КБ, 510). Как видим, управляет tapa основным падежом имени в отличие от того, что мы наблюдаем в тех современных языках кыпчакской группы (карачаево-балкарском, крымско-татарском, кумыкском, ногайском, татарском), где он сохранился, но уже управляет дательным падежом и часто с усложненной морфологией [Щербак, 1987, с. 86–87]. Таким образом, однотипная фраза из КБ ilig tapa uqturu надежно верифицирует фразу из дарвской надписи jükäj tapa bitidim — семантически и формально.

Послелог tapa — если следовать параллелям из «Кутадгу Билиг» — подсказывает и семантический тип уточняемого имени: это скорее всего человек, персона, как будто бы с оттенком уважительности. Относительно Ай-чора Юкей занимает подчиненное положение, поскольку имя Ай-чора открывает и закрывает надпись. На этих же двух сторонах вблизи данного имени повторяются два тамговых знака: первый – в виде «плюса», второй – в виде «кружка» с отходящими от середины вверх и вниз «крюками» — вертикальными прямыми с зубчиками на концах. На восточной стороне эти знаки расположены выше и правее (до начала) первой строки с именем Ай-чор в описанном порядке, т.е. сначала (справа) «плюс», затем (левее) «кружок с крюками», зубцы отходят влево. На западной стороне описанные тамги расположены зеркально-противоположным образом: они снизу от строки и в конце ее (т.е. здесь справа), вначале (здесь слева) «плюс», затем второй знак, «кружок с крюками», зубцы отходят вправо.

К палеографии и датировке надписи. По ряду палеографических и текстологических признаков данная надпись относится к кругу енисейских. Прежде всего по такой неоспоримой языковой примете, как

написание глагольной формы «я написал» в первой строке с вокативным окончанием -ä: bitidim-ä. Начертания t^1 в виде двух «крыш» ᛏ и ᛏ : b^2 с «нависающей крышей», не встречающиеся в орхонских памятниках, являются характерными особенностями енисейского дукта. Так же как и начертание ᛕ : g с дугой, начинающейся выше места соединения с первым (верхним) зубчиком, причем эта особенность свойственна относительно поздним или, лучше сказать, не самым ранним енисейским надписям. Последнее относится и к ᚴ : k на третьей позиции в строке 3. Другие «датирующие» руны (см. [Кормушин, 1975, с. 38–43; Кормушин, 1997, с. 24–27]) демонстрируют как раз дукт не позднего конструктивного характера. Это вся группа «коленных» знаков — ᚼ : q, ᛋ : r^1, ᚻ : ü, ᚺ : t, ᚻ : n^2, в которых колено еще отходит не от края штамба, а от середины или близко к середине. Это не слишком большой «навес» у ᛏ : b^2 и близкое к орхонскому начертание ᛁᛁ : γ.

В целом, если попытаться датировать надпись только на основании палеографических особенностей, речь, по нашему мнению, может идти о конце IX — начале X в.

Кормушин, 1975 — *Кормушин И.В.* Основные понятия тюркской рунической палеографии // СТ. 1975, № 2.

Кормушин, 1997 — *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Материалы и исследования. М., 1997.

Кормушин, 1998 — *Кормушин И.В.* Удыхейский (удэгейский) язык. М., 1998.

Щербак, 1997 — *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (наречие, служебные части речи, изобразительные слова). Л., 1987.

БАМРС	—	Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х томах. М., 2001–2002
КБ	—	Kutadgu Bilig. I. Metin. Ankara, 1947/1979. III. Indeks. İstanbul, 1979
ДТС	—	Древнетюркский словарь. Л., 1969
СТ	—	Советская тюркология. Баку
ЭСТЯ I–VI	—	*Севортян Э.В., Левитская Л.С. и др.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы... М., 1974–2004 (продолж.)

М.Г.КРАМАРОВСКИЙ
(Санкт-Петербург)

Куманские пояса в Дешт-и Кипчаке и на Балканах в XIII–XIV вв.[1]

В распространении поясных наборов европейского облика на востоке Средиземноморья, на Балканах и в континентальных районах Золотой Орды есть ряд общих исторических закономерностей. Зададимся целью проследить их распространение (сводку находок европейских поясных наборов см. [Fingerlin, 1971]) в нелатинской среде на примере кочевников Северного и Северо-Западного Причерноморья.

В работе о художественном металле Джучидов я стремился показать, что представляли собой раннемонгольские воинские пояса, принадлежавшие представителям местных элит [Крамаровский, 2001, с. 35–60; Крамаровский, 2002]. Пояса этого типа не обязательно принадлежали этническим монголам. Их владельцами могли быть представители любых этносов, состоявшие на монгольской службе. Характер и состав поясных украшений определялся уровнем сюзеренитета и местом владельца пояса в структурах армии или гражданской администрации. Так было на протяжении всего XIII века, точнее, до времени, пока в начале XIV столетия в ханской ставке не утвердился ислам. Исключение — чингульская находка, лишь подтверждающая правило. По данным погребального обряда, Чингульский курган (вторая треть XIII в.) принадлежал знатному половцу [Отрощенко, Рассамакин, 1986, с. 13–36]. В захоронении найдено три поясных набора — два

[1] В сообщении использованы материалы из неопубликованного и частично переработанного доклада, прочитанного автором в сентябре 2002 г. на конференции в Археологическом музее Варны в честь 70-летия проф. Александра Кузева. Благодарю хранителя Ваню Павлову за возможность ознакомиться с кла́довыми материалами из Долище в экспозиции варненского музея.

© М.Г.Крамаровский, 2005

романского облика и один готический; все оригинальной западноевропейской выделки.

Для понимания закономерностей формирования всаднической культуры Дешт-и Кипчака в XIII в. существенно, что половцы (куманы) утратили традицию *собственных воинских поясов* уже задолго до столкновения с монголами (1223 г.). Вероятно, это случилось еще в XII в. Во второй половине XII в. на смену крупным половецким союзам правобережья Днепра (Бонякидам) и днепровского левобережья (Шаруканидам), носивших характер родоплеменных объединений, приходят новые *территориальные* союзы приднепровских, донских, северокавказских и лукоморских половцев во главе ханами, так и не переросшие в предгосударственные образования. Социальная структура половецкого общества этого времени базируется на трех составляющих: князья — знатные — простой народ. С приходом Джучидов место половецких ханов, возглавлявших отдельные союзы, заняли новые хозяева; традиционная иерархия предельно «уплощается»: князья (ханы) исчезают, но остаются «благородные фамилии» и рядовые кочевники.

И в предмонгольское время, и в период первых контактов с монголами в хрестоматийных для археолога-медиевиста богатейших половецких комплексах Ротмистровки, Таганчи, Липовца, Ковалей и Токмака воинских поясов нет. Между тем речь идет о захоронениях хорошо экипированной воинской элиты.

Нет воинских поясов и в серии позднекочевнических погребений, открытых экспедицией Волгоградского государственного университета в зоне строительства Понуро-Калининской и Краснодарской оросительных систем на Кубани [Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003]. Между тем как восточная ориентировка погребенных в широких ямах вместе с конскими захоронениями (в виде целых костяков коней или их чучел, ориентированных в противоположную сторону), так и погребальный инвентарь, где найдены и распрямленные серебряные гривны, и бронзовые котлы, — все это неоспоримо свидетельствует в пользу половецкой атрибуции кубанской группы кочевников. Следует согласиться с авторами раскопок, что погребение 2 кургана 1 Дмитриевского могильника и погребение 1 кургана 2 могильника Южный-84 принадлежали представителям половецкой родовой знати, идентифицируемой в Венгерском Акте о половцах (1279 г.) как Dominorum et Nobilium de Cumanis [Мургулия, Шушарин, 1998, с. 174–176]. В данном случае, надо полагать, речь идет о половецкой знати на службе у Джучидов. Об этом свидетельствуют шлемы с навершием, снабженным отверстием под колечко (погребение 2 кургана 4 Дмитриевского

могильника), шлем со шпилевидным навершием и шлемы с цилиндрической тульей, сопряженной с коническим куполом (из погребения 2 кургана 1 и погребения 1 кургана 4 Дмитриевского могильника), которые датируются второй половиной XIII — первой половиной XIV в. [Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003].

По богатству «рыцарского» оснащения кубанская серия половецких курганов родственна захоронениям из Таганчи, Липовца и др., но также и курганным погребениям половцев близ Фалешт (Молдова) с кольчугой и клепаным котлом; о половцах днестровско-карпатских, карпато-дунайских и земель Нижнего Подунавья см. [Diaconu, 1978, с. 14, 15, 84; Spinei, 1985, с. 110–118; Добролюбский, 1986, с. 63, 83, 85]. Вместе их объединяет такой признак, как *отсутствие воинских поясных наборов*. Возможно, главное из того, что различает комплексы родовой половецкой знати *на монгольской службе*, в том и состоит, что одни, сделав воинскую карьеру, подобно знатному половцу из кургана близ села Ново-Подкряж в Среднем Приорелье [Шалобудов, Кудрявцева, 1980, с. 90–92], получили от новых хозяев знаки вассалитета. У других же, тоже принадлежавших к родовой знати, золотоордынская воинская карьера не получилась.

По предположению авторов находки, захоронение Чингульского кургана принадлежало хану Тигаку, вернувшемуся со своей ордой с территории Венгрии в 60-е годы. Период венгерского изгнания оказался для Тигака успешным, поскольку заслуги гипотетического хана были отмечены тремя *рыцарскими поясами*. Но если хан половецкой орды без риска утраты социальных связей со степными родовичами использует только чужие символы жизненного успеха и воинской карьеры, не означает ли это забвения собственных традиций, обусловленного глубоким кризисным состоянием кочевого сообщества? Ведь еще в X в., как следует из тюркских рунических надписей, поясной набор — высшее поощрение доблести героя. Но дело как раз в том и состоит, что уже в XII в. у половцев нет традиционного тюркского пояса. Его место в определенных ситуациях заняли либо «франкские» (европейские), полученные, как можно думать, наемником за преданную службу сюзерену, либо — на джучидской службе — «монгольские». Причину исчезновения старого тюркского типа воинского пояса я вижу в продолжительном отсутствии у половцев собственной государственности, отмеченной В.В.Бартольдом [Бартольд, 1968, с. 99] (см. также [Голден, 2004, с. 107]). Особенно важно прямое свидетельство рабби Петахьи Регенсбургского (1175 г.): «У них нет царя, но только князья и благородные фамилии» [Еврейские путешественники, 2004, с. 264].

Наличие поясов европейского типа в инокультурной среде между тем сближает чингульские пояса с целой серией находок XIII — первой половины XIV в. с территории Восточной Румынии — район Войнешти–Яссы [Теодору, 1961, с. 516–519], Сербии — находка из района Томашевац в Национальном музее Панчево [Brmbolić, 1996, с. 273–277], Северо-Восточной Болгарии — серия поясов из находок близ деревни Долище неподалеку от Варны [Кузев, 1986, с. 44–47], комплекс из Черномащицы [Ваклинова, 1992, с. 309–317] и Центральной Венгрии [Pálózi-Horváth, 1972, с. 177–201; Pálózi-Horváth, 1989, рис. 26–35]. В большинстве случаев эти находки связаны с куманами (половцами) на венгерской, болгарской или сербской службе. Называя их по этнониму владельцев — «куманскими» (о многообразии этнонимов, известных для куманов-кыпчаков (см. [Кляшторный, 2003, с. 9–15; Голден, 2003, с. 458–480]), мы помним, что с точки зрения ремесленной традиции и типа эти поясные наборы принадлежат Южной и Центральной Европе.

Стоит заметить, что в потере исторической и этнической самоидентификации куманы не были одиноки. Около середины XIV в. подобный кризис, сопровождавшийся утратой старой, монгольской традиции, испытали и Джучиды. Однако на этот раз трансформации происходили на территории Дешт-и Кипчака и в более сжатые сроки. Процесс разрушения модели чингисидской государственности в Золотой Орде совпал с усилением происламских тенденций, что привело к ослаблению имперской традиции и отказу от ценностей первых поколений Джучидов. Изменение культурной парадигмы дало толчок к полному исчезновению типа чингисидского воинского пояса. Это прослеживается по материалам Симферопольского клада, владельца которого, Кутлуг-Тимур-бека, я рассматриваю как главу администрации Крыма и правителя Солхата при хане Кельдибеке (1361 г.). Приняв от сюзерена знаки инвеституры — *ярлык* и *пайцзу*, крымский наместник в качестве *властных символов* использовал тем не менее два латинских пояса. Скорее всего, это были купеческие или посольские дары. Вполне вероятно, что один из поясных наборов — венецианский оказался в сокровищнице наместника после заключения договора с венецианскими послами от 20 сентября 1358 г. Наш пример позволяет понять глубину трансформации старых, имперских стереотипов. На место воинского пояса, бытовавшего в Центральной Азии на рубеже XII–XIII вв., в XIV в. приходит тип «богатого» поясного набора, заимствованного по преимуществу из мира средневековой романской культуры.

С этой точки зрения мы и рассмотрим несколько групп находок европейских поясов, найденных в Золотой Орде и на Балканах. Группа I объединяет находки из ремесленных центров Южной и Западной Европы, которые мы относим к разряду импорта. Именно эта серия поясных наборов отражает тип длинных готических поясов в наиболее чистом виде. Один из шедевров этой группы — парадный светский пояс с эмалями, хранящийся ныне в Музее искусств Кливленда [Milliken, 1930, с. 35–41]. Еще в начале прошлого столетия этот редкий по красоте памятник хранился в Сванетии как реликвия семьи грузинского князя Николая Мингрельского. В 1904 г. его видела графиня Уварова, ошибочно отнесшая его к немецкой школе XVI в. [Уварова, 1904, с. 114]. Пояс длиной 225 см, шириной 2,9 см украшен 69 серебряными пластинками с эмалью. Пластинки (накладки) соединены попарно и расположены на тесьме группами по три пары; 21 эмалевая пластинка содержит фигурные изображения. Пояс имеет трехчастный серебряный наконечник и пряжку в виде литой фигуры. Пряжка состоит из двух частей: на двух прямоугольных эмалированных пластинах изображения куртуазных сцен. М.-М.Готье, изучавшая эмали этого памятника, датировала их последней третью XIV в. и приписала их изготовление мастерским Венеции или Сиены [Gauthier, 1972, с. 297]. Сиенская альтернатива представляется более предпочтительной.

Другой пояс — воинский — с эмалями принадлежит к так называемому Симферопольскому кладу, хранящемуся в ГИМ [Сокровища, 2000, № 565–595]. Выше мы уже отметили, что он может быть связан с сокровищницей крымского наместника 60-х годов XIV в. Кутлуг-Тимур-бека. Пояс серебряный и украшен гравировкой и эмалями в три цвета. Набор состоит из пряжки, наконечника ремня, шести прямоугольных блях с эмалями, двух обоймиц с гравированными узорами, скользящей обоймицы и 20 двуякорных накладок. Реконструируемая длина пояса около 200 см. В его декоре прослеживаются явно выраженные элементы готической стилистики, особенно в форме наконечника с фигурным выступом, очертаниях углублений на поясной пряжке и наконечнике, характере орнаментальных и фигурных изображений. Признаться, только наличие эмалей, о производстве которых в Каффе или других городах Северного Причерноморья сведений нет, позволяет говорить об этом поясном наборе как привозном. Сами эмали сохранились плохо. Они выполнены на тонких серебряных пластинках, покрытых гравированными узорами и изображениями геральдических орлов и львов в профиль. По цветовому сочетанию — красный, зеленый, черный — эти эмали вряд ли подходят к колори-

стической традиции сиенских эмальеров. Как кажется, по цвету, но не по качеству эмали крымского поясного набора ближе парижской школе. В местах сколов эмалевого слоя и на пластинах, не заполненных эмалями, прослеживается четкий, виртуозно выполненный подготовительный рисунок штихелем, как на кувшине для воды из Национального музея в Копенгагене. Сосуд датируется около 1320 г. и изготовлен в Париже [Gauthier, 1972, с. 254, 255].

Обе находки из районов Восточного (Мингрелия) и Северного Причерноморья (Крым) имеют множество параллелей на Балканах. К поясу из Тосканы стилистически близок поясной набор XIV в. из далматинского Сетина (Босния). Его исследователи связывают с французской готикой [Gunjača, 1952, с. 227–229, sl. 12–14; Fiskovič, 1964, с. 31, 32, 35; Wenzel, 1984, с. 6–8, sl. 2b]. В этом же ряду должны быть отмечены еще две находки, поступившие в Национальный археологический музей Болгарии в 1901 и 1925 гг. из района средневекового Видина [Ваклинова, 1992, с. 309–317, обр. 2–6]. Обе болгарские находки датируются XIV в., выполнены из высокопробного серебра с позолотой. Вместе с тем поясной наконечник из Черномащицы украшен ярко-синей эмалью и фигурными изображениями. Двуякорные накладки объединяют фрагменты поясного набора из Черномащиц с украшениями пояса крымского наместника. М.Ваклинова собрала и другие эмальерные украшения с территории Болгарии, близкие парижской школе, отнеся их к XIII–XIV в. [Ваклинова, 2002].

Группа II объединяет поясные наборы-реплики, изготовленные вне метрополии (табл. I: 1–5). К ним я отношу пояса из серии небольших по объему семейных кладов в Долищенской крепости, расположенной в 17 км севернее Варны [Кузев, 1986, с. 44–47]. Всего поясов пять. Остановимся на их характеристике более подробно.

Пояс 1 состоит из пряжки с подвижной лировидной рамкой приемника (рамка и стерженек стопора в форме головы монстра — литые, объемные) на шарнире, наконечника, трех сердцевидных «шевронов» и 50 двуякорных накладок и одной кованой петли для крепления мешочка или сумочки. Лицевая пластина прямоугольной пряжки украшена рельефным изображением двух монстров с перевитыми хвостами. Изображения выполнены в технике repusse (табл. I:1). Поясной наконечник в виде вытянутого скругленного язычка украшен снаружи S-образным изображением змеевидного дракона с двумя головами (спереди и сзади); узкая часть наконечника заполнена растительной виньеткой. Учитывая, что лицевая пластина представляет собой тонкий лист серебра, можно думать, что рельеф вместе с обрамляющим

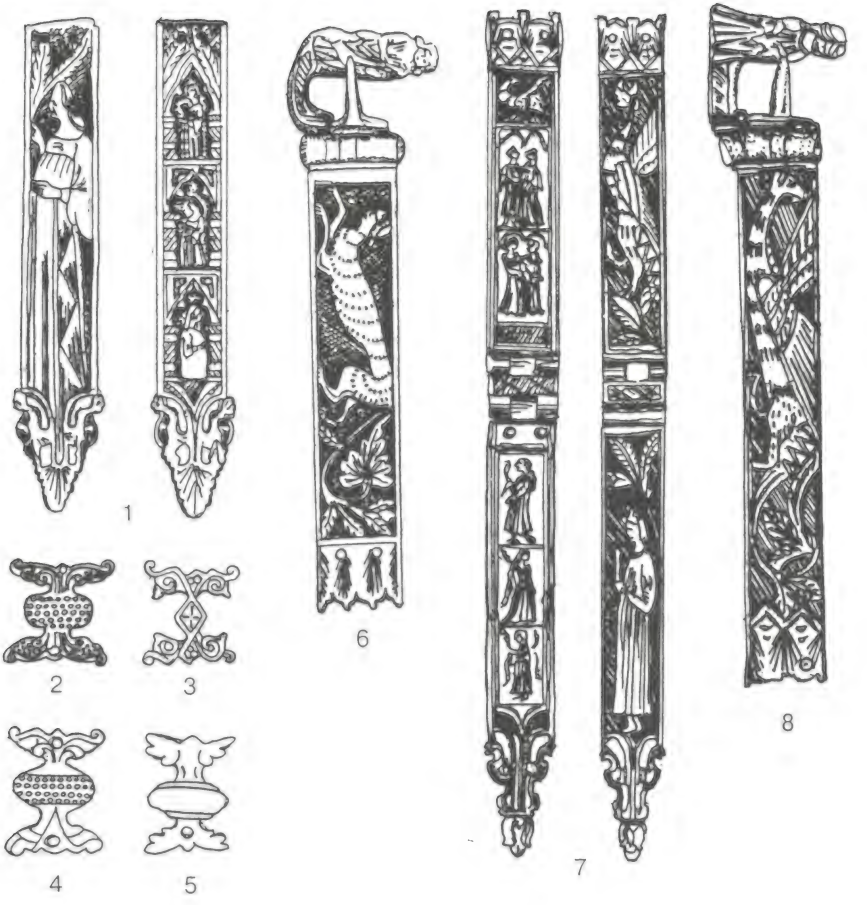


Таблица I
Поясные наборы.
1–5 — из Черномащицы (Болгария); *6* — из района Видина (Болгария);
7–8 — из Сетина (Босния)

выступом выбит с оборота (по матрице), но объемная голова змеи отлита и впаяна в общую композицию. Нельзя не отметить, что своей широкой частью наконечник превышает размер подвижной рамки и пряжкой нельзя было пользоваться.

Гарнитура пояса 2 дошла без поясного наконечника. В ее составе крупная пряжка с подвижной лировидной рамкой приемника (табл. I: 2), 54 (?) двуякорные накладки и стременевидной формы литая петля для подвешивания мешочка или сумочки. Лицевая сторона подпрямоугольной пряжки украшена тисненой пластиной с изображением двух геральдических львов по сторонам «геральдической лилии».

Гарнитура пояса 3 представлена прямоугольной пряжкой с подвижной лировидной литой рамкой приемника (табл. I: 3). Лицевая пластина пряжки украшена бордюром из треугольников, гравированных зигзагом. В ее центральном поле три готических четырехлистника, а по краям — еще по два. Наконечник в виде вытянутого язычка со скругленным краем. Лицевая пластина наконечника разбита на два поля: малое, в виде узкого прямоугольника у среза, заполненного S-образной фигурой из выгнутой проволочки с двумя заклепками в завитках волют, и большое, в виде гладкой поверхности, рассеченной линией полубусин на две равные доли. Каждая украшена гирляндой полубусин, окантованных гладкой проволочкой. В гарнитуру также входят четыре рельефные сердцеобразные накладки-шевроны и 60 двуякорных накладок. Вся гарнитура укреплена на шелковой ленте. Заметен контраст крупных литых деталей поясного набора с мелкими декоративными украшениями пряжки и наконечника, выполненными довольно примитивно.

Пояс 4 представлен пряжкой с литой лировидной рамкой приемника на шарнире. Лицевая пластина пряжки в форме вытянутого прямоугольника украшена изображениями льва и змеи, выполненными в технике плоской чеканки и гравировки (табл. I: 4). Наконечник той же формы сделан очень примитивно: согнутая пополам скобяная полоса образует обойму, в которую должна была быть впущена тканая лента пояса (не сохранилась). Наконечник украшен гравированной растительной плетенкой в двойной рамке с геометрическим узором. В состав комплекса вошли три сердцевидные накладки-шевроны и 29 двуякорных (одна из двуякорных накладок снабжена треугольной рамкой для подвески мешочка или сумочки?). Все литые детали поясного набора, включая двуякорные накладки, хороших пропорций и безукоризненной работы.

Пояс 5 состоит из прямоугольной пряжки, согнутой из тонкой пластины, с литой лировидной рамкой приемника на шарнире (табл. I: 5).

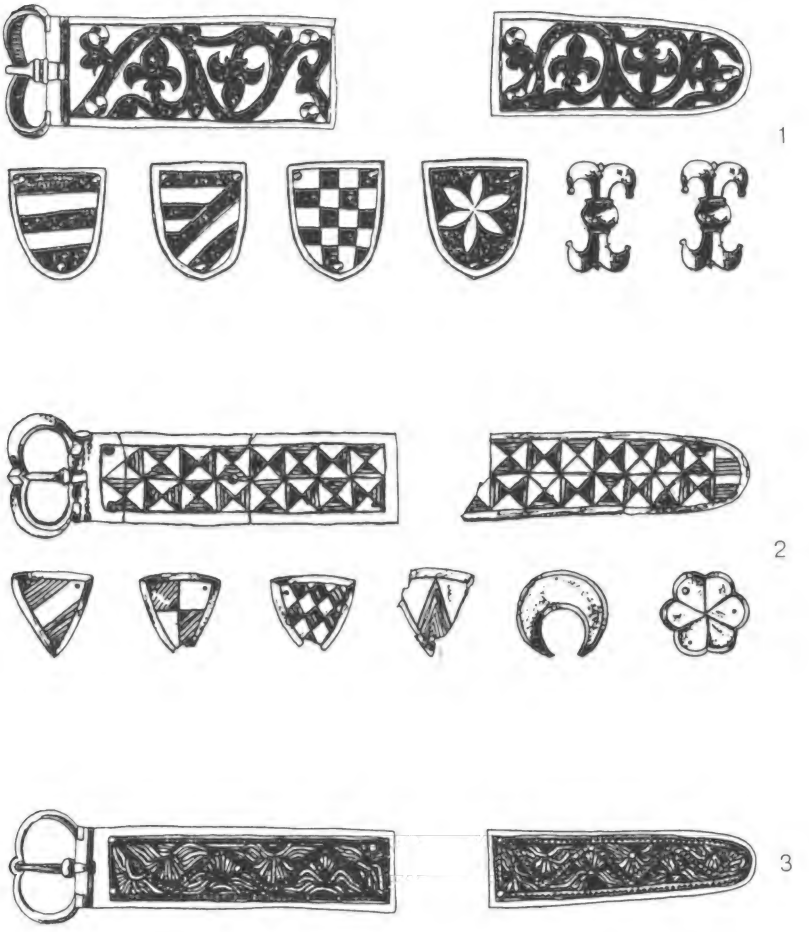


Таблица II
Поясные наборы.
1 — из района Фельзёшенкирали (Венгрия);
2 — из района Томашевац (Сербия); *3* — из района Чолиошпушта (Венгрия)

Лицевая пластина пряжки украшена узким бордюром из треугольников; внутреннее поле заполнено геометрическими узорами. Наконечник трапециевидной формы снаружи украшен бордюром из треугольников, составленных из плетеной серебряной проволоки, напаянной на основу; во внутреннем поле — четырехлепестковый цветок из той же плетеной проволоки и два концентрических кружка. В составе комплекса четыре сердцевидные накладки (три — с отверстием в центральном поле) и 68 двуякорных с двумя перехватами у центрального выступа. В гарнитуру вошло еще кольцо для подвески мешочка или сумочки (?). Обращает на себя внимание контраст в качестве исполнения объемных литых и примитивно выполненных плоских украшений.

В развитие мысли А.Кузева о возможном участии торевтов Варны в производстве некоторых женских украшений из кла́довых находок в крепости Долище полагаю, что и поясные наборы сделаны варненскими мастерами. А.Кузев для обоснования гипотезы о творческом потенциале варненских торевтов привлек кассовую книгу 1366 г. Антона Барбери с записью заказа на изготовление ювелирного ковчежца для Амадея I Савойского [Кузев, 1986, с. 46]. Мое предположение основывается на том, что долищенские наборы составлены из двух типов украшений, созданных по разным технологиям, серийных деталей — подвижных рамок и двуякорных накладок, изготовленных в условиях специализированных мастерских. Эти украшения могли быть и предметом розничной торговли. Все другие элементы поясных наборов не требовали высокого исполнительского мастерства. В стилистике как минимум двух поясных наборов заметно влияние византийской Малой Азии (пояс со змеевидными драконами) и, быть может, Венеции (пояс с геральдическими львами).

В целом куманские пояса из крепости Долище интересны как памятники латинского типа местной (болгарской) работы. Их социальный статус — сеньоральное пожалование знатному наемнику-половцу за службу местному (?) феодалу. Тем более что историческая память и дарителя, и его адресата не могла не сохранить факт причастности дунайских половцев к утверждению династии основателей Второго Болгарского царства (1187 г.). Дата долищенских поясов не выходит за пределы XIV в., времени активного сотрудничества деспотов Добруджи с Генуей [Гюзелев, 1995, с. 49–88, 103–140]. Близкие поясные наборы летом 2001 г. обнаружены археологами Софийского университета при раскопках грунтового могильника второй половины XIV в. в Дрестере [Ангелова, 2002].

По признаку двуякорных накладок наша группа воинских поясов может быть расширена за счет находок в Венгрии — находка из Фельзёшенкирали (XIII в.) [Pálózi-Horváth, 1972; Pálózi-Horváth, 1989, рис. 26–35] (табл. II: 1); геральдика венгерского пояса аналогична серебряному поясному набору из Томашевац в Национальном музее в Панчево (XIII — первая четверть XIV в.) [Brmbolić, 1996, с. 273–277] (табл. II: 2); в Румынии — клады из района Войнешти — Яссы (XIII в.) [Теодору, 1961, с. 516–519, рис. 19–23] (табл. III: 6) и из Александрии (начало XIV в.) [Constantinescu, рис. 1/4, 2/5, 6, 8–10]. Вполне вероятно, что перечисленные находки из Румынии, Венгрии, Сербии и Болгарии [Антонова, 1964], учитывая их несколько упрощенный ремесленный уровень, принадлежат, как и долищенские находки, региональным центрам.

В экспозиции Археологического музея Варны мне посчастливилось познакомиться с еще одной новой кла́довой находкой вне крепости, но из района Долище (не опубликована), близость которой к поясам долищенской крепости, особенно комплексу №1, несомненна. Новая поясная гарнитура поражает сочетанием лапидарности деталей с необыкновенной пластической выразительностью. Украшения пояса составляют 28 круглых чеканных блях с гладкой лицевой пластиной и 23 литых поперечных двуякорных. Все накладки выполнены из серебра (в некоторых случаях с позолотой) и крепились штифтами к парчовой ленте с золотной нитью (фрагменты парчи сохранились на тыльной стороне круглых блях). Общая реконструируемая длина пояса не менее 210 см. Накладки, по-видимому, чередовались, но свисающая часть пояса, завершенная крупным приостренным наконечником, могла быть украшена только круглыми накладками, поскольку поперечные просто не прошли бы в створ лировидной рамки пряжки. Центральное поле наконечника украшено двумя круглыми медальонами с изображениями змеевидных существ с перевитыми хвостами, заканчивающимися головами рептилий. Примерно треть свободного сужающегося поля лицевой пластины украшена парной фигурой крылатых драконов — существ со сплетенными телами, чьи головы, включая змееголовые завершения хвостов, обращены друг к другу. Широкий срез наконечника украшен мотивом гибкой лозы (выполненным в технике плоского чекана) и тремя рельефными шестилепестковыми цветками с крупной гладкой сердцевиной; каждый из лепестков выгнут из ленточного профиля, припаянного на ребро. По внешнему краю поле лицевой пластины обрамлено линией чеканенных овалов-«перлов». Все рельефы, включая жгутовидные обрамления медальонов

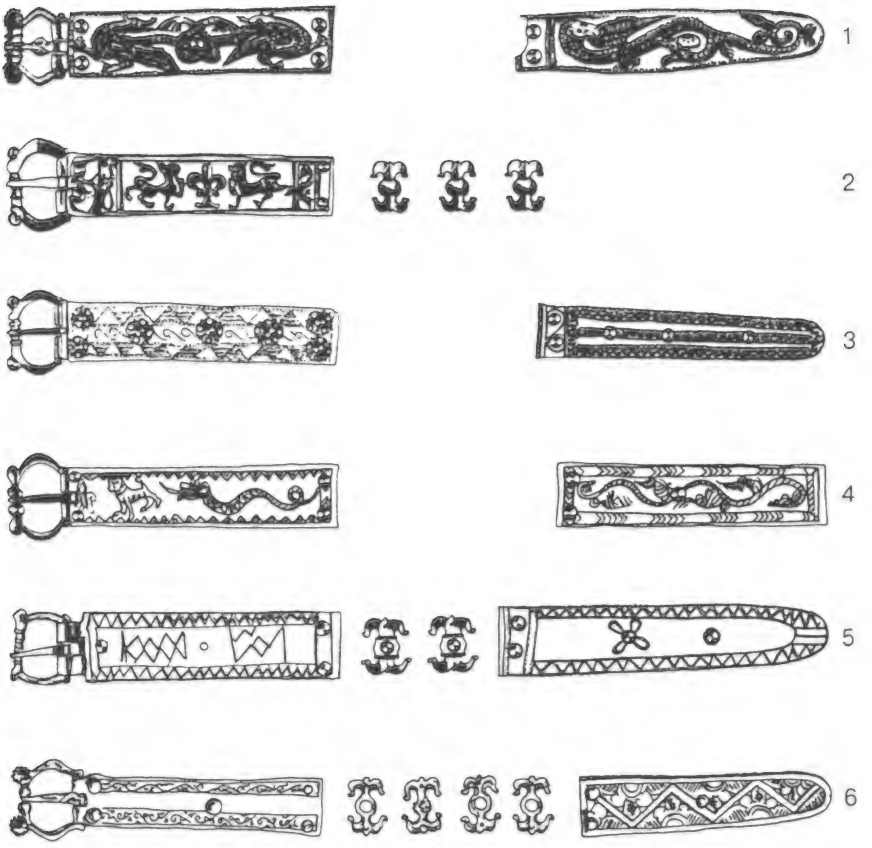


Таблица III
Поясные наборы.
1–5 — из крепости Долище (Болгария);
6 — из района Войнешти–Яссы (Румыния)

с «геральдическими» драконами, выбиты с оборота, но изображения фигур дополнительно прочеканены с лицевой стороны. По характеру обрамления медальоны наконечника из района Долище близки к медальонам ближневосточного (Месопотамия или Иран) серебряного кадила XII — начала XIII в. из клада крестоносцев в базилике св. Креста Русафы в Национальном музее Дамаска [L'Orient de Saladin, 2002, с. 109, примеч. 88].

Пряжка двухсоставная, крупная, с литым лировидной формы приемником на шарнире и трапециевидной обоймицей. Лента пояса впускалась в обоймицу, где крепилась тремя парами заклепок; три другие заклепки стягивают ее у шарнира. Лицевая сторона обоймицы на две трети декорирована накладной позолоченной пластиной с грубо исполненным мотивом гибкого побега с «византийскими» пальметтами в рамке из «перлов». Сама обоймица выполнена из плоского гладкого листа серебра, согнутого пополам в месте крепления шарнира приемника.

В гарнитуре этого, безусловно, одного из самых интересных поясных наборов латинского типа прослеживаются три художественные традиции. Первая связана с линией европейской готики. Она опознается в типе «длинного» готического пояса, отдельных элементах его декора, в том числе характерной пряжке с лировидным приемником, поперечными накладками, изящно оформленными в виде «двойных лилий», стилистике выразительных в своей простоте круглых накладок. Литой лировидный приемник, однако, аналогичен приемнику артукидского серебряного пояса второй четверти XIII в. из коллекции Британского музея, в свою очередь связанного со стилистикой европейских изделий времени крестовых походов. Вторая принадлежит византийской провинции. Речь идет о характерном узоре в виде гибкого побега на лицевой пластине пряжки. Третья — тема хтонического мира с образами змееподобных драконовидных существ, не имеющих положительной окраски ни в европейском, ни в византийском мире.

Эта линия приводит нас на почву тюркской мифологии. Причем как на востоке, так и на западе тюркского мира. У кимаков, к примеру, проживавших к западу от киданей и связанных единой судьбой с киданями еще в период Уйгурского эля (744–840), змеи были тотемными существами [Ахинжанов, 1989, с. 115]. С.М.Ахинжанов привлек свидетельство китайского посла Ван Яньдэ, посетившего уйгурское Турфанское княжество в последней четверти X в. При описании своего маршрута в западной части Маньчжурии и Восточной Монголии он упоминает земли племени *дачун тайцзы* у границ государства киданей [Малявкин, 1974, с. 5; Ахинжанов, 1989, с. 115; Голден, 2003, с. 465].

Слово *дачун* в переводе означает «великие змеи». Несмотря на то что связь со змеиным тотемом прослеживается и у западных кыпчаков в генеалогии рода Шаруканидов XII в., чье имя происходит от тюркского названия дракона, развитой иконографии у кыпчаков домонгольского времени мы не знаем. Как отмечает П.Голден, и в русской традиции имя предводителя половцев — Тугарин Змеевич («сын змея») — отождествляется с тотемом — змеем [Голден, 2003, с. 465].

В Золотой Орде эта иконография зафиксирована в декоре колчанов и воинских поясов, но восходит преимущественно к киданьским и чжурчжэньским прототипам. В долищенском случае характерная иконография драконовидных рептилий — индикатор художественной традиции сельджукской Малой Азии и Северной Месопотамии, где этот образ получил широкое распространение в архитектурном декоре XII–XIII вв. Судя по излюбленному мотиву с рептилиями в искусстве сельджукской Анатолии [Süslü, 1987, с. 193–216], Румский султанат со столицей в Иконие-Конье (с 1134 г.), возможно, оказал решающее влияние на формирование облика новой находки из клада в Северо-Восточной Болгарии.

Итак, наши наблюдения позволяют прийти к двум основным заключениям:

1) Воинские пояса в кыпчако-куманской среде являются надежным маркером протекавших интеграционных процессов. Эти пояса позволяют судить об уровне союзнических альянсов родовых элит поздних кочевников периода становления феодальных отношений с партнерами централизованных государств — от Улуса Джучи до Венгерского королевства в Центральной Европе и Второго Болгарского царства на Балканах.

2) Отсутствие воинских поясов в богатых всаднических погребениях половецкой знати в монгольский период не является знаком тотального вытеснения родовой элиты с политической или тем более воинской сцены степной Евразии в XIII–XIV вв. Речь в большей степени идет о признаке, отражающем снижение уровня иерархии старых родовых кланов в системе новой, джучидской власти.

Куманские поясные наборы с территории Центральной Европы и Балкан, но особенно долищенские находки, свидетельствуют, что система «оммажа», сопровождаемая выдачей наградных поясов, не исключала учета заказчиком-сюзереном пристрастий младших партнеров. Речь идет о вкусах и традиционных представлениях, характерных для воинской знати наемников-половцев.

Ангелова, 2002 — *Ангелова С.* Нови данни за Дръстър от втората половина на XIV в. // The Bulgarian Lands in the Middle Ages 7th–18th centuries. Studies in History and Archaeology. Programme. International Scientific Conference a tribute to prof. Alexander Kouzev's 70 th Anniversary. Varna, 12–14 september 2002 (доклад не опубликован).

Антонова, 1964 — *Антонова В.* Среднавековни накити в Окръжние народен музей в Коларовград // Археология, 1964, книга 2, година VI. София, 1964.

Ахинжанов, 1989 — *Ахинжанов С.М.* Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1989.

Бартольд, 1968 — *Бартольд В.В.* Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов // Сочинения. М., 1968. Т. V.

Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003 — *Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А С.* Средневековые рыцари Кубани // Материалы и исследования по археологии Кавказа. Краснодар, 2003. Вып. 3.

Ваклинова, 1992 — *Ваклинова М.* Метални части за колани от XIV–XV в. от Националния археологически музей // Годишник на Националния археологически музей VIII, 1992. София, 1992.

Ваклинова, 2002 — *Ваклинова М.* Западноевропейски емайлови произведения в България от XIII–XIV в. // The Bulgarian Lands in the Middle Ages 7th–18th centuries. Studies in History and Archaeology. Programme. International Scientific Conference a tribute to prof. Alexander Kouzev's 70th Anniversary. Varna, 12–14 september 2002 (доклад не опубликован).

Голден, 2003 — *Голден П.Б.* Формирование куман-кыпчаков и их мира // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2003. Вып. X.

Голден, 2004 — *Голден П.Б.* Кипчаки средневековой Евразии: пример негосударственной адаптации в степи // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004.

Гюзелев, 1995 — *Гюзелев В.* Очерци върху историята на Българския Североизток и Черноморието (края на XII — началото на XV век). София, 1995.

Добролюбский, 1986 — *Добролюбский А.О.* Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев, 1986.

Еврейские путешественники, 2004 — Три еврейских путешественника / Пер. и примеч. П.В.Марголина. Иерусалим; М., 2004.

Кляшторный, 2003 — *Кляшторный С.Г.* Кипчаки, команы, половцы // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. М., 2003.

Крамаровский, 2001 — *Крамаровский М.Г.* Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001.

Крамаровский, 2002б — *Крамаровский М.Г.* Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XII — начала XIII в. (источниковедческие аспекты) // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2002.

Кузев, 1986 — *Кузев А.* Накитните съкровища от Долище // Музеи и паметници на културата, 4. София, 1986.

Малявкин, 1974 — *Малявкин А.Г.* Материалы по истории уйгуров IX—XII вв. Новосибирск, 1974.

Мургулия, Шушарин, 1998 — *Мургулия Н.П., Шушарин В.П.* Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII веках. М., 1998.

Отрощенко, Рассамакин, 1986 — *Отрощенко В.В., Рассамакин Ю.Я.* Половецкий комплекс Чингульского кургана // Археология, № 53. Киев, 1986.

Сокровища, 2000 — Сокровища Золотой Орды / Концепция выставки, сост. и науч. ред. аннотаций М.Г.Крамаровский. СПб., 2000.

Уварова, 1904 — *Уварова П.С.* Материалы по археологии Кавказа. М., 1904.

Шалобудов, Кудрявцева, 1980 — *Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В.* Кочевнические погребения Среднего Приорелья // Курганы степного Поднепровья. Днепропетровск, 1980.

Brmbolić, 1996 — *Brmbolić M.* The Khuman Belt from the Area of Tomaševac // Starinar, Beograd, 1996. Vol. XLVII.

Constantinescu [б. г.] — Um tezaur feudal de monede si obiecte de porada de pe Valea Teleormanului. 17, 3. Bucureşti.

Diaconu, 1978 — *Diaconu P.* Les Coumans au Bas-Danube aux XI et XII s. Bucureşti, 1978.

Fingerlin, 1971 — *Fingerlin I.* Gurtel des hohen und spaten Mittelalters. München–Berlin, 1971.

Milliken, 1930 — *Milliken W.M.* Girdle of Fourteenth Century // The Bulletin of the Cleveland Museum of Art. Vol. XVII/1, March 1930.

Gauthier, 1972 — *Gauthier M.-M.* Emaux du Moyen Age occidental. Fribourg, 1972.

Gunjača, 1952 — *Gunjača S.* Muzej Hrvatskih starina odoslobodenja do danas // Starohrvaska prosvijeta, ser. III, 2. Zagreb, 1952.

L'Orient de Saladin, 2002 — L'Orient de Saladin. L'art des Ayyoubides. Paris, 2002.

Pálózi-Horváth, 1972 — *Pálózi-Horváth A.* Felsoszentkiralyi kun sirletet. Cumeniq I, archeologia. Keeskemet, 1972.

Pálózi-Horváth, 1989 — *Pálózi-Horvát A.* Petschenegen, kumanen, jassen. Steppenvölker im mittelalterlichen Ungarn. Budapest, 1989.

Spinei, 1985 — *Spinei V.* Romani si Turanici. Jasi, 1985.

Süslü, 1987 — *Süslü R.Ö.* Recherche sur une stèle // Ars turcica. München, 1987. T. II—III.

Teodor, 1961 — *Теодору Д.* Раннефеодальный клад из Войнешти // Dacia. Revue d'Archéologie et d'Histoire ancienne. Nouvelle série, V. Bucureşti, 1961.

Fisković, 1964 — *Fisković C.* Les artistes français en Dalmatie du XIIe au XVIIe siècle // Annales de l'Institut français de Zagreb, 2-e sér., № 14–17. Zagreb, 1964–65.

Wenzel, 1984–85 — *Wenzel M.* A Bosnian Kingdom Metalworking Tradition // Peristil, XXV–XXVI. Zagreb, 1984–1985.

С.В.КУЛЛАНДА
(Москва)

Актеву

В договоре Руси с Византией 911 (6420) г. в числе посланных великим князем Олегом мужей «от рода Рускаго», носящих, как и сам князь, скандинавские имена, упоминается и некто по имени Актеву (ПСРЛ, 1962, т. 1, стб. 33; т. 2, стб. 23).

Из скандинавских языков это имя этимологизируется с большим сомнением — из древнесеверного *Angantyr* или древнеанглийского *Ongenþeów* [Томсен, 1891, с. 120]. Соответствие славянского, resp. древнерусского *k* скандинавскому *nge/i* в принципе возможно: мы видим это, например, во встречающемся у Льва Диакона имени *Ἴκμορ*, являющемся, видимо, славянским соответствием скандинавскому *Ingimar* [Томсен, 1891, с. 123]. Примерно то же фонетическое развитие, правда с сохранением звонкости, без оглушения, наблюдается и в древнерусском имени Игорь — из древнесеверного *Ingvarr*. Одним словом, первая часть приведенного Томсеном скандинавского имени могла дать в древнерусском элемент *ак-*, чего нельзя сказать о первой части имени древнеанглийского, поскольку в заимствованиях древнерусское *о* может соответствовать германскому *a*, но не наоборот. Ни в случае с предполагаемым скандинавским, ни в случае с предполагаемым древнеанглийским источником заимствования не находит объяснения отсутствие в славянском варианте отражения фонемы *-n-*. Трактовать этот феномен как стремление избежать стечения согласных невозможно, так как в описываемый период, в начале X в., в древнерусском языке еще не произошло падения редуцированных и скопление согласных возникнуть не могло. Что касается второй части германских имен, то древнесеверное *-tyr* ни при каких обстоятельствах не могло дать древнерусское *-тевъ*, источником которого могла бы стать только вторая часть англосаксонского имени. Одним словом, чтобы получить более или менее приемлемую этимологию, пришлось бы искусствен-

© С.В.Кулланда, 2005

но соединить первую часть древнесеверного имени со второй частью имени англосаксонского, да и то отсутствие *-n-* в древнерусском не поддавалось бы объяснению.

Все изложенное заставляет с осторожностью отнестись к германской этимологии имени Актеву. Не может оно быть и славянским — хотя бы потому, что в древнерусском языке не было исконных слов, начинавшихся с *а-*. Зато это имя имеет вполне прозрачную тюркскую этимологию: «Белый (общетюркское **a:q*) Верблюд» (общетюркское **teγ^{w}e*[1]) [Лексика, 2001, с. 598; об использовании *a:q* в составе личных имен — с. 679]. Любопытно, что на тюркскую параллель не обратил внимания не кто-нибудь, а человек, расшифровавший тюркскую руническую письменность, — выдающийся датский лингвист Вильгельм Томсен, чьи этимологии древнерусских имен скандинавского происхождения (в том числе имени Актеву, которое Томсен, хотя и с сомнением, также считал скандинавским) мы выше цитировали.

Появление тюрка в составе скандинавской дружины киевского князя представляется вполне естественным. Как пишет В.Я.Петрухин, «Киев (точнее, памятники на территории будущего города) был „форпостом" левобережной волынцевской культуры VIII–IX вв. на правобережье Днепра. Волынцевская культура синтезировала славянские и степные — салтовские или хазарские — традиции в Среднем Поднепровье (на поселениях этой культуры открыты юртообразные жилища): ареал этой культуры совпадает с той территорией, которая легла в основу княжеского домена Русской земли в Среднем Поднепровье со столицей в Киеве. Этот домен сформировался, в свою очередь, на землях тех славянских племен, которые платили дань хазарам, — вокняжившийся в Киеве со своей русской дружиной Вещий Олег в 880-е годы присвоил себе хазарскую дань» [Петрухин, 2002, с. 308]. В результате старшая дружина русского князя стала именоваться тюркским термином *бо(л)яре*[2], а князь — тюркским термином *каган* (так в «Слове о законе и благодати» Илариона именуется князь Владимир). В этих условиях не приходится удивляться тому, что среди доверенных лиц киевского князя мог оказаться тюрок.

---

[1] Правда, для тюркской антропонимии более характерно использование рефлексов общетюркского **buγra* — «самец верблюда», но встречаются в качестве личных имен и иные обозначения этого животного [Лексика, 2001, с. 444, 645].

[2] Обычно его производят от тюркского *bojla er*, но, учитывая, что в русском языке слово «боярин» относится к разряду слов, у которых множественное число является первичным, а единственное — производным при помощи суффикса *-ин*, возможно, имело место заимствование тюркского слова с суффиксом множественного числа *-lar*.

Лексика, 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 2001.
Петрухин, 2002 — *Петрухин В.Я.* Хазарский каганат и его соседи // История татар с древнейших времен. Т. I. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
Томсен, 1891 — *Томсен В.* Начало русского государства. М., 1891.

Е.И.КЫЧАНОВ
(Санкт-Петербург)

Карлук Боянь Цзундао — юаньский конфуцианец

По сведениям Рашид ад-Дина и «Тайной истории монголов», тюрки-карлуки подчинились Чингис-хану добровольно (или полудобровольно). «В эпоху Чингиз-хана у правителя и государя карлуков имя было Арслан-хан. Когда Чингиз-хан послал в те пределы Кубилай-нойона из племени барулас, Арслан-хан подчинился и явился к Кубилаю. Чингиз-хан дал ему девушку из [своего] рода и повелел, чтобы его называли Арслан-сартактай, т.е. таджик, и соизволил сказать: „Как можно звать его Арслан-хан!“ (т.е. хан-лев. — *Е.К.*) [Рашид ад-Дин, 1952а, с. 151]. «Весною года барана, соответствующего 607 г.х. (1210–1211 гг.) 'Арслан-хан карлуков явился с выражением рабской покорности Чингиз-хану и подчинился ему. В местности [по реке] Кэрулен он преподнес [ему] в знак покорности дары» [Рашид ад-Дин, 1952б, с. 163]. В «Юань ши» под 1211 г. сообщается: «Прибыл и подчинился из Западного края (Си юй) хан карлуков Арслан-хан» [Юань ши, 1935, цз. 6, с. 30].

Карлуки жили юго-восточнее оз. Балхаш при реках Или и Чу и подчинялись Караханидам. Когда в середине XII в. пришедшие с востока кара-китаи создали свое государство Западное Ляо (Си Ляо), правители карлуков приняли титул арслан-ханов. Ко времени возвышения Чингис-хана карлуки зависели от кара-китаев, в их владениях сидел кара-китайский наместник. Когда Хубилай-нойон был послан со своим отрядом подчинить карлуков, Арслан-хан упредил события — он убил кара-китайского наместника и добровольно подчинился монголам. В сопровождении Хубилай-нойона он прибыл в ставку Чингис-хана, был там обласкан и получил в жены монгольскую принцессу.

© Е.И.Кычанов, 2005

Боянь Цзундао родился в семье воина-карлука, состоявшего на монгольской службе, но прославился не как воин, а как конфуцианец юаньского времени. Его жизнеописание попало в «Юань ши».

«Боянь. Первое имя Шишэн, прозвание Цзундао. Карлук. Был внесен в списки армии, в монгольском темничестве. [Семья] из поколения в поколение жила в округе Кайчжоу, уезде Пуян[1]. Трех лет от роду постоянно, как гадатель [по книге „И цзин"], чертил на земле или тройку, или шестерку. Шести лет от местного конфуцианца получил „Сяо цзин" и „Лунь юй"[2] и сразу же стал заучивать наизусть. [Его] отец Цзаосан (Хасан) и старший брат Цюйчу (Кучлук) покупали классические и другие книги, чтобы помочь ему. День и ночь читал не переставая. Когда немного подрос, учился у сунского цзиньши[3] цзяньского[4] Хуан Таня. Тань говорил: „Этот парень своим умом превосходит других людей, еще не родился тот, кто сможет с ним сравниться!.." Позже Тань сказал: „Я больше не могу быть твоим учителем. Все канонические книги сосредоточены в высказываниях учителя Чжу[5]. Обращайся к ним, и сможешь приобрести требуемое!"

Боянь, которому было двадцать лет, поставил перед собой задачу овладеть этим текстом. В великих канонах и великих законах он обнаружил четкость и ясность и обрел их в своем сердце и всякий раз доказывал это в том, что говорил. Ученые его родных мест приходили к нему, когда находились в заблуждении, задавали вопросы, обсуждали проблемы и всегда получали разъяснения своим сомнениям.

Как раз в это время возросло число тех, кто слушал ученых Центральной равнины[6] и становился их учениками. В четвертом году девиза царствования Чжи-чжэн (1344 г.) начали разыскивать ученых-отшельников, и Боянь прибыл в столицу, где поступил на службу в Академию (Ханьлинь). Принял участие в составлении „Истории династии Цзинь" („Цзинь ши"). Когда работа была закончена, уволился и возвратился на родину».

Боянь был популярным учителем, и «в ученых, которые были его учениками, не расспрашивая их, можно было узнать [его] учеников».

В 1358 г. на территории провинции Хэнань начались восстания против монгольского господства. «Боянь обратился к провинциаль-

[1] Округ в современной провинции Хэнань.

[2] «И цзин», «Сяо цзин» и «Лунь юй» — китайские классические книги.

[3] Наименование ученой степени.

[4] Наименование местности на юго-востоке Китая.

[5] Чжу Си (1130–1200).

[6] То есть Китая.

ным чиновникам с [предложением] организовать в их родных волостях из местного населения [вооруженные отряды] — пятки и десятки и самим защищаться [от восставших]. Но мятежные войска стали многочисленны, и тогда Боянь переправился через реку Чжан (шуй) и ушел на север. Вместе с ним ушли несколько десятков тысяч семей. В Цы они столкнулись с мятежниками. Мятежники знали, что Боянь известный ученый, живым взяли его в плен и доставили к генералу мятежников.

[Тот] соблазнял [его перейти на службу к мятежникам], обещал богатство и знатность. Боянь ругался и не покорялся, надеялся, что будет удостоен меча и его убьют вместе с женой и детьми. Погиб в возрасте 64 лет. Мятежники вспороли у него живот и осмотрели его сердце. Несколько конфуцианцев сказали: «Древние говорили, что у священномудрого человека сердце имеет семь отверстий. Разве это не мудрый ученый?» После этого его сердце снова положили в его живот. [Труп] накрыли погребальным покрывалом. Некое управление доложило об этом деле императору. [Бояню] посмертно был пожалован чин фэн-и-дафу» [Юань ши, 1935, цз. 190, с. 1326].

Не столь давно в Китае был обнаружен текст, происходящий от клана Танъу-Ян, из тех мест в провинции Хэнань, где прошли годы жизни Бояня.

В этом сборнике текстов также есть жизнеописание Бояня Цзундао, составленное в 1521 г. Приведем отрывки из этого текста: «Достойный господин по имени Боянь, второе имя Цзундао, был человеком из северных земель. Его племенем были карлуки. В год сы-мо правления императора Сянь-цзуна (1235 г.) его предок вместе с великой армией участвовал в походах на Сун, спал в доспехах и не выпускал из рук оружия более десяти лет. Когда была умиротворена Сун и в Поднебесной начали прекращать военные действия и перестали привлекать людей на военную службу, то их [карлуков] расселили и внесли в списки Шаньдун-Хэбэйской монгольской армии, выделили им пастбища и занесли их в подворные списки местного населения. Семья жила в деревне Юйчэнцунь, в южной части уезда Пуян. Когда люди севера вначале появились, то они занимались охотой, но потом постепенно стали пахать землю и, как китайцы, заниматься земледелием. Отец господина рано умер, его сыновья надели китайские одежды из парчи и шелка и находили радость в том, чтобы мчаться на конях, спуская собак и запуская охотничьих соколов. Только господин был сдержан и почтителен, держался в тени, вел себя как скромный ученый-конфуцианец, постоянно держал в руках книги и посещал волостную школу.

Мать его тоже была умна и поощряла его к учению. Там жил конфуцианец Хуан Люйдао, человек из Цзянхуай. Вокруг него собрались несколько десятков учеников. И господин отправился учиться у него»[Юань дай Си Ся, 2001, с. 226].

Итак, Боянь был карлуком, «из северных земель». Его предок с 1235 г. служил в монгольской армии и принимал непосредственное участие в завоевании монголами Южной Сун. Отца Бояня звали Цзаосан (Хасан? Гасан?), а старшего брата Цюйчу (Кучлук). После окончательного покорения Китая карлуки, как и другие представители этнического сословия юаньского Китая *сэму*, получили земли в Центральном Китае и были приписаны к одной из монгольских армий. Как считают китайские авторы, карлуков, которые переселились в Китай, было много, и в 1287 г. из них было сформировано специальное карлукское темничество в Сянъяне (пров. Хубэй). Карлуки жили здесь на правах военнопоселенцев.

К сословию сэму были отнесены «народы северо-запада, Западного края и далее вплоть до Европы, те, которые переселились в Китай» [Шу шань цзи, 2001, с. 66]. Перечень народов, отнесенных к сословию сэму, включал тангутов (вообще людей из Си Ся), найманов, онгутов, мусульман без разбора этнической принадлежности, уйгуров, канглы, кипчаков, асу (осетинов), карлуков, тибетцев. Это второе после монголов сословие было наиболее полноправным из числа покоренных монголами народов. Третьим сословием были китайцы (*ханьжэнь*), бывшее население Северного Китая при правлении чжурчжэньской династии Цзинь, уничтоженной монголами в 1234 г. Помимо этнических китайцев в число *ханьжэнь* были включены чжурчжэни, кидани, бохайцы и другие народы Северного и Северо-Восточного Китая. Самым неполноправным было сословие южан (*наньжэнь*), в которое вошли китайцы Южной Сун и все некитайские народы этого региона, включая народы, населяющие Вьетнам. Сэму вместе с китайцами севера влились в ряды той монгольской армии, которая во второй половине 30–40-х годов XIII в. ринулась на завоевание кипчаков, Волжско-Камской Булгарии, государств Руси и Восточной Европы. Вместе с северными китайцами и киданями сэму образовали костяк административного аппарата по управлению Северным, а затем и всем Китаем, активно участвовали в формировании монгольской и, позже, юаньской системы управления.

Монголы поначалу действительно не знали, что делать с завоеванными северокитайскими территориями и тамошним населением. Высказывалось мнение: города разрушить, лишнее население истребить и превратить Северный Китай в пастбищные угодья. И хотя по традиции

считается, что кидань Елюй Чуцай уговорил Чингисхана, а затем и Угэдэя не делать этого, доказав, что обложение населения поземельным налогом и привлечение его на работы по трудовой повинности более выгодны для молодого монгольского государства, из «Шу шань цзи» мы видим, что земли под пастбища и охотничьи угодья в Северном Китае раздавались, их получили и карлуки, и тангуты. Братья Боянь Цзундао находили радость в охоте. Постепенно новые поселенцы перешли к земледелию.

Первоначально сэму старались заключать браки в пределах своего сословия. Сведения о Боянь Цзундао попали в «Шу шань цзи» прежде всего потому, что карлукский клан Боянь был брачным партнером клана Танъу-Ян. Сам Боянь Цзундао женился в тридцать лет, его жена была кереитка.

Однако расселенные в море китайского населения сэму все-таки достаточно быстро стали ассимилироваться китайцами. Хроника «Шу шань цзи» как раз сохранила сведения о влиянии китайской идеологии и культуры на пришельцев. Представители юаньской элиты, т.е. местные помещики-землевладельцы, стали увлекаться конфуцианством и вступать в браки с китаянками. Клан Танъу-Ян выдвинул из своей среды местных знатоков конфуцианства, построил храм предков на китайский манер, библиотеку, открыл школу.

Боянь Цзундао тоже вошел в историю как ученый-конфуцианец. С шести лет он стал изучать «Сяо цзин» и «Лунь юй» и заучил эти тексты наизусть. Его отец, которого, возможно, звали Хасан, и старший брат Кучлук покупали для него книги. Он учился у дипломированного, имевшего высокую ученую степень цзиньши сунского конфуцианца Хуан Таня. Популярность Бояня как конфуцианского ученого была высока, и в 1344 г. его пригласили в столицу — Пекин, в Академию Ханьлинь, в отдел, который ведал составлением исторических сочинений. Здесь Боянь Цзундао принял участие в написании истории чжурчжэньской династии Цзинь («Цзинь ши»). Возможно, он приехал в столицу раньше или пробыл в ней недолго, так как составление «Цзинь ши» было завершено в 1344 г. Столица, очевидно, не пришлась ему по душе, поскольку после завершения работы он, сославшись на болезнь, вернулся на родину. В последующие годы он еще больше прославился как ученый-конфуцианец, написав ряд сочинений, которые, к сожалению, не дошли до наших дней.

В конце 50-х годов XIV в. в юаньском Китае начались восстания, направленные против монгольского господства. Восстания в Хэнани, по сведениям «Юань ши», начались в 1358 г. Боянь Цзундао, как

представитель сэму, некитайской элиты Юань, пытался на месте организовать сопротивление повстанцам. Уйдя со своими родственниками и сторонниками из родных мест от армии Красных повязок (так именовали себя восставшие), он на территории современного города Аньян построил укрепленный лагерь. Однако в ходе боев этот лагерь был взят повстанцами. Был отдан приказ командира повстанцев Лю Фуэра взять Боянь Цзундао живым. Приказ был выполнен. Боянь Цзундао предложили перейти на сторону восставших, но он решительно отказался, сохраняя верность династии Юань. После чего был убит вместе с 30 членами его семьи. По данным «Юань ши», ему в это время было 64 года, по данным «Шушань цзи» — 67. В 1368 г. власть монгольской династии Юань пала.

После гибели Юань и воцарения китайской династии Мин (1368–1644) процессы ассимиляции людей сословия сэму резко усилились, и те, кто не ушел с монголами на север, в Монголию, были китаизированы.

Карлук Боянь Цзундао вошел в историю Китая не только в качестве одного из составителей истории династии Цзинь, но и как иноплеменник, не просто воспринявший традиционную китайскую идеологию, а ставший одним из видных ученых-конфуцианцев второй половины правления в Китае династии Юань. Мы видим, что восприятие конфуцианского учения отнюдь не стало означать отказ от своей этнической принадлежности, осознания себя некитайцем. Но тем не менее пример карлукского клана Боянь, тангутского клана Танъу-Ян — документальные свидетельства того, что активное принятие традиционной китайской идеологии явилось важным шагом на пути утраты своей этнической принадлежности и последующей ассимиляции. Монголы, которые остались в Китае, представители сословия сэму, а также чжурчжэни, кидани, бохайцы, остатки воинских формирований из кипчаков, асу, русских — все достаточно быстро растворились в среде местного китайского населения. Судьба карлукского клана Боянь — лишь капля в том огромном ассимиляционном котле, который активно работает с I тысячелетия до н.э. Не только естественный прирост китайского населения, но и непрерывные ассимиляционные процессы, продолжающиеся и по сей день, дали миру один миллиард триста с лишним миллионов китайцев.

Козин, 1941 — *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Юань чао би ши. Монгольская хроника 1240 г. Т. 1. М.; Л., 1941.

Рашид ад-Дин, 1952а — *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.; Л., 1952.

Рашид ад-Дин, 1952б — *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. Т. 1 Кн. 2. М.; Л., 1952.

Шу шань цзи, 2001 — Шу шань цзи яньцзю луньцзи (Сборник статей по изучению «Шу шань цзи»). Ланьчжоу, 2001.

Юань дай Си Ся, 2001 — Юань дай Си Ся и минь вэньсянь «Шу шань цзи» («Сборник рассказов о добрых делах» и материалы о потомках Си Ся при династии Юань). Ланьчжоу, 2001.

Юань ши, 1935 — *Юань ши* (История династии Юань). Шанхай: Сы бу бэйяо, 1935.

Б.Б.ОВЧИННИКОВА
(Екатеринбург)

Поминальный обряд древних тюрков Саяно-Алтая

Поминальный обряд существовал и существует у каждого народа. Сейчас становится все более очевидным, что структура общества не исчерпывается только социально-экономическими институтами; необходимо обращать внимание и на мировоззренческую основу ритуалов, поверий и др. Общество включало в круг жизненно важных проблем взаимоотношения не только с реальным, но и с мысленным окружением, стремилось к гармоничности, упорядоченности этих отношений, их надежности и предсказуемости, а будучи стесненным в возможности практического воздействия на окружающий мир, общество восполняло его «недостачу» в сфере знаковой деятельности [Традиционное, 1990, с. 4]. Это проявлялось и в мифотворчестве, и в разнообразных обрядах и ритуалах, и соответственно в идее посредничества между миром людей и миром духов.

Память об умерших передавалась из поколения в поколение. Потомки стремились к близости с предками, к поддержанию отношений, в которых, как считалось, были заинтересованы и умершие и живые [Традиционное, 1990, с. 31]. Умершие мыслились как полномочные представители в ином мире, населенном божествами и духами. Следовательно, уход в иной мир не означал разрыва родственных отношений. У каждой стороны сохранялись обязанности по отношению друг к другу. В воображении средневекового человека на основе космогонических представлений рождалась цепь образов и ассоциаций, заключающих путь от погребения к воскрешению и приобщению к Космосу (этим объясняются наличие охры в погребально-поминальных ритуалах; ориентация сооружений, имитация жилища в могильных сооружениях; присутствие в этих ритуалах огня) [Шилов, 1990, с. 78].

© Б.Б.Овчинникова, 2005

Сами же обряды проводились, как правило, на определенных местах — святилищах, которые служили еще и одним из инструментов общественных связей и способов снятия противоречий между бытием и небытием. Роль их была многосторонней: они были к тому же и центрами культов, и центрами сходов — олицетворяли жизнеспособность общины. Вполне объяснимо, что посреднические функции, возложенные на поминаемого, оказывались связанными с так называемыми «стартовыми площадками» [Шилов, 1990, с. 100]. Функции таких площадок могли выполнять различного вида поминальные сооружения, в том числе и древнетюркские оградки.

На основании изложенного выше можно сказать, что обряд поминания — это комплекс сложных космогонических представлений архаичного общества, основанных на идее всеобщего возрождения в ином мире. При этом четко просматриваются две его важнейшие функции:

1. *Связь с культом предка.* Умерший уже переходил в иной мир и получал новый, более ценный статус — статус предка. Смысл поминок сводился к помощи и заботе живых о переселении умершего в мир мертвых. Такие обряды периодически повторялись с завершением проводов спустя год и отражали представления о существовании души умершего после смерти (примером могут служить древнетюркские оградки с пристройками в Туве — аймырлыгский тип).

2. *Связь с институтом посредничества.* Если предок мыслился как полномочный представитель общины в ином мире со своим новым кругом обязанностей, связывая воедино два мира — мир людей и мир духов, то он являлся передатчиком информации из одного мира в другой.

Таким образом, становится очевидным, что поминальный обряд является сложным ритуальным действием, при посредстве которого происходит общение с другим миром.

В Южной Сибири иррациональные представления, связанные с поминальным культом и воплотившиеся в различных видах ритуальных сооружений, получили наиболее широкое распространение с начала нашей эры. Особую популярность они имели у древних тюрков, когда погребально-поминальные церемонии приурочивались ко времени поздней осени или весны — «когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть и опадать» или «когда цветы начнут развертываться» [Бичурин, 1950, с. 230]. Именно у тюрков-тугю классической формой поминального сооружения становятся четырехугольные каменные оградки. Сегодня бесспорным является их поминальный характер.

Известно, что поминальный обряд у тюрков-тугю был тем ритуальным действием, которое обеспечивало общение с неземным миром, а также проводы в дорогу и обеспечение всем необходимым предка, при посредстве которого и осуществлялось это общение. Данный ритуал предусматривал наличие конкретного места, где он должен был проводиться и где воздвигалось какое-либо сооружение, в пределах которого протекал бы обряд поминовения. Таким объектом, выполняющим мемориальные и сакральные функции, у древних тюрков Саяно-Алтая и была каменная оградка — своеобразное пристанище духа умершего на земле перед его отправлением в верхний мир.

Квадратная форма оградки, плиты, поставленные на ребро, и вообще само ограждение, несомненно, играли важную роль в поминальном ритуале. Число плит, составляющих оградку, варьирует, но можно отметить, что в большинстве случаев присутствует равное число плит с трех сторон ограждения и на одну меньше с четвертой — обычно восточной или западной стенки. В древности у восточной стенки почти возле каждой оградки находилось изваяние или антропоморфная стела, от которой отходили ряды камней-балбалов.

Сооружение оградки начиналось с установки стенок в виде удлиненных плит, торцовая часть которых помещалась в специально вырытые канавки, и закрепления их клиньями методом забутовки. Заполнение внутреннего пространства оградки происходило по способу забутовки или вымостки. Эта операция являлась частью ритуала при сооружении оградки. Иногда брошенный в оградку камень или привязанная к дереву лента могли считаться жертвоприношениями [Кубарев, 1978, с. 97], что подтверждается раскопками многослойных заполнений оградок, разным уровнем залегания находок, многослойностью рисунков на стеле из Нижней Сору [Васютин, 1983 с. 91]. Все это указывает на то, что объекты в ряде случаев могли использоваться неоднократно. Такая особенность ритуала, столь характерная для тюркских народов, фиксируется и по этнографическим данным.

По реконструкции исследователей, в центре оградки ставилось либо лиственничное дерево, либо столб, либо каменный «знак». В качестве жертвы служили лошадь или овца, предназначавшиеся для угощения души умершего, шамана и родственников. С северной стороны оградки родственники разводили костер. Из него горящие угли переносились в оградку. Посредством костра родственники кормили душу умершего, которая в этот момент, по поверьям тюрков, находилась на лиственнице и питалась через дым. По окончании поминального ритуала голова и шкура жертвенного животного вывешивались на дереве или на

специально установленных жердях. Костер и внутреннее пространство оградки закладывались плитами и камнями [Кубарев, 1979]. Через некоторое время устраивались еще вторые поминки, для чего снаружи пристраивался каменный или деревянный ящик, в который клали жертвенную пищу. Именно таким образом появились ящики в Кудыргинских оградках и пристройки к оградкам аймырлыгского типа.

Так происходил поминальный ритуал. Однако интерес представляет и то, с какими космогоническими представлениями древних тюрков были связаны другие составляющие поминального обряда, в частности изваяния, которые сопровождали в древности почти каждую оградку. Полемика о назначении изваяний продолжается и по сей день. А.Д.Грач считал, что изваяние — это изображение главного врага, установленное для того, чтобы он мог прислуживать умершему в ином мире [Грач, 1961, с. 79–81]. Л.Р.Кызласов весьма убедительно аргументировал положение о том, что изваяния и антропоморфные стелы изображали самого умершего [Кызласов, 1969, с. 23–33]. Большинство исследователей, разделяя эту точку зрения, считают, что реалистичность изображения, стремление мастера выразить индивидуальные особенности, детали одежды и вооружения говорят о том, что это изображение тюркского воина, в честь которого и была сооружена оградка [Шер, 1966, с. 50–55].

Аналогом изваяния могли служить всевозможные стелы, оленные камни, валуны с изображениями, установленные с восточной стороны. Если вспомнить поминальные обычаи хакасов, тувинцев, казахов, то можно предположить, что смысл установки изваяния сводится к тому, что, по представлениям древних кочевников, в него на время поминок вселяется душа умершего и принимает участие в тризне и разговоре с сородичами — для этой цели в руках изваяния высекалось изображение чаши. В том случае, если устанавливалась стела, то у ее подножия с той же целью иногда ставился сосуд [Кубарев, 1984, с. 158]. Возможно, каменные стояки или стелы, установленные вместо изваяния на время поминального пира, облачали в одежду умершего. Эти изваяния и их аналоги, как отметил Л.Р.Кызласов [Кызласов, 1969, с. 29], подобны поминальным куклам казахов Средней орды или Тарбагатая, а также деревянным столбикам или каменным плитам на поминках у чувашей (см. [Левшин, 1832, с. 110; Катанов, 1894, с. 130; Руденко, 1910, с. 84]) — вероятно, с этим можно связать находки фрагментов ткани при раскопках.

Немало споров возникало и вокруг назначения рядов балбалов, отходящих на восток от изваяния, установленного возле оградки. Счи-

тается, что балбалы встречаются на Алтае со скифских времен, хотя тогда они ставились при курганах. И лишь в период владычества древних тюрков они становятся неотъемлемой частью поминальных оградок. С.И.Руденко писал, что число балбалов, поставленных при могилах ранних кочевников, связано с числом лиц, принимавших участие в похоронах и поминках. Однако раскопки В.Д.Кубарева [Кубарев, 1984, с. 68] показали, что возле курганов могильников Уландрык и Барбургазы — в равной степени как у погребений детей и женщин, так и у могил воинов — с восточной стороны стояли ряды балбалов (что едва ли согласуется с высказыванием С.И.Руденко).

В результате исследования оградок В.Д.Кубарев заключил, что балбалы — это коновязные столбы. Свое предположение он основывает на обычае алтайцев, казахов и якутов при похоронах рядом с могилами вкапывать коновязи, которые предназначались для лошадей родственников и гостей, принимавших участие в поминальной церемонии. Одновременно, считает он, балбал был и своеобразным знаком присутствия определенного человека на поминках по умершему. Этим объясняется присутствие тамги на балбалах возле орхонских храмов [Кубарев, 1979, с. 96]. Однако вряд ли с этим положением можно согласиться, и, вероятно, не стоит уходить от традиционно сложившейся точки зрения, основанной на китайских источниках: «...если он убил одного человека, то ставят один камень, у иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи» [Бичурин, 1950, с. 230].

По мнению А.Н.Бернштама, обычай установки балбалов — это попытка приумножить славу покойного душами побежденных и отправить их вместе с ним в иной мир подчиненными [Бернштам, 1946, с. 73]. Очевидно, что балбалы ассоциируются не с коновязями, а с вкопанными у поминального сооружения каменными стояками как обозначением убитых похороненным. Об этом свидетельствует и перевод Л.Н.Гумилева надписи на Онгинском памятнике [Гумилев, 1967, с. 271].

Кроме каменных «столбов» весьма распространенным является присутствие в поминальной оградке дерева, деревянного столба, лиственницы. Особенно хорошо это видно по оградкам на Южном Алтае, исследованным В.Д.Кубаревым. Если устанавливалось дерево, то некоторое время оно стояло целым, будучи укрепленным в специальной ямке; иногда вместо дерева в центре оградки устанавливался деревянный столб. Семантика этого объекта расшифровывается наиболее определенно. Почитание деревьев было связано не только с культом производящих сил природы, но и с местными культами, и с космого-

ническими представлениями о древе жизни, мировом дереве [Кызласов, Король, 1990, с. 161].

Образ дерева как благодетеля людей и родовой святыни известен и в южносибирском героическом эпосе [Маадай-Кара, 1973, с. 46, 47]. Дерево являлось аналогом, воплощением идеи мирового дерева, организующего все три сферы мира — верхний мир, мир людей и мир нижний. Дерево — структурообразующее начало в тюркской картине мира, оно связывает все сферы бытия по вертикали и одновременно находится в центре пересечения горизонтальных структур (линий стран света). У многих народов дерево символизирует космическую ось и считается объектом, дающим жизнь и охраняющим род [Традиционное, 1990, с. 43–63]. По религиозным верованиям шорцев, дерево (береза) является лестницей, по которой человек может подняться к Ульгеню — божеству Неба [Хлопина, 1976, с. 95]. Учитывая тот факт, что лиственница и береза — особо почитаемые деревья — мыслились в ритуалах аналогом мировой оси (связывающей мир людей с миром духов и миром небожителей), можно предположить, что дерево направляло жертву духу умершего и являлось как бы дорогой, по которой дух умершего попадал в другой мир.

Постоянный акцент в поминальном обряде тюрков делается на восток. Восток, весна, утро соотносятся с началом пространства и времени, с местом рождения солнца и становятся поэтому в ритуалах точкой отсчета при создании мира. Восток, точнее, целый сектор, расположенный между востоком и юго-востоком (сторона, где восходит солнце), у всех народов Южной Сибири наделялся положительными качествами: он был связан с идеей рождения, воскресения. Западная сторона небосклона устойчиво связывалась с мотивами ухода из жизни, со страной предков. В то же время запад и восток строго не противопоставлялись друг другу; их амбивалентность основана на понимании природных процессов, и прежде всего ситуации возникновения–исчезновения дневного светила [Традиционное, 1990, с. 33]. Поэтому оградки ориентировались главной стороной на восток или юго-восток и изваяния устанавливались всегда у восточной стороны оградки, снаружи, отражая идею постоянного возобновления жизни и продолжения существования души после смерти.

Неслучайно запад и восток в мировоззрении тюрков соотносятся с осенью и весной. Большая часть ритуалов, жертвоприношений происходила в это время и была закономерно связана с актуализацией мифа о первотворении. Весна и осень считались наиболее подходящим временем для ритуальных действий, обращенных к пробуждающемуся или,

наоборот, засыпающему миру. Указанные времена года считались «открытыми»: в это время, по представлениям древних тюрков, облегчался переход из одного мира в другой; поэтому погребально-поминальные церемонии приурочивались именно к весне или осени, что известно нам и по китайским источникам [Бичурин, 1950, с. 230].

Еще одной характерной чертой поминального ритуала тюрков является обязательное жертвоприношение лошади или овцы, предназначенное для угощения души умершего, шамана и родственников. Смысл жертвоприношения (и место лошади в нем) можно понять, если рассматривать его в контексте культа Неба, существовавшего в тюрко-монгольском мире с древнейших времен. Отношения людей с Небом носили двусторонний характер. С одной стороны, по их представлениям, Небо полностью властвует над ними, от него зависит судьба людей, поэтому люди испрашивают у него благополучия; с другой — Небо помогает, ведет по жизненному пути, поддерживает в трудных жизненных ситуациях [Яблоков, 1972, с. 74]. В этом плане жертвоприношение является связующим звеном между социальным коллективом и божеством. Жертвоприношение есть не что иное, как перенесенный из сферы материальной жизни в духовную обмен, который представляет собой сферу общественных связей [Нестеров, 1990, с. 89]. Жертвоприношение рассматривалось как возмещение божеству за ожидаемые от него блага, в данном случае — за благополучный переход в мир предков [Глухов, 1988, с. 59].

Заметим, что у тюркоязычных народов Центральной Азии не было тотемистических представлений о лошади, зато были достаточно развиты представления о связи коня с солярным культом [Беленицкий, 1978, с. 31–39]. На оленном камне из аймака Дзавхан нанесены два изображения «сегнерова колеса», составленного из четырех голов лошадей [Волков, 1967, с. 136]. «Сегнерово колесо» считается символом Солнца (так оно описано в Ригведе и Авесте), а кони и птицы — его инкарнации [Кузьмина, 1976, с. 60, 61]. А.Д.Грач с солнечным божеством связывал изображение двух фигур лошадей на камнях крепиды центрального сооружения солнечного «храма» древних кочевников Улуг-Хорума [Грач, 1980, с. 62, 63]. Все это свидетельствует о проникновении в Центральную Азию индоевропейских религиозных солярных представлений и укреплении их в среде местных племен.

С солярными символами неразрывно связан и культ огня, известный у саяно-алтайских племен. Огню приписывали чудодейственную силу очищения и возрождения, что обусловило обязательное присутствие огня в ритуалах. О связи культа огня с солярным культом говорит

шорская легенда о небесном происхождении огня от Ульгеня — духа-хозяина Неба [Хлопина, 1976, с. 73]. Культ огня и культ коня соприкасались и переплетались в поминальном ритуале тюрков-тугю.

Нужно признать, что любая реконструкция ритуально-обрядовых аспектов культуры в известном смысле условна. Данные построения — это еще одна попытка дать объяснение такому интересному обряду, как сооружение поминальных оградок тюрками-тугю. В результате исследования поминального культа древних тюрков подтверждается отмеченное выше предположение, что поминальный обряд выполняет важнейшую функцию — связь с культом предка и с институтом посредничества, причем посредником между миром людей и верхним миром являлся сам предок.

Замечу, что, исходя из археологических данных, полученных на территории Саяно-Алтая, становится очевидным также и процесс эволюции такого поминального сооружения, как оградки. Появившись в доандроновское время как основной тип надгробных сооружений, ограда продолжала существовать и в последующие периоды у многих племен в разных модификациях и исполняла различные роли — либо одной из составляющих погребального обряда, либо поминального сооружения. Можно сказать, что на определенном этапе происходит отделение оградки от погребения. Если у афанасьевцев, андроновцев, в карасукской и тагарской культурах оградки сооружались непосредственно вокруг могилы, то в скифское время оградка приобретает самостоятельное значение: теперь она сооружается не только в связи с погребениями умерших, но и для иных целей, а именно для проведения обряда поминания. Особенно это заметно на шурмакском этапе, когда поминальные сооружения возводятся непосредственно около погребений, но имеют самостоятельное значение. У тюрков-тугю оградка приобретает законченные черты поминального объекта с четко разработанным каноном, по которому строятся сооружения подобного типа на протяжении нескольких веков.

Следовательно, можно сказать, что в позднескифское и гунно-шурмакское время окончательно оформляется обычай сооружения поминальных оградок, связанный прежде всего с поминальными курганами [Вайнштейн, 1966, с. 331], а в древнетюркское время (VI–VIII вв.) оградки становятся классической формой поминального сооружения. Известно также, что с падением тюркской державы обычай сооружать оградки не исчез — он частично сохраняется у енисейских кыргызов (древних хакасов), причем здесь их поминальное предназначение снова сливается с погребальным (могильник Аймырлыг II в Туве).

Преемственность этой детали погребально-поминального обряда на протяжении тысячелетия у различных племен Южной Сибири и Центральной Азии ни в коем случае не может свидетельствовать о генетическом родстве перечисленных культур. Здесь, видимо, проявляется другая закономерность.

Данный вид памятника отражает одну идею — необходимость совершения определенного цикла поминальных обрядов и жертвоприношений в период между смертью и захоронением [Савинов, 1981, с. 245], а также по возможности сохранения облика умершего (для чего и необходимы изваяния, стелы). Идея эта имеет южное происхождение и в прошлом была широко распространена у народов Центральной и Восточной Азии. Она восходит к мировоззрению племен скифского времени, когда сооружались оленные камни и закладывались основы культурного и социального единства скотоводческих обществ. Важным индикатором в этом отношении служит обычай устанавливать у погребально-поминальных сооружений балбалы. Такая преемственность специфической детали обряда свидетельствует о традиционных представлениях, существовавших у населения Саяно-Алтая длительное время и объясняется не генетическим родством культур, а в первую очередь сходством социально-экономических отношений на разных этапах развития скотоводческого общества.

Таким образом, оградки и антропоморфные стелы (оленные камни, таштыкские стелы, тюркские изваяния, половецкие каменные бабы) скорее всего являются не этническим признаком, а социальным и характерны для большинства кочевых народов данного региона, что объясняется, очевидно, особенностями, присущими кочевому хозяйству и связанному с ним мировоззрению.

Окончательное оформление ритуалов, ассоциировавшихся с сохранением облика умершего на период поминальной церемонии, происходит только в тюркский период. Устанавливается ориентация поминальных сооружений: теперь ведущей становится ориентация преимущественно на восток. Оградки вытягиваются цепочками в направлении юг–север, отражая господствующее положение востока в идеологии тюрков. Унифицируется сама форма оградки: исчезают прямоугольные и округлые оградки; сооружение становится четырехугольным, подквадратным в плане; унифицируется также размер оградки. Исчезают крупные по размерам оградки и подчеркнуто маленькие «ящики», находящиеся внутри оградки. Устанавливаются стандартные размеры: большая оградка — 4×4 м и малая — 2×2 и 1×1 м с незначительными отклонениями. В расположение рядов балбалов тоже вно-

сится определенный порядок — теперь они располагаются только с восточной стороны оградки; вырабатываются определенные нормы при изображении представителей различных слоев населения древнетюркского общества.

Некоторые исследователи пытались сопоставить тюркские оградки с поминальными сооружениями для рядовых воинов. С этой точкой зрения не согласуются полученные сравнительно новые данные археологического изучения тюркских оградок аютинского типа, достаточно больших по размерам, окруженных рвом и валом и сопровождаемых изваяниями. В.Д.Кубарев и ряд других исследователей считают их памятниками тюркской знати. Видимо, высказанное предположение о том, что оградки — это памятники рядовых воинов, не совсем правомерно, как и предложение связывать их с орхонскими храмами [Васютин, 1983].

Оградки можно рассматривать как своеобразные архитектурные сооружения, подчиняющиеся законам композиции и золотого сечения, но это еще не дает основания считать их упрощенным символом храма. Кроме того, на территории Саяно-Алтая, как уже отмечалось, существовала более чем тысячелетняя традиция возведения оградок для погребально-поминальных церемоний и появились поминальные оградки намного раньше, чем орхонские храмы. Хотя генетической преемственности здесь не было, но общие законы развития кочевого общества обусловили идентичность форм этих ритуальных сооружений. И поминальные оградки тюрков-тугю, и орхонские храмы являются равноправными поминальными сооружениями, независимыми друг от друга. Орхонские храмы должны были подчеркнуть высокое положение знати, показать могущество Тюркского каганата и, следовательно, виднейших тюркских фамилий. Поэтому они отражали комплекс социальных отношений, связанных с войной и особенно с формированием военной знати [Грач, 1958, с. 153]. В орхонских храмах культ предка-воина, возведенный в ранг государственной религии, тесно переплетался с культом вождей.

Хотелось бы отметить еще один факт, характерный, на наш взгляд, для погребально-поминального обряда тюрков-тугю, — количественное соотношение поминальных оградок с погребениями человека с конем. В результате раскопок могильников Аймырлыг и Даг-Аразы в Туве [Овчинникова, 1974; Овчинникова, 1979] на могильном поле выявлены смежные трехкамерные оградки с пристройками. Аналогичная картина известна и на Алтае на памятнике Кудыргэ [Гаврилова, 1965, табл. II], но там число оградок на площадке подсчитывалось не в комплексе, а каждая отдельно. В данном случае следует обратить внимание

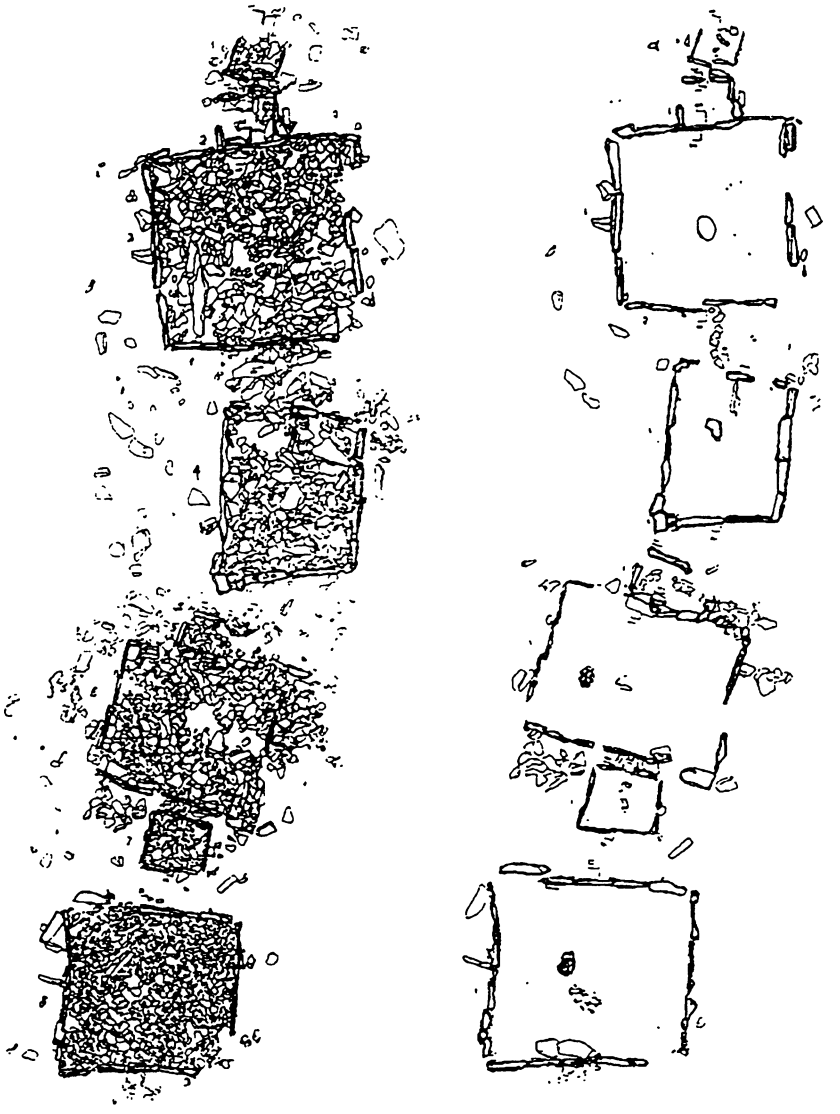


Рис. 1
Поминальные сооружения
на могильнике Аймырлыг

именно на комплекс, под которым подразумевается основная ограда с пристройками, имеющими одну общую вертикально установленную стенку, — именно этот тип мы выделяем как «аймырлыгский» (см. рис. 1). Вероятно, пристройки выкладывались в процессе поминок, совершаемых повторно, через некоторое время. На наш взгляд, количественно такой комплекс составляет одну, а не две или три ограды, как это отмечалось в работе А.А.Гавриловой [Гаврилова, 1965, табл. III, рис. А–Г].

Соотношение оградок с погребениями человека с конем зафиксировано при исследовании и других памятников. К их числу относятся погребально-поминальные комплексы памятников в Туве — Ак-Туруг [Вайнштейн, 1958, с. 220], Монгун-Тайга [Грач, 1960, с. 11], Кокэль [Вайнштейн, 1966, с. 293], Даттыг-Чарыг-Аксы [Трифонов, 1975, с. 236], Улуг-Бюк II и Мугур-Саргол [Длужневская, 1975, с. 201; Длужневская, 1979, с. 221] и др.; на Алтае — Талдура [Могильников, Куйбышев, 1978, с. 138], Кара-Коба [Могильников, 1981]. Однако этот вопрос требует более тщательной разработки и может быть рассмотрен в перспективе.

Что же касается формы древнетюркских оградок, дополнительных к ней пристроек с внешней стороны и так называемых ящичков на внутренней ее площадке, а также других сооружений, то в любом случае все это играло определенную роль в поминальном ритуале и имело собственное сакральное значение. Считалось, что на время поминального пира в изваяние, устанавливаемое при оградке, вселяется душа умершего и он принимает участие в тризне. Неслучайной кажется и сама квадратная форма оградки, которая также имела несколько функциональных назначений: во-первых, она обозначала место возвращения духа предка для беседы с сородичами во время поминок; во-вторых, квадрат — это символ земли, стабильности и устойчивости. Форма квадрата усиливала защитные функции оградки-барьера, с тем чтобы не допускать дух умершего в средний мир — мир людей.

Предложенная реконструкция поминального обряда древних тюрков, естественно, не исчерпывает всего его многообразия. В заключение можно отметить, что ритуальные памятники тюрков-тугю полифункциональны по своей сути, и в зависимости от того, какую функцию они выполняли, менялась, видимо, и сама обрядность. В этом скорее всего и скрывается причина большого разнообразия ритуальных действий, проводимых возле погребальных памятников и поминальных оградок, зафиксированных археологами.

Беленицкий, 1978 — *Беленицкий А.М.* Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье // Кр. сообщ. Института археологии. М., 1978, вып. 154.

Бернштам, 1946 — *Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII вв. М.; Л., 1946.

Бичурин, 1950 — *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950.

Вайнштейн, 1958 — *Вайнштейн С.И.* Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956–1957 гг. // Уч. зап. Тувинского НИИ языка, литературы и истории. Кызыл, 1958, вып. 6.

Вайнштейн, 1966 — *Вайнштейн С.И.* Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Тр. Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. II. М.; Л., 1966.

Васютин, 1983 — *Васютин А.С.* Культовые памятники древних тюрок Горного Алтая. Автореф. канд. дис. Кемерово, 1983.

Волков, 1967 — *Волков В.В.* Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967.

Гаврилова, 1965 — *Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.

Глухов, 1988 — *Глухов А.Н.* Тайэлга. М., 1988.

Грач, 1958 — *Грач А.Д.* Древнетюркская каменная фигура из района Мунгу-Хайрен-Уле // Кр. сообщ. Института экономики. Л., 1958, вып. 30.

Грач, 1960 — *Грач А.Д.* Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве // Тр. Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. I. М.; Л., 1966.

Грач,1961 — *Грач А.Д.* Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961

Грач, 1980 — *Грач А.Д.* Древние кочевники в центре Азии. М.,1980.

Гумилев, 1967 — *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М., 1967.

Длужневская, 1975 — *Длужневская Г.В.* Исследования на плато Улуг-Бюк // Археологические открытия 1974 года. М., 1975.

Длужневская, 1979 — *Длужневская Г.В.* Исследования погребальных памятников в Саянском каньоне Енисея // Археологические открытия 1978 года. М., 1979.

Катанов, 1894 — *Катанов Н.Ф.* О погребальных обрядах у тюркских племен с древнейших времен до наших дней // Известия Общества истории, археологии и этнографии. Т. XII. Казань, 1894, вып. 2.

Кубарев, 1978 — *Кубарев В.Д.* Древнетюркский поминальный комплекс на Дьер-Тебе // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978.

Кубарев, 1979 — *Кубарев В.Д.* Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979.

Кубарев, 1984 — *Кубарев В.Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984.

Кузьмина, 1976 — *Кузьмина Е.Е.* Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из группы индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.

Кызласов, 1969 — *Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века. М., 1969.

Кызласов, Король, 1990 — *Кызласов Л.Р., Король Г.Г.* Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990.

Левшин, 1832 — *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих орд и степей. Ч. III. СПб., 1832.

Маадай-Кара, 1973 — Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. М., 1973.

Могильников В.А., 1981 — *Могильников В.А.* Тюрки. Кимаки. Сросткинская культура. Карлуки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Могильников, Куйбышев, 1978 — *Могильников В.А., Куйбышев А.В.* Работы в среднем Прииртышье // Археологические открытия 1977 года. М., 1978.

Овчинникова, 1974 — *Овчинникова Б.Б.* Отчет о полевых исследованиях археологического отряда Уральского гос. университета им. А.М.Горького на могильнике Аймырлыг в 1973 г. Свердловск, 1974 (Архив Института археологии РАН, ф. Р-1, д. 5111).

Овчинникова, 1978 — *Овчинникова Б.Б.* Отчет о полевых работах археологического отряда Уральского гос. университета им. А.М.Горького на могильнике Аймырлыг и «тропе Чингис-хана» в 1978 г. Свердловск, 1979 (Архив Института археологии РАН, ф. Р-1, д. 7249).

Нестеров, 1990 — *Нестеров С.П.* Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990.

Руденко, 1910 — *Руденко С.И.* Чувашские надгробные памятники // Материалы по этнографии. Т. 1. СПб., 1910.

Руденко, 1960 — *Руденко С.И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М., 1960.

Савинов, 1981 — *Савинов Д.Г.* Антропоморфные изваяния и вопрос о ранних тюрко-кыргызских связях // Тюркологический сборник. 1977. М., 1981.

Традиционное, 1990 — Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск, 1990.

Трифонов, 1975 — *Трифонов Ю.И.* Работы в Туве и Хакасии // Археологические открытия 1974 года. М., 1975.

Хлопина, 1976 — *Хлопина И.Д.* Из мифологии и традиционных религиозных верований шорцев // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1976.

Шер, 1966 — *Шер Я.А.* Каменные изваяния Семиречья. М.; Л., 1966.

Шилов, 1990 — *Шилов Ю.А.* Космические тайны курганов. М., 1990.

Яблоков, 1972 — *Яблоков И.Н.* Методологические проблемы социологии религии. М., 1972.

В.Я.ПЕТРУХИН
(Москва)

Хазарская дань и славяне: к истории тюрко-славянских отношений в Восточной Европе IX в.

Начальный период славяно-тюркских отношений в Восточной Европе освещен источниками довольно скупо. Практически ничего неизвестно об отношениях славян с Великой Болгарией в VI–VII вв., хотя данные археологии свидетельствуют о симбиозе славян и болгар на одних и тех же памятниках так называемой пеньковской культуры ([Приходнюк, 2002]; ср. [Толочко, 2003, с. 23 и сл.]). О дани, получаемой тюрками со славян в последующий — хазарский период, сообщает хазарский «царь» Иосиф в своем ответе на письмо кордовского сановника Хасдая ибн Шапрута.

Эта «еврейско-хазарская переписка» относится к началу 960 г., но повествует о более раннем периоде истории Хазарского каганата; и чтобы понять место славян среди данников хазар, необходимо обратиться к историческому и географическому контексту источника. В так называемой пространной редакции своего послания Иосиф пишет о том, что сам он живет на реке Итиль у моря Гурган — там была столица каганата и зимовище кагана, из которого, соблюдая традиции кочевой знати, он отправлялся на лето по землям своего домена в междуречье Волги и Дона: исследованные археологами крепости Саркел и Семикаракорское располагались на западных границах этого домена (ср. [Плетнева, 1986, с. 49, 50]). Царь перечисляет подвластные ему «многочисленные народы» у реки Итиль, называя их имена: это Бур-т-с, Бул-г-р, С-вар, Арису, Ц-р-мис, В-н-н-тит, С-в-р, С-л-виюн. Далее в описании Иосифа граница его государства примыкает к «Хуваризму» — Хорезму, государству в Приаралье, а на юге огибает С-м-н-д-р и поворачивает к каспийским «Воротам» (Баб ал-Абваб) и горам

© В.Я.Петрухин, 2005

(см. [Коковцов, 1932, с. 98 и сл.]). Затем граница Хазарии идет к «морю Кустандины» — «Константинопольскому», т.е. Черному, где Хазария включает местности Ш-р-кил (Саркел на Дону), С-м-к-р-ц (Таматарха — Тмутаракань), К-р-ц (Керчь) и др. Оттуда граница тянется на север к племени Б-ц-ра, которое кочует до границ области Х-г-риим.

Многие имена народов, которые, по Иосифу, платят дань хазарам, достаточно надежно восстанавливаются и имеют соответствия в других источниках. Первое из них — *буртасы* (Бур-т-с), имя которых иногда сопоставляется с этниконом «морденс» (*мордва*), упомянутым Иорданом. Однако в древнерусском «Слове о погибели Русской земли» (XIII в.) приводится поразительно близкий список народов, подвластных уже Руси, где буртасы упомянуты наряду с мордвой: границы Руси простираются «от моря до болгар, от болгар до буртас, от буртас до чермис, от чермис до моръдви» [Памятники, 1981, с. 130]. В контексте письма Иосифа этот этникон очевидно привязан к Поволжью, где за буртасами следуют болгары (в списке Иосифа — Бул-г-р), а далее С-вар — название, которое увязывается с городом Сувар в Волжской Болгарии. Следующий этникон *арису* сопоставляется с самоназванием этнографической группы мордвы *эрзя* (соответственно в буртасах иногда видят другую группу мордвы — *мокшу*). Имя Ц-р-м-с перекликается с *чермис* древнерусского источника: это черемисы, средневековое название марийцев, финноязычного народа в Среднем Поволжье. Описываемая ситуация, по-видимому, восходит к эпохе расцвета каганата: в 60-е годы X в., когда составлялось письмо царя Иосифа, едва ли была возможна какая бы то ни было зависимость народов Среднего Поволжья — прежде всего принявших ислам болгар — от гибнущего каганата.

То же можно сказать и о следующей группе народов, в которой усматривают славянских данников Хазарии. В этниконе В-н-н-тит обычно видят имя *вятичей/вентичей*, которые, по русской летописи, жили по Оке и платили дань хазарам до их освобождения князем Святославом во время похода на Хазарию в 964–965 гг. Следующий этникон, С-в-р, вероятно, означает *северян*, живущих на Десне: они были освобождены от хазарской дани еще князем Олегом, когда русские князья обосновались в Среднем Поднепровье (о чем пойдет еще речь). Термин С-л-виюн, завершающий эту часть списка данников, относится к общему названию славян: видимо, здесь можно подразумевать всю совокупность славянских данников, включая *радимичей* и *полян*, плативших, согласно русской Начальной летописи — Повести временных лет, дань хазарам до появления *руси* в Среднем Поднепровье в 860-х годах (см. ниже).

Таким образом, в целом список данников относится ко времени не позднее второй половины IX в., а скорее к середине IX в. — времени расцвета Хазарского каганата и строительства белокаменных крепостей, в том числе упомянутого в письме Саркела (около 840 г.).

Список данников завершают Б-ц-р-а — *печенеги* (ср. [Коковцов, 1932, с. 110]), которые обитают у некой реки Ва-г-з и кочуют в степи до границы Х-г-риим, под которыми следует понимать венгров [Коковцов, 1932, с. 83]. Не ясно при этом, какую реку, Дон или Днепр, означает гидроним *Ва-г-з*, но ясно, что в X в. ни печенеги, ни тем более венгры не могли быть данниками хазар, как это вытекает из письма Иосифа[1]. На какую-то власть над ними каганат еще мог претендовать, по данным Константина Багрянородного [Константин Багрянородный, 1991, гл. 38, с. 159–163], опять-таки в середине IX в., и то лишь стравливая их как соперников.

Список хазарских данников в Восточной Европе у Иосифа подчинен определенной системе: он начинается с народов Поволжья, включает вятичей на Оке, северян на Десне, видимо, приднепровских славян и завершается на Дону. Отметим, что тот же маршрут повторил в 960-х годах русский князь Святослав: его войска прошли через территорию вятичей по Оке в Волжскую Болгарию, спустились по Волге к Итилю, столице каганата, затем, видимо, вышли на Северный Кавказ и к Тмутаракани, наконец, повернули на Дон, взяв Саркел [Петрухин, 1995, с. 102–107].

Вторым источником, во многом подтверждающим и уточняющим данные письма Иосифа, является русская Начальная летопись, составленная на рубеже XI–XII вв., — «Повесть временных лет». Там в космографическом введении, опять-таки недатированном, рассказывается о дани, которую потребовали хазары со славянского племени полян по смерти легендарных основателей Киева, братьев Кия, Щека и Хорива

[1] Заметим, кстати, что эти данные, разнящиеся в краткой и пространной версиях письма Иосифа, могут пролить свет и на спорные проблемы взаимоотношения двух версий. В краткой версии нет перечисления конкретных народов «многочисленных и сильных», обитающих на берегу Черного моря, равно как и упоминания народа, живущего у северных границ Хазарии; сказано просто, что «граница поворачивает к северу до большой реки». При этом дается характеристика быта этих народов: «они живут в открытых местностях, не защищенных стенами, и переходят по всей степи, доходя до границы Хин-диим» (вместо Х-г-риим, ср. [Коковцов, 1932, с. 82–83]). Конечно, можно предположить, что речь в краткой версии идет не о народах и городах, перечисленных в пространной, а о кочевниках болгарах и печенегах, но трудно допустить, что Иосиф не упомянул боспорских владений каганата. Однако живущих на Боспоре никак нельзя было отнести к кочевникам, не знающим стен. Скорее, краткая версия представляет собой сокращение пространной и под кочевниками подразумеваются все же печенеги.

[Повесть, 1996, с.11, 12]. Оказавшись без правителей, поляне были «обидимы» жителями правобережья Днепра, в том числе древлянами, с которыми у них, по летописи, была традиционная вражда. Видимо, это облегчило становление даннических отношений с хазарами: собиратели дани должны были гарантировать безопасность данников. По летописной легенде, однако, поляне дали хазарам «от дыма меч», и хазарские старцы усмотрели в этом недобрый знак — ведь хазары «доискались» власти при помощи сабель, т.е. оружия, заточенного с одной стороны, у полян же мечи были обоюдоострыми. Недоброе знамение оправдалось, завершает свой рассказ о дани летописец, и ныне хазарами владеют русские князья.

Этому легендарному рассказу предшествует другой летописный сюжет — о Кие и о значении Киева на Пути из варяг в греки: якобы Кия принимал в Царьграде сам царь. Этот мотив приводится в летописи как антитеза другому преданию о Кие как о «перевознике» через Днепр: само по себе это характерное топонимическое предание, но оно оказывается связанным как раз с историческими реалиями начального Киева. Дело в том, что Киев, точнее, памятники на территории, где возник город, были «форпостом» левобережной волынцевской культуры VIII–IX вв. на правобережье Днепра.

Славянская в основе, волынцевская культура включает элементы салтово-маяцкой (алано-болгарской) культуры Хазарского каганата: на некоторых поселениях отмечены и прямые свидетельства пребывания степняков — следы юртообразных жилищ. Остатки огромных (до 40 кв. м) юртообразных жилищ обнаружены и на крупнейшем городище волынцевской культуры у села Битица на реке Псел: один из первых исследователей этих памятников Д.Т.Березовец считал, что Битица являлась административным центром каганата в глубине славянской территории [Березовец, 1965].

В том же левобережном ареале обнаружены два центральных памятника, связываемых с кочевым миром, — комплексы у Малой Перещепины и Новых Сенжар (в бассейне Ворсклы) (ср. [Флеров, 1996, с. 33–36, 68–69]). Кому бы ни принадлежал знаменитый Перещепинский клад — болгарскому хану Кубрату [Залесская и др., 1997] или хазарскому правителю (сходный комплекс у с. Вознесенка в Запорожье, обнаруженный внутри прямоугольного вала, имеет явные аналогии в заупокойных храмах правителей Тюркского каганата [Амброз, 1982]), остается очевидным традиционное «центральное» значение этого региона для «кочевых империй»: господство над ним давало власть над лесостепью Восточной Европы.

При сопоставлении с данными летописи можно предположить, что волынцевская культура характеризует тот ареал славянских племен — «конфедерацию» полян, северян и, возможно, части радимичей, с которых брали дань хазары (ср. [Щеглова, 1987]). Характерен анклав волынцевских памятников вокруг Киева в Правобережье (ср. [Петрашенко, 1990]): в самом Киеве обнаружены остатки могильника с трупосожжениями, которому приписываются «салтовские» черты [Каргер, 1958, с. 137]. Однако столь же показательны и находки более поздних левобережных северянских — роменских древностей в Киеве [Комар, 2004].

Этот период в свете письма киевской еврейско-хазарской общины X в., обнаруженного среди рукописей каирской генизы и изданного Н.Голбом и О.Прицаком в 1982 г. (см. русское издание [Голб, Прицак, 2003]), породил (и возродил) очередной всплеск интереса к происхождению Киева. И если гипотеза о хазарском (хорезмийском) происхождении самого имени «Киев» произвольно отторгает этот топоним от целого ряда сходных славянских наименований (ср. продолжающуюся полемику с автором этой гипотезы О.Прицаком в книге [Голб, Прицак, 2003]), то имя другого «полянского брата» — *Хорив* и название горы *Хоревица* прямо указывают на библейскую традицию: на горе Хорив Моисею была явлена неопалимая купина и даны скрижали Завета [Исход 3. 1; Второзаконие 4. 10]. Вместе с тем очевидно, что летописец-христианин почему-то не «распознал» за местным киевским топонимом библейского имени: видимо, гора Хоревица уже прочно вошла в киевскую микротопонимию в дохристианский период истории города. У нас есть некоторые основания усматривать в этом микротопониме следы обитания еврейско-хазарской общины, потому что другой источник — трактат Константина Багрянородного «Об управлении империей» — сохранил иной киевский топоним, название крепости *Самватас*, который также обнаруживает иудейские истоки. Самватас, Самбатион и тому подобные наименования относятся к чудесной реке талмудических легенд, которая бурлит шесть дней в неделю и покоится лишь в субботний день; за этой рекой обитают потерянные десять колен Израилевых [Архипов, 1995, с. 71–96]. Эта река протекает у крайних пределов обитаемого мира. Таковым крайним пределом для еврейской диаспоры был, безусловно, и Киев.

Проблема «нераспознания» русским летописцем имени *Хорив*, видимо, не может объясняться просто незнанием библейского текста; более того, библейский сюжет «Исхода» в летописи непосредственно связан именно с «хазарским» периодом истории Киева и земли полян. Хазарские старцы в повествовании о хазарской дани с полян, при-

славших обоюдоострые мечи, предрекают, что славянам суждено брать дань на хазарах и на «инех странах». «Яко и при Фаравоне, цари еюпетьстем, — заключает летописец, — погибоша еюптяне от Моисея, а первое быша работающе им. Тако и си владеша, а послеже самеми владеють; яко же и бысть: володеють бо козары русьскии князи и до днешнего дня» [Повесть, 1996, с.12]. Это не просто констатация исторического факта власти русских князей над хазарами в XI в. Эта фраза заключает все «легендарное» космографическое введение к «Повести временных лет» — далее следует собственно «история», летопись, погодная история Русской земли. Эпоху хазарского владычества летопись относила к предыстории Руси.

Со времени возникновения научной историографии не прекращается полемика о том, насколько летописная традиция отражает исторические реалии. Летопись в своей хронологической части повествует о хазарской дани со славян Среднего Поднепровья (полян, северян, радимичей) и с вятичей, сидящих по Оке: русские князья и их дружины, варяжские предки которых были призваны из-за моря (Скандинавии) новгородскими словенами, кривичами и мерей, присвоили себе эту дань в борьбе с Хазарией за власть над славянскими племенами во второй половине IX — X в. Интересно, что археологические памятники VII–VIII вв., свидетельствующие о власти степняков в славянском пограничье (уже упоминавшиеся Вознесенка, Перещепина, Глодосы в Среднем Поднепровье, а также Арцыбашево в Окско-Донском междуречье, см. [Монгайт, 1961, с. 78–85]), действительно содержат однолезвийные мечи-палаши. Археологам неизвестно о двулезвийных мечах у полян — такие мечи каролингского производства (со скандинавскими рукоятями) принесли с собой дружинники русских князей, обосновавшиеся в Киеве к X в. Легендарная полянская дань мечами, очевидно, относится к провиденциалистским конструкциям монаха-летописца, знавшего о власти русских князей над хазарами[2].

Безусловно, что именно в VI–VIII вв. происходит интенсивная славянская колонизация лесостепной зоны, которая не была возможной без урегулированных отношений со степняками. М.И.Артамонов полагал даже, что «поскольку... славяне овладели Средним Поднепровьем с согласия хазар и при их содействии, то, поселившись здесь, они оказались данниками Хазарского каганата» [Артамонов, 1990, с. 277]. Здесь нельзя не вспомнить слова В.О.Ключевского о хазарском иге,

[2] Чистой модернизацией можно считать как попытки Л.Н.Гумилева обличить летописца во лжи [Гумилев, 1996, с. 238 и сл.], так и стремление «переписать» летописную историю Руси.

которое, по мнению исследователя, не было особенно тяжелым, но способствовало экономическому расцвету благодаря тому, что для послушных данников хазар были открыты речные дороги к черноморскому и каспийскому рынкам [Ключевский, 1987, с. 139–140]. Концепция Ключевского не была чисто умозрительной — его теория «торгового» происхождения славянских (древнерусских) городов основывалась как раз на данных нумизматики: ведь в кладах содержались монеты и X, и IX, и VIII вв., а закономерности формирования денежного потока и выпадения кладов еще не были выявлены.

Но речные торговые дороги были, скорее всего, перекрыты — в IX в. в киевском Поднепровье нет монетных кладов. Однако в Среднем Поднепровье и даже в междуречье Днепра и Дона в хазарский период продолжается интенсивная земледельческая колонизация — не только славянская, но и аланская. На Дон попадают даже выходцы с правобережья Днепра, носители культуры Луки Райковецкой [Винников, 1998], а керамика роменской — северянской культуры обнаружена в Тмутаракани [Плетнева, 1963, с. 16–20]. Танаис (Дон) в арабской географической традиции назывался «Рекой Славян», но контролировалась эта река хазарскими крепостями. Это позволяет с большим основанием предположить, что данные арабского автора рубежа IX–X вв. ал-Куфи о двадцати тысячах (!) семей *ас-сакалиба* (как именовались славяне в арабской традиции) и прочих «неверных», захваченных полководцем Мерваном ибн Мухаммедом во время похода 737 г. в глубь Хазарии, относятся к донским колонистам-земледельцам (ср. также [Шахматов, 1919, с. 34–37; Кляшторный, 1964; Новосельцев, 1990, с. 202–203]).

Понятно, почему под эгидой хазар велась эта колонизация лесостепи: степнякам нужен был хлеб. Система крепостей на Дону и в бассейне Северского Донца, видимо, призвана была контролировать эти важные для Хазарии регионы, в том числе донских «вятичей» (носителей так называемой боршевской культуры) и северян в левобережье Днепра (ср. [Винников, Плетнева 1998, с. 38, 39]), а одновременно и южные степные районы [Плетнева, 1999, с. 61 и сл.], где также стали селиться славяне [Красильников, 2003]. Показательно, в частности, и в связи с летописным мотивом Кия — перевозчика, и с иудейскими представлениями о рубежной реке Самватас, что хазарские крепости в Верхнем Салтове (на Северском Донце)[3] и в районе Саркела (сам

[3] См. о сочетании тюркских, аланских и славянских (северянских) строительных традиций в Верхнем Салтове и Мохначевском городище на Северском Донце [Колода, 2002].

Саркел и правобережная Цимлянская крепость) призваны были контролировать оба берега реки.

Но понятно и то, почему славянские данники хазар были заинтересованы в союзе с русскими дружинами: те и другие рвались к мировым рынкам, доступ к которым перекрывала Хазария.

М.И.Артамонов думал, что уже в начале IX в., во время междоусобной войны (восстания каваров и мадьяр в Хазарии, которое без особых оснований относилось к этому времени) в Среднем Поднепровье возник ее соперник «Росский каганат» [Артамонов, 1990, с. 286 и сл.]. Проблема хазарской дани, от которой, по летописи, освободил днепровских славян Вещий Олег в 80-х годах IX в., и, соответственно, достоверности летописных известий была им обойдена, равно как и летописная концепция варяжского происхождения руси. При этом представления М.И.Артамонова о росах в Среднем Поднепровье восходили к «общему месту» тогдашней историографии — концепции автохтонной руси. В последнее время много было написано о том, что распространенная ономастика с основой *рос-* (росомоны и т.п.) не имеет отношения к имени *русь* (ср. [Мельникова, Петрухин, 1991], там же см. литературу).

Следующий старой традиции В.В.Седов, который пытается отыскать славянскую русь[4] и «Русский каганат» в левобережье Днепра, основывает свои построения о славянском происхождении руси на глоссе — вставке к сочинению Ибн Хордадбеха [Седов, 1999]. Там говорится, что купцы *ар-рус* — «вид славян»; они следуют из отдаленных славянских земель к «морю Румийскому» (Черному), где с них берет десятину властитель Рума (византийский император); другой маршрут ведет по реке славян через Хазарию к Багдаду, а русы платят десятину властителю хазар ([Калинина, 1986, с. 71]; ср. [Коновалова, 1999, с. 205 и сл.]). Это единственный раз в восточной географической литературе, когда русь относится «к виду славян»; но в привлекаемых В.В.Седовым известиях о «каганате русов» (точнее, о хакане русов) русь как раз противопоставлена славянам: ар-рус нападают на них на своих кораблях, продают в рабство и т.п. (см. ниже об известиях Ибн Руста, а также [Новосельцев, 1965, с. 397 и сл.]). Древнейшим свидетельством о происхождении руси «от рода свеонов» (ср. позднейшие летописные формулировки *от рода варяжска* и т.п.), равно как и упоминание ее правителя хакана, остается известие Бертинских анналов (839 г.) [Annales, 1895, с. 839].

[4] В.В.Седов следует здесь П.Н.Третьякову, который, однако, не решился все же приписать древности левобережья Днепра «славянской» руси, отмечая их полиэтничность, в том числе наличие салтовских элементов [Третьяков, 1970, с. 72–110].

Для понимания и датировки глоссы к сочинению Ибн Хордадбеха необходимо учитывать данные других источников. В частности, очевидно, что маршрут, которым следовали купцы ар-рус в Византию — Рум, вел в обход Хазарии. Это был Днепровский путь, и его становление происходит не ранее первого похода руси на Царьград в 860 г., после призвания варяжских князей, когда, согласно «Повести временных лет», Аскольд и Дир были отпущены туда князем Рюриком из Новгорода. Уточненная датировка известий так называемого Баварского географа, помещающего русь (ruzzi) по соседству с хазарами, в целом соответствует такому ходу событий: перечень народов составлялся во второй половине IX в. и, по предположению А.В.Назаренко [Назаренко, 1993, с. 16, 17; Назаренко, 1994, с. 39, 40], основывался на кирилло-мефодиевской традиции. Это служит и косвенным подтверждением относительной реальности ранних летописных датировок, связанных с динамикой освоения русью речных путей Восточной Европы.

Уже предполагалось [Петрухин, 1995, с. 85 и сл.] на основании летописного предания о призвании варяжских князей, что первоначальный раздел сфер влияния в Восточной Европе проходил в бассейне Оки: словене, кривичи в верховьях Волги и территория муромы были подконтрольны мужам Рюрика, вятичи платили дань хазарам. Характерно, что именно этот окский участок торгового пути, где сидели подвластные хазарам вятичи, аккумулирует значительную часть монетного серебра, поступавшего через Хазарию на север, в Верхнее Поволжье, Новгородскую землю и Скандинавию (ср. [Кропоткин, 1978; Noonan, 1983, с. 273–276]). Очевидно, что купцы-русы должны были делиться частью своей прибыли с местным населением — вятичами, контролировавшими волоки, которые вели с верховьев Дона на Оку. Нумизматы отмечают, что другая группа кладов IX в. концентрируется на левобережье Днепра по Десне и Сейму (исключая киевское Поднепровье) — на границе Хазарского каганата, в ареале северян и радимичей — данников хазар (ср. [Кропоткин, 1978, с. 113, 114; Noonan, 1983, с. 273 и сл.]). Учитывая, что на территории самого каганата находки кладов единичны, создается парадоксальное впечатление, что данники хазар обладали бóльшими возможностями накапливать серебро, чем господствующая тюркская группировка (ср. [Noonan, 1983, с. 276]).

Есть основания полагать, что славяне не только платили дань, но и принимали участие в торговле — перераспределении серебра, поступавшего через Хазарию, которая нуждалась в мехах и хлебе (см. [Григорьев, 2000, с. 180 и сл.]), экипировке ладей руси, идущих по Оке на

Дон. Подобное взаимодействие руси и славян описано Константином Багрянородным в середине X в.: русь кормилась у славян зимой, а весной покупала у них однодеревки, что опять-таки заставляет вспомнить о перевозчике Кие и традиционных услугах по переправе через реки, которые оказывали славяне кочевникам в Центральной Европе.

Прорыв руси на юг, в Киев и Константинополь (около 860 г.), связан с формированием прямого Днепровского пути в Византию (Путь из варяг в греки) и закреплением его после похода Олега. В Начальной летописи под 882 г. фигурируют наследники Рюрика, Олег и Игорь, которые под видом купцов идут «в греки», — это первое упоминание о *торговом* пути «из варяг в греки». Расправившись с Аскольдом и Диром, Олег обосновывается в Киеве, который именует «матерью городов русских» — *метрополией*, и присваивает себе дань, которую хазары берут с левобережных славян — северян и радимичей. Очевидно, что волынцевская культура очерчивает границы не легендарного каганата русов, а предшествующую Русской земле (домену киевского князя) податную территорию, доминион Хазарии (ср. [Насонов, 1951, с. 28 и сл.; Артамонов, 1990, с. 277; Петрухин, 1995, с. 83 и сл.]). Волынцевская и сменяющая ее роменская культуры являются предысторическим ядром этой Русской земли на левобережье Днепра в VIII–IX вв.

Сами события, относящиеся к обоснованию руси в Киеве к 860 г. и «переносу» туда столицы Олегом в 880-е годы, были связаны как с представлениями княжеского рода о том, что русские князья имеют власть над всеми славянами (так изображает дело летописец), так и со стремлением к мировым рынкам в обход Хазарии. Исторические моменты, избранные для этого предводителями русских дружин, весьма показательны. Чрезвычайную активность в этот период демонстрировала не только русь, но и венгры. Показательно, что появление венгров на дунайской границе Византии в 836 г. практически совпадает с путешествием посольства руси в Константинополь и затем в Ингельсгейм, описанное Бертинскими анналами под 839 г. (ср. [Цукерман, 1998, с. 664 и сл.]). При этом очередной «всплеск» венгерской активности приходится на 862 г.: согласно тем же Бертинским анналам, в этом году венгры (Ungri) впервые вторглись в Центральную Европу, опустошив Восточно-Франкское королевство[5]. Вторжение никак не комментируется в анналах (их авторов традиционно больше волнуют нашествия норманнов с севера), хотя исследователи давно предполагали, что венгерский поход связан не только с распрями в Хазарии, но и с дав-

[5] Из последних работ см. [Bowlus, 1995, с. 236, 237]. Иные хроники датируют вторжение 863 г.

лением на венгров формирующегося «варяжского» — Русского государства [Boba, 1967, с. 95–97].

В это время Киев и Днепровский путь, в том числе и пороги, которых так опасалась русь из-за угрозы печенегов в X в., видимо, оказались свободными. Вероятно, руси удалось утвердиться в Киеве к 860 г. и совершить поход на Царьград в период венгеро-печенежского конфликта (на что указывал еще Маркварт [Marquart, 1903, с. 33–35]), но левобережье Днепра еще оставалось под номинальной властью Хазарии (и союзных ей венгров).

Аскольд и Дир не претендовали на хазарскую дань со славян на левобережье. Олег же в 880-е годы, очевидно, воспользовался еще одним благоприятным моментом, ибо Хазария пребывала в конфликте с венграми и примкнувшими к ним каварами (ср. [Новосельцев, 1991, с. 14; Noonan, 1987, с. 202]). Недаром перед захватом Киева Олег останавливается на урочище Угорском, а движение черных угров на свою будущую родину в Паннонии описывается (под 898 г.) в явной связи с предшествующим утверждением руси в Киеве — они проходят через то же Угорское. Взаимодействие новых сил, которые современный исследователь остроумно поименовал «номадами степи» и «номадами рек» (имея в виду *русь* [Наймушин, 2003]), стало предопределять геополитическую ситуацию в Восточной Европе, причем в одних и тех же узловых пунктах.

В связи с этим нельзя не обратиться к данным источника, который проливает свет на геополитическую ситуацию в Восточной Европе до летописного похода Олега на Киев. Это так называемая Анонимная записка, к которой восходят сведения Ибн Руста и других авторов о дани, собираемой со славян русью и венграми.

Арабский анонимный автор, на записку которого опирался Ибн Руста, сообщает, что страна мадьяр располагается между странами печенегов и племени *искиль* (эскел, эсегел) — части волжских болгар; венгры берут дань с соседних славян (сакалиба), захватывают их в плен и продают ромеям (грекам — ар-Рум) в их пристани К.р.кх (Керчь). Мадьяры кочуют между двумя реками в стране *сакалиба* — Итилем (текущей к хазарам) и Дуба (или Рута); за одной из этих рек живет народ *нандар*, относящийся к ар-Рум, над их областью — высокая гора, за которой обитает христианский народ *м.рват*. Главная проблема — реки, между которыми были расположены венгерские кочевья: одна из них, Дуба, давно отождествлена с Дунаем; за ней действительно обитал народ *нандор* — так венгры называли болгар (это название восходило к древнему тюркскому этнониму *оногундур*); дунайские болгары рассе-

лились в пределах Ромейской империи, поэтому и были отнесены к ар-Рум. Горой, за которой обитают *м.рват*, оказываются, таким образом, Карпаты, за ними действительно жили славяне — моравы. Сложнее обстоит дело с рекой Итиль, потому что по-тюркски *итиль* и означает «река». Большая часть исследователей видит в этом Итиле не Волгу, а Днепр (ср. из последних работ [Заходер, 1967, с. 47 и сл.; Калинина, 2000; Мишин, 2002, с. 54–60]), за который ушли венгры в страну Ателькузу, а последняя по-венгерски и означает «Междуречье» — об этом повествует Константин [Константин Багрянородный, 1991, гл. 38, с. 161]. «Говорят, — продолжает анонимный автор, — что раньше хазары окапывались рвами против мадьяр и других народов, соседних с их страной» [Заходер, 1967, с. 48 и сл.; Lewicki, 1977, с. 32–35, 107].

Не менее сложен вопрос о том, когда происходили описываемые события. Существенно, что в области славян анонимный автор и Ибн Руста не упоминают руси. Ар-Русийя в этом тексте «находится на острове, окруженном озером. Остров, на котором они (ар-рус) живут, протяженностью в три дня пути, покрыт лесами и болотами... У них есть царь, называемый *хакан русов*. Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают. Они не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян». [Заходер, 1967, с. 48; Lewicki, 1977, с. 107]. На кораблях народ ар-рус ездит к славянам за данью и берет их в рабство, подобно венграм.

Показательно, что пути руси и венгров в анонимной записке расходятся: венгры ведут торговлю с Боспором, русь — с Волжской Булгарией и Хазарией. Русь использует по преимуществу Волжский путь, неясны ее возможности продвижения по Дону, и маршрут руси явно далек от Днепра.

Ситуацию могут прояснить данные Константина Багрянородного о передвижениях венгров. Он пишет о том, что венгры, которых Константин именует «турками», находились под непосредственной властью хазар три года в стране Леведия, названной так по имени их воеводы. Затем печенеги, разгромленные хазарами, заняли землю венгров, часть которых была оттеснена в Персию (?), часть отошла на запад в Ателькузу. Оттуда каган вызвал Леведию и предложил ему стать архонтом венгров. Тот отказался, и венгры избрали правителем Арпада [Константин Багрянородный, 1991, гл. 38, с. 159, 161]. Эти данные, очевидно, свидетельствуют о начале «автономии» венгров. Собственно область Леведия традиционно помещается исследователями к западу от Дона, Ателькузу — к западу от Днепра. При этом данные Константина

о венграх демонстрируют те характерные для отношений славян и кочевников обстоятельства, при которых эти отношения не сводились к господству и данничеству: венгры заимствовали у славян важные термины, означающие военного предводителя и закон. Леведия назван первым из «воевод» (воевода: βοέβοδα), но архонтом был избран Арпад, которого по обычаю — «закану» (закана: ξακανα) хазар венгры подняли на щите. Характерно, что и печенеги приносили грекам клятвы по своим «заканам»: славянский «закон» стал термином международного права («закон русский» признавался в Константинополе в X в., судя по договорам руси с греками (ср. [Константин Багрянородный, 1991, гл. 38, с. 290, коммент. 5]). На основе этих данных о славяно-венгерском взаимодействии можно предположить, что трансформация славянской культуры на днепровском левобережье к середине IX в. — формирование собственно роменской культуры северян — связана с новой венгерской властью, хотя славянская дань по-прежнему (судя по данным русской летописи) шла, видимо, через венгерских вассалов хазарам (ср. [Толочко, 2003, с. 26]). Во всяком случае, в ареале роменской культуры уже нет многочисленных салтовских древностей (ср. [Григорьев, 2000, с. 180 и сл.; Щавелев, 2002, с. 9]) — венгры могли изолировать днепровских славян от Хазарии.

При этом самой сложной проблемой истории венгров в Восточной Европе остается археологическая «неуловимость» венгерских памятников как на Дону, так и на Днепре в IX в. Эта ситуация давно нашла естественное объяснение: венгры усвоили «хазарскую» салтово-маяцкую культуру, недаром Константин Багрянородный и восточные авторы именовали их «турками» (ср. [Фодор, 2002]). Но в последние десятилетия все в большей мере обнаруживаются «угорские» элементы в инвентаре и погребальной обрядности салтово-маяцких памятников лесостепи, в том числе таких узловых центров, как белокаменная крепость у с. Сухая Гомольша [Михеев, 1982, с. 156–68] и сам Верхний Салтов на Северском Донце [Аксенов, 2004][6].

Кроме того, следует учитывать собственно археологические аспекты проблемы: венгерская материальная культура сформировалась с

[6] См. также о находке венгерского погребения второй половины IX в. на Полтавщине [Супруненко и др., 1999]. Единичный, но яркий элемент женского костюма — коньковые привески — указывает на связь погребальных памятников бассейна Донца с Прикамьем, с одной стороны, и с Таманским полуостровом — с другой в VIII–IX вв. (ср. [Аксенов, 1998; Михеев, 1982]): если этот элемент действительно характеризует венгерский костюм в Восточной Европе, то есть основания предполагать, что венгры вышли не только на Донец, но и к Боспору, о чем свидетельствует и цитированный анонимный автор.

обретением венграми родины в X в. То же можно сказать и о древностях начальной руси — скандинавских древностях IX в. в Восточной Европе. Они немногочисленны на севере — в Ладоге, Новгороде (на Городище) и в Верхнем Поволжье и практически отсутствуют в Среднем Поднепровье. Их распространение относится уже к первой половине X в., эпохе сложения Древнерусского государства с центром в Киеве.

Как уже говорилось, из Начальной летописи известно, когда русь впервые оказалась в земле днепровских славян: дружина Аскольда и Дира обосновалась в Киеве после призвания в Новгород варяжских князей — это произошло в 860-е годы. В скандинавских сагах первая столица русских князей — Новгород именовался Хольмгардом — «Островным городом», и это наименование традиционно соотносится с «островом русов» анонимной записки [Франклин, Шепард, 2000, с. 49 и сл.]. О чем бы ни шла речь — о варяжской дани со славян до призвания русских князей или о дани, которую платили славяне уже «находникам» Рюрика [Повесть, 1996, с. 13], — очевидно, что описываемые события происходят до появления Олега в Киеве.

К этому времени венгры обосновались в Ателькузу, к западу от Днепра. При этом они уже определенное время находятся в конфронтации с хазарами, которые пытаются отгородиться от них укреплениями. Керчь именуется у анонима уже греческим городом и не принадлежит хазарам (вопреки царю Иосифу — о ситуации в Керчи по данным археологии см. [Айбабин, 1999, с. 222]). К этому времени, видимо, относится и восстание венгров с примкнувшими к ним каварами против власти хазар: во всяком случае, совместный поход венгров и каваров на запад, вплоть до Вены, датируется 881 г. [Цукерман, 1998, с. 674–679].

Выше предполагалось, что этим обстоятельством воспользовался Олег, объявившийся в Киеве в 882 г. (по летописной датировке). С пришедшим в Киев Олегом было войско из *варягов и словен*, которое прозвалось *русью*: летописные и другие данные убеждают в том, что глосса о купцах-русах как виде славян у Ибн Хордадбеха относится к 80-м годам IX столетия, а не к 840-м (как датируется сочинение в целом). Само появление этой глоссы было связано с динамикой исторической ситуации в Восточной Европе. Присвоение русским князем хазарской дани с северян и радимичей (см. «Повесть временных лет» под 884 и 885 гг.) и формирование на подвластной Хазарии территории днепровских славян, очевидно, привело к конфликту с Хазарией и к торговой блокаде Восточной (и Северной) Европы: в последней чет-

верти IX в. наблюдается кризис в поступлении восточного серебра через территорию Хазарии [Noonan, 1985; Noonan, 1987, с. 200 и сл.]. Поступление восточного серебра на Русь, как уже говорилось, возобновляется в 910-е годы, но через Булгарию Волжско-Камскую, в обход Хазарии, из державы Саманидов.

Примерно в то же время Олег сосредоточивает силы всех подвластных ему племен севера и юга для похода на Византию (показательно, что неудача похода Аскольда и Дира увязывается в летописи с тем, что с ними были только варяги). Поход увенчался успехом, судя по договору с греками 911 г. (ср. из последних работ [Литаврин, 2000, с. 61 и сл.]). Но этот удачливый правитель нового русского государства, более всего подходивший на роль «кагана» уже потому, что владел частью Хазарского каганата, именуется в договоре с греками князем (хоть и «великим», как и прочие русские князья).

Было ли государство Олега, объединявшее многие славянские (и чудские) племена от Поволховья и Верхнего Поволжья до Среднего Поднепровья, Русским каганатом?

Историографическая проблема «Русского каганата» сводится по преимуществу к вопросу о том, насколько реальными были претензии русских правителей на титул кагана (ср. [Новосельцев, 1982; Петрухин, 2001]), т.е. насколько эти претензии могли быть признаны правителями соседних государств. В связи с этим в современной историографии распространен тезис о признании высокого титула за русским правителем, основывающийся на единичной фразе из письма франкского императора Людовика II, отправленного в 871 г. византийскому императору Василию I: Людовик утверждал, что «хаганом мы называем государя авар, а не хазар (в письме они именуются Gasani) или норманнов (Nortmanni), или князя болгар» [Назаренко, 1999, с. 290]. Фраза свидетельствует о том, что в империи франков, во-первых, мало что знали о хазарах, во-вторых, со времен появления «росов» Бертинских анналов прочно ассоциировали русь с норманнами, но не признавали заявленных посольством руси в 838–839 гг. претензий на титул кагана. Сторонники киевского «Русского каганата» делают из этой фразы парадоксальный вывод о том, что дипломатический довод Людовика направлен против византийской традиции: якобы в «византийской канцелярии» правителя Руси продолжали именовать «хаканом» (допуская норманнское происхождение киевских правителей Аскольда и Дира (ср. [Ловмяньский, 1985, с. 194–196; Назаренко, 1999, с. 290, 291]). Этот вывод имел бы некоторое право на существование, если бы в той же канцелярии «хаканом» именовали и болгарского князя, но прави-

тель Болгарии в IX в. оставался для империи «архонтом» [Литаврин, 1999, с. 218 и сл.], каковыми оставались для нее и русские князья. Признанным в Византии носителем титула «каган» был только правитель Хазарии [Литаврин, 2000, с. 41].

Вопрос о том, насколько «серьезно» претендовали на хазарский титул сами русские князья — в первую очередь Олег, — естественно, может решаться лишь гипотетически. Нельзя не отметить, что в летописи Олег, объявляя себя врагом Хазарии (при присвоении хазарской дани с левобережья Днепра), опирается на славянскую традицию правления «по ряду» призванного княжеского рода: он расправляется с Аскольдом и Диром как с узурпаторами, потому что они не принадлежат к этому роду («великих и светлых князей», как они именуются в договоре с греками). Титул «каган» был нужен прежде всего для дипломатической, а впоследствии для гомилетической риторики: у Илариона в «Слове о законе и благодати» (середина XI в.) так именуются киевские князья Владимир и Ярослав. Но для отношений со славянами «по ряду» титул правителя враждебной «кочевой империи» явно не подходил. Недаром и летописное предание о хазарской дани подчеркивает «коллективный сюзеренитет» Руси: «володеють бо козары русьскии князи и до днешнего дня».

Айбабин, 1999 — *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

Аксенов, 1998 — *Аксенов В.С.* Новые находки коньковых подвесок в салтовских захоронениях на Харьковщине // Finno-Ugrica. Казань, 1998. № 1 (2).

Аксенов, 2004 — *Аксенов В.С.* К вопросу о существовании памятников этнических хазар в верхнем течении Северского Донца // Хазары. Тр. междунар. коллоквиума. М., 2004 (в печати).

Амброз, 1982 — *Амброз А.К.* О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре — вопрос интерпретации // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII вв. М., 1982.

Артамонов, 1990 — *Артамонов М.И.* Первые страницы русской истории в археологическом освещении // Советская археология. 1990. № 3.

Архипов, 1995 — *Архипов А.* По ту сторону Самбатиона. Этюды о русско-еврейских культурных, языковых и литературных контактах в X–XVI вв. Berkeley, 1995.

Березовец, 1965 — *Березовец Д.Т.* Слов'яни и племена салтівскоі культури // Археологія. Київ, 1965, вып. 19.

Винников, 1998 — *Винников А.З.* Донские славяне и Хазарский каганат // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения М.И.Артамонова. Тез. докл. СПб., 1998.

Винников, Плетнева 1998 — *Винников А.З., Плетнева С.А.* На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж, 1998.

Голб, Прицак, 2003 — *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века. 2-е изд., испр. и доп. Москва; Иерусалим, 2003.

Григорьев, 2000 — *Григорьев А.В.* Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000.

Гумилев, 1996 — *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1996.

Залесская и др., 1997 — *Залесская В.Н.* и др. Сокровища хана Кубрата. СПб., 1997.

Заходер, 1967 — *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М., 1967.

Калинина 1986 — *Калинина Т.М.* Торговые пути Восточной Европы IX в. // История СССР. М., 1986. № 4.

Калинина, 2000 — *Калинина Т.М. Вантит* средневековых арабских писателей: попытки идентификации // Восточная Европа в древности и средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. М., 2000.

Каргер, 1958 — *Каргер М.К.* Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958.

Ключевский, 1987 — *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 1. М., 1987.

Кляшторный, 1964 — *Кляшторный С.Г.* Древнейшее упоминание славян в Нижнем Поволжье // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964.

Коковцов, 1932 — *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.

Колода, 2002 — *Колода В.В.* К вопросу о роли Хазарского каганата в истории восточных славян // Хазары. Второй междунар. коллоквиум. Тез. М., 2002.

Комар, 2004 — *Комар А.* Исторические предпосылки возникновения легенды о полянской дани хазарам по археологическим данным // Хазары. Тр. междунар. коллоквиума. М. (в печати).

Коновалова, 1999 — *Коновалова И.Г.* Восточные источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999.

Константин Багрянородный, 1991 — *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1991.

Красильников, 2003 — *Красильников К.И.* Новые данные об этническом составе населения степного Подонцовья VIII — нач. X в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк, 2003.

Кропоткин, 1978 — *Кропоткин В.В.* К топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. М., 1978.

Литаврин, 1999 — *Литаврин Г.Г.* Византия и славяне. СПб., 1999.

Литаврин, 2000 — *Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000.

Ловмяньский, 1985 — *Ловмяньский Х.* Русь и норманны. М., 1985.

Мельникова, Петрухин, 1991 — *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Комментарии // *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1991.

Михеев, 1982 — *Михеев В.К.* Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша // Советская археология. М., 1982. № 2.

Мишин, 2002 — *Мишин Д.Е.* Сакалиба: славяне в исламском мире. М., 2002.

Монгайт, 1961 — *Монгайт А.Л.* Рязанская земля. М., 1961.

Назаренко, 1993 — *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1993.

Назаренко, 1994 — *Назаренко А.В.* Русь и Германия в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1991. М., 1994.

Назаренко, 1999 — *Назаренко А.В.* Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999.

Наймушин, 2003 — *Наймушин Б.* Хазарският каганат и Източна Ервопа: сблъсъци между «номадите на степта» и «номадите на реките» // Българи и хазари през ранните средновековие. София, 2003.

Насонов, 1951 — *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

Новосельцев, 1965 — *Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // *Новосельцев А.П.* и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

Новосельцев, 1982 — *Новосельцев А.П.* К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. М., 1982. № 4.

Новосельцев, 1990 — *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Новосельцев, 1991 — *Новосельцев А.П.* Образование Древнерусского государства и его первый правитель // Вопросы истории. М., 1991. № 2–3.

Памятники, 1981 — Памятники литературы Древней Руси. XIII в. М., 1981.

Петрашенко, 1990 — *Петрашенко В.А.* Волынцевская культура на Правобережном Поднепровье // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990.

Петрухин, 1995 — *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Москва; Смоленск, 1995.

Петрухин, 2001 — *Петрухин В.Я.* «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999. М., 2001.

Плетнева, 1963 — *Плетнева С.А.* Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.

Плетнева, 1986 — *Плетнева С.А.* Хазары. М., 1986.

Плетнева, 1999 — *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. Москва; Иерусалим, 1999.

Повесть, 1996 — Повесть временных лет. Изд. 2-е. СПб., 1996.

Приходнюк, 2002 — *Приходнюк О.М.* Восточные славяне и степной мир в период становления Хазарского каганата // Хазарский альманах. Т. 1. Харьков, 2002.

Седов, 1999 — *Седов В.В.* У истоков восточнославянской государственности. М., 1999.

Супруненко и др., 1999 — *Супруненко А., Кулатова И., Приймак В.* Венгерское погребение с юга Полтавщины // Finno-ugrica. Казань, 1999. № 1 (3).

Толочко, 2003 — *Толочко П.П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб., 2003.

Третьяков, 1970 — *Третьяков П.Н.* У истоков древнерусской народности. Л., 1970.

Флеров, 1996 — *Флеров В.С.* Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996.

Фодор, 2002 — *Фодор И.* Венгры в Хазарии // Хазары. Второй междунар. коллоквиум. Тез. М., 2002.

Франклин, Шепард, 2000 — *Франклин С., Шепард Дж.* Начало Руси. СПб., 2000.

Цукерман, 1998 — *Цукерман К.* Венгры в стране Лебедии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836 — 889 г. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VI. Симферополь, 1998.

Шахматов, 1919 — *Шахматов А.А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.

Щавелев, 2002 — *Щавелев С.П.* Славяне и хазары: даннические отношения как индикатор потестарно-политического взаимодействия // Проблемы славяноведения. Вып. 4. Брянск, 2002.

Щеглова, 1987 — *Щеглова О.А.* Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа // Археологические памятники эпохи раннего железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987.

Annales, 1895 — Annales Bertiniani / Rec. G. Waitz. Hannoverae, 1895.

Boba, 1967 — *Boba I.* Nomads, Northmen and Slavs: Eastern Europe in the Ninth Century. The Hague, 1967.

Bowlus, 1995 — *Bowlus Ch. R.* Franks, Moravians and Magyars. Philadelphia, 1995.

Lewicki, 1977 — *Lewicki T.* Źródła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny. T. 2. Cz. 2. Wrozław; Warszawa, 1977.

Marquart, 1903 — *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Lpz., 1903.

Noonan, 1983 — *Noonan Th. S.* What Does Historical Numismatics Suggest about the History of Khazaria in the Ninth Century? // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. III. Wiesbaden, 1983.

Noonan, 1985 — *Noonan Th. S.* The First Major Silver Crisis in Russia and the Baltic. // Hikuin. Arhus, 1985. № 11.

Noonan, 1987 — *Noonan Th. S.* Khazaria as an Intermediary between Islam and Eastern Europe in the Second Half of the Ninth Century: the Numismatic Perspective // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1987. Wiesbaden, 1987.

С.А.РОМАШОВ
(Москва)

От тюрков к хазарам: Северный Кавказ в VI–VII вв.

В первой половине VI в. ведущую роль на Северном Кавказе играли тюркские племена. Их появление в этом районе связано со вторжением гуннов в Европу в конце IV в. и последовавшим за этим продвижением тюркских племен на запад. После распада гуннской державы в середине V в. тюрко-болгары стали доминировать среди народов Северного Причерноморья и Кавказа. Болгарские племена, занимавшиеся кочевым скотоводством, населяли на Кавказе равнинные степные районы[1]. От Азовского моря на восток жили утигуры, оногуры, сарагуры. К болгарам также относились населявшие восточное побережье Кавказа барсилы и савиры. Хазары, располагавшиеся примерно между Кумой и Тереком, к болгарам не относились. Кроме тюркских племен в западных и центральных районах Кавказа располагалось его древнее население — адыго-касожские и аланские племена.

В середине VI в. на Северном Кавказе впервые со времени падения гуннской державы произошли крупные политические изменения. Они были связаны с событиями в Центральной Азии — этим этническим котлом, выплескивавшееся содержимое которого периодически потрясало этнополитическое устройство Евразии. В середине VI в. активную роль в жизни народов Центральной Азии стали играть тюрки.

Тюркский каганат

В первой половине V в. район Турфана населяли позднегуннские племена, в числе которых находился род Ашина («волк»). Они подчинялись жуаньжуаням (жужаням, жоужаням). После 460 г. жуаньжуани

[1] О расселении народов Северного Кавказа подробнее см. [Ромашов, 1994, с. 209–228; Ромашов, 2001, с. 263–296].

© С.А.Ромашов, 2005

переселили их на склоны Монгольского Алтая, где те добывали для жуаньжуаньского кагана железо. Во второй половине IV — начале V в. Жуаньжуаньский каганат занимал обширное пространство от гор Тянь-Шаня и Карашара до Великой Китайской стены, Хингана и Кореи [Westermanns Atlas, 1988, с. 46–47 (№ III); Кычанов, 1997, с. 95]. Войны, которые жуаньжуани вели с сяньбийским государством Северное Вэй (386–534 гг.), занимавшим Северный Китай, не были успешными для каганата, и к 449 г. жуаньжуани были оттеснены на север. В 506 г. вэйский император говорил: «Ныне жужаньский дом упал; и в непродолжительное время он потеряет свои земли» [Бичурин, 1950, с. 222]. Ослаблением жуаньжуаней воспользовались племена, предводительствуемые родом Ашина. В начале VI в. они приняли племенное наименование *тюрк*[2]. Племенное объединение тюрков сложилось в 20–30-х годах VI в., как следует из письма тюркского кагана Шаболио (Шаболю) [Liu Mau-tsai, 1958, с. 52]. Подчинив некоторые огузские племена[3], в 534 г. тюрки уже подступили к границам Китая, а в 546 г. установили дипломатические отношения с Западным Вэй (535–557) [Julien, 1864, с. 329].

Вскоре тюрки подняли восстание против жуаньжуаней. То, что тюрки занимались ранее выплавкой железа для жуаньжуаньского кагана, дало им преимущество: они располагали необходимым количеством и доспехов, и оружия. Главную их силу, как и всех кочевников, составляла иррегулярная конница (не имевшая четкого боевого порядка) [Liu Mau-tsai, 1958, с. 130 — летопись Суй]. Действия тюрков против жуаньжуаней были успешными, в 552 г. последние потерпели поражение, жуаньжуаньский каган Анахуань погиб, и тюркский вождь Бумын (кит. Тумынь) принял титул кагана [Бичурин, 1950, с. 228; Julien, 1864, с. 350; Chavannes, 1903, с. 372]. Победители быстро расширяли свои владения и к 555 г. при Муган-кагане (553–572) завладели всеми землями жуаньжуаней. Новому каганату подчинились кидани в Южной Маньчжурии, кыргызы на Енисее. Вскоре китайское царство Северное

[2] Этноним *тюрк* (*türk*) означает «сила, власть» [Marquart, 1914, с. 28; Németh, 1927, с. 271–274; Németh, 1930б, с. 28; Кононов, 1949]. Согдийское название — *турк* (мн.ч. *туркут*), отсюда (через согдийских купцов) китайское *тукюе* (современное прочтение иероглифов *туцзюе* (*tūjuē*).

[3] Этноним *огуз* (*oγuz*) восточного диалекта соответствует *огур* (*oγur*) западного и означает «народ стрел» (*oq* — «стрела», *uz* — «человек») [Marquart, 1914, с. 35–37; Németh, 1930a, с. 44; Nemeth, 1967, с. 153]. Название *огур* входило в состав этнонимов *кутригур, оногур и сарагур,* которые означали «девять огуров», «тридцать огуров» и «белые огуры» соответственно [Németh, 1930a, с. 90, 91, 106; Németh, 1967, с. 150, 151; Golden, 1980, с. 32].

верное Чжоу (557–581) уже платило тюркам дань до 100 тыс. кусков шелка в год [Бичурин, 1950, с. 274], в подобных же отношениях с тюрками оказалось и Северное Ци (550–577). Раздробленность Китая помешала ему отразить «северных варваров».

После этого тюрки обратились на запад. К 558 г. они разгромили в Приаралье племена уар и хунни [Гумилев, 1967, с. 35] и подчинили Приуралье и Заволжье, а затем обрушились на государство эфталитов в Средней Азии. В этой войне Тюркский каганат участвовал в союзе с давним врагом эфталитов — сасанидским Ираном. Разумеется, в подобной ситуации эфталиты долго продержаться не могли. По сведениям, содержащимся в «Шахнаме», они были разгромлены в 563 г. под Бухарой тюрками; одновременно персы заняли Балх. Об этих событиях сообщают также византийские и китайские источники [Corpus, 1829, с. 205, 225; Chavannes, 1903, с. 226]. Окончательный разгром эфталитов относят к 565 г. [Grousset, 1960, с. 127; Гумилев, 1967, с. 40]. В 567 г. бывшие эфталитские владения были окончательно разделены между Ираном и Тюркским каганатом по Амударье[4]. Теперь каганат простирался от Амударьи до Великой Китайской стены. Но продвижение тюрков на запад продолжалось, и с этого времени в сферу их действий попал Северный Кавказ.

Авары и тюрки на Северном Кавказе

В 558 г. на Северный Кавказ вторглись разгромленные тюрками племена уар и хунни. Византийский историк Феофилакт Симокатта писал в начале VII в.: «Они, назвав себя аварами, вождя [своего] украшают титулом хагана... Барсильт, уннугуры, сабиры и, кроме них, другие гуннские племена, как только проходила [мимо] тайно бежавшая из своих мест часть уар и хунни, пришли в величайший ужас, подозревая, что к ним переселились авары» [Theophylacti, 1887, cap. VII. 8]. По его словам, авары были известны своей силой, и уар и хунни с готовностью поддержали это заблуждение местных народов. Другой византийский историк — Менандр (конец VI в.) упомянул войны авар с унигурами (оногурами), залами (т.е. барсилами [Marquart, 1911, с. 17]) и победу авар над савирами. Отношения же авар с аланами и котрагами (кутригурами) (последние находились западнее Дона) были дружественными [Corpus, 1829, с. 442, 443]. В результате этих событий авары установили свою гегемонию на Северном Кавказе.

[4] См. карту «Аравия, Иран и Средняя Азия в VI — первой половине VII в.» [Всемирная, 1957, прил.].

Однако власть авар долго не продержалась. Уже в 567 г. пронесся слух о предстоящем тюркском нашествии, и авары, не желая испытывать судьбу, ушли на запад. Достигнув Карпат, они вступили в союз с лангобардами, уничтожили королевство гепидов и основали в 568 г. свой каганат в Паннонии и Трансильвании, просуществовавший до его разгрома франками в 796 г.

Тюркское нашествие не заставило себя долго ждать. По данным Менандра, к 568 г. тюрки подчинили утигуров, а к 576 г. унигуров (оногуров) и алан [Corpus, 1829, с. 401]. Арабский историк ат-Табари в начале X в. писал, что кагану турок (тюрок) Синджибу[5] подчинились племена абхаз, банаджар и баланджар. После этого началась война тюрок с персами, продолжавшаяся до 571 г. [Tabari, 1881, с. 895 и сл.]. Последователь ат-Табари Ибн ал-Асир (XIII в.) соответственно упомянул племена хазар, абхаз и баланджар [Ibn-el-Athir, 1867, с. 316]. Немецкий востоковед Й.Маркварт предложил читать у ат-Табари *хазар* вместо *абхаз*, а *банаджар* исправил на *б-л-джр* и усмотрел здесь болгар [Marquart, 1898, с. 96; Marquart, 1903, с. 16, 356, 491]. Видимо, Ибн ал-Асир воспроизвел описку в манускрипте ат-Табари относительно абхазов. В самом деле, абхазы в конце VI в. подчинялись Византийской империи, а византийские авторы ничего не сообщают о завоевании тюрками имперских владений в Закавказье. Баланджары жили в районе города Баланджар (около современного Верхнего Чирюрта) в Терско-Сулакской низменности [Ромашов, 2001, с. 271, 272]. Болгары банаджар — это, возможно, упомянутые Менандром оногуры и сарагуры.

Можно ли точно датировать подчинение тюрками Северного Кавказа? М.И.Артамонов отнес тюркское завоевание ко времени после 566 г., т.е. после победы каганата над эфталитами, и до 571 г. — мира с Ираном (первая война тюрок с Сасанидами 569–571 гг. не привела к каким-либо политическим изменениям: Амударья осталась пограничной рекой [Гумилев, 1967, с. 46, 47]). В.Ф.Генинг и А.Х.Халиков считали, что тюрки подчинили Северный Кавказ между 556 г. (становление их каганата) и 576 г. (сообщение Менандра) [Генинг, Халиков, 1964, с. 109] (период сильно растянут), А.В.Гадло предполагал, что это произошло в 571–576 гг. (после мира тюрок с Ираном) [Гадло, 1979, с. 96 — противоречит Менандру]. Присоединяясь к М.И.Артамонову в отношении начальной даты (после 566 г.), Л.Н.Гумилев указывал, что

[5] Правильно Истеми, он был братом кагана Бумына и носил титул ябгу-кагана (следующий ранг после верховного кагана) и был известен по византийским источникам как Сильдзибул или Дизавул, командовал тюркскими войсками на западе, умер в 575 г. См. [Chavannes, 1903, с. 38; История, 1999, с. 64].

тюркское завоевание следует отнести к периоду между 567 и 571 гг. [Гумилев, 1967, с. 47, 50]. Датировку, предложенную Л.Н.Гумилевым, следует признать правильной, так как именно она вполне согласуется с сообщениями Менандра и ат-Табари.

Таким образом, после разгрома эфталитов в 567 г. тюрки вторглись на Северный Кавказ и к 568 г. покорили утигуров. В течение 568–571 гг. ябгу Истеми (Синджибу) подчинил хазар, баланджар, сарагуров и оногуров. У ат-Табари ничего не сказано о покорении тюрками алан до войны с персами. Можно полагать, что после мира с шахом Хосроем I Ануширваном Истеми и подчинил алан (к 576 г., по Менандру). Савиры, жившие на территории современного Дагестана [Ромашов, 2001, с. 270, 271], видимо, были также покорены тюрками (с 571 или 576 г.?), так как только через их территорию тюрки могли наступать на Дербенд в начале VII в.

Итак, почти весь Северный Кавказ, за исключением адыго-касожских племен на западе, был завоеван Тюркским каганатом. Его западной границей стал Танаис (Дон) [Theopanis, 1870, с. 449]. С.Г.Кляшторный отмечает, характеризуя власть тюркского кагана, что тот, в частности, «поселяет и переселяет побежденные племена, т.е. заново определяет их территорию» [Кляшторный, 1977, с. 15]. Завоевание изменило этническую карту Северного Кавказа. Утигуры и сарагуры с этого времени более не упоминаются в источниках. Земли утигуров в Приазовье заняли оногуры [Marquart, 1911, с. 20; Златарски, 1970, с. 137; Moravcsik, 1930, с. 76]. Напротив, под властью тюркского кагана происходит постепенное усиление хазар. До середины VI в. хазары подчинялись савирам [Артамонов, 1962, с. 116, 117, 126–128, 133]. Савиры, как уже отмечалось, были побеждены аварами в 558 г. И теперь под эгидой тюрок начинается возвышение хазар [Артамонов, 1962, с. 156; Новосельцев, 1990, с. 86–88]. Активную роль в политике хазары стали играть в начале VII в., во время очередной войны каганата с Ираном.

Тюрки, Византия и Иран

Раздел эфталитских владений в 567 г. не означал согласия между Ираном и тюрками. Иран чинил препятствия в торговле шелком согдийским купцам, а следовательно, и тюркам, отныне владевшим Согдом [Кляшторный, 1973]. Наличие у Византийской империи и Тюркского каганата общего противника — сасанидского Ирана обусловило сближение двух государств. Уже в 568 г. согдиец Маниах был направлен каганом с посольством в Константинополь, а вскоре византийский

посланец Земарх прибыл в ставку ябгу в Семиречье[6]; позже последовало еще одно посольство тюрок в столицу Византии [Corpus, 1829, с. 294, 300 и сл.; Chavannes, 1903, с. 233, 234]. Союз против персов был жизненно необходим Константинополю: в 572 г. началась новая ирано-византийская война, и в 576 г. византийцы изъявили желание заключить военный союз с тюрками, но, как всегда, империя руководствовалась прежде всего своими интересами в ущерб интересам союзников. Посему, когда посланник императора Валентин встретился около реки Яик (Урал) с тюркским наместником Турксанфом, тот осыпал византийцев упреками в лживом поведении. Одними упреками дело не ограничилось, и в том же 576 г. византийский Боспор был взят по приказу тюркского кагана переправившимися через Босфор Киммерийский (Керченский пролив) утигурами во главе с вождем Анагеем, после чего тюрки дошли до Херсона [Corpus, 1829, с. 398, 400, 403 и сл. — последнее упоминание утигуров в источниках]. Херсон они не взяли, но нанесли удар по византийской Лазике. Тюрки были уже близки к победе, но в этот момент в каганате разразилась гражданская война [Theophylacti, 1887, cap. VII. 8].

Еще ранее Таспар-каган (571–581) разделил державу на западную и восточную части, создав тем самым условие для раздробления каганата. После смерти Таспара в 581 г. при кагане Шаболио в государстве тюрок началась великая смута. Китайский летописец отмечал: «Братья спорят из-за власти, отцы и дяди не доверяют друг другу» [Liu Mau-tsai, 1958, с. 47]. В результате внутренней распри каганат распался на Западный и Восточный (среднеазиатский и центральноазиатский, по определению С.Г.Кляшторного [Кляшторный, 1964, с. 21]). Положение последнего осложнялось тем, что в 581–589 гг. полководец Ян Цзянь объединил Китай, положив начало новой династии Суй, и тем самым на востоке у тюрок появился грозный противник.

Все эти события вынудили тюрков прекратить войну с Византией и возвратить ей Боспор[7]. В дальнейшем отношения тюрков с византийцами изменились кардинальным образом: несмотря на междоусобицы, тюрки в 588 г. начали войну с Ираном, что естественным образом привело их к союзу с Византийской империей, воевавшей с персами еще с 572 г.

---

[6] Примерный путь Земарха в 568–570 гг. см. [Атлас, 1959, с. 18 (№17)].

[7] В 590 г. Боспор был под управлением херсонского стратилата Евпатерия [Шестаков, 1908, с. 11, 12, 119; Кулаковский, 1914, с. 64; Якобсон, 1959, с. 34, 35], но, видимо, возвращение его к империи произошло раньше [Артамонов, 1962, с. 139, 195 — 581 г.; Гумилев, 1967, с. 108 — 585 г. (в связи со смутой)].

В 589 г. тюрко-хазарское войско ворвалось через Дарьял в Закавказье, но потерпело поражение [Tabari, 1881, с. 991]. Вслед за тем тюркская армия вторглась в Иран с востока — в Хорасан. В последовавшей битве у Герата тюрки потерпели сокрушительное поражение от персидского полководца Бахрама Чубина, вследствие чего поспешили заключить с Ираном мир [Гумилев, 1960; 1962; 1967, с. 126–132]. В противоположность тюркам Византия добилась серьезного успеха: за помощь в подавлении мятежа Бахрама Чубина персидский шах Хосрой II Парвиз уступил византийцам по мирному договору 591 г., подписанному в сасанидской столице Ктесифоне, большую часть Иберии (Картли) и Центральную Армению[8]. После этого на десять лет наступило затишье.

В 603 г. Западнотюркский каганат окончательно обособился от Восточного. Граница между ними, возможно, проходила по Иртышу и Монгольскому Алтаю — самой крупной естественной преграде между обеими ветвями тюрков. Восточные тюрки на десятилетия были заняты борьбой с Китаем (с 618 г. там утвердилась династия Тан), приведшей в конечном счете Восточнотюркский каганат к гибели в 630 г.

Об организации власти тюрок над Северным Кавказом нет никаких сведений в источниках. Известно, что, например, в Средней Азии продолжали существовать практически независимые государства, платившие каганату дань. Усиление тюркского контроля над ними произошло только при Тон-ябгу-кагане (618–830) [Толстов, 1948, с. 219; История, 1999, с. 64, 66]. Но в отличие от Средней Азии на Северном Кавказе до тюркского завоевания государственности не было. Ряд исследователей предположили, что болгарин Кубрат, будущий основатель Великой Болгарии, вначале правил как удельный хан тюрков[9]. Если так, то положение племен Северного Кавказа под властью Западнотюркского каганата было аналогично ситуации в Средней Азии.

Новая война с Ираном

В 602 г. началась новая ирано-византийская война. Предлогом для нее послужила месть шаха Хосроя за убийство императора Маврикия центурионом Фокой. В первые два десятилетия VII в. Западнотюркский каганат всерьез не вмешивался в ход военных действий, если не считать набега тюрков на Иран до Рея и Исфахана в 603 г. [Себеос, 1939, с. 57–59]. В целом ситуация складывалась для Византии неудачно. В течение 602–622 гг. персы захватили Сирию, Палестину, Египет, Запад-

[8] См. карту [Феофилакт Симокатта, 1957, с. 168–169].

[9] Подробнее см. [Ромашов, 1994, с. 234–237; Ромашов, 2001, с. 308–311].

ную Месопотамию, Киликию, Каппадокию, Галатию, Пафлагонию, Западную Армению, Западную Иберию и Лазику [Пигулевская, 1946][10]. Но в 623 г. византийский император Ираклий предпринял удачный поход против персов: освободил Каппадокию, проник в Закавказье и взял столицу Атропатены Гандзак. В следующем году боевые действия велись с переменным успехом в Албании и Армении.

Война шла уже 20 лет. Сложившиеся обстоятельства побудили Ираклия обратиться за помощью к давним союзникам византийцев тюркам. Армянский историк X в. Мовсэс Каланкатуаци в своей «Истории страны Алуанк» подробно рассказал об участии тюрков и хазар в военных действиях конца 620-х годов. В течение 625 г. между тюрками и византийцами состоялся обмен посольствами, со стороны тюрок выступал Джебу-хакан, второй человек в каганате, «преемник царя севера». В результате переговоров в конце 626 г. между обеими сторонами был заключен военный союз [Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с. 80, 81; Артамонов, 1962, с. 146]. Союз был заключен вовремя: в 625 г. персы возобновили наступление, а в следующем, 626 г. они вместе с аварами осадили Константинополь, но потерпели поражение.

Византийские историки начала IX в. Никифор и Феофан также (хотя и более скупо) упомянули об этих событиях. Феофан писал: «Оттуда [из Лазики] он [Ираклий] посылает подарки повелителю турок, призывая его к союзу против персов» [Nicephori, 1880, с. 15 — датировано 622 г.]. У Феофана сказано под 625 г. следующее: «И, находясь там [в Лазике], он [Ираклий] призвал к союзу турок с востока, которых называют хазарами» [Theophanis, 1883, с. 315]. Мовсэс Каланкатуаци писал: «А в канун 37 г. [царствования] того же Хосрова [626 г.] царь севера отправил обещанное войско под предводительством племянника своего, которого, ввиду его княжеской власти, называли Шатом». Тот опустошил Алуанк (Албанию) и Атропатену и дошел до Аракса [Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с. 81].

Под Джебу-хаканом следует видеть ябгу Мохо-шада, брата кагана Тон-ябгу [Артамонов, 1962, с. 146, 147; Golden, 1980, с. 188]. Сын ябгу, племянник кагана, носил титул шад (Мовсэс употребил его как личное имя Шат), означавший, что его обладатель является членом правящей каганской династии, наместником области и командующим ее войсками [Кычанов, 1997, с. 103, 104]. М.И.Артамонов идентифицировал его с младшим сыном Мохо-шада — Були-шадом [Артамонов, 1962, с. 146, 147].

[10] Карту общего хода военных действий см. [Советская, 1977, с. 588].

Источники свидетельствуют, что основную часть тюркского войска на западе составляли хазары (Феофан даже написал, что хазарами называют турок). Это напоминает события похода 589 г., но теперь роль хазар проявилась несравненно полнее и ярче.

В следующем, 627 г. хазаро-тюркское войско совершило новый поход. «Хазары, прорвав Каспийские ворота, вторглись в Персиду в страну Адраига со своим полководцем Зиевилом, бывшим вторым по положению после хагана», — писал Феофан [Theophanis, 1883, с. 315]. Каспийскими воротами античные и византийские авторы именовали несколько горных проходов, в том числе Дарьяльский и Дербендский. В данном случае, как мы увидим ниже, речь идет о Дербенде. Зиевилом Феофан назвал Джебу-хакана [Патканов, 1861, с. 137, 331; Артамонов, 1962, с. 146; Golden, 1980, с. 188]. Согласно Себеосу, войско хакана вторглось в Иран через проход Тчора–Дербенд, причем армянские нахарары (князья) сразу же перешли на сторону противников шаха [Себеос, 1939, с. 61]. Наиболее подробно о походе хазар написал Мовсэс Каланкатуаци.

Прежде всего хазары обрушились на Дербенд (Чора), прикрывавший проход вдоль Каспийского побережья на юг. Армянский историк живописует безобразный вид завоевателей и многочисленные зверства над мирными жителями города, творимые хазарами после взятия Дербенда. Устрашенные жители Албании обратились в бегство перед хазарами [Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с. 78 и сл.].

Пройдя Албанию, хазары вошли в Картли и осадили Тбилиси. Туда же подошло византийское войско во главе с Ираклием. Состоялась встреча императора с ябгу, во время которой Ираклий возложил на голову тюркского командующего корону и пообещал выдать за него свою дочь Евдокию. Однако дальше демонстрации дело не пошло. Несмотря на соединенные усилия византийцев и тюрков и применение ими осадной техники, двухмесячная осада не привела к взятию города. Защитники Тбилиси, издеваясь над ябгу, выставили на крепостной стене чучело из тыквы, изображавшее тюркского военачальника. Хазары отошли от Тбилиси, оставив императору сорокатысячное войско [Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с. 84–86].

Ираклий, отделив часть сил для блокады Тбилиси, двинулся в глубь Персии. В декабре 627 г. византийцы разбили персов у Ниневии. Затем Ираклий подступил к Ктесифону, но, не решившись на новое сражение, отошел к центру Атропатены — Гандзаку. В это самое время у персов произошел государственный переворот, в результате которого Хосрой II Парвиз был свергнут и убит и на престол взошел его сын Кавад

Широйе. Новый шах начал тотчас переговоры с противником, следствием чего явилось заключение 3 апреля 628 г. мира, закрепившего границу 591 г.

Несмотря на мир между Ираном и Византией, тюрки продолжали военные действия. Они снова подступили к Тбилиси и на этот раз после двухмесячной осады взяли город, устроив там страшную резню. С двух высших начальников города в наказание за прошлогоднее издевательство над ябгу содрали кожу, набили ее сеном и повесили на городской стене (видимо, на том же месте, где раньше тбилисцы поставили чучело ябгу). Затем ябгу вернулся домой, а шад приступил к завоеванию Албании. Персидский наместник Албании бежал, а ее католикос Виро был вынужден признать власть кагана над страной. После этого в конце 629 г. тюрки двинулись в Армению, но были разбиты персами [Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с. 84–93].

В этот момент произошло событие, повлекшее за собой глубокие политические перемены. «Однако после того котел севера[11] обратил лицо свое против сыновей своих. И стал он спорить с самим собой, и всю ярость гнева своего обрушил на головы сыновей своих, и за одного претерпели тысячи, а за двоих — десять тысяч... Двинулись они по ущельям трех стран — Армении, Иверии и Алуанка, куда пришла печальная весть от северного льва рыкающего, от самого Джебу-хакана, львенку хищному его — Шату: „Напали на меня грабители и [ты] не увидишь больше лица моего, ибо вместо того, чтобы оставаться в безопасности, я рвался к царствованию неосуществимому“», — писал о событиях, случившихся в 629 г., Мовсэс Каланкатуаци [Мовсэс Каланкатуаци, 1984, с. 93]. В китайской «Новой истории династии Тан» («Синь Таншу») говорится: «В четвертое лето правления Чжен-чуань, 630, Сыби-хан просил о браке. Император отказал, а в указе к ним писал: „Дом тукюэский теперь в смутных обстоятельствах, и кто будет царствовать, еще не решено. К чему заботиться о браке? Пусть каждый управляет своим аймаком и не нападает друг на друга“. После сего владения западного края отложились, и тукюэский Дом пришел в великое бессилие» [Бичурин, 1950, с. 284, 285]. Таким образом, в Западнотюркском каганате начались крупные междоусобицы [Артамонов, 1962, с. 153, 154; Golden, 1980, с. 51]. Смута привела к ослаблению каганата, его распаду и в конечном счете к завоеванию китайцами в 657 г.

[11] Библейское выражение (примеч. пер.).

Хазарский каганат

Ведущая роль хазар в войне Западнотюркского каганата против Ирана говорит об усилении их значения среди народов Северного Кавказа, подчиненных тюркам. Тюрки способствовали консолидации хазар, их политическому объединению, которое стало доминировать над соседними племенами [Артамонов, 1962, с. 156; Ludwig, 1982, с. 75; Новосельцев, 1990, с. 86–88].

Относительно времени возникновения самостоятельного Хазарского государства не существует единого мнения. Исследователи приводят разные даты: 630 г. [Golden, 1980, с. 58], начало 650-х годов [Артамонов, 1962, с. 171; Федоров Я.А., Федоров Г.С., 1978, с. 202; Гадло, 1979, с. 136; Новосельцев, 1987, с. 21 (позже изменил свое мнение)], 630–653 гг. [Ludwig, 1982, с. 134]. М.И.Артамонов полагал, что, несмотря на смуту, хазары продолжали сохранять верность правящей в Западном каганате династии Нушиби и до ее падения в 651 г. не имели поводов для разрыва с тюрками [Артамонов, 1962, с. 170], но это суждение является предположением, не основанным на четких данных источников. К.Цегледи отодвинул образование Хазарского государства ко времени падения Второго Тюркского каганата — до 760–766 гг. Основной его аргумент заключается в том, что арабские авторы, описывая арабо-хазарские войны, противниками Халифата часто называли не хазар, а турок (тюрок) [Czeglédy, 1960a, с. 76, 79; Czeglédy, 1960b, с. 123, 124; Czeglédy, 1961, с. 245, 246; Lewicki, 1963, с. 93]. Однако частое именование хазар турками в арабской литературе объясняется принадлежностью хазар к тюркской языковой группе [Новосельцев, 1987, с. 24]. Упоминания хазар арабскими авторами для VII–VIII вв. Цегледи посчитал анахронизмом, однако этих упоминаний в восточной и византийской литературе слишком много, чтобы видеть в них анахронизмы. Кроме того, не ясно, какое отношение к Кавказу имел Второй Тюркский каганат — наследник Восточного, а не Западного каганата, находившийся восточнее Монгольского Алтая[12].

А.П.Новосельцев, исходя из того, что Мовсэс Каланкатуаци называет главой хазар Джебу-хакана, считал, что тот являлся хазарским правителем, что говорит о фактической самостоятельности Хазарии при формальном верховенстве западных тюрок уже в начале VII в. [Новосельцев, 1990, с. 86–89]. Однако для подобного вывода данных явно недостаточно. Арабские историки ал-Йакуби (конец IX в.) и ал-Куфи (начало X в.), повествуя о походе арабов против хазар в

[12] См. карту [Westermanns Atlas, 1988, p. 47 (№ IV)].

40–50-е годы VII в., называют царя хазар хаканом (каганом) [Jaqūbī, 1883, с. 194; Куфи, 1981, с. 10]. Исходя из этого, А.П.Новосельцев считал, что правитель хазар принял титул кагана в 30-х годах VII в., в тот период, когда в Западнотюркском каганате началась смута [Новосельцев, 1990, с. 89]. Вывод в целом верный, но, на мой взгляд, не следовало базироваться на сведениях указанных авторов: ведь точная датировка похода у них отсутствует, а по другим источникам этот поход можно датировать 653 г. (см. ниже).

Для выяснения вопроса обратимся к иным источникам. Ат-Табари и его последователь Ибн ал-Асир, сообщая о первом походе арабов на Северный Кавказ в 643 годы, называют их противниками турок [Tabari, 1893, с. 2667–2669; Ibn-el-Athir, 1869, с. 22]. Но уже в 651 г. спасавшийся от наступавших арабов последний сасанидский шах Йаздгерд III обратился за помощью к царю хазар [Tabari, 1893, с. 2876]. Значит, Хазарский каганат образовался перед 651 г. Но у персидского историка X в. Балами, переработавшего труд ат-Табари, сказано под 643 г., что горы и города, лежащие за Дербендом Алланским (Дарьялом), принадлежали хазарам [Balami, 1844, с. 500]. Таким образом, можно полагать, что Хазарский каганат уже существовал к началу первой арабо-хазарской войны в 643 г.

Когда же оформилась хазарская государственность? Думается, что это имело место в 630-е годы, в то время когда Западнотюркский каганат раздирали междоусобицы. И здесь А.П.Новосельцев совершенно прав. Отделившиеся от тюрок хазары создали свой каганат и к началу первой арабо-хазарской войны в 643 г. подчинили территорию от Волги до Дербенда, охватив весь Северо-Восточный Кавказ [Ромашов, 2001, с. 303, 304].

Арабские завоевания и хазары

Наряду с распадом Западнотюркского каганата на Ближнем Востоке произошли гораздо более крупные события, в значительной степени определившие будущий ход всемирной истории, — появление ислама и образование Арабского халифата. В 633 г. халифат начал завоевания сопредельных стран. Война шла одновременно против Византии и сасанидского Ирана. Оба государства, ослабленные предыдущей борьбой друг с другом, не могли оказать серьезного сопротивления новому противнику. При необходимости арабы быстро перебрасывали войска с одного фронта на другой, их завоевания были стремительными.

В 635 г. пал Дамаск, а в августе 636 г. арабы разбили византийские войска на реке Йармук в Южной Сирии, в результате чего в 640 г. вся Сирия и Палестина оказались в руках арабов. В 642 г. они завладели Египтом.

В 633 г. арабские отряды взяли Хиру на Евфрате. Решающее сражение между арабами и персами произошло 31 мая или 1 июня 637 г. при Кадисии; в этой битве сасанидские войска потерпели сокрушительное поражение. Арабы стали захватывать персидские владения: уже через три недели пал Ктесифон, в следующем году — Мосул. Весной 642 г. войска халифата окончательно разгромили персов при Нехавенде и в том же году проникли в Закавказье, где им подчинилась Армения[13]. В 643 г. арабский полководец Абд ар-Рахман ибн Рабиа подступил к Дербенду. Персидский наместник Шахрбараз (Шахрияр) сдал город противнику и признал власть халифа [Tabari, 1893, с. 2667; Ibn-el-Athir, 1869, с. 22]. Одновременно другие подразделения арабов заняли горные проходы Кавказа от Дербенда до Дарьяла [Balami, 1844, с. 500–502].

Подчинив Закавказье, арабы решили продвинуться на север за Кавказский хребет. Их войска начали продвижение сразу по двум направлениям — через Дербенд (Баб-ал-Абваб) против хазар и через Дарьял (Баб-ал-Лан) против алан. Последние смогли отразить нападение арабов. Зато на другом направлении мусульманские войска достигли крупного успеха: одним броском Абд ар-Рахман захватил хазарский Баланджар и затем достиг ал-Бейда. Этот поход, однако, не имел завоевательного характера и являлся скорее разведкой боем, так как арабы отошли после достигнутого успеха обратно в Дербенд [Tabari, 1893, с. 2667–2669; Balami, 1844, с. 500–503; Ibn-el-Athir, 1869, с. 22]: их власть в Закавказье не была прочной.

Исследователи, анализируя поход 643 г., усомнились в том, что арабские войска смогли проникнуть далеко на север до ал-Бейда (местонахождение не установлено, его предположительно локализовали на Волге) [Marquart, 1903, с. 491, 492; Kmoskó, 1967, с. 280–292; Артамонов, 1962, с. 179]. Д.Данлоп считал успех арабов преувеличением источников, но в то же время допускал возможность подобного предприятия [Dunlop, 1954, с. 50, 51].

В последующие годы халифат расширял свои владения в Закавказье. В 645/46 г. (25 г.х.) арабский полководец Салман ибн Рабиа вторично явился в этот район и подчинил Шарван (Ширван), Маскат, а также хазарских вассалов в Восточном Предкавказье — Лакз, Филан и Та-

[13] См. карты [Всемирная, 1957; Westermanns Atlas, 1988, с. 50–51].

баристан (видимо, Табасаран: Табаристан находился далеко от упомянутого района — на южном побережье Каспийского моря) [Jaqubi, 1883, с. 194; Куфи, 1981, с. 9, 10]. В 647 г. арабы разрушили Двин, а в 652 г. Армения признала власть халифата. Затем арабы выступили в поход на Хазарию.

Армией командовал Абд ар-Рахман. Операция прошла неудачно для арабов: их силы, наступавшие со стороны Баб-ал-Абваба, были наголову разгромлены турками (хазарами) недалеко за Баланджаром, а Абд ар-Рахман убит (в 32 г.х. — 652/53 г.) [Tabari, 1893, с. 2889–2891; Ibn-el-Athir, 1869, с. 102].

Однако, согласно иной традиции, не дающей точной датировки (в правление халифа Усмана — 644–656 гг.), против хазар воевал и пал за веру брат Абд ар-Рахмана — Салман ибн Рабиа ал-Бахли [Ibn Kuteiba, 1956, с. 202; Jaqūbī, 1883, с. 194; Beládsorí, 1866, с. 204, 259; Ibn al-Fakîh, 1885, с. 287–293; Куфи, 1981, с. 9, 10; Maçoudi, 2, с. 7; Jacut, 1866, с. 440, 441, 729, 730].

Указанные разногласия источников не меняют основной сути событий: поход 652/53 г. на Баланджар окончился для мусульман неудачно.

На этом первая арабо-хазарская война закончилась. Ее итог заключался в том, что Хазарский каганат отразил наступление противника и отстоял свою независимость. В последующие десятилетия арабы были заняты завоеванием других областей и преодолением внутренних разногласий.

Оправившийся от войны Хазарский каганат перешел к широкомасштабным завоеваниям в Восточной Европе. В этом смысле он явился преемником Тюркского каганата. Первой жертвой хазар явилась Великая Болгария, возникшая на развалинах Западнотюркского каганата одновременно с Хазарией[14]. После ее завоевания для хазар открылись пути в Крым, Северное Причерноморье, Среднее Поднепровье. Ни Византийская империя, занятая борьбой с арабами, ни местные племена не смогли противостоять натиску хазар. Земли от Днестра до Аральского моря и от Кавказского хребта до Камы оказались под властью Хазарского каганата [Romashov, 1998, с. 125, 126; Ромашов, 2001, с. 323, 324]. В Восточной Европе на рубеже VII–VIII вв. возникла мощная политическая сила, доминирующая роль которой сохранялась на протяжении двух столетий.

---

[14] См. [Ромашов, 1994, с. 232–251; 2001, с. 307–323]. Последнюю литературу см. [Noonan, 2001, с. 141, 142].

Артамонов, 1962 — *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962.
Атлас, 1959 — Атлас истории географических открытий и исследований. М., 1959.
Бичурин, 1950 — *Бичурин Н.Я.* (*Иакинф*). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л., 1950.
Всемирная, 1957 — Всемирная история. Т. III. М., 1957.
Гадло, 1979 — *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979.
Генинг, Халиков, 1964 — *Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге. М., 1964.
Гумилев, 1960 — *Гумилев Л.Н.* Война 589 г. и Гератская битва // Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР. 1960. № 2 (23).
Гумилев, 1962 — *Гумилев Л.Н.* Подвиг Бахрама Чубина. Л., 1962.
Гумилев, 1967 — *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. Л., 1967.
Златарски, 1970 — *Златарски В.* История на българската държава през средните векове. Т. I. Ч. 1. София, 1970.
История, 1999 — История Востока. Т. II. М., 1999.
Кляшторный, 1964 — *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники. М., 1964.
Кляшторный, 1973 — *Кляшторный С.Г.* Роль согдийцев в экономической жизни тюркского и уйгурского каганатов (VI–IX вв.) // Памятники письменности и памятники истории культуры народов Востока. IX научная годичная сессия ЛО ИВАН СССР. М., 1973.
Кляшторный, 1977 — *Кляшторный С.Г.* Образ кагана в орхонских памятниках // Памятники письменности и памятники истории культуры народов Востока. XIII научная годичная сессия ЛО ИВАН СССР. М., 1977.
Кононов, 1949 — *Кононов А.Н.* Опыт анализа термина *тюрк* // Советская этнография. 1949. № 1.
Кулаковский, 1914 — *Кулаковский Ю.* Прошлое Тавриды. Киев, 1914.
Куфи, 1981 — *Абу Мухаммад Ибн А'сам ал-Куфи.* Книга завоеваний / Пер. З.М.Буниятова. Баку, 1981.
Кычанов, 1997 — *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.
Мовсэс Каланкатуаци, 1984 — *Мовсэс Каланкатуаци.* История страны Алуанк / Пер. Ш.В.Смбатяна. Ереван, 1984.
Новосельцев, 1987 — *Новосельцев А.П.* Хазария в системе международных отношений VII–IX вв. // Вопросы истории. 1987. № 2.
Новосельцев, 1990 — *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
Патканов, 1861 — История Агван Моисея Каганкатваци, писателя X века / Пер. с арм. К.Патканьяна. СПб., 1861.
Пигулевская, 1946 — *Пигулевская Н.В.* Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.; Л., 1946.
Ромашов, 1994 — *Ромашов С.А.* Болгарские племена Северного Причерноморья в V–VII вв. // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. VIII. Wiesbaden, 1994.

Ромашов, 2001 — *Ромашов С.А.* Историческая география Хазарского каганата (V–XIII вв.) // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. XI. Wiesbaden, 2001.

Себеос, 1939 — История епископа Себеоса / Пер. Ст. Малхасянца. Ереван, 1939.

Советская, 1977 — Советская военная энциклопедия. Т. 3. М., 1977.

Толстов, 1948 — *Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948.

Федоров Я.А., Федоров Г.С., 1978 — *Федоров Я.А., Федоров Г.С.* Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978.

Феофилакт Симокатта, 1957 — *Феофилакт Симокатта.* История / Пер. С.П.Кондратьева. М., 1957.

Шестаков, 1908 — *Шестаков С.П.* Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р.Х. // Памятники христианского Херсонеса. Вып. III. М., 1908.

Якобсон, 1959 — *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес // Материалы и исследования по археологии СССР. № 63. М., 1959.

Balami, 1844 — *Dorn B.* Tabari's Nachrichten ueber die Chasaren // Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg. VI série. Sciences politiques, histoire et philologie. T. VI. 4, 5, 6-me livr. St.-Pb., 1844.

Beládsorí, 1866 — Liber expugnationis regionum auctore Imámo Ahmed ibn Jahia ibn Djábir al-Beládsorí / Ed. M. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1866.

Chavannes, 1903 — *Chavannes E.* Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции. T.VI. СПб., 1903.

Corpus, 1829 — Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. (№ 9). P. 1. Bonnae, 1829.

Czeglédy, 1960a — *Czeglédy K.* Khazar Raids in Transcaucasica in 762–764 A.D. // AOH. T. XI. Fasc. 1–3. Budapest, 1960.

Czeglédy, 1960b — *Czeglédy K.* A korai kazár történelem forrásáinak kritikájához // A Magyar Tudományos Akadémia nyelv- és irodalomtudományi osztályának közleményei. XV. köt. Budapest, 1960.

Czeglédy, 1961 — *Czeglédy K.* Bemerkungen zur Geschichte der Chazaren // AOH. T. XIII. Fasc. 3. Budapest, 1961.

Dunlop, 1954 — *Dunlop D.M.* The History of the Jewish Khazars. Princeton (New Jersey), 1954.

Golden, 1980 — *Golden P.B.* Khazar Studies. Vol. 1. Budapest, 1980.

Grousset, 1960 — *Grousset R.* L'empire des steppes. Paris, 1960.

Ibn-el-Athir, 1867 — Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur. Vol. I. Lugduni Batavorum, 1867.

Ibn-el-Athir, 1869 — Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur. Vol. III. Lugduni Batavorum, 1869.

Ibn al-Fakih, 1885 — Compendium libri Kitâb al-Boldân auctore Ibn al-Fakîh al-Hamdhânî / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1885.

Ibn Kuteiba, 1956 — Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny. T. I / Wyd. T.Lewicki. Wrocław; Kraków, 1956.

Jacut, 1866 — Jacut's geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg und Paris, London und Oxford... Bd. I / Hrsg. von Wüstenfeld. Lpz., 1866.

Jāqubī, 1883 — *Ibn Wādhih qui dicitur al-Ja'qūbī.* Historiae / Ed. M.Th. Houtsma. P. II. Lugduni Batavorum, 1883.

Julien, 1864 — *Julien St.* Documents Historiques sur les Tou-Kioue // Journal Asiatique. 6-me série. Vol. III. 1864.

Kmoskó, 1967 — *Kmoskó M.* Araber und Chazaren // Kőrösi Csoma Archívum. I. köt. (1921–1925). Leiden, 1967 (ed. stereotypa).

Lewicki, 1963 — *Lewicki T.* Ludy Daghestanu i północnego Kaukazu w oczach średniowiecznych pisarzy arabskich (IX–X ww.) // Przegląd Orientalistyczny. 1963. № 2 (46).

Liu Mau-tsai, 1958 — *Liu Mau-tsai.* Die Chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). Bd. I. Wiesbaden, 1958.

Ludwig, 1982 — *Ludwig D.* Struktur und Gesellschaft des Chazaren-Reiches im Licht der schriftlichen Quellen. Bd. I. Münster, 1982.

Maçoudi, 1863 — *Maçoudi.* Les prairies d'or. Vol. 2 / Text et trad. par C.Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris, 1863.

Marquart, 1898 — *Marquart J.* Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Lpz., 1898.

Marquart, 1903 — *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Lpz., 1903.

Marquart, 1911 — *Marquart J.* Die altbulgarischen Ausdrücke in der Inschrift von Čatalar und der altbulgarischen Fürstenliste // Известия Русского археологического института в Константинополе. Т. XV. София, 1911.

Marquart, 1914 — *Marquart J.* Über das Volkstum der Komanen. Lpz., 1914.

Moravcsik, 1930 — *Moravcsik J.* Zur Geschichte der Onoguren // UJ. 1930. Bd. X. Hgf. 1/2.

Németh, 1927 — *Németh Gy.* A türk népnév // Magyar Nyelv. XXIII. köt. Budapest, 1927.

Németh, 1930a — *Németh Gy.* A honfoglaló magyarság kialakulása. Budapest, 1930.

Németh, 1930б — *Németh J.* Die Petschenegischen Stammesnamen // UJ. 1930. Bd. X. Hgf. 1/2.

Németh, 1967 — *Németh Gy.* On ogur, hét magyar, Dentümoger // Kőrösi Csoma Archívum. I. köt. (1921–1925). Leiden, 1967 (ed. stereotypa).

Niceophori, 1880 — Nicephori archiepiscopi constantinopolitani Opuscula historica / Ed. C. De Boor. Lipsiae, 1880.

Noonan, 2001 — *Noonan Th.B.* Volga Bulghāria's Tenth-Century Trade with Sāmānid Central Asia // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. 11 (2000–2001). Wiesbaden, 2001.

Romashov, 1998 — *Romashov S.A.* The Eastern Boundary of the Khazar Qaganate // International Association for the Study of the Cultures of Central Asia. Information Bulletin. Issue 21. Moscow, 1998.

Tabari, 1881 — Annales quos scripsit Abu Djafar Muhammed ibn Djarīr at-Tabari. Vol. 2. Lugduni Batavorum, 1881.

Tabari, 1893 — Annales quos scripsit Abu Djafar Muhammed ibn Djarīr at-Tabari. Vol. 5. Lugduni Batavorum, 1893.
Theophanis, 1883 — Theophanis Chronographia. Vol. 1. Lipsiae, 1883
Theophanis, 1870 — Theophanis Byzantii Fragmenta // Historici Graeci Minores. Vol. I. Lipsiae, 1870.
Theophylacti, 1887 — Theohylacti Simocattae Historiae. Lipsiae, 1887.
Westermanns Atlas, 1988 — Westermanns Atlas zur Weltgeschichte. München, 1988.

AOH — Acta orientalia Academiae scientiarum hungericae. Budapest
UJ — Ungarische Jahrbücher. Berlin; Leipzig

Д.В.РУХЛЯДЕВ
(Санкт-Петербург)

Проблема жанра в изучении древнетюркских рунических памятников

Древнетюркские рунические надписи представляют собой самые ранние известные образцы тюркской литературы. Уже после первых переводов надписей, опубликованных В.Томсеном и В.В.Радловым, стало ясно, что исследователи имеют дело с текстами, которые представляют собой реализацию, воплощение жанровых принципов и норм — т.е. с произведениями, построенными по законам грамматики и семантики определенного жанра (жанров) [Мелиоранский, 1898, с. 279]. У данной точки зрения имелось два отправных пункта: а) теоретический — подразумевалось, что любое литературное произведение относится к какому-либо жанру; и б) практический — отмечалось значительное сходство в композиционной структуре надписей, их стилистике, использовании формульных выражений и т.д. В связи с этим позднее были предприняты попытки определить жанровую природу рунических памятников Орхона и Енисея (другие группы древнетюркских эпиграфических текстов в данной связи почти не рассматривались).

Выдвинутые на этот счет теории и гипотезы можно условно отнести к двум категориям. Авторы первых априорно допускали, что жанр в литературе может существовать сам по себе, в отрыве от конкретных произведений. Они рассматривали его как «чистую форму», которую следует обнаружить в реальном тексте. Степень соответствия реального текста этому предполагаемому идеальному формату и предопределяла ту или иную жанровую оценку произведения. Такой подход можно назвать формальным. Сторонники другой точки зрения полагали, что термином «жанр» лучше всего определять исторические виды произ-

© Д.В.Рухлядев, 2005

ведений. В данном случае не предполагалось отдельного, независимого существования жанра как некоей неизменной формы. Основной задачей исследователя становилось описание функций и структур текста, анализ его отношения к действительности и выяснение роли автора. Такой подход получил название комплексного[1]. В комплексной теории на первый план выдвигалась задача по определению обстоятельств возникновения памятника, т.е. тех конкретных условий, в которых данный текст создавался. Элементы структуры текста при этом трактовались в связи с выполнением ими определенных функций в рамках памятника как единого целого, а не в силу их формального соответствия структурам уже описанных жанров. Сторонники комплексного подхода подчеркивали, что жанр памятника представляет собой конкретно-историческое сочетание формы и содержания, целей и средств его автора.

Иными словами, основное отличие между двумя указанными выше подходами коренилось в том, что в первом случае жанр понимался как совокупность формальных элементов текста, каждый их которых является для этого жанра конституирующим, а во втором случае конституирующим оказывался сам текст (выполняющий определенные функции), формальные элементы которого приобретают то или иное жанровое качество только в рамках данного текста [Уэллек, Уоррен, 1978, с. 243–252; Burke, 1973, с. 92–102; Miller, 1984, с. 151–167].

Многие авторы, касавшиеся этого вопроса (особенно на первом этапе изучения надписей), не ставили перед собой задачи специально исследовать жанр памятников и ограничивались в его отношении описательными определениями вроде: «историко-биографические повествования», «рассказы о героических деяниях», «героические жизнеописания», «эпические хроники» и т.п. В определениях подобного рода была выражена некоторая приблизительная оценка исследователями типа рассматриваемых произведений, но они не могут считаться жанровыми, так как под приведенными выше определениями могут подразумеваться произведения самых разных жанров. По сути, оставаясь в рамках жанровой теории, нам следует рассматривать их как выражения, близкие метафорам. Последние позволяют охарактеризовать явление, лишь «намекая» на его связь с другими известными явлениями, но не отождествляя его с этими явлениями непосредственно. Например, «рассказы о героических деяниях» подразумевают наличие рассказа о подвигах главного персонажа и некоего «героического» стиля. Рассказ о подвигах можно обнаружить в произведениях различных

[1] Иначе его называют контекстуалистским.

жанров: в эпосе, историческом сказании, мифе, романе, сказке и т.д.; точно так же к самым различным жанрам может быть приложено и определение «героического» стиля.

Отсюда ясно, что подобные определения не указывают непосредственно на жанровую природу памятника, т.е. не являются наименованиями жанра в формальном смысле. С другой стороны, однако, они не являются и комплексными определениями: комплексный подход имеет своей целью такое описание структуры и функций текста памятника, которое было бы необходимым и достаточным условием для дифференциации его жанра от текстов памятников, созданных в других жанрах. Приведенные нами выше примеры определений сделать этого не позволяют: неясно, скажем, чем отличаются тюркские рунические памятники, понятые как «историко-биографические повествования», от надгробных надписей средневековых китайцев, а понятые как «героические жизнеописания» — от произведений типа среднеазиатских дастанов.

Большинство исследователей, тем не менее, убеждено в том, что отличия между названными группами памятников существуют. В связи с этим следует рассматривать такие определения не как наименования конкретных жанров, а лишь как описательные сочетания терминов, обозначающие некоторые типы литературных произведений и вообще текстов. Эти сочетания представляют собой альтернативу формальным определениям и комплексным реконструкциям. Они порождают или подразумевают определенный взгляд на предмет, но не конкретизируют его, а лишь позволяют «подмечать сходство на основе общепринятых ассоциаций» [Black, 1962, с. 25–47]. В результате автор описательных определений оказывается не в состоянии провести четкие жанровые отличия между такими понятиями, как, допустим, «исторические повествования» и «героические жизнеописания»: в действительности они могут обозначать один и тот же текст и при этом не исключать друг друга. Описательные определения, таким образом, обладают множеством значений и смыслов.

В середине XX в. вопрос о возникновении жанра тюркских рунических надписей начинает занимать все большее место в трудах ученых-востоковедов (как филологов, так и историков). Исследователи настойчиво пытались разобраться в том, чего же в тюркских надписях «больше»: истории или литературы? Некоторые авторы сводили понятие жанра памятников к понятию их литературной формы. Обнаружив сходство данной формы со структурными характеристиками жанров, уже описанных и исследованных на материале других литературных

традиций, они отождествляли жанр памятников с тем или иным идеальным жанровым типом. Эту схему мы обозначили выше как формальную. Исследователи этой группы стремились (с большими или меньшими оговорками) отнести тексты тюркских стел к исторически универсальным, идеальным жанрам или описать их в качестве суммы формальных элементов подобных жанров.

Наиболее распространенной в этой группе точкой зрения является отнесение жанра надписей к одной из разновидностей фольклора тюрков. Фольклор при этом понимался как все разнообразие устного творчества, причем творчества, известного в основной своей части по позднейшим его фиксациям (XIX–XX вв.) Исходным пунктом такого рода рассуждений являлось предположение о том, что если надписи возникли в среде народа, лишенного своей письменной литературы (и — это допускалось обычно априорно — не были заимствованы из более развитой соседней культуры), значит, они могли сложиться только на основе фольклора — единственного источника словесности в таком обществе. Кроме того, сторонники «фольклорной теории» постоянно подчеркивали значительное стилистическое сходство памятников устного творчества и рунических надписей, полагая его достаточным основанием для вывода о том, что древнейшая тюркская литература оформилась в недрах фольклора. С.Г.Кляшторный отмечал, что в этом подходе было заметно естественное желание увязать ранние литературные памятники тюрков с гипотетически реконструируемым фольклорным миром давно минувшей эпохи. Он же подчеркнул наиболее характерный недостаток подобного рода предположений: «Реконструкция, впрочем, была осуществлена простейшим способом — в прошлое опрокинуто исторически недавнее эпическое наследие современных тюркских народов» [Кляшторный, 1992, с. 7].

Исследователями жанровой структуры памятников чаще всего оказывались филологи. Многие из них, увлеченные обнаруженным стилистическим сходством рунических надписей и фольклора, обращали недостаточно внимания на тот факт, что содержание надписей является историческим (т.е. рассматривали исторические сведения в надписях лишь как своего рода дополнение к фольклорной схеме). Историки, к сожалению, мало интересовались проблемой жанрового своеобразия рунических памятников.

В рамках этой точки зрения сформировалось несколько разных мнений, отличающихся друг от друга в зависимости от того, какому фольклорному жанру при сравнении с древнетюркскими памятниками отдавалось предпочтение. Закономерно, что данная точка зрения на-

шла большой отклик в среде фольклористов и этнографов, увидевших в рунических памятниках материал для собственных изысканий. Например, неоднократно высказывалось предположение о том, что тексты надписей послужили «прототипами» и «прообразами» будущих фольклорных жанров.

Ряд исследователей предпочитал более осторожные формулировки. В частности, жанр рунических памятников рассматривался ими не как запечатленный на камне образец того или иного фольклорного жанра (эпоса, панегирика, плача), а в качестве совокупности формальных элементов нескольких подобных жанров. Такой подход можно охарактеризовать как модифицированную разновидность формальной теории.

Сторонники комплексного подхода отмечали, что форму нельзя рассматривать в отрыве от содержания, и подчеркивали то обстоятельство, что формальное сходство еще не свидетельствует в пользу отождествления жанров или заимствования одним из них формальных элементов структуры другого. Заимствование подобных элементов (если таковое имело место) всегда влекло за собой их переосмысление в рамках нового контекста, в котором между этими элементами устанавливались новые связи и менялась сама природа их взаимодействия (за исключением случаев своего рода «цитирования»). В большинстве случаев исследователи этого типа предпочитали говорить не о заимствовании одним жанром элементов другого, а о наличии в обоих жанрах конвергентно обусловленных элементов общности. Они старались показать специфику жанра рунических памятников посредством выявления тех отличительных особенностей языка и стиля, которые позволили бы описывать тексты памятников как самостоятельное целое. Формальные характеристики стиля надписей рассматривались сторонниками этой точки зрения в качестве явлений, получающих свое жанровое «звучание» лишь в контексте памятников данной группы. Сама же данная группа классифицировалась на основе комплексного описания структуры составляющих ее текстов и реконструкции той неповторимой исторической ситуации, в которой эти тексты были востребованы и созданы. В рамках комплексного подхода, таким образом, литературная форма памятников не рассматривалась в качестве чего-то независимого от их исторического содержания; напротив, подчеркивалось, что она является лишь средством выражения этого содержания и теснейшим образом с ним связана.

Можно сказать, что сторонники комплексного подхода сформулировали тезис о невозможности сведения единой жанровой структуры памятников к совокупности составляющих ее формальных элементов.

С комплексной точки зрения, все формальные элементы текста функционально обусловлены. Например, наличие в текстах надписей стилистических формул, аналогичных фольклорным, еще не свидетельствует о том, что надписи представляют собой памятники фольклора. Эти формулы могли выполнять в рунических памятниках задачи, совершенно отличные от тех, которые они выполняют в фольклорном произведении. С другой стороны, большое количество конкретно-исторических сведений, содержащихся в надписях, точно так же еще не достаточно для того, чтобы полагать тюркские памятники чем-то вроде исторических хроник. Письменно зафиксированные сведения исторического характера встречаются в произведениях различных жанров, и историческое (в широком смысле) содержание текстов еще не делает их памятниками историографии.

Отдельную группу составили исследователи, которые полагали орхонские рунические надписи произведениями письменной литературы, далекими от фольклора, но испытавшими на себе определенное влияние иноязычных письменных традиций (преимущественно эпиграфики Китая и Ирана). Сторонники этой точки зрения, однако, подчеркивали тот факт, что формальные параллели разных групп памятников могут объясняться близостью их функций, а не заимствованием собственно текстовой структуры. Иными словами, общность элементов формы могла быть результатом функциональной общности.

Ниже мы кратко остановимся на содержании высказывавшихся в литературе мнений по этому вопросу (в хронологическом порядке) — преимущественно тех, которые могут быть отнесены ко второй и третьей группам объяснений (так как авторы первой группы собственно жанровых теорий не формулировали).

Конец XIX — начало XX в.

На первых порах вопрос о жанровой природе памятников редко становился предметом специального рассмотрения. Большинство исследователей сосредотачивалось на изучении лингвистического и фактографического аспектов надписей, ограничиваясь по поводу их жанровой специфики лишь краткими попутными замечаниями.

П.М.Мелиоранский [Мелиоранский, 1898] писал, что орфография рунических текстов, их план и слог свидетельствуют как о даровании автора, так и о значительной выработанности языка и стиля. По его мнению, рассказ об однородных событиях уже отлился в стереотипную форму, неотъемлемой частью которой стали разного рода «укра-

шения» (пословицы, лексический и синтаксический параллелизм, аллитерация и т.д.). «Что же касается до сравнений и метафорических выражений, — отмечал П.М.Мелиоранский, — то нельзя не подивиться их устойчивости и прочности в турецкой народной литературе: почти все они употребляются доныне на Алтае, у киргизов и т.д. и наверное без труда были бы поняты и оценены нашим современным «инородцем» турецкого племени» [Мелиоранский, 1898, с. 280]. П.М.Мелиоранский обратил внимание на сохранение многих элементов формально-стилистической структуры текстов памятников в позднейшем тюркском фольклоре, однако при этом он избегал вывода о фольклорном генезисе жанра, в рамках которого они были созданы. Указание на то, что стереотипную форму принял «рассказ об однородных событиях», можно считать свидетельством того, что П.М.Мелиоранский склонялся к мысли о соединении в жанре надписей исторического содержания и своеобразной художественно-стилистической формы.

На сходство ритмической структуры текстов памятников и отдельных произведений тюркского фольклора указал Ф.Е.Корш. В одной из своих работ, анализируя заключительные строки надписи в честь Кюльтегина, он пришел к выводу, что «здесь легко уловить ритм или, пожалуй, два ритма, впрочем, чередующиеся без всякого порядка» [Корш, 1909, с. 139]. Аналогичные «стихоподобные» структуры Ф.Е.Корш обнаружил еще в двух местах текстов памятников (КП и КТб22). Подобные формы со свободным размером стиха, по его мнению, были характерны именно для народной поэзии тюрков — они широко бытовали в фольклоре алтайцев, ногайцев, казахов, татар, чувашей и др. [Корш, 1909, с. 140]. Впрочем, объявлять Ф.Е.Корша родоначальником теорий о поэтическом (стихотворном) характере тюркских рунических памятников, как это иногда делается, нет никаких оснований: в его работе речь шла лишь о ритме, который присутствует в нескольких строках памятников, но не о текстах надписей целиком.

П.А.Фалев полагал, что «сопоставление произведений народного эпоса с орхонскими надписями вполне уместно» [Фалев, 1922, с. 22]. Он первым указал на сходство начала «большой надписи» в честь Кюль-тегина («Üzä kök täŋri // Asra jaγyz jer qylyntuqta» — «Когда вверху возникло голубое небо, а внизу — бурая земля» (КТб1)) и зачина эпоса «Манас» («Жер, жер болгондо // Суу, суу болгондо» — «Когда земля стала землей // А вода — водой»). Однако сторонником фольклорного происхождения жанра надписей П.А.Фалев не был: он ограничивался лишь сравнением некоторых выражений в памятниках и героическом эпосе (как и П.М.Мелиоранский).

Некоторые исследователи отмечали возвышенный, «эпический» стиль надписей и сравнивали их художественные достоинства с образцами античного эпоса. С другой стороны, ясность и прагматизм изложения, свойственные надписям, сопоставлялись со стилем «Записок о галльской войне» Юлия Цезаря [Giraud, 1961, с. 11–12; Sprengling, 1939, с. 6; Thomsen, 1916, с. 92]. Эти две столь разные художественные манеры органично сочетались в текстах рунических памятников.

В целом можно сказать, что на первом этапе происхождение жанра надписей еще не стало предметом специального исследования. Высказывания по этому вопросу носили метафорический характер или представляли собой попутные замечания относительно стилистической общности памятников и некоторых форм устного народного творчества тюрков.

1940–1950-е годы

В данный период значительно расширилась сфера изучения памятников древнетюркской письменности и оформился ряд новых подходов в интерпретации их жанровой природы. Первоначально ученые-тюркологи были сосредоточены преимущественно на дешифровке и интерпретации надписей орхонской группы. Несколько позднее внимание исследователей привлекли и более краткие по объему памятники енисейской письменности. Появились первые попытки отождествления жанра рунических памятников с жанрами фольклора (на основе сходства композиционных и стилистических особенностей). В дальнейшем это направление разрабатывалось преимущественно фольклористами, что наложило заметный отпечаток на содержание выдвигавшихся концепций. В большинстве случаев тексты орхонских и енисейских надписей рассматривались в качестве образцов того или иного фольклорного жанра или сочетания элементов нескольких таких жанров.

Свою точку зрения на происхождение и эволюцию жанра орхонских и енисейских надписей высказал А.Н.Бернштам. Вслед за П.А.Фалевым он отмечал сходство отдельных выражений в памятниках и героическом эпосе тюрков. Несмотря на то, что А.Н.Бернштам не сформулировал в данном вопросе единой концепции, из отдельных его высказываний следует вывод о том, что рунические памятники были написаны в виде «стихотворного повествования», близкого по своей стилистике киргизскому эпосу (в качестве примера он приводил следующее место из надписи в честь Кюль-тегина: «Begilik ury oγlyŋ qul bolty / Silik qyz oγlyŋ küŋ bolty» («Твои мужественные сыновья стали

рабами, твои чистые дочери стали рабынями») (КТб7) [Бернштам, 1946а, с. 33]. Суджинскую надпись он рассматривал в качестве источника сюжета эпоса «Манас» [Бернштам, 1942, с. 10–13; Бернштам, 1946а, с. 52, 53; Бернштам, 1946б, с. 139–145], что вызвало в свое время критику со стороны ряда других ученых [Малов, 1952, с. 76, 77; Жирмунский, 1961, с. 138–140; Мелетинский, 1963, с. 370, 371].

«В некоторых [памятниках] чувствуется стиль былины, наподобие легенд и преданий, имеющих место среди тюркских народов, особенно у якутов и кыргызов», — констатировал исследователь [Бернштам, 1946а, с. 33]. При этом, однако, А.Н.Бернштам отстаивал историографическую природу текстов памятников, полагая их «своеобразными летописями» [Бернштам, 1946а, с. 31], в которых легендарные сведения о далеком прошлом соседствуют с записями слов очевидца, повествующего о недавних событиях. По его мнению, текст памятников представляет собой «стилистически довольно живой и увлекательный рассказ, носящий, однако, черты некоторого стандарта в выражениях» (описания битв, заслуг, эпитеты) [Бернштам, 1946а, с. 37]. С его точки зрения, надписи являются историческими по своему содержанию памятниками, литературная форма которых складывалась под определенным влиянием стилистики тюркского героического эпоса. Древними тюрками был выработан, считал А.Н.Бернштам, своеобразный «стиль официального повествования». Этот стиль был героико-эпическим по своему характеру. Таким образом, жанр памятников в данном случае рассматривался как сочетание исторического содержания и фольклорной стилистики.

Другие исследователи также ограничивались указанием на сходство некоторых стилистических компонентов рунических надписей и фольклора тюрков, следуя в данном случае традиции предыдущего периода. Н.А.Баскаков отмечал многочисленные формульные параллели алтайского героического эпоса и надписи в честь Кюль-тегина. Он предполагал, что при создании памятника были использованы изобразительные приемы древнего эпоса тюрков, стилистика которого оказала некоторое влияние на структуру надписи [Баскаков, 1948, с. 4]. Сходной точки зрения придерживался и Е.Э.Бертельс, который сравнивал некоторые стилистические фигуры из текста памятника в честь Кюль-тегина с оборотами, характерными для туркменской народной поэзии [Бертельс, 1947, с. 74, 76].

Один из первых исследователей жанра енисейских памятников, эпосовед М.И.Богданова, полагала, что енисейские надписи построены в духе устных народных причетов, поминальных песен, а также при-

жизненных од и других панегирических жанров устного творчества. Возникнув в недрах фольклора, рунические памятники, по ее мнению, в дальнейшем повлияли на жанры самого фольклора и значительно обогатили его, приведя к формированию эпических памятников вроде киргизского «Манаса» (в данном пункте ее идеи совпадали с мнением А.Н.Бернштама). Позднейший богатырский эпос тюрков, таким образом, оказывался генетически связанным с древней фольклорной традицией, запечатленной в рунических надписях. М.И.Богданова объясняла своеобразие жанровой формы енисейских надписей смешением элементов формы различных фольклорных жанров (в основном лирических и обрядовых) [Богданова, 1947, с. 12–13].

Енисейские надписи относятся к лирическому роду литературы; кроме того, в них отсутствует авторское начало. В этой связи нетрудно заметить значительную структурную близость текстов этих памятников произведениям обрядового фольклора. Речь идет, разумеется, не о копировании тех или иных жанров, а лишь о создании своего рода вариаций на их темы. В данной части выводы М.И.Богдановой выглядят убедительными. По нашему мнению, формальный подход к изучению жанра рунических надписей с некоторым основанием может быть применен только в исследованиях памятников енисейской письменности. Совсем иное дело — орхонские тексты, которые представляют собой исторические повествования и являются в известной степени авторскими произведениями.

Последовательно проводил идею фольклорного начала в древнетюркских надписях М.О.Ауэзов. Анализируя киргизский героический эпос «Манас», он писал: «Содержание и характер всех малых и больших надписей Орхона и Енисея говорит о том, что эти памятники не представляют собой лирическую кантилену, характерную для многих других надгробных эпитафий. Их особенность заключается в повествовательно-эпическом содержании и соответствующей ему своеобразной художественной форме сказа. В них дана летопись походов, подвигов героев, приведены картины боев, смертельных схваток между племенами. Так, например, из надписи, посвященной полководцу Кюль-Тегину, встает образ непобедимого богатыря, подобного героям древних былин. В этих надписях есть и хронологическая последовательность. Рассказывается о важнейших подвигах Кюль-Тегина, начиная с его 16-летнего возраста и кончая смертью в возрасте 47 лет. Здесь явная параллель с сюжетным построением героических поэм, где также воспеваются деяния героя, начиная с его юных лет и кончая смертью» [Ауэзов, 1961, с. 54]. Описания битв Кюль-тегина М.О.Ауэзов сравни-

вал с распространенными в устном исполнении «подвигами Манаса, Алмамбета, Чубака, Сыргака, Кошоя и т.д. из киргизского эпоса» [Ауэзов, 1961, с. 55]. М.О.Ауэзов пришел к выводу о существовании устных и письменных версий эпитафийных текстов: «Что такое сами эти надписи орхонские? Разве не являются они и памятниками древнейших форм фольклора? Ведь здесь подлинно краткие фабулы эпических сказаний. А если подобные памятники высекались из камня, разве не могли быть и более полные редакции на устах?» [Ауэзов, 1975, с. 437].

При этом исследователь подчеркивал, что «памятники не являются легендой или плодом вольной фантазии. Здесь конкретные исторические события изложены в условной, своеобразной, но правдивой литературной форме. Они равноценны любой исторической хронике. Их свидетельства подобны свидетельствам летописей» [Ауэзов, 1961, с. 55]. Таким образом, М.О.Ауэзов не видел принципиального различия между историческим произведением и памятником поэтического фольклора, полагая тот же «Манас» чем-то вроде своеобразной историко-поэтической хроники.

По мнению М.О.Ауэзова, еще одним общим источником надписей и современного киргизского фольклора стали обрядовые жанры фольклора древних тюрков: *керез* (песня-завет, песня-завещание умершего) и *кошок* (плач по умершему). «Сопоставление этих бытовых песен, — писал М.О.Ауэзов, — неизменных частей эпоса, с упомянутыми выше надписями обнаруживает огромную близость между ними, явную родственность. Надписи составлены или в стиле *керез*, от лица умирающего, или в виде *кошока*, от лица ближайшего родственника — отца, брата, матери» [Ауэзов, 1961, с. 58]. Таким образом, М.О.Ауэзов полагал, что *керезы* представляют собой прообразы тех орхонских и енисейских текстов, где речь идет от лица умершего, а *кошоки* — тех текстов, в которых умершего оплакивают родственники. В качестве сравнения он приводил отрывок из киргизского эпического *кошока*, посвященного батыру Женеку, и рунического памятника из Очуры [Ауэзов, 1961, с. 58, 59].

Указанный выше период (1940–1950-е годы) характеризовался сложением одного из основных подходов к разработке данной проблемы — формального. Это естественно, так как при изучении памятников какой-либо вновь открытой литературной традиции обязательно появляются попытки (не всегда беспочвенные) описать ее в рамках уже имеющихся жанровых определений. Эти определения, как правило, происходят из той отрасли литературоведения и вообще словесно-

сти, которой занимались на момент открытия памятников первые исследователи их жанра (в нашем случае — из фольклора). Формальный подход, зародившийся в среде фольклористов и имевший свое теоретическое обоснование в виде постулируемой автохтонности тюркской литературы (а значит, ее «устности»), в этот период достаточно быстро приобретает зрелый характер и воплощается в формах, которые станут для него типичными на протяжении всех последующих десятилетий. Стилистическая общность памятников и фольклора постоянно будет служить в его рамках достаточным основанием для выведения жанра памятников целиком из области фольклора. «Эпическая теория», которая, по словам В.М.Жирмунского, воплощала в себе «романтическое понимание идеи народности в фольклоре и истории литературы» [Жирмунский, 1974, с. 671], получила в последующие десятилетия большое распространение.

1960–1970-е годы

Дискуссия о жанре тюркских рунических надписей продолжалась. Многие авторы, сравнивая структуру рунических памятников (в особенности орхонских) и образцов позднейшего фольклора тюрков, быстро пришли к убеждению, что, несмотря на наличие некоторых черт стилистической общности в этих двух группах произведений, было бы большой натяжкой рассматривать древнетюркские эпиграфические тексты как памятники фольклора. Эти исследователи указали на необходимость комплексного подхода к исследованию понятия жанра в древнетюркской литературе. Такую точку зрения на генезис орхонской эпиграфики выразил, например, И.В.Пухов: «В орхонских памятниках поэзия еще недостаточно выделилась из прозы... Это — период зарождения художественной литературы, некое синкретическое явление, в котором имеют место и начала поэзии, и художественная проза, и эпитафия на надгробии, и ораторская речь, и деловой обзор происходящих событий, и обозрение событий, уже отошедших в область прошлого (зачатки исторического освещения фактов). Особенно же характерна для орхонских текстов...близость их к стилю народного поэтического творчества. В период создания текстов на орхонских памятниках древние тюрки уже имели развитое устное поэтическое творчество со своими традициями. К нему, как к исходному пункту, и восходят дошедшие до нас памятники устного творчества тюркоязычных народов, в частности, и героический эпос алтайцев» [Пухов, 1973, с. 28–29]. И.В.Пухов, иными словами, видел источник литературной

формы надписей в неком древнем жанровом синкретизме, в котором берут свое начало многие позднейшие жанры художественной и документальной прозы, а также поэзии. Несмотря на то что высказывания И.В.Пухова по этому вопросу были очень краткими, они содержат массу точных и ценных наблюдений. Главным достоинством позиции И.В.Пухова следует считать ее последовательно-исторический характер, попытку наметить пути комплексной реконструкции жанра памятников. Он одним из первых указал на значимость традиций ораторского искусства в процессе сложения литературной формы орхонских памятников.

Очень важные наблюдения над жанровой природой тюркских памятников принадлежат французскому историку и филологу Л.Базену. Он первым предпринял попытку детального комплексного анализа текстов, исследуя прежде всего функции надписей, которые определили их жанровое своеобразие. Согласно Л.Базену, появление надписей было следствием установления в среде тюрков определенного обряда погребения. Этот обряд предполагал создание «хвалебного надгробного слова» в камне [Базен, 1986, с. 346], которое выполняло бы функцию сохранения связей умершего с его социальной группой. Последний пункт был разработан Л.Базеном особенно подробно. Он писал, что средневековые тюрки в первую очередь стремились к тому, чтобы дух умершего не оказался в забвении и не начал мстить оставшимся в живых его родственникам. Эту задачу решала эпитафия, сохранявшая у потомков образ героя и позволявшая ему как бы соприсутствовать в лоне своей семейной и социальной группы. Именно это стремление, по Л.Базену, и предопределило характерные черты содержания памятников, в которых речь идет исключительно об общественном положении и деятельности героя, а не о его личной жизни. «Индивидуальная история, — отмечал Л.Базен, — в эпитафийной эпиграфике строго обязательно связывается в определенном аспекте с историей общественной жизни индивидуума» [Базен, 1986, с. 347]. Здесь мы имеем дело не с индивидуальными, а с подчеркнуто-официальными биографиями. Следовательно, путем показа жизни умершего только в той мере, в какой она была связана с жизнью общества, достигалось желанное «социальное и национальное объединение в религиозных целях» [Базен, 1986, с. 348].

Л.Базен, акцентируя свое внимание на том, что тюркские памятники представляли собой биографию конкретно-исторического лица, полагал их именно историческими, а не фольклорно-поэтическими произведениями. «История в тюркских надписях Центральной Азии,

признанных древнейшими тюркскими текстами исторического содержания, отражалась стихийно как естественная тема обряда погребения», — писал он [Базен, 1986, с. 346]. Это своего рода протоистория, зародыш исторического освещения фактов. Л.Базен указывал на «бессилие этой, возникшей из погребального обряда, исторической формы охватить обширный период человеческой истории», отмечая ее ограниченность рамками одной человеческой жизни или династии [Базен, 1986, с. 349]. По Л.Базену, это было вызвано сравнительно поздним появлением у тюрков письменности и незавершенностью в их обществе процесса формирования собственной историографии.

В то же время Л.Базен считал, что при всех потерях в объеме данных и хронологии в более широком масштабе надписи обеспечивали достоверность и реализм. Будучи ритуальными текстами, они исключали преднамеренную ложь в изложении фактов, должны были соответствовать исторической истине, чтобы не разгневать умершего и не навлечь его проклятия на живых[2]. Кроме того, надписи были выставлены на всеобщее обозрение, и явные искажения в изложении известных многим событий были бы неуместны. Пристрастность надписей не исключала их объективности. Иными словами, Л.Базен считал тюркские надписи религиозно окрашенными текстами, историческое содержание которых являлось следствием их генезиса в рамках погребального обряда [Базен, 1986, с. 350–356; Bazin, 1964, с. 209].

Ценные очерки о специфике жанра надписей оставил итальянский исследователь А.Бомбачи. Он разработал свою концепцию комплексного анализа памятников, в ряде пунктов дополняющую и уточняющую концепцию Л.Базена. По его мнению, «имеет место эволюция надписей от простейших надгробных текстов, в которых усопший говорит от первого лица, до пространных надписей, прославляющих Тоньюкука, Кюль-тегина и Бильге-кагана... литературных памятников самого разнообразного содержания и формы» [Бомбачи, 1986, с. 193]. Следовательно, он полагал, что енисейские надписи хронологически предшествовали орхонским и в определенной степени являлись их источником. А.Бомбачи рассматривал орхонские тексты как «смешение жанров исторического повествования, политической риторики и эпики», в рамках которого «эпический жанр, по-видимому, превалирует, так как в надписях прославляются те личности, которым они посвящены» [Бомбачи, 1986, с.193]. В подтверждение этой точки зрения

[2] О культовом значении рунических памятников писали также А.Габен [Gabain, 1970, с. 115; Gabain, 1963, с. 218], Э.Эсин [Esin, 1982, с. 149–154], А.М.Щербак [Щербак, 2001, с. 41] и другие авторы.

он указывал на то, что главной целью авторов и редакторов надписей являлось прославление личности умершего через создание панегирического рассказа о нем. В содержании и стилистике такого рассказа, отмечал А.Бомбачи, различные исторические события, вроде сотворения мира, походов в Согд, Китай и другие страны стоят в одном ряду с малозначительными эпизодами и обрисованы несколькими скупыми словами. Редкие элементы исторического повествования, по его мнению, были призваны подчеркнуть трудность совершаемых действий и тем самым превознести силу, сумевшую их преодолеть.

Таким образом, согласно А.Бомбачи, описание исторических событий — во многом лишь иллюстрация, фон, а не суть содержания надписей. Таким же фоном он полагал и вкрапленные в текст риторические элементы, украшающие его, но не являющиеся в нем главными. Суть же жанра надписей, писал А.Бомбачи, заключалась в прославлении героизма, подвигов умершего, в создании на конкретно-историческом материале его идеального образа. А.Бомбачи указывал также, что «стиль надписей имеет особенности, характерные, по всей видимости, исключительно для тюркской традиции. Этот стиль остается живым на протяжении целых веков, особенно в устной литературе» [Бомбачи, 1986, с. 193]. Таким образом, А.Бомбачи склонялся к мысли о том, что литературная форма надписей (панегирик) в определенной степени определяла их содержание. Эта литературная форма, однако, имела авторский, а не фольклорный характер, и была связана с функцией прославления героев надписей как исторических деятелей [Bombaci, 1968, с. 16].

Взглядам А.Бомбачи довольно близка точка зрения Е.М.Мелетинского, который отрицал связь жанра тюркских надписей с героическим эпосом тюркских народов, но допускал определенную «поэтическую эпизацию» исторического материала. Он писал: «Действительно, в орхоно-енисейских памятниках походы каганов часто воспеваются очень образно и в стихотворной форме, характерной для тюркского эпоса в целом. Можно предположить в этих героических эпитафиях использование местных фольклорных источников, хотя, конечно, считать, опираясь на рунические надписи, что уже в ту эпоху существовал жанр героического эпоса, нельзя» [Мелетинский, 1963, с. 251]. Говоря о природе этих «фольклорных источников», он добавлял, что «на материале исторического предания был создан образ «эпического времени», причем подобные предания были характерны и для последующих эпох тюркской литературы (уйгуры, кыргызы). Исторические предания, таким образом, послужили содержательной основой орхонских памятников. Кроме того, панегирическая поэзия, связанная с похорон-

ными плачами, оказала определенное влияние на памятники енисейской письменности тюрков [Мелетинский, 1963, с. 372].

Большое внимание проблеме жанра тюркских памятников уделила в нескольких своих работах И.В.Стеблева. Ей принадлежит первая и пока единственная попытка последовательного анализа художественной структуры надписей в отечественной литературе. Основной тезис, который отстаивала в своих исследованиях И.В.Стеблева, заключается в том, что большинство древнетюркских рунических текстов имеют поэтическую природу (т.е. написаны стихами). Развивая этот тезис, И.В.Стеблева пришла к заключению, что стих тюркских памятников обнаруживает замечательное сходство со стихом современного тюркского фольклора — в частности, героического эпоса и других жанров: «В самой структуре древнетюркского стиха нет ничего, что было бы совершенно чуждо современному стиху тюркоязычных народов, особенно фольклорному» [Стеблева, 1965, с. 64][3].

Упорядоченность языка и стиля тюркских памятников, их лексический, синтаксический и тематический параллелизм легли, по мнению И.В.Стеблевой, в основу предположений о том, что у тюрков выработался «стиль официального повествования» [А.Н.Бернштам, 1946а, с. 37–38] или система «трафаретных обозначений и формулировок», вызванных «лаконизмом эпиграфического текста» [Кляшторный, 1964, с. 70]. Подобные определения, по И.В.Стеблевой, нельзя признать правомерными. Она писала: «Дело не в разработке „стандарта официального повествования", а в том, что древнетюркские сочинения в той форме, которую мы описали, отразили существование единой литературной традиции, имеющей закономерную эволюцию и характеризующейся наличием собственного художественного стиля, элементы которого легко прослеживаются в позднейших эпических сказаниях тюркских народов» [Стеблева, 1965, с. 49].

И.В.Стеблева неоднократно подчеркивала, что тексты надписей создавались согласно определенному канону (литературному этикету), который предполагал отбор материала и соответствующие приемы его изложения. «Сопоставление нескольких эпизодов истории древних тюрков с их описанием в Большой надписи в честь Кюль-тегина, — отмечала она, — делает неоспоримым факт наличия в надписи опре-

[3] Мнение о поэтической природе отдельных мест в орхонских надписях разделялось ранее Ф.Е.Коршем [Корш, 1909, с. 139–140], Т.Г.Виннером [Winner, 1958, с. 55–56], Р.Жиро [Giraud, 1961, с. 123–136] и Дж.Р.Крюгером [Krueger, 1962, с. 557], однако в их работах не делался вывод о том, что тексты памятников целиком представляют собой стихотворные произведения.

деленной системы описания, которая подчиняет себе способы изображения реально происходивших событий» [Стеблева, 1976, с. 61]. Литературный канон, по мнению И.В.Стеблевой, был обязан своим происхождением жизненному обиходу, обрядности и собственно литературной практике древних тюрков [Стеблева, 1976, с. 90–107]. Одним из главных приемов данной системы описания являлись логико-семантические циклы, представляющие собой структурные единицы повествования и образующие в совокупности рассказ. «Однотипный набор повествовательных единиц, которые обязательно группируются в определенной последовательности, позволяет рассматривать ее как характерную черту орхонских надписей, не располагающую другими законами построения текста», — указывала И.В.Стеблева [Стеблева, 1976, с. 9]. Она считала, что описанные циклы характерны для всех орхонских памятников и любых их уровней.

Литературный канон описаний определял собой всю внутреннюю структуру повествования. И.В.Стеблева предполагала заимствование авторами надписей ряда элементов «устной эпической традиции» — иными словами, элементов фольклора. В нескольких своих работах она повторяла тезис о том, что «тексты надписей в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана, возможно, являлись литературной трансформацией песен и героических сказаний, складывавшихся вокруг этих героев» [Стеблева, 1969, с. 130; Стеблева, 1976, с. 95]. Согласно И.В.Стеблевой, «свидетельством существования каких-то, возможно, фольклорных вариантов [надписей — *Д.Р.*] и традиции их исполнения» являются регулярные «обращения к слушателям» в тексте [Стеблева, 1965, с. 47, 48; Стеблева, 1976, с. 103, 104, 108].

Касаясь вопроса о жанре памятников, И.В.Стеблева предлагала называть тексты орхонских надписей «историко-героическими поэмами» [Стеблева, 1965, с. 61]. При этом исторический пейзаж оставался в их повествовании только фоном — для авторов «история народа «кёк тюрк» послужила материалом, на основании которого был создан определенный комплекс идей» [Стеблева, 1976, с. 90] (повторение тезиса А.Бомбачи и Е.М.Мелетинского). Эти поэмы, по мнению И.В.Стеблевой, были созданы под влиянием или в связи с традицией дружинного эпоса, складывавшегося в окружении вождя-полководца [Стеблева, 1984, с. 197]. Енисейские же рунические тексты, по И.В.Стеблевой, представляют собой первые по времени образцы тюркоязычной эпитафийной лирики [Стеблева, 1965, с. 61–63].

Отдельно останавливаясь на памятнике в честь Тоньюкука, И.В.Стеблева пришла к выводу, что обилие в его тексте прямой речи делает

форму повествования похожей на эпические жанры тюркского фольклора, например, на дастаны [Стеблева, 1976, с. 104]. Исследователь также признавала возможность влияния на возникновение тюркского литературного канона письменных традиций Китая и Ирана [Стеблева, 1984, с. 199].

И.В.Стеблева совершенно верно, на наш взгляд, подчеркивала важность той роли, которую играет в надписях принятая система описания (литературный канон). При этом, однако, она несколько абсолютизировала формальный аспект в изучении жанра надписей и рассматривала последний как образец панегирической поэзии, в котором литературная форма подчинила себе историческое содержание. Сама данная литературная форма, по ее мнению, появилась в результате своего рода жанровой трансформации фольклора (т.е. объединения элементов формы различных фольклорных жанров) и собственно авторских усилий по выработке канона описания «типовых ситуаций». Так возникли орхонские «историко-героические поэмы», которые были написаны эпическим стихом и предназначались для рецитации [Стеблева, 1976, с. 97].

Точка зрения И.В.Стеблевой вызвала критику со стороны ряда исследователей. В основном критиковался тезис о стихотворной природе надписей, в несколько меньшей степени — попытки описания жанра надписей в качестве панегирика, созданного по фольклорной модели. Одним из авторов, который выступил против «поэтической теории» еще в 1921 г., был Т.Ковальский [Kowalski, 1921, с. 157]. В защиту прозаической структуры текста надписей высказывались также Т.Ганджеи, полагавший встречающиеся в надписях параллелизмы «ритмическими элементами в высокоразвитой прозе» [Gandjeï, 1958, с. 142–156], и А.М.Щербак [Щербак, 1961, с. 145]. Начало дискуссии, последовавшей за появлением в печати первых работ И.В.Стеблевой, положила статья чешского лингвиста Л.Гржебичека, который писал, что в надписях не наблюдается метрическая связь циклов и составляющих их предложений. Он привел расчет соответствия распределений слогов в «стихах» памятника Кюль-тегина, цитируемых И.В.Стеблевой, и заключил, что «слоги распределены нормально для прозы, они не соответствуют поэтическим... Немногие примеры изосиллабизма у автора — случайны» [Hřebiček, 1967, с. 479–480]. Л.Гржебичек проанализировал для сравнения стихи и прозу в более позднем тюркоязычном памятнике — «Огуз-наме» (XIII в.) — и выяснил, что «распределение слогов в прозаической части „Огуз-наме“ очень близко таковому в надписи Кюль-тегина. Отличия же в распределении слогов и ударений в стихотворных отрывках „Огуз-наме“ — разительны». Он

добавил, что темпоральный принцип «выравнивания», предложенный И.В.Стеблевой, не изменяет природы корреляции слогов в стихах [Hřebiček, 1967, с. 481–482].

Точку зрения Л.Гржебичека активно поддержал В.М.Жирмунский. Согласно В.М.Жирмунскому, циклы И.В.Стеблевой — это обычные прозаические абзацы, в которых нет ничего специфического для стихотворной формы. По его мнению, «надписи представляют собой особый литературный жанр, письменный, а не устный», и «пение и речитатив не имеют к нему никакого отношения[4]. В качестве исторической аналогии к ним следовало бы привлечь хорошо известные надгробные надписи древних царей Шумера, Вавилона и Ассирии, хеттов, урарту или персов. Они также отличаются торжественной приподнятостью и рядом признаков высокого стиля: параллелизмом и повторениями, связанными известной ритмизацией, аллитерациями и рифмами, традиционными формулами и т.п.; однако они отличаются от песенных, особенно поэтических памятников эпоса, как надписи народов Месопотамии отличаются от эпоса о Гильгамеше или известная надпись о победах Дария I — от гимнов „Авесты“» [Жирмунский, 1974, с. 675]. Меньше всего, считал исследователь, следует искать в надписях близость с героическим (дружинным) эпосом и соответственно рассматривать их как генетический прототип или как отражение тюркского героического эпоса [Жирмунский, 1968, с. 82; Жирмунский, 1974, с. 679, 680]. Он присоединялся к выводу А.Н.Бернштама о выработке «стиля официального повествования» с несколько отличным, правда, решением вопроса об источнике этого стиля: В.М.Жирмунский видел его, по крайней мере частично, в памятниках древней и средневековой эпиграфики Китая (одним из первых эту мысль высказал академик Н.И.Конрад)[5].

---

[4] Последний детальный обзор итогов дискуссии о «стихотворной организации» тюркских надписей и критика «поэтической теории» принадлежат Г.Дёрферу [Doerfer, 1996, с. 57 и сл.].

[5] В.М.Жирмунский, впрочем, предостерегал от абсолютизации этой точки зрения: «Приведенные факты отнюдь не дают оснований думать, что жанр надгробной надписи, представленный в наиболее примитивной форме в лирических эпитафиях V в. [т.е. енисейских надписях. — *Д.Р.*], пришел к тюркам из Китая; еще менее можно утверждать, что героическое содержание и литературная форма были заимствованы тюрками у китайцев. Но не исключается, что торжественный и украшенный характер трех больших надписей — в честь Тоньюкука, Кюль-тегина и Бильге-кагана — был подсказан существованием китайских образцов этого жанра, в особенности если сравнить их текст с гораздо более простой могильной надписью на Онгинском памятнике» [Жирмунский, 1974, с. 677–678].

Устное народное творчество (фольклор), по В.М.Жирмунскому, вполне могло оказать известное влияние на становление жанра орхонских памятников, но также преимущественно в области стилистики. «В литературной форме надписей, — полагал В.М.Жирмунский, — исследователи не раз отмечали ряд признаков приподнятого поэтического стиля, характерных для этого жанра и, вероятно, традиционных» [Жирмунский, 1968, с. 81; Жирмунский, 1974, с. 678]. Вслед за М.О.Ауэзовым исследователь указывал на близкие по стилистике и темам тюркским надписям обрядово-бытовые жанры, такие как упоминавшиеся выше *кошоки* или *керезы* (вроде завещания хана Кокотоя его сыну Бок-Муруну в «Манасе»). Однако в противоположность М.О.Ауэзову, В.М.Жирмунский не утверждал, что надписи созданы непосредственно в рамках этих жанров или композиции их формальных элементов. Он лишь резюмировал: «Автор или авторы надписей, знавшие в быту эти древние устно-поэтические жанры как единственный способ стилистически приподнятой оценки и оплакивания усопшего родича, могли находиться под бессознательным воздействием таких образцов» [Жирмунский, 1968, с. 82; Жирмунский, 1974, с. 679]. Таким образом, В.М.Жирмунский отмечал преимущественно стилистическое воздействие образцов древнетюркского фольклора на орхонские рунические памятники. Любопытно, что, подчеркивая авторский характер орхонских надписей, он вплотную (вслед за А.Бомбачи) подошел к сформулированному позднее другими исследователями важному тезису о том, что их литературная форма была связана с традициями ораторской риторики, сыгравшей большую роль в формировании понятия осознанного авторства в тюркской литературе.

Возрождение в этот период специального интереса к енисейским надписям связано с именем М.А.Унгвицкой. Впервые после длительного перерыва исследователи снова обратились к проблеме специфики этих произведений, рассматривая их не как маргинальный или архаичный вариант орхонской литературы, а как произведения самостоятельного жанра. М.А.Унгвицкая, рассматривая проблему происхождения жанров енисейских эпитафий, утверждала, что их тематика совпадает с тематикой хакасских героических сказаний — «семейных хроник» (*алыптыг нымахтар*) [Унгвицкая, 1973, с. 73–83]. Согласно М.А.Унгвицкой, тексты енисейских эпитафий и героические сказания создавались в одну и ту же эпоху, одновременно, и имели общие художественные характеристики. К числу последних она относила «свободную строфику» (т.е. чередование фрагментов прозы и стихов в одном тексте), наличие рифмы, синтаксический паралле-

лизм и гиперболизацию. В енисейке, писала она, параллелизм часто приобретает форму дистиха. Кроме того, по ее мнению, обнаруживается сходство и в содержании этих двух категорий памятников: и в сказаниях, и в эпитафиях описывается семейный быт кочевников-тюрков, отношения родителей и детей, супружеская верность, преданность героя своему государству и народу. В обоих жанрах также воспевается борьба народа с иноземными завоевателями [Унгвицкая, 1973, с. 76].

Окончательный вывод автора таков: структура «стиха» енисейских памятников почти по всем признакам аналогична структуре стиха *алыптыг нымахов*. Те и другие представляют собой образцы высокохудожественной эпической и лирической поэзии, у которых устанавливается один общий источник — фольклорная поэзия. Создатели эпитафий, полагала М.А.Унгвицкая, просто использовали содержание и стилистику *алыптыг нымахов* в деле создания надписей, так как героические сказания были близки и понятны им в качестве распространенного фольклорного жанра [Унгвицкая, 1973, с. 83].

В другой своей работе М.А.Унгвицкая проводила параллели енисейских эпитафий с жанром хакасской народной песни (*тахпах*). Она выдвинула предположение о том, что эпитафии и песни созданы в рамках одного жанра — «лироэпического», в котором в образной форме воспеваются подвиги богатыря (действительного или легендарного). Таким образом, эпитафии Енисея представляют собой жанр древнетюркской лироэпической поэзии, связанный с песенным фольклором. Их основное отличие от собственно фольклора заключается в том, что герой надписей — историчен, хотя его описание и составлено в героико-эпическом стиле [Унгвицкая, 1971, с. 64].

По М.А.Унгвицкой, на формирование жанра эпитафий, помимо песен, оказали воздействие также *сыыты* — плачи жен по героям, существующие в форме, «близкой поэтической» [Унгвицкая, 1971, с. 68]. Последние обычно представляют собой монолог, обращенный к умершему со стороны его супруги (или других родственников). В художественном отношении, подчеркивала М.А.Унгвицкая, и песням, и плачам, и эпитафиям присущи одинаковые стилистические черты: перифразы, метонимии, эпитеты, метафоры и т.п. В плачах, как и в надписях, воспеваются идеальное государство, идеальный хан, идеальный богатырь, идеальные подвиги. Главное отличие эпитафий от плачей — в том, что первые написаны, как правило, от первого лица и более торжественны. Исследователь добавляла, что тексты стел, в свою очередь, повлияли на хакасские песни и плачи нового времени [Унгвицкая, 1971, с. 71]

(здесь повторяется тезис об обратной связи памятников и фольклора, высказанный А.Н.Бернштамом и М.И.Богдановой).

В целом работы М.А.Унгвицкой представляют собой первые описания литературной формы енисейских памятников, хотя и не всегда последовательные. Автор приводит много интересных данных в Пользу тезиса о том, что енисейские надписи созданы на материале жанров лирического и обрядового фольклора тюрков (вернее, комбинации формальных элементов этих жанров), при этом подчеркивая, что у названных двух групп памятников имеются и существенные отличия [Унгвицкая, 1971, с. 72; Унгвицкая, 1973, с. 83]. Как мы уже отмечали выше, формальный метод, который использует М.А.Унгвицкая, в некоторой степени помогает объяснить генезис жанра именно енисейских (не орхонских) памятников.

Опыт комплексного анализа жанра памятников, заложенный в работах исследователей 1950-х годов, был развит в трудах С.С.Суразакова. Он видел «сходные черты стиля» в орхонских надписях и эпосе тюркоязычных народов (в частности, алтайцев) и предполагал, что «в орхонский период тюрки Алтая уже имели свой сложившийся богатый эпос, и он оказал влияние на стиль письменных памятников» [Суразаков, 1985, с. 80]. Исследователь также находил в текстах памятников следы *сыгыта* (ритуального плача) и *алкыша* (благопожелания): «Türk bodun joq bolmazun tijin / bodun bolčun tijin» («Да не погибнет пусть народ тюркский, народом пусть будет!») (КТб11), «Kül tegin joq ärsär / qop öltäči ärtigiz» («Если бы не было Кюль-тегина, все вы погибли бы») (КТб 50), «Körür közim körmäz täg / bilir biligim bilmäz täg bolty / özim saqyntym» («Зрячие очи мои словно ослепли, вещий разум мой словно отупел») (КТб 50) и т.д. Он отмечал наличие в фольклоре и надписях большого числа одинаковых идиоматических выражений и эпитетов (например, зачины «большой надписи» в честь Кюль-тегина и ряда алтайских эпических сказаний). С.С.Суразаков соглашался с тем, что «былинный слог» надписей не тождествен песенным формам современного тюркского стиха, и присоединялся к мнению И.В.Стеблевой о том, что это стих эпического речитатива. Надписям, замечал он, присуще характерное для эпоса смешение стихотворных и прозаических фрагментов, когда стихи «с примерно одинаковым количеством слогов» соседствуют с прозаическими строками.

Еще одним доказательством стилистического влияния фольклора на жанр памятников, по С.С.Суразакову, является наличие в последних лексических формул, типичных для позднейшего фольклора тюрков. Начало «большой надписи» в честь Кюль-тегина, где речь идет о

сотворении мира и человека, по его мнению, характерно по форме и содержанию для зачинов многих эпических произведений тюрков Южной Сибири и бурят. В заключение своих рассуждений С.С.Суразаков делал следующий любопытный вывод: «Есть все основания полагать, что единым стилевым источником для памятников и эпоса стала... патетическая речь. Такую речь произносили при торжественных встречах и приветствиях почетных гостей, героев и полководцев, при повествовании о боях и сражениях, при благословении отъезжающих и, наконец, во время похорон» [Суразаков, 1985, с. 86–87]. Эта речь и определила, по С.С.Суразакову, сходный характер надписей и эпоса [Суразаков, 1975, с. 259].

У С.С.Суразакова, в отличие от И.В.Пухова, уже совершенно отчетливо звучит мысль о том, что в формировании жанра надписей большую роль сыграли риторические практики древних тюрков. Причем исследователь четко очерчивал сферу влияния этих практик на жанр памятников — преимущественно стилистическую, не влекущую за собой подчинения исторического содержания памятников их литературной форме. Историческая обоснованность концепции С.С.Суразакова позволяют охарактеризовать ее как одну из наиболее убедительных попыток применения комплексного подхода к реконструкции жанра памятников.

Поиски «риторического» источника формирования стиля орхонских надписей (а также всего их жанра в целом), начатые И.В.Пуховым, А.Бомбачи и С.С.Суразаковым, были продолжены другими авторами[6]. Так, Э.Р.Тенишев указывал на стилистическое единообразие и большую устойчивость образно-стилистических средств в орхонских памятниках. Он предполагал, что орхонские тексты представляют собой «записи ритуализированной публичной речи, насыщенной поэтическими, правовыми и иными формулами, яркими сравнениями — оборотами речи, построенными по принципу смыслового и формального параллелизма, эмоционально окрашенной и сакральной лексикой» [Тенишев, 1976, с. 165]. Все это вместе придает надписям, по его мнению, высоко торжественный фон, удачно названный А.Н.Бернштамом «стилем официального повествования». Э.Р.Тенишев составил список поэтических, правовых, обиходных и ораторских формул, из которых для его концепции текстов памятников как образцов ораторского искусства наиболее важными являются следующие: «представ-

[6] Отдельные замечания по этому поводу можно найти также у Н.Н.Козьмина [Козьмин, 1934, с. 261–267], С.Е.Малова [Малов, 1951, с. 13] и Дж. Клосона [Clauson, 1972, с. 782].

ления» оратора («я, небоподобный, неборожденный тюркский мудрый каган» и т.п.), формулы обращения (с глаголами *äsid-* («слушать»), *bil-* («знать»), *saqyn-* («думать») в форме императива второго лица), риторические вопросы и восклицания (КТм10, БКб33, БКм15, КТб22) [Тенишев, 1976, с.168].

Норвежский исследователь Э.Ховдхауген также полагал, что текст памятника Кюль-тегина первоначально предназначался для устного произнесения (рецитации) [Hovdbaugen, 1974, с. 78–82].

Л.Ю.Тугушева отмечала «общность словесно-художественных приемов, свидетельствующую о единстве типового стиля» древнетюркских письменных памятников (орхонских, енисейских и уйгурских) [Тугушева, 1978, с. 115]. На ранних этапах развития тюркской литературы, по ее наблюдениям, «архаизация языка, подчеркнутая условность повествовательных приемов, строгое следование жанровому ритуалу создают облик стиля, сознательно ориентированного на отличие от стихии «обычного языка» [Тугушева, 1978, с. 119]. Иными словами, надписи были созданы в рамках оригинального канона, в котором значительную роль играли характерные для фольклора приемы изображения и система образов, но который в своем полном виде не являлся письменным переложением какого-либо устного жанра или его элементов. Л.Ю.Тугушевой принадлежат ценные наблюдения над приемами описания стандартных ситуаций в ранних тюркских памятниках [Тугушева, 2001, с. 31–37]. Все эти приемы, по ее мнению, были нацелены не на то, чтобы представить явление в его индивидуально-неповторимом виде, а на стандартизацию его. Речь в них идет о некой «идеализированной» ситуации, литературном штампе. Само по себе ничто не заслуживало внимания: все описываемые факты призваны были лишь подтвердить заранее заданную идею. Стандартизация описания, по Л.Ю.Тугушевой, упрощала задачу выбора кода дешифровки текста.

Эти наблюдения, хотя и не сопровождаются выводом о специфике жанра памятников как такового, позволяют точно охарактеризовать тот способ, с помощью которого в текстах надписей достигалось сочетание историографического и художественного элементов. Они служат дополнением к описаниям типовых ситуаций и повествовательных циклов памятников, сделанных другими исследователями, и представляют собой образец применения методов комплексного подхода к решению проблемы генезиса жанра надписей. В другой своей работе Л.Ю.Тугушева отмечала, что орхонские надписи являются авторскими произведениями и по своей структуре коренным образом отличаются от

фольклора. Она подчеркивала, что авторы памятников опирались на «выдающиеся достижения письменной культуры своего времени» [Tuguşeva, 2002, с. 155].

Американский фольклорист И.Башгёз пришел во многом к аналогичным выводам. Он писал, что орхонские надписи представляют собой самый ранний источник образцов тюркской ритмической прозы. В основном это касается фрагментов, связанных с описанием боевых эпизодов. Можно констатировать, отмечал исследователь, некоторое сходство художественной формы надписей с формами эпической традиции тюркского фольклора. Действительно, полагал И.Башгёз, некоторые характерные черты текстов надписей, например, синтаксический параллелизм предложений, аллитерации и элементы традиционной поэтической образности близки эпической поэзии тюрков. Однако, по его мнению, исторический характер орхонских памятников, которые являлись записями обращения кагана к своему народу, не позволяет рассматривать эти надписи как образец фольклорно-эпического жанра [Başgöz, 1978, с. 311, 312].

Неоднократно обращался к теме жанровой специфики тюркских памятников Л.Н.Гумилев. Его позиция является крайне противоречивой, так как в ней практически на равных правах соседствуют опыт комплексной реконструкции и одна из наиболее жестких редукционистских схем, когда-либо сформулированных по этой проблеме в отечественной тюркологии. В вопросе о том, прозу или стихи представляют собой эти памятники, он поддержал позицию Гржебичека–Жирмунского: это не стих, а «великолепно обработанная проза, куда напрашивается ритм» [Гумилев, 1993, с. 320]. Согласно Л.Н.Гумилеву, орхонские надписи по форме являются патетической речью, обращенной к современникам, а по содержанию — историческими произведениями, суть которых заключается в «воинствующем пассеизме» («любовании прошлым»). Будучи привязанными к обряду, эти тексты обычно приобретали внешний характер некролога.

Л.Н.Гумилев специально остановился на вопросе о сходстве и различии текстов разных памятников, в которых описываются одни и те же события. По И.В.Стеблевой, имевшиеся различия были обусловлены литературным каноном надписей, который требовал рассказа только о деяниях героя повествования, и «пропускал» все, что было связано с другими лицами. С точки же зрения Л.Н.Гумилева, напротив, надписи прежде всего имели функцию пропаганды, и задачей их авторов было реагирование на текущую ситуацию. «Старое повторять неинтересно», — так, по его мнению, рассуждал Йоллыг-тегин, со-

кращая и комкая в надписи в честь Бильге-кагана эпизоды, уже описанные в надписи Кюль-тегина [Гумилев, 1993, с. 330].

Жанр надписей, писал Л.Н.Гумилев, это агитация на основании исторического материала (сочетание полемики и дидактики с повествованием о событиях). События в них изложены верно, но неполно, поскольку в агитационном документе беспристрастие не только неуместно, но и противопоказано. Появление же письменной риторики, считал исследователь, было вызвано возросшей ролью общественного мнения у тюрков [Гумилев, 1993, с. 331].

После этих рассуждений Л.Н.Гумилев переходил к рассмотрению сюжета орхонских памятников и неожиданно заявлял, что данный сюжет имеет чисто фольклорное происхождение. По его мнению, орхонские тексты представляли собой вариант содержания алтайского эпоса «Алып-Манаш».

В этом эпосе богатырь Алып-Манаш женится на дочери Кыргыз-хана, но бросает ее и отправляется на поиски Эрке Каракчи, дочери вероломного Ак-кана, попадает к Ак-кану в плен и пишет оттуда на крыле дикого гуся письмо домой. Брат отказывается его спасти и, превратившись в Алып-Манаша, приезжает к дочери Кыргыз-хана, чтобы овладеть ею. Алып-Манаша освобождает из плена его волшебный конь. Алып-Манаш убивает Ак-кана и его злую дочь и с триумфом возвращается на родину. Его брат-предатель обращается в бегство.

Л.Н.Гумилев писал: «Тут интересно многое: путешествие за красавицей... напоминает увещевания орхонских надписей жить у себя дома, в Отюкенской черни, и не устремляться к табгачскому хану за приманками роскоши, среди которых красавицы, хотя они и не упомянуты в надписях, должны были играть немалую роль» [Гумилев, 1993, с. 346]. Письмо на крыле гуся, по Л.Н.Гумилеву, — это аллюзия на дидактический ханьский рассказ о пленении хуннами Су У. Эпизод с предательством брата намекает на борьбу с китайскими разведчиками, спасение героя конем — на решающую роль конницы в освобождении тюрков. «Какие-то неуловимые сюжетные интонации подсказывают, — отмечал Л.Н.Гумилев, — что анализируемый нами вариант, родившись, быть может, в первом каганате, бытовал во втором и оттуда попал на Алтай, где и сохранился до нашего времени» [Гумилев, 1993, с. 346].

Таким образом, ясно, что исследователь в поисках фольклорных аналогов тюркских надписей пошел даже далее М.О.Ауэзова и его последователей, утверждая влияние на рунические памятники не только литературной формы (изобразительных приемов и стилистики), но

также композиции и сюжетной линии героического эпоса тюрков в полном объеме. То, что Л.Н.Гумилев рассматривал алтайский «Алып-Манаш» как результат эволюции рунического сюжета, а не его источник, сути дела не меняет (в этом он следовал взглядам М.И.Богдановой и А.Н.Бернштама). Каким конкретно образом возможно было сочетание в рамках одного произведения исторической канвы и фольклорного сюжета (на равноправных началах), из концепции Л.Н.Гумилева остается неясным. Можно заметить, что в его рассуждениях некоторые любопытнейшие догадки смешаны с массой различных домыслов, что практически обесценивает первые в собственно научном плане.

В 1960–1970-е годы выступили и новые сторонники «фольклорной» теории. Впрочем, аргументы этих исследователей в основном повторяли положения их предшественников [Джолдасбеков, 1969, с. 3–5; Рахманов, 1983, с. 45; Трояков, 1963, с. 74–88].

Активно защищала точку зрения о фольклорном генезисе жанра тюркских надписей исследователь эпоса «Манас» Р.З.Кыдырбаева. Она полагала мысль П.А.Фалева об уместности сопоставления орхоно-енисейских надписей с образцами позднего тюркского фольклора «плодотворной и поучительной», а первым конкретным воплощением этой мысли считала работы М.О.Ауэзова [Кыдырбаева, 1980, с. 8]. Р.З.Кыдырбаева предполагала, что рунические надписи составлялись из элементов *кошоков*, *арманов*, *жоктоо* (обрядовых плачей) и героического эпоса тюрков (той его формы, которая сохранилась у киргизов и алтайцев). Основной характерной чертой оплакивания в *кошоках* и надписях (как орхонских, так и енисейских), по ее мнению, являлся рассказ об умершем через повествование о его подвигах (перечисление подвигов). Стилистика и содержание этого оплакивания напоминают соответствующие эпизоды «Манаса». Отмечая различия в структуре надписей и героического эпоса, исследователь писала, что рунические памятники обычно фиксируют заслуги умершего от первого лица (от лица самого умершего), а киргизский эпос вводит серии плачей по герою от лица его приближенных и родственников и, таким образом, развивает этот вид жанра до разнообразных разветвленных форм. Следовательно, заключала Р.З.Кыдырбаева, у киргизских и алтайских плачей-причетов — единый традиционный источник, архаичные формы которого можно обнаружить в текстах рунических памятников. Ритмико-синтаксический параллелизм, по ее мнению, — это «типическая» черта структуры надписей и героического эпоса, несомненно указывающая на родство двух данных групп памятников [Кыдырбаева, 1980, с. 117].

Р.З.Кыдырбаева обнаруживала особенно заметную сюжетную и художественную близость «большой надписи» в честь Кюль-тегина и эпоса «Манас»: в частности, в сценах описания послов, пришедших на церемонию оплакивания Кюль-тегина, и перечисления плачущих, прибывших попрощаться с ханом Кокотоем. Рунические надписи, таким образом, рассматривались ею в качестве древнейших форм героического эпоса и героических сказаний, которые сложились на базе устного творчества древних тюрков.

Помимо этого, Р.З.Кыдырбаева обращала внимание на тот факт, что погребальные стелы были очень удобны для распространения и сохранения таких «фольклорных традиций», как сентенции и назидания — т.е. образцов народной дидактики. На аналоги таких обращений она указывала в том же «Манасе» (наставление Усенбая сыну Чагалдаю и др.). Дидактический фольклорный жанр (*санат*, *насыят*), продолжала она, по своей природе очень консервативен и не претерпел особых изменений за минувшие столетия. Завещание хана Кокотоя, по ее мнению, представляет собой чуть ли не импровизированную копию завещания Бильге-кагана [Кыдырбаева, 1980, с. 109]. Однотипные сюжетно-стилистические явления в рунических надписях и в фольклоре свидетельствуют, что художественно-выразительные средства надписей и сам их жанр строились на основе развитой устно-поэтической культуры. Таким образом, по Р.З.Кыдырбаевой, тексты надписей возникли на основе эпических (эпос), обрядовых (плачи) и дидактических (наставления) жанров древнетюркского фольклора. Исследователь поддержала точку зрения И.В.Стеблевой на тюркские надписи как поэтические произведения, написанные стихами, характерными для эпоса. Отличительной особенностью этих стихов она полагала «аллитерации и эвфонические вариации» [Кыдырбаева, 1980, с. 103].

Характеризуя период 1960–1970-х годов в целом, можно сказать, что в это время получили свое дальнейшее развитие основные тенденции исследования жанра памятников, которые сформировались еще в середине XX в. Редукционистские схемы не претерпели какой-либо заметной эволюции. Их основными постулатами продолжали оставаться утверждения о сложении жанра памятников на основе одного или нескольких фольклорных жанров (элементов отдельных жанров), а аргументация в основном повторяла доводы предшественников. В большинстве случаев жанр орхонских памятников представлялся сторонниками этого подхода в виде соединения элементов жанров героического эпоса и ряда лирических жанров, а енисейских памятников —

одного или нескольких жанров обрядового (реже — эпического) фольклора.

Главным достижением этого этапа в изучении жанра тюркских надписей следует считать появление сразу нескольких масштабных попыток комплексной реконструкции жанра памятников, в ходе которых некоторые прежние описательные определения получили свое терминологическое обоснование. В отличие от формальных концепций, в силу своей природы ограниченных в выборе материала для сравнения и методов его интерпретации, варианты комплексного подхода оказались очень разнообразными. В разных их версиях акцент делался на описании и последующей исторической реконструкции различных характерных черт формы и содержания памятников. Эти варианты комплексной теории в ряде случаев противоречили друг другу, но в целом являлись скорее взаимодополняющими. Функциональное объяснение возникновения и развития тех или иных особенностей текстов памятников, данное в работах А.Н.Бернштама, Л.Базена, А.Бомбачи, Е.М.Мелетинского, И.В.Стеблевой, В.М.Жирмунского, С.С.Суразакова, С.Г.Кляшторного, Э.Р.Тенишева, Л.Ю.Тугушевой создало гораздо более полную и сложную картину генезиса жанров тюркской эпиграфики, чем это предполагалось сторонниками формального метода.

Именно в отношении комплексного подхода мы можем говорить об определенной эволюции в оценке и анализе жанра памятников. Ранние формы комплексного подхода находились под определенным влиянием формализма и в ряде случаев представляли собой работы переходного рода — т.е. рассматривали жанр памятников в качестве совокупности элементов формы различных жанров (обычно по-прежнему фольклорных). Данный этап в развитии комплексного подхода нашел свое отражение (частично) в работах И.В.Стеблевой и М.А.Унгвицкой.

Несколько позднее оформился и комплексно-реконструктивный подход, сторонники которого четко разделяли черты стилистической общности и характеристику жанра рунических памятников как отдельного литературного типа. Ими были выявлены многие очень важные исторические обстоятельства, в которых зарождался и совершенствовался жанр памятников. Особенно нужно подчеркнуть тот факт, что сторонники комплексно-реконструктивного подхода убедительно доказали не фольклорно-поэтический, а в основе своей документально-исторический (хотя и с признаками «художественности») характер орхонских памятников, а также указали на ту большую роль, которую

сыграли в становлении литературной формы надписей риторические практики (А.Бомбачи, И.В.Пухов, С.С.Суразаков, Э.Р.Тенишев, Э.Ховдхауген, И.Башгёз).

Метафорические и описательные определения сохранились преимущественно в работах обзорного и справочного характера [Габен, 1986, с. 334; Кононов, 1980, с. 40; Aalto, 1946, с. 132; Giraud, 1961, с. 13]. Таким образом, завершилось формирование основных направлений в дискуссии о жанре памятников.

1980–2000-е годы

На протяжении последних 20–25 лет дискуссия по данному вопросу продолжала сохранять основные черты и тенденции, характерные для нее в предшествующий период. Получили свое дальнейшее развитие варианты комплексного подхода. Главные особенности жанра тюркских рунических памятников были к тому времени уже определены, и в рамках комплексной методики начал постепенно развиваться процесс специализации исследований; при этом, наряду со все нарастающей специализированностью изысканий, сохранялись и даже усиливались тенденции широкого, многоаспектного взгляда на поставленную проблему. Влияние комплексного подхода испытали и некоторые формальные концепции. Снова были поставлены вопросы о природе рунических надписей (стихи или проза), роли риторики в формировании их структуры, развитии тюркского литературного языка, иностранном влиянии на жанр надписей и многие другие.

Аргументы сторонников «фольклорной теории» были повторены в работах Р.С.Липец и Г.О.Туденова.

Этнограф Р.С.Липец в своей работе, посвященной образам батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе, большое место уделила изложению тезиса о том, что в древнетюркские рунические памятники были включены элементы устной эпической традиции тюрков (т.е. фольклора) [Липец, 1984, с. 7]. Подробно перечисляя те сюжеты и изобразительные приемы в надписях, которые, по ее мнению, были почерпнуты древними авторами из недр фольклора (способ обозначения возраста героя, традиция погодного перечисления подвигов, схема описания боевых эпизодов), Р.С.Липец пришла к заключению, что главным фольклорным жанром, который оказал влияние на сложение литературной формы надписей, нужно считать жанр «песен-слав» (т.е. панегирической поэзии). Как отмечала Р.С.Липец, «жанр песен-слав имеет глубокую древность. Видимо, отголосок песни-славы слышится в

словах орхонской надписи (VIII в.) — на памятнике в честь принца Кюль-тегина, как и в ее песенном складе. Повествование о ряде других выдающихся военачальников ведется от первого лица, т.е. это как бы самопрославление; но все же это не хвала живым, а действительно своего рода „песенная эпитафия“» [Липец, 1984, с. 119].

Жанр «слав» — хвалебных песен в честь вождей и храбрых воинов, а также посмертных слав-плачей о погибших героях, как отмечала Р.С.Липец, очень древен в тюркском фольклоре. Фрагменты такого рода сочинений можно найти в словаре Махмуда Кашгарского (элегия на смерть Алп Эр Тонга, элегия на смерть неизвестного героя). Прижизненные славы (*кубаиры*) исполнялись на пирах и празднествах, посмертные славы-плачи — на поминках. Существование погребальных плачей (посмертная слава), пишет Р.С.Липец, засвидетельствовано у кочевников издавна. Согласно Приску (V в.), при погребении гуннского вождя Аттилы всадники объезжали холм с телом умершего, «восхваляя Аттилу в искусных песнопениях canto funereo („похоронной песне“)». «Такой обрядовый плач о герое, — подчеркивала Р.С.Липец, — служил у многих, в том числе и у тюркских, народов одним из источников развития эпической песни» [Липец, 1984, с. 121].

Следовательно, источником жанра тюркских надписей Р.С.Липец считала обрядовые жанры панегирика, похоронной песни и плача, тесно связанные между собой. Эта связь объясняется тем фактом, что восхваление того или иного персонажа, описание его подвигов часто приурочивались именно к погребению, вызывались естественным желанием увековечить имя умершего в коллективной памяти современников и потомков. Феномен похоронной песни, по Р.С.Липец, не был идентичен плачу, так как мог не иметь трагического оттенка и живо насыщался эпическими образами в силу того, что индивидуальная судьба становилась в его рамках судьбой «общенародной» [Липец, 1984, с. 122].

Согласно Г.О.Туденову, в орхоно-енисейских надписях сохранились основные черты архаического героического эпоса тюрко-монгольских народов: мифологичность, гиперболизм, сюжетность, героика, культ боевых коней, культ предков [Туденов, 1989, с. 130, 131]. Г.О.Туденов выступил в поддержку точки зрения о «смешанном» характере жанра древнетюркской литературы, сложившемся на основе различных фольклорных жанров, главным из которых, по мнению Г.О.Туденова, был жанр героического эпоса. Он указывал: «Эти памятники возникли в период эпоса древнетюркских родов и племен Центральной Азии и Сибири. Поэтому они сохраняют наиболее харак-

терные черты и особенности фольклорно-эпического сознания и метода его изображения» [Туденов, 1989, с. 131]. Характер изображения героев надписей был обусловлен, подчеркивал Г.О.Туденов, не литературными канонами и этикетом, как пишет И.В.Стеблева, а фольклорно-эпическим методом изображения, присущего той эпохе. Древнетюркские письменные памятники он относил к «ранней синкретической литературе переходного периода от фольклорно-эпической формации (сказки и мифы) к письменно-литературной (реальность и история)» [Туденов, 1989, с. 132].

Еще одним сторонником точки зрения Ауэзова–Кыдырбаевой выступил этнограф и фольклорист Б.Д.Садыков. Обратив внимание на наличие в орхоно-енисейских надписях элементов плача по умершим (*кошока*), он предложил свою концепцию генезиса жанра памятников [Садыков, 1992, с. 22]. Согласно Б.Д.Садыкову, после количественного накопления традиционные стереотипные плачи (*кошоки*) могли перерасти в качественно новую форму — сюжетное повествование. Неизвестные сказители, с его точки зрения, превращали факты из жизни воинов в содержание плачей и причетов, которые позднее составили основу «сюжетного повествования». В отличие от М.О.Ауэзова, Б.Д.Садыков считал источником жанра надписей не плач как таковой, а некую последовательность (совокупность) плачей, которые в итоге образовывали новую литературную форму (что восходит к концепции выростания эпической литературы из обрядовых текстов). Завещание хана Кокотоя он рассматривал как жанр, близкий *кошоку* и *керээзу*, и считал его наиболее близким по структуре и содержанию надписи в честь Кюль-тегина (например, в выражениях «Azu bu sabymda igid barγu?» — «Разве есть ложь в этой моей речи?»; «Čγγañ bodunγγ baj qyltym» — «Бедный народ я сделал богатым» [КТм10] и др.). Тексты завещания Кокотоя и обращения Бильге-кагана к народу, подчеркивал он, «повествуют об очень уж сходных явлениях». Смысл обряда в обоих случаях, по Б.Д.Садыкову, выражен посредством дидактики, назидания [Садыков, 1992, с. 23–25].

Т.Д.Меликли полагал, что древнетюркские рунические надписи не напоминают ни один из известных ныне в литературоведении жанров. По его мнению, содержанию и форме древнетюркских надписей соответствует только им присущий, особенный жанр, который возник одновременно с созданием надписей. Т.Д.Меликли обозначал этот жанр термином «древнетюркское сказание» (*eski Türk hikaye*). Истоки данного жанра, по его мнению, следует искать в древнетюркском фольклоре [Melikli, 2001, с. 263–265].

Варианты комплексного определения жанра рунических надписей были предложены в работах целого ряда авторов.

Попытка критически пересмотреть взаимоотношения рунических надписей и фольклора была предпринята И.В.Кормушиным. Он считал, что нормализованность на всех уровнях языковой структуры, наличие стилевой дифференциации и употребление формул и клише в высоком стиле свидетельствует о приобретении языком орхоно-енисейских памятников статуса литературного языка, отразившегося в наиболее значительных эпитафиях, представляющих собой сочетание историографических повествований с этико-политическими прокламациями [Кормушин, 1997, с. 90]. По И.В.Кормушину, древнетюркские эпитафии VII–IX вв. косвенно свидетельствуют о существовании эпических традиций в эпоху каганатов. Эпитафийный и эпический герой, согласно И.В.Кормушину, описывались нередко в идентичных выражениях, ситуациях, формах. Близки были также способы изображения характерных качеств героя в эпосе и текстах надписей. Памятники, полагал И.В.Кормушин, хотя и являются произведениями исторического характера, допускают в рамках исторической фактологии определенную идеализацию героя, сходную с эпической. Индивидуализация словесно-выразительных приемов в надписях, по его мнению, говорит о том, что в раннесредневековый период уже начался процесс вырастания из эпической традиции первых образцов авторской публицистической литературы [Кормушин, 2002, с. 359].

И.В.Кормушин обратил внимание на проблему взаимосвязи так называемых «малых» и «больших» надписей Кошо-Цайдамских памятников, несколько отличающихся своими содержанием и формой. Первоначально В.В.Радлов, В.Томсен и П.М.Мелиоранский определяли начало всего текста Кошо-Цайдамских памятников на широкой лицевой грани. Однако в дальнейшем, указывал И.В.Кормушин, сложилась практика, когда текст на боковой грани, или так называемая «малая надпись», стала рассматриваться как введение или преамбула к «большим». По мнению И.В.Кормушина, это ошибочная практика, так как «порядок следования текста на гранях определяется порядком следования строк: в КТ и БК строки идут сверху вниз и справа налево. Поскольку текст на левой боковой грани продолжает содержание текста широкой лицевой грани, то началом может быть текст либо на лицевой грани, либо на правой боковой... Чисто психологически невозможно было бы в тексте КТ перепутать местами надписи узких граней, если бы одна из них была начальной» [Кормушин, 1981, с. 146].

Кроме того, И.В.Кормушин отмечал ярко выраженные резюмирующие черты содержания «малых надписей», являющихся, соответственно, не вводными, а итоговыми частями текста, его седьмыми повествовательными текстами (термин И.В.Стеблевой), содержащими общую панораму походов, общую оценку царствования и общую политическую концепцию. Иными словами, И.В.Кормушин рассматривал «малые надписи» как вполне обычный повествовательный цикл, представляющий собой концовку (итог) «больших надписей» [Кормушин, 1981, с. 146–149].

Вопросы формирования тюркского литературного языка были вновь затронуты в работах венгерского тюрколога А.Рона-Таша. Он полагал, что единый тюркский литературный язык сложился приблизительно между 550 и 700 гг. на базе общетюркского койне (средства межплеменного языкового общения). Этот язык был искуственно архаизован и обладал своей особой упорядоченной художественной структурой, отточенной в результате деятельности нескольких поколений [Rona-Tas, 1991, с. 28, 29]. Литературный язык не был связан с каким-то определенным жанром или группой жанров. Он представлял собой совокупность изобразительных средств, с помощью которых могли строиться как произведения поэтического фольклора, так и образцы нормативной (в основном обрядовой) и ораторской (т.е. осознанной, авторской) риторики. Таким образом, тюркский литературный язык служил общим стилистическим фондом для целого ряда жанров, но при этом он не был суммой жанровых «элементов». Турецкий исследователь С.Дивитчиоглу, анализируя художественную структуру орхонских надписей, отмечал, что характерные для нее стилистические фигуры являются «речевыми клише» (*klişe-deyimler*), взятыми из сферы устной речи и придающими тексту выразительность и лаконизм [Divitçioğlu, 1987, с. 248]. Эти клише, безусловно, формировались в рамках отдельных жанров и выполняли там определенные функции, но, становясь достоянием общего литературного языка, они переставали быть жанровыми «элементами» и превращались в обычные компоненты стилистики.

Американский тюрколог Р.Данкофф обратился к проблеме риторико-дидактических корней жанра орхонских надписей, поднимавшейся ранее И.В.Пуховым, С.С.Суразаковым, Э.Р.Тенишевым и др. Он утверждал, что древнетюркские тексты (в частности, орхонских памятников) могли отражать традицию изречений в духе «царской мудрости» (*royal wisdom*) и «царского наставления» (*royal instruction*). Хотя основные функции орхонских надписей — памятные и пропагандист-

ские, — писал Р.Данкофф, — их можно считать также и образцами дидактической литературы, так как это выражено уже в самой технике «наставления», которой проникнуты тексты. Например, Бильге-каган в надписях, составленных от его имени, обращается к народу с пламенной речью, в которой напоминает тюркам об их славном прошлом и о горестях пребывания под гнетом Китая. Его речь насыщена сентенциями, пословицами, поговорками, различными параллелизмами и прочими средствами усиления воздействия на аудиторию. Вполне вероятно, предполагал Р.Данкофф, что у древних тюрков существовала развитая традиция царской дидактики, связанная со школой политического красноречия, которая и оказала решающее влияние на формирование жанра надписей. Р.Данкофф не нашел возможным однозначно ответить на вопрос о том, являлась ли эта традиция самобытным тюркским феноменом или она была заимствована из китайской / иранской модели [Dankoff, 1981, с. 87, 88].

Е.Д.Турсунов поддержал тезис И.В.Стеблевой о поэтическом характере тюркских рунических памятников и добавил, что вся древнетюркская поэзия (т.е. все тексты надписей) была органично связана с устно-поэтической традицией тюрков. Литературный поэт, по Е.Д.Турсунову, сформировался из специализированного типа носителей поэтического фольклора (*акынов*). Эти сказители, жившие при ставках ханов и других правителей, на основе «строительного материала» героического эпоса, од и исторических преданий создавали хвалебные и поминальные песни в честь своих сюзеренов. Они не были, замечал Е.Д.Турсунов, простыми исполнителями анонимных текстов, а сочиняли индивидуальную авторскую поэзию — своеобразную «устную литературу», которая после появления рунической письменности получила письменную фиксацию. Основной особенностью этой литературы он полагал активное использование конкретно-исторического материала: генеалогий, биографических сведений по годам, отчетов о военных кампаниях, элементов риторики и т.п. [Турсунов, 1999, с. 167, 168].

Г.М.Давлетшин предположил, что жанр тюркских рунических надписей сложился на основе реалистического описания жизненного пути различных исторических лиц, своего рода «официальной истории», и изобразительных приемов и образов, почерпнутых из произведений тюркского фольклора. В качестве примера последних Г.М.Давлетшин, следуя П.А.Фалеву и С.С.Суразакову, указывал на начало «большой надписи» в честь Кюль-тегина как типичный образец зачина в тюркском эпосе, только на этот раз уже не киргизского и алтайского, а та-

тарского: Әвәл башлап ни бөтте? Ай бөтте дә, көн бөтте / Икенчеләй ни бөтте? Күк бөтте дә, Җир бөтте («Сначала что образовалось? Луна и солнце образовались / Потом что образовалось? Небо и земля образовались») [Давлетшин, 2002, с. 12].

Интересную попытку анализа жанра тюркских рунических памятников предприняла исследовательница из Швеции И.Замразилова-Якмир. В середине 1960-х годов под эгидой Восточного института в Праге группа ученых-филологов приступила к реализации проекта системного описания мировых литератур с позиций структуралистской теории. Каждому коллективу исследователей предстояло составить подробные очерки по определенным национальным литературным традициям. Базовые схемы такого описания были предложены К.Петрачеком и Д.Збавителом. И.Замразилова-Якмир должна была разработать типологию тюркоязычных литератур. Она успела завершить работу только над материалами доисламского периода (VIII–X вв.), а затем, после событий 1968 г., оказалась в Швеции, где в течение более чем 30 лет не возвращалась к этой тематике, полагая, что ценность будет представлять только публикация всех планировавшихся теоретических изысканий. Однако впоследствии, внеся ряд корректировок в первоначальную схему, она опубликовала свою работу.

И.Замразилова-Якмир отмечала, что, учитывая «очевидные аналогии, которые существуют между эпосом некоторых современных тюркских народов и текстами надписей», можно прийти к заключению, что источником этих текстов была «устная народная литература» [Zamrazilova-Jakmyr, 1999, с. 314–315]. Согласно И.Замразиловой-Якмир, эпитафии, особенно обширные, описывающие жизнь выдающихся лиц (т.е. орхонские памятники), во многом вдохновлялись традициями героического эпоса. В доказательство данного тезиса она указывала на сходство стиля современных тюркских эпосов и надписей, а также большое количество общих для них художественных приемов. Кроме этого, по ее мнению, мы можем утверждать, что у древних тюрков существовали жанры лирических песен, погребальных элегий и магических шаманских формул, которые нашли свое отражение в текстах енисейских памятников. Она считала, что орхонские памятники представляли собой смешение историографических, легендарных, риторических, эпических и героических элементов [Zamrazilova-Jakmyr, 1999, с. 316].

Признавая тот факт, что в текстах памятников встречаются элементы поэзии (аллитерации, параллелизм, ассонансы, рифмы), она в целом рассматривала надписи как образцы ритмизированной прозы.

Структура надписей в формальном аспекте, писала И.Замразилова-Якмир, содержит черты, характерные для тюркской фольклорной эпики. Примерами общности стиля и мотивов памятников и эпоса могут служить: устоявшиеся обороты речи, типовые ситуации, гиперболы, подчеркивание роли коня героя, троекратность действия [Zamrazilova-Jakmyr, 1999, с. 317]. Здесь ясно видно, что рассуждения И.Замразиловой-Якмир об общности мотивов и формул этих двух групп памятников во многом близки взглядам И.В.Стеблевой и М.А.Унгвицкой.

Особое место в исследовании проблематики жанра тюркских рунических надписей принадлежит работам С.Г.Кляшторного, который неоднократно возвращался к этому вопросу на протяжении целого ряда лет и подходил к его решению комплексно. С.Г.Кляшторный в монографии, посвященной источниковедческому анализу рунических памятников, выделял в их корпусе 6 жанровых групп: 1) историко-биографические тексты (мемориальные и прижизненные надписи Орхона), которые объединяли в себе описание исторических событий и политические декларации; 2) эпитафийная лирика — намогильные надписи Енисея и Семиречья, сочетающие обрядовый и повествовательный элементы; 3) памятные надписи на скалах; 4) магические и религиозные тексты; 5) юридические документы; 6) метки на предметах быта. Это деление используется и по сей день: все последующие классификации так или иначе с ним связаны [Кляшторный, 1964, с. 53, 54].

С.Г.Кляшторный и В.А.Лившиц в своем исследовании Бугутской надписи упомянули о возможности влияния на создание тюркской литературной и историографической школы традиции «племенных сказителей», которые слагали эпические предания о героях прошлого, а также «литературы» эпитафий, установленных согдийцами [Kljaštornyj, Livšic, 1972, с. 80][7]. Тезис о существовании в тюркской племенной среде «школы рапсодов» и определенном влиянии на рунические памятники согдоязычной литературы повторялся С.Г.Кляшторным и в более поздних его публикациях [Кляшторный, Лившиц, 1978, с. 54]. При этом, однако, он всегда подчеркивал, что в текстах надписей главенствующим являлся не фольклорно-эпический, а историографический аспект [Кляшторный, 2000, с. 171–174]. По-видимому, под «племенными сказителями» и «рапсодами» он понимал лиц, рассказывавших именно исторические предания, а не героический эпос. На основании анализа Бугутской надписи С.Г.Кляшторный утверждал также, что «композиция и стиль Бугутской надписи... во многом сходны с руническими памятниками Второго каганата: и там, и здесь биография

[7] См. также работы П.Канната [Cannata, 1981, с. 51–54] и Ж.-П.Ру [Roux, 1982, с. 454].

погребенного излагается на широком фоне событий истории тюркских государств, а историко-биографические элементы сочетаются с дидактическими» [Кляшторный, Лившиц, 1978, с. 54][8].

В другой своей работе С.Г.Кляшторный, говоря о жанровых особенностях тюркских памятников, дал их более широкую характеристику и отметил, что главным в надписях является «апология усопших вождей», соседствующая с «царским хроникоином и актуальной декларацией» и политически окрашенная дидактикой. Эти эпитафии, по его мнению, становились средством монументальной пропаганды. «Они отражали, формулировали и формировали видение и картину мира, отстаивали и навязывали жизненные и нравственные идеалы, устремления, цели» [Кляшторный, Султанов, 2000, с. 140]. Таким образом, по его мнению, основными слагаемыми жанровой структуры надписей следует считать объединение в их рамках функций историографии, панегирика и политической пропаганды. Это вполне официальные повествования, подчеркивал С.Г.Кляшторный, лишь местами эмоционально окрашенные с помощью приемов традиционной образности: речений, афоризмов, пословиц и т.п. [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 80].

С.Г.Кляшторному принадлежит единственная в отечественной литературе попытка критически рассмотреть основные теории о фольклорном генезисе тюркских рунических памятников [Кляшторный, 1992, с. 5–9]. По его мнению, эти произведения следует считать авторскими, а не фольклорными текстами. В доказательства этого тезиса он указывал на то, что в них отсутствует отрыв от настоящего времени, «типичный для эпоса», а все повествование, сосредоточенное на настоящем моменте, предельно актуализировано и конкретно. Он возражал И.В.Стеблевой, рассматривавшей в качестве основной характеристики жанра надписей их «систему описания» (т.е. этикетную схему), и подчеркивал, что надписи выражают собой не схему описания, а содержание, важное для их авторов с военно-политической точки зрения и требований современной им ситуации. В надписях и эпосе, подчеркнул С.Г.Кляшторный, есть лишь стилистическая близость устойчивых традиционных формул, но это отнюдь не свидетельствует в пользу их генетической связи, а просто доказывает существование общего для этих двух групп памятников устного стилистического фонда в среде тюрков того периода. Авторы древнетюркских рунических памятников, писал он, безусловно использовали современные им мифологические и иные фольклорные мотивы, но не в виде их прямой фиксации в памятниках, а лишь посредством обращения к тропам, которые были

[8] Это мнение поддержал Д.Майдар [Майдар, 1981, с. 51].

присущи архаичным формам устного народного творчества и своего рода «намекам» на самостоятельные эпические сказания.

Отсчет времени существования эпиграфической традиции у тюрков С.Г.Кляшторный начинал с Бугутской стелы, согдийский язык и композиция которой (сходная, по его мнению, с композицией тюркоязычных надписей) свидетельствуют «об определяющем влиянии на создателей памятника преломленной через иранское посредство восточноазиатской историко-политической традиции „монументальной пропаганды", породившей значительную камнеписную литературу в Северной Индии, Афганистане, Средней Азии, Восточном Туркестане, застенном Китае, Корее и Монголии» [Кляшторный, 1992, с. 7–8][9]. На пространствах Центральной Евразии, согласно его точке зрения, возникла огромная культурно-историческая общность (в том числе литературная), единая по своим признакам, но при этом не приводившая к исчезновению специфики каждой отдельной традиции. С.Г.Кляшторный подчеркивал, что жанровые истоки орхонских текстов нужно искать «не в гипотетических поэмах, распевавшихся сказителями... а в мощном пласте многовековой внутриазиатской цивилизации, полиэтнической по генезису, многоязыкой по воплощению, международной по восприятию» [Кляшторный, 1992, с. 8].

Следовательно, исследователь отказался от своей прежней концепции о формировании жанра надписей на основе сочетания согдийской эпитафики и школы тюркских «племенных сказителей», и выдвинул предположение о том, что жанр рунических памятников сложился в рамках некой общеазиатской эпиграфической литературной традиции, в которой было ощутимо как китайское, так и иранское влияние. Данная традиция при этом была не серией строго определенных канонов, а некой обобщенной моделью, которая каждый раз по-новому реализовывалась на конкретном историческом материале и привлекала в качестве структурообразующих компоненты местной традиции (в том числе устной эпической).

С.Г.Кляшторный подчеркнул важную роль техники ораторского искусства в деле создания жанра памятников: «Во всей средневековой тюркоязычной литературе нет более блестящих образцов политической прозы, сохранившей традиционные формы ораторского искусства и обработанного веками устного повествования о деяниях богатыря... Политическая декларация с немалой долей социальной демагогии, хвала и упрек прежним и нынешним поколениям, постоянные

[9] Сходные взгляды высказывались А.Габен [Gabain, 1979, с. 33–34] и Х.-В.Хауссигом [Haussig, 1985, с. 83–90].

обращения и призывы к «слушателям», разнообразная палитра художественных приемов, речения и афоризмы эмоционально окрашивают и преобразуют стиль официального повествования, говорят о незаурядном литературном даровании автора текста, историографа и панегириста царствующей династии» [Кляшторный, Султанов, 2000, с. 153–155].

В заключение нашего обзора остановимся на гипотезах о влиянии иноязычных письменных традиций на генезис жанра тюркских рунических памятников. Большинство таких высказываний было вызвано наличием некоторого сходства в литературной форме тюркских надписей и эпиграфических памятников народов, поддерживавших с тюрками культурные контакты. Выше мы уже упоминали высказывания на эту тему Н.И.Конрада и В.М.Жирмунского, признававших в той или иной степени влияние на жанр тюркских надписей традиции китайских эпитафий. Эта точка зрения получила свое дальнейшее развитие в работах И.Л.Кызласова.

И.Л.Кызласов коротко и точно сформулировал проблему жанрового многообразия рунических памятников: «Текстологический анализ эпитафийных текстов как особой — с точки зрения общественного предназначения — совокупности письменных памятников еще предстоит. Необходимо во всей возможной полноте проанализировать законы оформления и построения этих текстов, их содержание, выразительные средства, особенности как образцов литературного языка и т.п. Настала пора их монографического изучения в источниковедчески полном виде: палеографическом, языковедческом, текстологическом, литературоведческом и историческом» [Кызласов, 1994, с. 181]. Таким образом, И.Л.Кызласов призвал к комплексно-дескриптивному исследованию надписей путем описания их функций («общественного предназначения») и структуры («законов оформления и построения»).

Предпринятая им попытка такого исследования привела к следующим результатам. И.Л.Кызласов решительно отказал руническим надписям Орхона в праве считаться древнейшими образцами тюркской литературы и объявил их (в определенной степени) продуктом культурного импорта из Китая. По И.Л.Кызласову, «из работы в работу перемещается уверенность в том, что орхонское письмо и его памятники представляют вершину письменной культуры, созданной раннесредневековыми тюркоязычными народами. Памятники енисейского и таласского письма выдаются за культурную окраину, которой присущи недоразвитость и в силу этого подражательность, стремление походить (иногда чисто внешне, имитационно-механически) на „царские

стелы" собственно тюрок» [Кызласов, 1998а, с. 75]. Действительно, продолжал он, по уровню художественного исполнения и отшлифованности литературной формы орхонские памятники превосходят енисейские, однако известно, что первые были изготовлены специально присланными для этого мастерами китайского двора. «Вполне очевидно, — констатировал И.Л.Кызласов, — общее сильнейшее влияние как на облик тюркских орхонских эпитафий, так и само содержание обряда их установки имперской эпитафийной традиции Китая» [Кызласов, 1998а, с. 75]. Следовательно, орхонские памятники испытали на себе влияние памятных стел Китая (в первую очередь — в области своей материальной формы).

Говоря о функциях тюркских памятников, И.Л.Кызласов писал: «Кроме внешнего сходства, существует и глубинная внутренняя, обрядовая близость между китайскими и тюркскими орхонскими памятниками. Совпадает их назначение — памятники отражали только заслуги умершего перед центральной властью, являли пример государственной службы (ср. совершенно иное содержание енисейских эпитафий, подобных надгробным плачам)» [Кызласов, 1998б, с. 82]. Отсюда, по его мнению, и редкость установки эпитафий: ведь и в Китае далеко не все, а лишь выдающиеся императоры и государственные деятели удостаивались права возводить стелы. Китайское влияние определило не только внешний облик и социальный статус орхонских надписей, но и обусловило в некоторой степени их жанровую специфику.

Истоки орхонской эпиграфической традиции, по И.Л.Кызласову, следует искать не на западе (в Иране и Согде), а на востоке [Кызласов, 1994, с. 225–227]. И.Л.Кызласов стремился согласовать этот свой вывод с разработанной им же теорией о нескольких различных тюркских рунических алфавитах, бытовавших параллельно. Резюмируя, можно сказать, что он рассматривал орхонское письмо как сравнительно позднюю форму тюркской руники, которая является реформированным вариантом гипотетического «верхнеенисейского письма», бытовавшего некогда у чиков Тувы. Таким образом, по И.Л.Кызласову, орхонская традиция не представляла собой самой ранней формы тюркских письменных памятников и не являлась базовой для последующего развития рунических «литератур». Орхонские памятники оказываются продуктом взаимодействия с китайской культурой, тогда как енисейские эпитафии, которые отныне рассматриваются как итог развития самобытной тюркской традиции без «орхонского» влияния (так как отброшена концепция распространения руники с юга на север),

представляют собой действительно оригинальные произведения, восходящие в своей жанровой форме к обрядовой лирике (плачам) древних тюрков [Кызласов, 1998а, с. 75–81; Кызласов, 1998б, с. 68–74].

Выдвигались концепции и об иранском происхождении эпитафийной традиции у тюрков. Финский тюрколог П.Аалто неоднократно подчеркивал всестороннее влияние на тюрков иранской культуры, в том числе письменной [Aalto, 1971, с. 29–32; Aalto, 1991, с. 4]. Он предполагал, что форма тамг на орхонских стелах, встречающийся в текстах этноним *Türk*, символика древних тюрков, их титулатура, культ волчицы и само руническое письмо представляют собой результат заимствования иранской традиции (в частности, согдийской и сасанидской). Очень вероятно, считал П.Аалто, что композиция и стиль больших тюркских надписей Орхона демонстрирует сходство с монументальными надписями персидских правителей (Ахеменидов и Сасанидов), которые, в свою очередь, отражают древнюю месопотамско-иранскую традицию. Например, начало «большой надписи» в честь Кюль-тегина П.Аалто сравнивал с начальным пассажем из древнеперсидского текста Накш-е Рустемской надписи («Великий бог, Ахурамазда, который сотворил эту землю, который сотворил эти небеса, который сотворил человека, который сотворил добро для человека, который сделал Дария царем...») [Aalto, 1971, с. 32–33].

По мнению финского исследователя, описания битв Дария и Шапура во многом схожи с военными эпизодами в рунических надписях. Например, в надписи в честь Бильге-кагана: «Türgäš bodunyγ uda basdym türgäš qaγan süsi otča borča kälti Bolčuda sünüšdimiz qaγanyn jabγusyn šadyn anta ölürtim elin anta altym» («[Я] напал на тюргешский народ, когда он спал; войско тюргешского кагана пришло [как] огонь и буря, [мы] сразились у Болчу; там [я] убил их кагана, ябгу [и] шада, их эль [я] там захватил») (БКб27–28); и в надписи сасанидского шаханшаха Шапура: «В третью войну, когда мы атаковали Карры и Эдессу... Валериан-цезарь двинулся на нас с... войском числом в 70 тысяч. И была большая битва с Валерианом-цезарем по ту сторону Карр и Эдессы. И [мы] своей собственной рукой захватали в плен самого Валериана-цезаря. И всех остальных, преторианских префектов, сенаторов и полководцев, всех, кто был начальниками в их войске, всех их мы захватили в плен и увели в Персию. И Сирию, Киликию и Каппадокию [мы] сожгли огнем, оставили опустошенными и увели [из них] пленников» [Aalto, 1971, с. 33]. Таким образом, П.Аалто предполагал влияние на авторов тюркских эпитафий иранской традиции монументальных надписей.

Помимо китайской и иранской была сформулирована также тохарская версия происхождения жанра рунических надписей. Известный индоевропеист В.В.Иванов, анализируя пути возможного влияния на генезис тюркской руники тохарской разновидности письма брахми, задавался вопросом: в какой мере не только письмо, но и сама форма, в которой написаны древнетюркские композиции, могли испытать тохарское влияние? «Наличие заимствований и калек», по его мнению, «как будто говорит в пользу положительного ответа» [Иванов, 1992, с. 29]. Под вероятным тохарским влиянием, писал он, возникли лексические обороты типа «täŋri täg täŋridä bolmïš» — «бог, рождаемый богом» и «täŋri täŋrisi burxan» — «бог богов, будда» в древнетюркском языке. По В.В.Иванову, «грамматический характер этих выражений указывает на калькирование иноязычного текста» [Иванов, 1992, с. 18][10].

В.В.Иванов отмечал, что подавляющее большинство текстов на тохарских языках А и В представляют собой переведенные с санскрита сочинения буддистского характера. Исторических по своему содержанию рукописей среди них очень мало, поэтому составить себе представление о том, что представляла собой тохарская историческая литература, довольно трудно. Тем не менее В.В.Иванов указал на несколько текстов рукописей, которые, как он считал, «по жанру более всего соответствуют древнетюркским надписям» [Иванов, 1992, с. 29]. В одной из них записан панегирик в честь князя Кучи, а в другой восхваляются подвиги кушанского царя Канишки как покровителя буддизма в Центральной Азии. Литературную форму первого текста В.В.Иванов охарактеризовал как «стихотворную драму» [Иванов, 1992, с. 251]. На наш взгляд, композиционная структура данных произведений не обнаруживает сходства с руническими надписями. Все их «жанровое соответствие» ограничивается тем, что обе группы памятников относятся к произведениям, в которых упоминаются конкретно-исторические лица и присутствует панегирический стиль.

Ф.Рыбацки из Финляндии в своей работе, посвященной памятнику Тоньюкука, затронул вопрос о жанре тюркских рунических надписей и процитировал высказывание А.Бомбачи о том, что их стиль восходит к местной тюркской традиции (устного творчества). Ф.Рыбацки согласился с этим утверждением, но добавил, что это верно лишь для некоторых частей памятников, тогда как форма других частей, вероятно, испытала влияние литературных традиций оседлых соседей тюрков, прежде всего — ираноязычных [Rybatzki, 1999, с. 4]. Он напом-

[10] Влияние тохарской литературы на язык орхонских памятников предполагала также Л.Ю.Тугушева [Tuguşeva, 2002, с. 155].

нил о предположении П.Аалто [Aalto, 1991, p. 4–7] относительно иранского влияния на тюркские памятники (в частности, на их геральдику и само этническое имя *Türk*, впервые фиксируемое в этих текстах), а также подчеркнул особую роль согдийцев в формировании древнетюркского литературного канона (которая прояснилась после прочтения Бугутской надписи). Ф.Рыбацки призвал к проведению исследований жанровой природы тюркских надписей путем сравнения их текстов с текстами надгробных памятников древнего и средневекового Китая, Ахеменидского и Сасанидского Ирана, эпиграфикой, найденной на территории Афганистана, Тибета, Северо-Западной Индии и Пакистана [Rybatzki, 1999, c. 4–5].

Кратко изложив выше ход дискуссии о жанре тюркских Руни-ческих памятников, попытаемся теперь подвести ее теоретические итоги. Не все из тех нескольких десятков мнений, которые были процитированы, можно с полной уверенностью классифицировать как однозначно формальные или комплексные. Тому есть несколько причин. Во-первых, это вызвано фрагментарностью высказываний ряда специалистов по этому вопросу; во-вторых, изменением позиций одних и тех же авторов в разные периоды времени; в-третьих, противоречивым сочетанием методик сразу нескольких названных подходов в пределах одной работы. Тем не менее попытку приблизительной классификации высказанных позиций предпринять все же возможно.

Первые исследователи данного вопроса констатировали влияние на жанр памятников стилистики древнетюркского фольклора, но не считали возможным говорить о сложении литературной формы памятников целиком на основе фольклорных элементов. К этой группе принадлежат П.М.Мелиоранский, Ф.Е.Корш, П.А.Фалев, Н.А.Баскаков, Е.Э.Бертельс. Их высказывания можно охарактеризовать как своего рода предварительные замечания по поводу жанровой природы памятников, но не определения жанра в собственном смысле этого слова.

Метафорические и описательные определения содержатся в работах В.Томсена, М.Спренглинга, П.Аалто, Р.Жиро, А.Габен, А.Н.Кононова. Они являются отличительной чертой исследований раннего периода, а также некоторых работ обзорно-справочного характера. В ряде случаев описательные определения приближаются по своим характеристикам к терминам.

Представителями формального подхода можно считать М.О.Ауэзова, Б.Д.Садыкова, Л.Н.Гумилева, Р.З.Кыдырбаеву, М.Джолдасбекова,

Г.О.Туденова, Т.Д.Меликли и некоторых других авторов. Модифицированный вариант данного подхода (с определенной тенденцией к комплексности) обнаруживается в работах Р.С.Липец, И.Замразиловой-Якмир, Е.Д.Турсунова. В своих исследованиях эти авторы отстаивали тезис о том, что жанр тюркских рунических надписей являлся более или менее точным воспроизведением фольклорных жанров или их элементов (хотя и «на историческом материале»): героического эпоса, обрядовых плачей и завещаний, панегириков (од, песен-слав), героических сказаний, лирических песен, дидактического жанра (сентенций и наставлений) и т.д. Эти фольклорные жанры (один или несколько) служили той композиционной, стилистической, тематической и образной основой, на которой строился жанр надписей. Отличие последнего от классических фольклорных жанров, с точки зрения этих авторов, заключалось «только» в том, что речь в нем шла о реальных, а не вымышленных событиях.

Важным отправным пунктом подобного рода рассуждений, вне зависимости от того, выражался он явно или нет, всегда являлся постулат о том, что наличие в текстах памятников элементов фольклорной стилистики вполне определенно свидетельствует о фольклорном происхождении их жанра в целом. Содержательный аспект отходил при этом на второй план. С точки зрения сторонников формального подхода, исторические сведения в надписях выполняли чисто иллюстративные функции и укладывались в канву заранее заданной стандартной композиции. Они подчинялись формальной повествовательной схеме. С нашей точки зрения, такого рода формальная схема имеется в енисейских надписях, но для орхонских памятников она не характерна (существующая в последних система описания — не фольклорного типа). Элементы формы сами по себе еще не являются жанровыми показателями, и восстанавливать на их основе комплексное единство жанра памятника невозможно. Использование формального подхода в некоторой степени оправдано лишь по отношению к енисейским надписям (исследования М.И.Богдановой и М.А.Унгвицкой).

Комплексный подход мы обнаруживаем в работах А.Н.Бернштама, И.В.Пухова, С.С.Суразакова, И.В.Стеблевой, В.М.Жирмунского, Л.Базена, А.Бомбачи, Е.М.Мелетинского, Э.Р.Тенишева, Л.Ю.Тугушевой, Г.М.Давлетшина, И.Башгёза, И.В.Кормушина, А.Рона-Таша, Р.Данкоффа, С.Г.Кляшторного и других исследователей. В основу их научного метода было положено функциональное объяснение текстов надписей.

Классическими образцами комплексного подхода продолжают оставаться работы Л.Базена и А.Бомбачи. Первый рассматривал жанр надписей как религиозные по своим целям тексты, получившие историческое содержание благодаря их связи с погребальным обрядом, а второй — как оригинальный жанр панегирика, который появился в период пробуждения исторического сознания в тюркском обществе и опирался на конкретно-исторические факты (в отличие от традиционной хвалы, в которой описание реальных событий заменялось поэтическими аллюзиями). И.В.Пухов вел речь о неком синкретическом жанровом единстве, на основе которого возникли надписи и многие позднейшие литературные формы. С.С.Суразаков полагал источником формирования стилистических особенностей жанра орхонских надписей «патетическую речь», которая, однако, в его понимании была не столько образцом политической риторики и дидактики (как в концепциях Э.Р.Тенишева и Р.Данкоффа), сколько одной из разновидностей обрядового фольклора. Е.М.Мелетинский предполагал сочетание в памятниках элементов устной эпики и исторической хроники, которое достигалось при помощи наложения элементов «фольклорной» стилистики на реалистическую повествовательную основу (но не введения в фольклорную композицию исторического материала). Сходную точку зрения отстаивали также С.Г.Кляшторный и Л.Ю.Тугушева.

Особое место занимают гипотезы о влиянии на жанр тюркских рунических памятников письменных традиций других народов. Авторы этих гипотез склонны видеть в надписях литературную форму, сложившуюся отчасти вне сферы тюркской культуры (обычно в Китае или Иране, иногда добавляются также традиции других регионов) и затем усвоенную тюрками наряду с практикой возведения стел с эпитафиями. Формальные параллели тюркских надписей и памятников литературы соседей рассматриваются в данном случае как результат заимствования «идеи» определенного жанра (в частности, жанра надгробной надписи) — иными словами, заимствования его функционального назначения. Формальное сходство, таким образом, оказывается только частью комплексной общности. Н.И.Конрад, В.М.Жирмунский и И.Л.Кызласов предполагали воздействие на рунические памятники китайской традиции эпитафий. В.В.Иванов отмечал влияние на тюркские надписи образцов тохарской исторической и панегирической литературы. П.Аалто искал прототипы жанра в иранской эпиграфике. Ф.Рыбацки указывал на значимость для жанрового анализа очень широкого круга письменных памятников, с традициями которых могли быть знакомы тюрки. Иностранное влияние на надписи в

той или иной степени признавали В.Томсен, А. Габен, И.В.Стеблева, С.Г.Кляшторный, В.А.Лившиц, Р.Данкофф, А.М.Щербак, Л.Ю.Тугушева и другие.

Ауэзов, 1961 — *Ауэзов М.О.* Киргизская народная героическая поэма «Манас» // Киргизский героический эпос «Манас». М., 1961.

Ауэзов, 1975 — *Ауэзов М.О.* Создать народный вариант «Манаса» (Выступление на конференции по изучению эпоса «Манас» 8 июля 1952 года во Фрунзе) // Соч. Т. 5. М., 1975.

Базен, 1986 — *Базен Л.* Человек и понятие истории у тюрков Центральной Азии в VIII в. // Зарубежная тюркология. Вып. I. М., 1986.

Баскаков, 1948 — *Баскаков Н.А.* Алтайский фольклор и литература. Горно-Алтайск, 1948.

Бернштам, 1942 — *Бернштам А.Н.* Историческое прошлое киргизского народа. Фрунзе, 1942.

Бернштам, 1946а — *Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок в VI–VIII вв. М.; Л., 1946.

Бернштам, 1946б — *Бернштам А.Н.* Эпоха возникновения великого киргизского эпоса «Манас» // Альманах «Киргизстан». Фрунзе, 1946.

Бертельс, 1947 — *Бертельс Е.Э.* К вопросу о традиции в героическом эпосе тюркских народов // Советское востоковедение. Т. IV. 1947.

Богданова, 1947 — *Богданова М.И.* Киргизская литература. Очерк. М., 1947.

Бомбачи, 1986 — *Бомбачи А.* Тюркские литературы. Введение в историю и стиль // Зарубежная тюркология. Вып. I. М., 1986.

Габен, 1986 — *Габен А. фон.* Древнетюркская литература // Зарубежная тюркология. Вып. I. М., 1986.

Гумилев, 1993 — *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М., 1993.

Давлетшин, 2002 — *Давлетшин Г.М.* Некоторые сюжеты из области духовной культуры древних тюрков // Древнетюркский мир: история и традиции. Казань, 2002.

Джолдасбеков, 1969 — *Джолдасбеков М.* Древнетюркские литературные памятники и их отношение к казахской литературе. Автореф. канд. дис. А.-А., 1969.

Жирмунский, 1961 — *Жирмунский В.М.* Введение в изучение эпоса «Манас» // Киргизский героический эпос «Манас». М., 1961.

Жирмунский. 1968 — *Жирмунский В.М.* Орхонские надписи: стихи или проза? // НАА. 1968. № 2.

Жирмунский, 1974 — *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос. Л., 1974.

Иванов, 1992 — *Иванов В.В.* Тохары (гл. 1). Памятники тохароязычной письменности (гл. 7) // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии. М., 1992.

Кляшторный, 1964 — *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

Кляшторный, 1992 — *Кляшторный С.Г.* Эпические сюжеты в древнетюркских рунических памятниках // Восток. 1992. № 5.

Кляшторный, 2000 — *Кляшторный С.Г.* Образ кагана в орхонских памятниках // Studia in honorem Stanislai Stachowski Dicata. Folia Orientalia. Vol. XXXVI. Kraków, 2000.

Кляшторный, Лившиц, 1978 — *Кляшторный С.Г., Лившиц В.А.* Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников в Центральной Азии // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978.

Кляшторный, Савинов, 1994 — *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи Евразии. СПб., 1994

Кляшторный, Султанов, 2000 — *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей. СПб., 2000.

Козьмин, 1934 — *Козьмин Н.Н.* Классовое лицо «атысы» Йоллыг-тегина // Сборник в честь акад. С.Ф.Ольденбурга. Л., 1934.

Кононов, 1980 — *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л., 1980.

Кормушин, 1981 — *Кормушин И.В.* Текстологические исследования по древнетюркским руническим памятникам. I // Тюркологический сборник. 1977. М., 1981.

Кормушин, 1997 — *Кормушин И.В.* Орхоно-енисейских надписей язык // Языки мира. Тюркские языки. М., 1997.

Кормушин, 2002 — *Кормушин И.В.* Черты эпического в древнетюркских эпитафиях // Материалы конф., посвященной 110-летию со дня рождения акад. В.М.Жирмунского. СПб., 2002.

Корш, 1909 — *Корш Ф.Е.* Древнейший народный стих турецких племен // Зап. Вост. отд. Рус. археол. общества. Т. XIX. Вып. 2–3. СПб., 1909.

Кыдырбаева, 1980 — *Кыдырбаева Р.З.* Генезис эпоса «Манас». Фрунзе, 1980.

Кызласов, 1994 — *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. М., 1994.

Кызласов, 1998а — *Кызласов И.Л.* Материалы к ранней истории тюрков. II. Древнейшие свидетельства о письменности // РА. 1998. № 1.

Кызласов, 1998б — *Кызласов И.Л.* Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности // РА. 1998. № 2.

Липец, 1984 — *Липец Р.С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984.

Майдар, 1981 — *Майдар Д.* Памятники истории и культуры Монголии. М., 1981.

Малов, 1951 — *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л., 1951.

Малов, 1952 — *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952.

Мелетинский, 1963 — *Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М., 1963.

Мелиоранский, 1898 — *Мелиоранский П.М.* Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. № 6.

Пухов, 1973 — *Пухов И.В.* Алтайский народный героический эпос // Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. М., 1973.

Рахманов, 1983 — *Рахманов Н.А.* Поэтика памятника Кюль-тегину. Автореф. канд. дис. Таш., 1983.

Садыков, 1992 — *Садыков Б.Д.* Функции фольклорных жанров в художественном составе эпоса «Манас» (кошок, керээз, арман, алкыш, каргыш). Бишкек, 1992.

Стеблева, 1965 — *Стеблева И.В.* Поэзия тюрков VI–VIII вв. М., 1965.
Стеблева, 1969 — *Стеблева И.В.* Еще раз об орхоно-енисейских текстах как произведениях поэзии // НАА. 1969. № 2.
Стеблева, 1976 — *Стеблева И.В.* Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М., 1976.
Стеблева, 1984 — *Стеблева И.В.* Древняя тюркоязычная литература // История всемирной литературы. Т. 2. М., 1984.
Суразаков, 1975 — *Суразаков С.С.* Сходные черты стиля в орхонских надписях и эпосе тюркоязычных народов (на примере алтайского эпоса) // Типология народного эпоса. М., 1975.
Суразаков, 1985 — *Суразаков С.С.* Алтайский героический эпос. М., 1985.
Тенишев, 1976 — *Тенишев Э.Р.* О наддиалектном характере языка тюркских Рунических памятников // Turcologica. К семидесятилетию акад. А.Н.Кононова. Л., 1976.
Трояков, 1963 — *Трояков П.А.* Аналогии героическому эпосу тюркоязычных народов в орхоно-енисейских памятниках // Фольклор и историческая этнография. М., 1963.
Тугушева, 1978 — *Тугушева Л.Ю.* Орхоно-тюркский и древнеуйгурский языки, их сходство и различие // Тюркологический сборник. 1974. М., 1978.
Тугушева, 2001 — *Тугушева Л.Ю.* Раннесредневековый тюркский литературный язык (словесно-стилистические структуры). СПб., 2001.
Туденов, 1989 — *Туденов Г.О.* О времени формирования архаического эпоса тюрко-монгольских народов Центральной Азии и Южной Сибири // Типология традиционных жанров бурятского фольклора. Улан-Удэ, 1989.
Турсунов, 1999 — *Турсунов Е.Д.* Возникновение баксы, акынов, сэри и жырау. Астана, 1999.
Унгвицкая, 1971 — *Унгвицкая М.А.* Памятники письменности и песенный фольклор хакасов // Советская тюркология. 1971. № 5.
Унгвицкая, 1973 — *Унгвицкая М.А.* Хакасские героические сказания — «семейные хроники» и памятники енисейской письменности // СТ. 1973. № 2.
Уэллек, Уоррен, 1978 — *Уэллек Р., Уоррен О.* Теория литературы. М., 1978.
Фалев, 1922 — *Фалев П.А.* Как строится каракиргизская былина // Наука и просвещение. Таш., 1922. № 1.
Щербак, 1961 — *Щербак А.М.* Соотношение аллитерации и рифмы в тюркском стихосложении // НАА. 1961. № 2.

Aalto, 1946 — *Aalto P.* Zur der Pferdnamen der Orchon-Inschriften // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1946. Bd. 29. H. 1–3.
Aalto, 1971 — *Aalto P.* Iranian Contacts of the Turks in Pre-Islamic Times // Studia Turcica. T. XVII (Bibliotheca Orientalis Hungarica). Budapest, 1971.
Aalto, 1991 — *Aalto P.* The Name and the Emblem of the Türk Dynasty // Altaica Osloensia. Proceedings from the 32nd Meeting of the PIAC. Oslo, 1991.
Başgöz, 1978 — *Başgöz I.* The Epic Tradition among Turkic Peoples // Heroic epic and Saga. An Introduction to the World's Great Folk Epics. Bloomington; London, 1978.
Bazin, 1964 — *Bazin L.* La littérature épigraphique turque ancienne // Philologiae Turcicae Fundamenta. Bd. II. Wiesbaden, 1964.
Black, 1962 — *Black M.* Models and Metaphor // Studies in Language and Philosophy. Ithaca; London, 1962.

Burke, 1973 — *Burke K.* The Philosophy of Literary Form. Berkeley, 1973.
Cannata, 1981 — *Cannata P.* Profilo Storico del I° Impero Turco (metà VI — metà VII secolo). Roma, 1981.
Clauson, 1972 — *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.
Dankoff, 1981 — *Dankoff R.* Inner Asian Wisdom Traditions in the Pre-Mongol Period // JAOS. 1981. Vol. 101. № 1.
Divitçioglu, 1987 — *Divitçioglu S.* Kök Türkler (Kut, Küç ve Ülüg). İstanbul, 1987.
Doerfer, 1996 — *Doerfer G.* Formen der Älteren Türkischen Lyric // Studia Uralo-Altaica. T. 37. Szeged, 1996.
Gabain, 1954 — *Gabain A. von.* Buddhistische Türkenmission // Asiatica. Festschrift Friedrich Weller. Leipzig, 1954.
Gabain, 1963 — *Gabain A. von.* Zentralasiatische türkische Literaturen // Handbuch der Orientalistik. Abt. 1. Bd. 5. 1963.
Gabain, 1979 — *Gabain A. von.* Einführung in die Zentralasienkunde. Darmstadt, 1979.
Gandjeï, 1958 — *Gandjeï T.* Überblick über den vor- und frühislamischen türkischen Versbau // Der Islam. Bd. 33. H. 1–2. 1957.
Giraud, 1961 — *Giraud R.* L'inscription de Baïn Tsokto. Éd. critique. P., 1961.
Haussig, 1985 — *Haussig H.-W.* Der Historische Hintergrund der Runenfunde in Osteuropa und Zentralasien // Runen, Tamgas und Graffiti aus Asien und Osteuropa. Wiesbaden, 1985.
Hovdhaugen, 1974 — *Hovdhaugen E.* The Relationship between the two Orkhon Inscriptions // Acta Orientalia (Societates orientales Danica Norvegica Svecica). København. XXXVI. 1974.
Hřebiček, 1967 — *Hřebiček L.* Are the Old-Turkic Inscriptions Written in Verses? // Archiv Orientálni. T. 35. 1967.
Kljaštornyj, Livšic, 1972 — *Kljaštornyj S.G., Livšic V.A.* The Sogdian Inscription of Bugut Revised // Acta Orientalia Academiae scientiarum hungaricae. T. XXVI. Fasc. 1. 1972.
Kowalski, 1921 — *Kowalski T.* Ze studjów nad forma poezji ludów tureckich. Kraków, 1921.
Krueger, 1962 — *Krueger J.R.* The Earliest Turkic Poem // JAOS. Vol. 82, № 4. 1962.
Melikli, 2001 — *Melikli T.D.* Edebiyat anıtları olarak eski Türk yazıtları // Türk dili araştırmaları yıllığı. Belleten. Ankara, 2001.
Miller, 1984 — *Miller C.* Genre as Social Action // Quarterly Journal of Speech. Vol. 70. 1984.
Rona-Tas, 1991 — *Rona-Tas A.* An Introduction to Turkology // Studia Uralo-Altaica. T. 33. Szeged, 1991.
Roux, 1982 — *Roux J.-P.* Les inscriptions de Bugut et de Tariyat sur la région des Turcs // Studia Turcologica Memoriae Alexii Bombaci Dicata. Napoli, 1982.
Rybatzki, 1999 — *Rybatzki V.* Die Tonuquq-Inschrift // Studia Uralo-Altaica. T. 40. Szeged, 1999.
Sprengling, 1939 — *Sprengling M.* Tonyukuk's Epitaph: An Old Turkish Masterpiece (Introduction, Text, Annotated Scientific Translation, Literary Translation and Transliteration) // The American Journal of Semitic Languages and Literatures. Vol. 56, № 1. 1939.

Thomsen, 1916 — *Thomsen V.* Turcica. Études concernant l'interprétation des inscriptions turques de la Mongolie et de la Sibérie // Mémoires de la Société finno-ougrienne. Vol. XXXVII. Helsingfors, 1916.

Winner, 1958 — *Winner T.G.* Oral Art and Literature of the Kazakhs. Durham, 1958.

Zamrazilova-Jakmyr, 1999 — *Zamrazilova-Jakmyr J.* Script, language and narration in Old Turkic Texts // Writing in the Altaic World. Studia Orientalia. T. 87. Helsinki, 1999.

НАА	—	Народы Азии и Африки. М.
РА	—	Российская археология. М.
JAOS	—	Journal of the American Oriental Society. New York; New Haven
СТ	—	Советская тюркология. Баку

Т.И.СУЛТАНОВ
(Санкт-Петербург)

Известия османского историка XVI в. Сейфи Челеби о народах Центральной Азии

Впервые труд Сейфи был введен в научный обиход в 1876 г. французским ориенталистом К.Шефером, поместившим в приложении к своему переводу «Истории Средней Азии» Мир Абд ал-Керима Бухари перевод извлечений из сочинения Сейфи по принадлежавшей ему рукописи [Schefer, 1876]. В 1968 г. ориенталист Ж.Матуз осуществил критическое издание текста сочинения Сейфи с транскрипцией и полным французским переводом; в издании имеются также вводная глава, обширная библиография и многочисленные указатели ([Matuz, 1968]; рецензию см. [Göts, 1974, с. 529–531]).

Об авторе сочинения известно очень мало. В.В.Бартольд в ранних своих работах даже называл это произведение «анонимной историей восточных государств» [Бартольд, 1973в, с. 82]; в более поздних трудах он указывает только, что автором этого сочинения был некий османец Сейфи. К.Шефер, не называя источников, сообщает, что Сейфи пересек Центральную Азию и в 950/1543 г. направился в Китай. Ничего не смог установить о личности Сейфи и издатель его сочинения Ж.Матуз. Основной текст сочинения не содержит в себе прямых сведений, относящихся к личности Сейфи. Лишь в конце предисловия, которое начинается стихотворным отрывком на персидском языке, автор приводит свое имя: «Этот раб божий, ничтожный Сейфи, в девяти главах изложил историю ныне здравствующих правителей Востока, Хинда, Аджама и их предков». Важные сведения об авторе приведены на титульном листе анонимным переписчиком работы Сейфи. По его словам, эта книга написана в 990/1582 г. во время правления Султан-Мурад-хана (1574–1595), сына Султан-Селим-хана, покойным дефтер-

© Т.И.Султанов, 2005

даром Сейфи Челеби. К.Шефер и Ф.Бабингер ошибочно называют годом смерти автора 990 г.х. [Schefer, 1876, с. IV; Babinger, 1927, с. 69]. В.В.Бартольд, отметив, что в сочинении имеются описания событий и после 1582 г., полагает, что труд Сейфи был написан, по всей вероятности, позже того года, который указан на титульном листе [Бартольд, 1968а, с. 554]. Издатель сочинения Сейфи на основе изучения обширного сопоставительного материала приходит к заключению, что датой завершения книги является 3 джумада II 998 г.х. (9 апреля 1590 г.) — дата приведена в конце произведения прописью и цифрами, после нее стоит «тамам» («окончено»). Однако указанная дата вполне может означать время переписки сочинения.

Был ли историк Сейфи Челеби в действительности дефтердаром (заведующим финансовой частью канцелярии), не известно. Если принимается это предположение, то его полное имя выглядит так: Сейфи Сейфуллах Эфенди-дефтердар; это автор «Сигетвар-наме», скончавшийся во время правления Султана-Ахмада I (1603–1617). Против этого предположения, как считает М.Готс, говорит упрощенный разговорный стиль сочинения, который едва ли мог принадлежать высокообразованному финансовому чиновнику. Это мнение, вероятно, основано отчасти на характеристике языка Сейфи, данной в свое время К.Шефером. «Сочинение Сейфи, — полагает Шефер, — написано на почти непонятном тюркском языке: автор использует архаизмы и просторечные выражения, конструкция фраз неверна, а орфография изобилует ошибками. Стихотворный отрывок на персидском языке, помещенный в начале сочинения, в конце которого автор указывает свое имя, а также персидские цитаты, встречающиеся в тексте, напротив, со всех точек зрения безупречны» [Schefer, 1876, с. IV].

Разбор этого произведения в лингвистическом отношении не входит в нашу задачу, однако следует отметить, что, несмотря на великолепное знание восточных языков К.Шефером, характеристику языка сочинения Сейфи, данную им, нельзя признать исчерпывающей. Труд Сейфи написан на чистом османском языке с незначительным количеством арабизмов и фарсизмов. Неправильно написанных слов и мест, трудных для понимания мысли автора, сравнительно немного. Повествование живое, выразительное и отличается простотой стиля, действительно весьма близкого к разговорному. В тексте часто встречаются стихи-хронограммы на персидском языке, дающие образное описание заключенных в них дат.

Сочинение не имеет авторского названия; сам Сейфи называет свой труд «Таварих» (Хроника). На титульном листе имеется следующий

длинный заголовок, по всей вероятности данный переписчиком: «Китаб-и таварих-и падишахан-и вилайет-и Хинд ва Хитай ва Хотан ва Кашмир ва вилайет-и Аджам ва Кашгар ва Калмак ва Чин ва Мачин ва сайер падишахан-и пишин аз евлад-и Чингиз-хан ва хакан ва фагфур ва падишахан-и Тура ва Казак ва Мавераннахр ва Хиндустан». По своей структуре и содержанию сочинение Сейфи Челеби резко отличается от османских традиционных хроник и скорее напоминает географическое произведение. Оно делится на девять глав (автор приводит их названия в начале основного текста), в которых содержится краткое описание областей мусульманского Востока, Центральной Азии и сопредельных ей территорий, дополненное историческими, этнографическими и иными сведениями [Султанов, 1970, с. 46–50]. Как считает Ж.Матуз, сам Сейфи не путешествовал по тем странам, о которых он пишет, и его сведения опираются исключительно на устные рассказы купцов и путешественников. По мнению же В.В.Бартольда, отдельные сообщения Сейфи Челеби, «вероятно, заимствованы из более ранних письменных известий» [Бартольд, 1963, с. 517; Бартольд, 1966, с. 388]. Из указанных самим Сейфи источников следует отметить следующие: «Чингиз-наме», «Искандар-наме» Ахмада Руми, «История Огуза», «Тарих» Хафиз-и Абру. В нескольких случаях Сейфи ссылается на сведения, полученные им от не названных по имени лиц.

Сочинение Сейфи Челеби интересно во многих отношениях; в нем есть редкие и, как правило, отсутствующие в других источниках сообщения о домашнем ремесле, торговле, верованиях и обычаях народов Центральной Азии. При ощущающемся ныне недостатке историко-этнографических материалов по средневековой истории названных регионов важность сообщаемых Сейфи сведений очевидна. Для темы настоящего сборника особого внимания заслуживают сведения, содержащиеся в трех главах труда Сейфи, перевод которых помещен ниже. Перевод выполнен по фотокопии рукописи, хранящейся в Лейденской университетской библиотеке (шифр фотокопии Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения — ФВ 310).

Перевод извлечений из сочинения Сейфи

(л. 12б) **Глава вторая. Рассказ о предводителе калмаков и стране Тибет**

Страна калмаков расположена на одной из сторон Хитая. Имя правителя — Угтай, по прозванию Алтун. Всякого правителя той страны именуют Алтун-ханом[1]. Этот Алтун-хан из потомков Чингиза, который пересек воды

Джейхуна, затем возвратился и умер в той области. До наших дней Алтун-хан возит повсюду с собой останки Чингиза в золотом гробу[2]. Всякий раз, когда калмаки сталкиваются с трудностями, они, придерживаясь своих несообразных обычаев, простираются ниц перед гробом Чингиза, моля о помощи, ибо они — кафиры.

(л. 13а) В той стране, на одной горе, есть пещера. Из глубины пещеры поднимается огромное пламя, достигающее высоты минарета. Калмаки поклоняются тому пламени. Они почитают Чингиза как чудотворца, и, когда Алтун-хан воюет с другим государем, он водружает свое знамя на гроб Чингиза. Иногда между хаканом-падишахом Хитая и правителем калмаков Алтун-ханом бывают войны, но последний не может противостоять хакану. Тем не менее он предпринимает набеги на владения хакана, убивает людей, оказавшихся вне укреплений, угоняет скот, но не может войти в укрепление, потому что у калмаков нет ни пушек, ни ружей, тогда как у хитайцев их много. В подобных случаях хакан (л. 13б) назначает одного из своих везиров военачальником и отправляет его против Алтун-хана для сражения с ним, ибо хакан никогда сам не выступает против неприятеля. К тому же в тех пределах нет противника, способного ему противостоять. Однажды хакан отрядил одного из своих везиров против Алтун-хана. Завязался бой, и Алтун-хан, одержав победу, захватил в плен везира хакана. На этот раз хакан, придя в ярость, направил другого везира с несметным войском. Алтун-хан встретил его, и они сразились. Везир хакана одержал победу: он разгромил Алтун-хана и разграбил его лагерь, убил одного из его сыновей и уничтожил множество калмаков. Алтун-хан (л. 14а), будучи не в состоянии что-либо сделать, запросил мира и вернул свободу везиру, которого он раньше захватил в плен. Ныне обе стороны не водят войска друг против друга и не сражаются друг с другом. Однако отдельные группы калмаков совершают набеги с целью грабежа на окрестности хитайских укреплений. Если хитайцы получают известие об этом вовремя, они нагоняют их и дают им бой, но не проникают в глубь страны калмаков, так как хитайское войско — тяжеловооруженное войско, оснащенное пушками и ружьями. Эти калмаки словно татары. Если хакан уведомляет Алтун-хана: «Почему твои люди так поступают?» — последний отвечает: «Я не знаю об этом ничего, но непременно разыщу разбойников и накажу их». (л. 14б) Словом, они не перестают враждовать между собой.

По другую сторону Кашгарского края расположилось племя, носящее название *казак*. Они кочевники, у них нет ни городов, ни селений. Число их составляет два раза по сто тысяч семейств. У них есть хан по имени Таваккул[3]. Однажды казахи произвели набег и разграбили часть владений калмаков и возвратились к себе. Об этом доложили предводителю калмаков. Он направил одного из своих везиров в погоню за казахами и повелел: «Возвращайся непременно с головой Таваккула или принеси свою голову». Тот отправился вслед за казахами и прибыл в местность, которая была йуртом Таваккула. Таваккул, увидев огромное войско калмаков, счел всякое сопротивление бесполезным и подался в сторону Ташкента. Калмаки, преследуя его, дошли до (л. 15а) окрестностей Ташкента и, нагнав его, перебили половину его войска. Таваккул с некоторым числом оставшихся в живых людей бежал в Ташкент.

Как говорят, Ташкент в древности был столицей Афрасиаба; это очень обширная область. В то время правителем Ташкента был Науруз Ахмад-хан по прозванию Барак-хан[4]; он из потомков Чингиза. В то время как Таваккул подался в Ташкент, калмаки разграбили его эль и вернулись в свою страну. Таваккул отправил человека к Барак-хану со словами: «Я пришел (л. 15б) и отдал себя под твою защиту. Мы оба потомки Чингиза, связаны узами родства. Кроме того, оба мы мусульмане, единоверцы. Окажи мне поддержку, и мы отправимся вместе и отомстим этим кафирам». Барак-хан направил ему такой ответ: «Если даже десять ханов, таких, как я и ты, объединятся вместе, то и они не смогут противостоять им, ибо они — племя йаджудж»[5].

И в самом деле, они походят на племя йаджудж своей многочисленностью. Несмотря на то что они небольшого роста, сила и могущество калмаков и их предводителя известны. Калмаки едят всевозможную живность, (л. 16а) обитающую на земле, даже змей; однако не все, а только один из их родов[6]. На могилу умершего они кладут все принадлежавшие ему вещи, и совершенно никто к ним не прикасается, ибо, согласно их порочной вере, если кто-то возьмет что-нибудь из этих вещей, на него падут все грехи умершего. Вот почему никто к этим вещам не прикасается. Калмаки бывают очень красивы, и жители Ташкента иногда предпринимают набеги на окраинные территории страны калмаков и уводят их с собой. Калмаки же пускаются вслед за ними, чтобы освободить пленных, и (л. 16б) вступают в сражение. После боя, когда обирают павших в сражении калмаков и снимают с них латы и доспехи, обнаруживают, что это девушки. Этот народ обладает такой отвагой, что даже девушки идут на войну, облачившись в военные доспехи.

Однажды один из везиров Алтун-хана, предводителя калмаков, назначенный военачальником, вел многочисленную рать против врага. На окраине Турфана, одного из городов Кашгарии, он заболел. Из этого города потребовали лекаря. Турфанцы, желая избавить город от грабежа, одного прислали. Он прибыл к калмакам и оказал врачебную помощь. Затем, по возвращении, он рассказывал: (л. 17а) «Шагал я один день и одну ночь по лагерю калмаков и только на утро следующего дня прибыл к шатру главнокомандующего». Несмотря на свою многочисленность, калмаки не могут, однако, противостоять хакану и были им много раз биты.

Бейт:

Господь, который сотворил небесный свод и все, что под ним,
Создал силу, имеющую власть над любым [земным] могуществом.

Одну из сторон Хитая составляет Тибет — обширнейшая и благоустроенная страна. Она управляется не единым государем, а отдельными владетелями, пребывающими в разных городах и непрерывно воюющими между собой. Если на них нападает внешний враг, они прекращают свои внутренние распри и, оказывая друг другу помощь, совместно выступают против общего врага. (л. 17б) Это страна покрытых лесами крутых гор, через которые имеются в некоторых местах горные проходы. Когда хакан посылает войско, тибетцы занимают их и обороняют таким образом свои земли. Они признают тем не менее власть хакана, хотя время от времени и выступают против него. Из страны хакана к ним вывозят нечто вроде кофе, называемого чаем[7]. Если ти-

бетцы не пьют его, то испытывают мучение, подобно курильщикам опиума. Климат Тибета нездоровый, но чай уничтожает пагубное влияние климата[8]. Поэтому они внешне изъявляют дружбу по отношению к хакану. Одежда жителей Тибета вся черного цвета. Золота у них так много, что (л. 18а) из него сделаны их большие блюда[9]. Тибетцы очень маленького роста. Одним краем Тибет соприкасается с Кашмиром и Хиндом, а страна калмаков граничит с Кашгарией; однако между этими странами расположена пустыня в несколько дней пути. В ней скитаются разбойничьи отряды обеих сторон.

Глава третья.
Рассказ о Кашгарии, казаках и Туре

Кашгария, другое ее название Хотан, состоит из множества областей[10]; в число этих областей входят [часть] Хитая и [собственно] Хотан. За вилайетом Хитай начинаются владения хакана. Кашгарию называют Хотан или Кашгар, так же как Аджам называют Иран или Аджам, а Хитай — Чин и Мачин, Хитай или Мачин. (л. 18б) Столица [Кашгарии] — Яркенд; там местопребывание их падишахов. Страна простирается с одного конца до другого на сорок дней пути и хорошо возделана. Имя правителя — Абд ар-Рашид-хан[11]; он из потомков Чингиза. Их [представителей этой ветви потомков Чингиза] называют моголами. Причина в том, что потомки Чингиза разделены на две группы: тех, что владеют Крымом, называют татар, ханов Туры, что за Дешт-и Кипчаком, — шубан, бухарских ханов — узбек, а правителей Кашгарии — могол; обитателей же пограничных с (л. 19а) Хитаем областей называют калмак. Все из упомянутых властителей — потомки Чингиза, но каждый из них — независимый правитель. Когда Чингиз покорил те страны, то в каждую из них он назначил правителем одного из своих сыновей. У Чингиза было девять сыновей[12], но не все они знамениты. Так написано в «Чингиз-наме». Здесь нет надобности вникать в подробности.

Правитель Кашгарии Абд ар-Рашид-хан чрезвычайно справедливый государь; среди потомков Чингиза нет правосуднее его[13]. На своих подданных он наложил только *ушр* и не взимает с них незаконных поборов, как это делают бухарские ханы. Именно в Кашгарии добывают яшму[14]. (л. 19б) [В этой стране] есть высокая гора, на вершину которой еще никто не восходил. С той горы стекает ручей и превращается у подножия в большую реку. Яшма, увлекаемая течением, прибывает к подножию. Никто не знает, где находится само месторождение; известно только, что яшма появляется со стороны той горы. У подножия горы, [как уже сказано], этот ручей превращается в большую реку. Летом, когда река мелеет, население идет туда искать яшму. Половину найденных драгоценных камней они передают государю, а другую оставляют себе. Яшма бывает семи цветов и оттенков. Большую часть яшмы отправляют в Хитай, ибо без яшмы (л. 20а) Хитай был бы разрушен молниями, как мы об этом уже говорили.

На самой окраине Кашгарии находится город Турфан, за которым нет мусульманства. В Турфане собираются купцы со всех стран света, направляющиеся в Хитай; число их достигает нескольких тысяч. Из своей среды они выбирают главу, которому подчиняются все остальные и только потом от-

правляются дальше, ибо небольшими группами в Хитай невозможно попасть. Турфан — пограничный город Кашгарии, а пограничный город Хитая — Камул. Между этими двумя границами степь в сорок дней пути, где совершенно нет населенных пунктов, но есть (л. 20б) вода[15]. Говорят, прежде эта территория была населена и обработана, но Чингиз, правители Хитая и калмаков, полностью опустошив ее, превратили в злополучную местность. Зимой ее не пересекают из-за боязни перед калмаками: часть этих кочевых племен проводит зиму вблизи упомянутой степи. Из-за страха перед ними купцы не отваживаются отправляться в путь зимой и дожидаются лета. Камнем *йада* вызывают дождь, который освежает воздух и позволяет продолжать путь. Так проходят двадцать дней пути. После двадцати дней жар воздуха умеренный и нет надобности (л. 21а) вызывать дождь — можно продолжать путь и без дождя. Йада — это то, что встречается в Крыму и еще у ногайских татар. Это костистое вещество величиною с грецкий орех, обладающее твердостью камня. Его находят в черепе человека, свиньи, лошади и других животных, но в исключительно редких случаях. Люди, обрабатывающие камень йада, находят его и кровью свиньи наносят на нем имена некоторых злых духов и дивов, а также совершают другие ритуальные действия и [только потом] используют его. Камень йада добывают таким вот образом[16]. Им они вызывают то снег, то дождь, то холод. Купцы, направляющиеся в Хитай, нанимают за плату *йаддаджи*, который вызывает дождь и позволяет им (л. 21б) совершать путь при умеренной жаре. Если же прочесть суру аш-Шамс[17], то, с божьего позволения, свойства камня йада уничтожаются.

Климат Кашгарии настолько благотворен, что там нет болезней, и лишь неумолимая смерть обрывает жизнь [18]. Население славится своей красотой. Абд ар-Рашид-хан оказывает большое уважение улемам; он вызывает их к себе на аудиенцию, испытывает их сам и воздает честь по заслугам каждого.

Бейт:

Не выпускай из рук ценности знаний,
Не нарушай того, что относится к божественному закону.

По эту сторону Кашгарии обитает племя, носящее название кыргыз. Они — кочевники и родственны моголам. (л. 22а) Это многочисленное племя. У них нет хана, а есть только беки, которых называют *кашка*[19]. Они не кафиры и не мусульмане. Кыргызы живут на крутых горах, в которых есть местами проходы. Если какой-нибудь царь поведет на них войско, то они отсылают свои семьи в глубь гор, а сами занимают те проходы, чтобы никто не прошел. Действуя камнем йада, они заставляют снег падать на идущее против них войско и производят такой холод, что воины противника не могут действовать ни руками, ни ногами[20]. Вслед за тем они производят нападение и разбивают врагов. (л. 22б) Умерших они не зарывают в землю, а кладут в гроб, который подвешивают на растущие у них высокие деревья; кости их остаются там, пока не сгниют и не рассеются[21].

Соседи кыргызов — казаки; их два раза по сто тысяч семейств. Они — мусульмане, придерживаются толка Имама Азама (Абу Ханифа)[22]. У них есть хан по имени Таваккул; он из потомков Чингиза. Обстоятельство, почему им

дано название *казак*, заключается в следующем. У тех потомков Чингиза, что правят Ташкентом и Бухарой, есть обычай: если какой-нибудь хан умирает, то ханом выбирают самого старшего из его сыновей, (л. 23а) а всем младшим выделяют по одному городу[23]. Временами они живут мирно, иногда вступают в междоусобные распри. Побежденный не может более оставаться в пределах своего вилайета и удаляется прочь в степь. В былые времена предки казахских ханов потерпели поражение в борьбе за обладание Бухарой и Ташкентом и были вынуждены бежать в степь, где и остались. На основании этого обстоятельства им было дано название *казак*. У них много лошадей, баранов и верблюдов; их жилища помещаются на арбах. Их кафтаны сделаны из овечьей кожи, (л. 23б) они окрашиваются в разные цвета и становятся похожими на атлас. Их привозят в Бухару, где продают по той же цене, что и кафтаны из атласа, настолько они изящны и красивы. У них есть также удивительные накидки, сделанные из той же овечьей кожи. Они совершенно непромокаемы и не боятся сырости; это происходит от свойства некоторых растущих там трав, которые служат для обработки кожи.

По одну сторону от казаков расположена область Тура, протяженностью в двадцать дней пути; это крайний предел Дешт-и Кипчака. Владетель этой страны — Кучум-хан[24]; он из потомков Чингиза, мусульманин, придерживается толка Имама Азама. (л. 24а) Однажды, когда Кучум-хан куда-то отлучился, ночью пришли неверные русы и захватили город Тура. Как только оповестили об этом Кучум-хана, он обложил город и года два держал кафиров взаперти. Ослабив их таким образом до крайности, он затем вновь овладел Турой. Это событие произошло недавно. Однако, когда русы захватили Туру, они пленили сына Кучум-хана и отправили его в Москву[25]. По сторонам владений Кучум-хана обитают удивительные племена необычной внешности; никто не понимает их языка; нет у них ни религии, ни веры, и подобны они в том диким животным[26]. (л. 24б) В стране той летом ночи крайне коротки и в течение сорока дней кряду невозможно совершать ночную молитву — наступает рассвет[27]. Это доподлинно известная история. Предки Кучум-хана господствовали над той страной со времени Чингиза.

Предки государя Кашгарии Абд ар-Рашид-хана правили Кашгарией со времен господства Чингиза. Персидский поэт сочинил стих. Сына своего он направил в Багдад и сделал шахидом (мучеником) халифа Мустасима, а сам возвратился в Хорасан.

(л. 25а) *Стих*:

Шестьсот пятьдесят шестого года хиджры,
В воскресенье, четвертого числа сафара,
Предстал халиф пред султаном монгольским —
Прекратила свое существование держава Аббасидов[28].

При разделе империи между своими сыновьями Чингиз отнял Кашгарию у прежних владетелей и передал Тули[29]. Абд ар-Рашид-хан — из потомков Тули-хана[30]. Вот уже триста пятьдесят лет как они владеют Кашгарией.

Предводитель калмаков ведет свое происхождение от другого отпрыска Чингиза по имени Менгу-каан[31]. Предки Алтун-хана осуществляют власть (л. 25б) над той страной со времени Чингиза.

(л. 53а) Глава восьмая. О прочих, кроме кызылбашей, правителях и властителях страны Аджам

(л. 54а) Другая область — Хорезм; он располагается на том краю Аджама, который примыкает к Дешт-и Кипчаку. Это пустынная область; ее территория составляет два беклербекства. Всевышний Бог за что-то прогневался на них (хорезмийцев): река Джейхун, которая протекала вблизи Ургенча, (л. 54б) столицы Хорезма, отступила и теперь протекает на расстоянии нескольких дней пути от города. Хорезм, как известно, прежде являлся столицей хорезмшахов, последним из которых был Султан Мухаммад[32]; Чингиз убил его и захватил Хорезм, который перешел к его потомкам. В настоящее время правителем Хорезма из потомков Чингиза является Хаджим-хан. Хотя он и не имеет того положения, чтобы именоваться независимым государем, но поскольку с его именем читается хутба и чеканятся монеты[33], то он числится им[34]: сведушим в истории людям известно, что всякий властитель города, имя которого (л. 55а) упоминается в хутбе и чеканится на монетах, считается независимым государем[35].

Примечания к переводу

[1] Алтун-хан — титул правителей небольшого кочевого государства в западной части Монголии в XVI–XVII вв. Основателем этого государства, известного как царство Алтын-ханов, считается Шолой Убаши-хунтайджи, второй сын Тумен-Дара Дайчина. Всего было трое Алтын-ханов. Титул вышел из употребления в 1696 г. со смертью Лубсан-тайджи и распадом царства Алтын-ханов [Шастина, 1949, с. 383–395]. Сейфи Челеби относил этот титул и к туметскому предводителю, правившему в 50-х годах XVI в.

[2] Чингис-хан умер в августе 1227 г. в Тангуте. Его тело было перевезено в Монголию и погребено на горе Бурхан-Халдун, у истоков Онона и Керулена; по монгольскому обычаю место захоронения сохранялось в тайне. Намного позднее у речки Чжамхак в Ордосе были воздвигнуты две белые войлочные юрты — Ихи-Эджен-Хоро (Великая ставка Владыки); в одной из них якобы и поныне сохраняются останки Чингис-хана [Бартольд, 1966, с. 394; Бартольд, 1968б, с. 626, 627; Кычанов, 1973, с. 122–131].

[3] Таваккул — сын Шигай-хана. Начальная дата его правления в источниках точно не определена. Таваккул-хан умер осенью 1598 г. в Ташкенте от полученной в сражении раны.

[4] Барак-хан правил в 1551–1556 гг.

[5] Расспросные сведения Сейфи следует дополнить наблюдениями Антония Дженкинсона, английского купца и дипломата, представителя лондонской «Московской компании». По заданию компании в 1559 г. Дженкинсон добрался до Бухары с целью выяснить ситуацию на местном рынке, перечень привозных товаров и наличие и безопасность торговых путей в Индию и Китай. Ситуация выглядела удручающе. «В городе Бухаре бывает ежегодный съезд купцов, приезжающих большими караванами из прилегающих стран — Индии, Персии, Балха, России и разных других, а в прежние времена и из Китая, когда оттуда можно было свобод-

но проехать; но эти купцы так нищенски бедны, привозят так мало товаров, которые вдобавок еще лежат здесь по два или три года, что нет никакой надежды на то, чтобы завести здесь выгодную торговлю, стоящую дальнейших усилий. Индийцы привозят тонкие белые ткани, которые татары обвивают вокруг головы, а также другие сорта белых материй, употребляемых при шитье одежды из хлопчатой бумаги, но они не привозят ни золота, ни серебра, ни драгоценных камней, ни пряностей. <...> Персы привозят сюда материи, хлопчатую бумагу, полотно, пестрые шелка, аргамаков и т.п., а увозят отсюда сырые кожи и другие русские товары, рабов происхождением из разных стран, но материй не покупают, потому что сами привозят их сюда, а к ним, как я узнал, их привозят из Алеппо в Сирии и из Турции. Русские привозят в Бухару сырые кожи, овчины, шерстяные материи, деревянную посуду, уздечки, седла и тому подобные, а увозят отсюда разные изделия из хлопка, различные сорта шелка, материи и другие вещи, но размеры торговли очень малы. Из китайских стран в мирное время и когда проезд свободен сюда привозят мускус, ревень, атлас, камку и тому подобные вещи. В бытность мою в Бухаре туда приходили караваны изо всех вышеназванных стран, исключая Китай. Причиной, почему оттуда не приходили караваны, было то, что уже три года до моего приезда сюда длилась большая война, продолжавшаяся и при мне, между двумя большими татарскими странами и городами, расположенными как раз по пути между Бухарой и Китаем, и некоторыми варварскими степными народами, как язычниками, так и магометанами, граничащими с этими городами. Города эти называются Ташкент и Кашгар; народ, воюющий с Ташкентом, называется казахами, Магометовой веры, а те, которые ведут войну с Кашгаром, зовутся кингами, они язычники и идолопоклонники. Оба эти варварских народа очень могущественны; они живут в степях, не имея ни городов, ни домов, и почти покорили вышеназванные города, так крепко заперев дорогу, что никакому каравану нельзя пройти неограбленным. Таким образом, в течение трех лет до нашего пребывания здесь ни один караван не прошел и не поддерживал торговли между Китайской и Бухарской страной. Когда же путь свободен, то это путешествие длится 9 месяцев» [Дженкинсон, 1937, с. 184–185].

[6] Как известно, запреты и предписания, связанные с пищей (священной, обыденной и табуированной), служили одним из основных критериев отнесения того или иного сообщества к человеческому племени и, как правило, вызывали самый живой интерес. Поскольку английскому купцу Дженкинсону известен близкий рассказ о калмыках, остается предположить, что в среде торговых людей циркулировал устойчивый набор сведений. На карте Дженкинсона указана область калмыков с уточняющей надписью: «Жители этих стран поклоняются солнцу в виде красного холста, привешенного к жерди. Они проводят жизнь в становищах, питаются мясом всех животных, в том числе змей и червей, и имеют свой собственный язык» [Дженкинсон, 1937, с. 307].

[7] Сообщение Сейфи о торговле чаем заслуживает особого внимания: во-первых, как отметил еще В.В.Бартольд в своей рецензии на труд Н.В.Кюнера [Бартольд, 1910, с. 0180], оно показывает, что слово «чай» проникло в тюркский язык не через посредство русского языка, как полагали некоторые исследователи, а было известно малоазиатским туркам задолго до начала торговли чаем между Россией и Китаем; во-вторых, попытка Сейфи объяснить своим читателям слово «чай», сравнивая его с кофе, показывает, что ко времени написания сочинения чай в Турции не был еще распространенным напитком.

[8] Рассказ о тибетцах, которым полезен китайский чай, восходит к «Книге фармакогнозии в медицине» Бируни (973–1048): «Чай — это один из видов растений; родиной его является Китай. Букву *чим* в этом [слове] арабы заменяют *садом* и говорят *са*. Растение это срезают, сушат в четырехугольных сосудах и, когда нужно, приготовляют из него с горячей водой напиток и пьют. Напиток из него заменяет сложные лекарства, и в нем нет вредности сложных лекарств, в других [напитках] есть вредность, а он даже лучше по своей полезности. [Чай] устраняет вредные [последствия] вина, поэтому его возят в Тибет, так как жители Тибета имеют обыкновение пить много вина, а для устранения вреда вина никакое лекарство не может быть полезнее [чая]. Люди, которые возят [чай] в Тибет, взамен его берут только мускус» [Бируни, 1973, § 273].

[9] В мусульманской литературе было распространено мнение об изобилии золота в Тибете. Интересные сведения о золотых приисках Тибета и их разработке сообщает Мирза Хайдар Дуглат в своей «Тарих-и Рашиди».

[10] Кашгаром Сейфи, вероятно, называет Могольское государство с центром в Яркенде, созданное в 1514 г. в Восточном Туркестане Чагатаидом Султан-Саид-ханом. Первоначально в его состав входили города Кашгар, Янги-Хисар, Уч, Аксу и Хотан с прилежащими округами, а с 70-х годов XVI в. — Бай и Кусан (Куча). Чалыш и Турфан составляли восточные области страны. Впоследствии этот край стали именовать в литературе Малой Бухарией, а затем Восточным, или Китайским, Туркестаном. По словам В.В.Бартольда, географические границы Китайского Туркестана надежно определить нельзя. «По этнографическим соображениям под этим названием можно объединить все страны от Хотана на юге до Чугучака на севере, от Кашгара на западе до Хами на востоке» [Бартольд, 1977, с. 519]. Ч.Ч.Валиханов, отмечая, что местные жители Малой Бухарии общего народного имени не имеют, а называют себя по городам, указывал, что китайцы называют их чанту, калмаки — хотан, а среднеазиатцы, казахи и кыргызы распространяют имя кашгарцев на все население Восточного Туркестана [Валиханов, 1962, с. 338].

[11] Абд ар-Рашид-хан был старшим сыном и преемником Султан-Саид-хана, умершего 9 июня 1533 г. О годе смерти Рашид-хана существуют противоречивые сведения. В.В.Бартольд приводит четыре даты: 1559/60, 1565/66, 1567/68 и 1570/71 гг. [Бартольд, 1973б, с. 175]. О.Ф.Акимушкин, опираясь на ряд источников по истории Восточного Туркестана, относит это событие к 1559/60 г. [Акимушкин, 1970, с. 241]. В любом случае Абд ар-Рашид-хан умер задолго до написания сочинения Сейфи. Что же касается упоминания хана в настоящем времени, то это объясняется тем, что Сейфи, очевидно, не знал о смерти могольского хана.

[12] Согласно Рашид ад-Дину, у Чингис-хана было восемь сыновей: Джучи, Чагатай, Угедей, Тулуй, Кулкан, Джаур, Джурчитай, Урджакан [Рашид ад-Дин, 1952, с. 68–72].

[13] Автор «Тарих-и Кашгар» также отмечает, что Абд ар-Рашид-хан отличался справедливостью и два раза в неделю лично производил суд, причем по одну сторону от него сидели казий и муфтий, по другую — везир и хаким. Если дело решалось по шариату, то решение произносили казий и муфтий, если оно было связано с областью действия обычного права — то эмиры с везиром во главе [Бартольд, 1973б, с. 175].

[14] Классическая китайская яшма — это собственно нефрит (крепкий амфибол). Каким бы древним и почитаемым ни являлось в Китае искусство резьбы по яшме, сам материал был некитайским. Древним источником всего нефрита, употребляв-

шегося в Китае, был Хотан. Из этого города поступала белая и темно-зеленая яшма. Куски драгоценного нефрита поднимали со дна двух рек, сливавшихся возле Хотана, перед их впадением в реку Тарим. Одна из этих рек называлась Каракаш (Черная Яшма), другая — Юрунгкаш (Белая Яшма) [Шефер, 1981, с. 295–296]. В Китае нефрит был связан с представлениями о царях и богах, и его употребляли главным образом для ритуальных и магических предметов. Об использовании китайцами этого минерала в качестве защиты от молний ничего не известно.

В сведениях, собранных Бируни, различаются *йашм* — нефрит и *йашб* — яшма: «Йашб — белый камень. В „Китаб ан-нухаб": это „камень победы", его употребляют тюрки для достижения победы и чтобы у них не болел желудок от трудно перевариваемых предметов. Гален — желтый йашб люди помещают в ожерелье и на нем рисуют изображение, от которого [отходят] лучи. Я проверил это, и [йашб] без рисунка помог точно так же, как помогает [камень] с изображением. Говорят, что один из видов йашба имеет темно-коричневую окраску, он полезен при утолении жажды, а желтый [йашб] укрепляет желудок, если повесить его над [желудком]. Ибн Маса: [йашб] — камень с желтым оттенком. Что касается йашма, то его добывают в двух долинах Хотана. Одна из них — Каш, здесь добывают белый превосходный [йашм]. Другая — Кара Каш, йашм этой [долины] мутный с черным оттенком, он бывает также черный, подобный гагату. Столица Хотана — Ахма. Он [далее] говорит, что нет доступа к началу долины, откуда добывается йашм. Мелкие [куски йашма] принадлежат подданным, крупные — царю. Потермезски он [называется] *йашб*, по-бухарски — *машб*, а также *йашб*. Это — белый китайский камень» [Бируни, 1973, § 1113]. В «Минералогии» Бируни продолжает рассказ о нефрите: «Говорит Наср о качествах нефрита: он тверже бирюзы, имеет молочный оттенок; потоки приносят его с гор в одну долину в земле тюрок, называемую Су. Он разрезается алмазом, и из него вытачивают поясные пряжки и перстни. Утверждают, что он отражает вред „сглаза" и служит защитой от молний и грома. Что касается „сглаза", то это народное представление, а что касается молний, то я видел человека, который доказывал воздействие нефрита на молнию тем, что расстилал на куске его тонкую ткань и поверх нее клал пылающий уголь, и он не прожигал ткань. Но этим отличается не только нефрит — стальные зеркала оказывают то же воздействие [на уголь], однако молния ими не отражается, а расплавляет их» [Бируни, 1963, с. 184–185].

Вопреки сведениям Сейфи, камнем, защищающим от удара молнии, интересовались не китайцы, а тюрки и монголы (см. [Юрченко, 2002, с. 167–178]). Бируни описывает «камень, отводящий грозу» [Бируни, 1963, с. 205–207, 474, 475]. Вильгельм де Рубрук, побывавший в 1255 г. при дворе монгольского хана Мунке, сообщает, что он привез из Азии в подарок французскому королю Людовику IX один из таких камней, вправленных в пояс, который обычно носили для защиты от молнии («Magister Willelmus, quondam civis vester, mittit vobis quamdam corrigiam ornatam quodam lapide precioso quem ipsi portant contra fulgura et tonitrua»). [Вильгельм де Рубрук, 1929, XXXVI, 19]. Среди ценных подарков, посланных византийским императором Михаилом Палеологом темнику Ногаю, находились головные уборы. По свидетельству Георгия Пахимера, Ногай «спрашивал принесшего: полезна ли эта калиптра [головной убор] для головы, чтобы она не болела, или эти рассеянные по ней жемчужины и другие камни имеют ли силу защищать голову от молнии и ударов грома, так чтобы человек под такою калиптрою был непоразим?» [Георгий Пахимер, 1862, с. 319].

[15] Сведения Сейфи следует сопоставить с заметками о торговом пути в Китай, собранными Ричардом Джонсоном, бывшим в Бухаре с А.Дженкинсоном в 1559 г. Татарин Сарничок, подданный бухарского государя, сообщил английскому купцу следующее: «От Бухары до Кашгара — 30 дней. От Кашгара до Китая — 30 дней путешествия». Согласно рассказу другого татарского купца из Бухары, путь выглядел так: «От Бухары до Ташкента легкое путешествие с товарами по суше — 14 дней. От Ташкента до Ходжента — 7 дней. От Ходжента до Кашгара — 20 дней. Этот город Кашгар лежит на полдороге между Бухарой и Китаем; он принадлежит особому государю по имени Решит-хан. От Кашгара до Соучика (Sowchik) — 30 дней пути. Соучик находится на самой границе Китая. От Соучика до Камчика (Camchik) — 5 дней пути, а от Камчика до Китая — 2 месяца пути. Весь путь проходит через населенные страны с умеренным климатом; страна полна несчетного количества плодов, а главный город всей страны называется Камбалу; он находится в 10 днях пути от Китая. За китайской землей, которую прославляют как цивилизованную и несказанно богатую, лежит страна, называемая на татарском языке Кара-Калмак; она населена черными людьми. Но в Китае, большая часть которого простирается к восходу солнца, люди белые и хорошего сложения. Их религия, как говорят татары, — христианская или похожая на христианскую, а язык их особенный, отличающийся от татарского языка» [Дженкинсон, 1937, с. 189–191]. На самом деле Кашгар — это название страны, а не города. Пограничным городом Кашгара на пути в Китай был Турфан, чье название англичанам осталось неизвестным. Камчик — это, скорее всего, Камул, обозначенный Сейфи как пограничный китайский город.

[16] Согласно Сейфи, камень йада имеет животное происхождение, тогда как изначально он воспринимался как горный минерал. Марвази повествует о том, как в древние времена предки тюрок-гузов, совершив странствие к восточному краю земли, добыли волшебный дождевой камень. Сведения об этом сохранились в географическом словаре выдающегося арабского географа Йакута (1179–1229): «Путь привел его в страну, жители которой говорили, что нет ни для кого прохода за одну гору у них. Он спросил их: „Как же это?“. Они ответили: „Потому что солнце поднимается за этой горой, и оно очень близко от земли, если [лучи] его падут на что-нибудь, то обязательно сожгут“. Он спросил: „Так там нет ни жителей, ни зверей?“. Они сказали: „Есть“. Он спросил: „Как же удается им это при том, что вы сказали?“. Они ответили: „Что касается до людей, то у них норы под землей и пещеры в горах. Когда солнце поднимается, они спешат туда и скрываются там, пока солнце не уйдет вверх от них, что же касается зверей, то они подбирают некие камни там, знание которых внушено им. Каждый зверь берет своим ртом один камень из этих камней и поднимает свою голову к небу. При этом его осеняет облако, скрывающее его от солнца“. Он сказал: „Мой дед направился в эту сторону и нашел дело таким, как дошло до него“. Он сказал: „Когда солнце начало подниматься, звери поспешили к этим камням, стали класть их в свои рты, поднимать голову к небу, и облака осенили их“. Он сказал: „Он и его спутники напали на них, утомляя их, когда же они утомились, то бросили эти камни из ртов. А он велел своим спутникам поднять их, чтобы узнать, [какие] они. Они сделали [это] и принесли их ему. Он узнал их, и он и его спутники разыскали их в той степи, взяли их и подняли их против солнца, их осенили тучи, и они спаслись от лучей и жара солнца. Потом они собрали столько их, сколько могли, и унесли в свою страну. И они, когда путешествовали или хотели дождя, вынимали из них [кам-

ней] немного и бросали их, при этом появлялась туча и начинался дождь. Если же они желали снега или града, то двигали им больше, и начинался снег или дождь. И говорят, что, когда им [камнем] указывали в какую-нибудь сторону, в этой стороне начинался дождь или град"» [Материалы, 1939, с. 153–154].

Легенды о «камне, притягивающем дождь» были хорошо известны и Бируни. Он пересказывает их (с присущей ему иронией): «В стране тюрок между карлуками и печенегами имеется перевал; когда через него проходит войско или стадо, то ноги и копыта животных обвязывают войлоком и этим делают их мягче во время прохождения, дабы они не били по камням, и не поднялся бы черный туман и не пошел бы проливной дождь. С помощью этих же камней они, когда захотят, притягивают дождь [...]. А в книге „Избранное" говорится, что „камень дождя" находится в пустыне за долиной харлухов и что это черный камень со слабым красным оттенком. И подобные сведения имеют хождение, когда рассказ идет о странах удаленных, с жителями которых мало общаются» [Бируни, 1963, с. 205].

Подробные сведения о дождевом камне йада и связанных с ним ритуальных действиях у народов Восточного Туркестана приведены в статье С.Е.Малова [Малов, 1947, с. 151–160].

[17] Аш-Шамс (Солнце) — 91-я сура Корана. Видимо, существовала ассоциативная связь между содержанием суры и магическим свойством дождевого камня, уничтожаемым произнесением суры: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Клянусь солнцем и его сиянием, и месяцем, когда он за ним следует, и днем, когда он его обнаруживает, и ночью, когда она его покрывает, и небом, и тем, что его построило, и землей, и тем, что ее распростерло, и всякой душой, и тем, что ее устроило и внушило ей распущенность ее и богобоязненность! Получил прибыль тот, кто ее очистил; понес убыток тот, кто ее утаил» [Коран. 91:1–10]. В литературе о чудесах мира известен рассказ о походе Исмаила ибн Ахмада Саманида (892–907) против гузов, которые обладали камнем, вызывающим снег и дождь. Магическая сила дождевого камня была побеждена молитвой. «Исма'ил б. Ахмад, эмир Хорасана, рассказывает: „Я отправился в сопровождении 20 тысяч мужей на войну с тюрками. Однажды в моем войске раздался раздирающий душу крик. Я спросил о причине. Мне сказали, что в тюркском войске есть человек, который может вызвать мороз и погубить благодаря ему людей. Это подтвердили многие, но я не согласился [с ними]. На следующий день появилось белое облако, а с гор подул сильный ветер. Среди облака мелькали страшные фигуры, доносились устрашающие звуки. Мое войско испытывало страх. Я слез [с коня] и лег ниц на землю и сказал: 'О боже, не давай врагу победу над нами и не позорь мусульман!'. Некоторое время спустя пришло известие, что войско неверных бежало и что мороз обратился на них и многих погубил. Мы же вернулись назад с богатой военной добычей"» [Чудеса мира, 1993, § 199].

[18] Чокан Валиханов, совершивший путешествие в Кашгарию в 1858–1859 гг., так описывает свои наблюдения над климатом этой области: «Климат Восточного Туркестана, судя по здоровью жителей и, наконец, по благодетельному действию на иностранцев, должен быть чрезвычайно здоров. Эпидемические опустошительные болезни туркестанцам вовсе неизвестны, кроме оспы. <...> Туземцы мужчины имеют крепкое сложение, сильны, но редко достигают глубокой старости. Женщины имеют слабое сложение и вследствие раннего замужества (12, даже иногда и 10 лет) подвержены разным хроническим болезням. <...> В Яркенде развиты опухоли шейных желез, или зобы; причины этой болезни туземцы припи-

сывают свойству воды. Она встречается также в Коканде» [Валиханов, 1962, с. 278].

[19] О титуле *кашка* см. примеч. В.А.Ромодина к очерку В.В.Бартольда по истории кыргызского народа [Бартольд, 1963, с. 517].

[20] Любопытный комментарий к обряду вызывания дождя, снега и бури посредством камня йада имеется у Рашид ад-Дина: когда Чингис-хан выступил против найманов, последние «совершили волхвование с тем, чтобы пошел снег и поднялся буран. Сущность волхвования заключается в следующем: читают заклинание и кладут в воду различного рода камни, [вследствие чего] начинается сильный дождь. [Однако] этот снег и буран обернулись против них же» [Рашид ад-Дин, 1952, с. 121–122]. Еще более впечатляющий случай относится ко временам войны хана Угэдэя против Китая, когда часть армии во главе с Тулуем была послана через Тибет. Большая армия китайцев, укрепившись на горном перевале в местности Тунь-гуань кахалка, закрыла путь монголам. Противник превосходил монголов и численностью, и удобством позиции. Тогда Тулуй приказал отступить на три дня, китайцы устремились следом. «Тулуй-хан приказал колдовать. А это вид алхимии, [связанный] с существованием разного рода камней, природное свойство которых таково, что, когда их извлекают, кладут в воду и моют, тотчас же, [даже] если будет середина лета, [поднимется] ветер, начнется холод, дождь, снег и ненастье. Между ними был один канглы, который хорошо знал этот способ. Согласно приказу [Тулуй-хана], он приступил. Тулуй-хан приказал, чтобы все надели дождевики и трое суток не расставались со спиной лошади. Войско монголов дошло до деревень в середине Китая, жители которых бежали и побросали добро и животных, и [войско] стало тем сыто и одето. А тот канглы колдовал так, что позади монголов начался дождь, а в последний день пошел снег и прибавились [еще] холодный ветер и метель. Китайское войско, увидев летом такой холод, какого они никогда не видали зимой, оробело и пришло в ужас. Тулуй-хан приказал, чтобы воины каждой тысячи отправились в отдельную деревню, ввели бы лошадей в дома и покрыли бы [их], так как нельзя было двигаться из-за крайней жестокости ветра и метели. А китайское войско, в силу необходимости, остановилось посреди степи в снегу и метели. Три дня совершенно нельзя было двигаться. На четвертый день, хотя еще шел снег, Тулуй-хан, видя, что его войско сыто и спокойно и что холод не причинил ни ему, ни животным никакого вреда, а китайцы от чрезмерного холода, точно стадо баранов, сбились в кучу в плохой одежде, с обледеневшим оружием, приказал, чтобы забили в литавры» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 23].

[21] Аналогичные сведения о погребальных обычаях кыргызов дошли и до Антония Дженкинсона. На карте Московии и Тартарии 1562 г. он указал область расселения кыргызов. В объяснительной надписи сказано: «Когда кто-нибудь из них умирает, то вместо того, чтобы хоронить его, они вешают его на дерево» [Дженкинсон, 1937, с. 307]. Значительно более ранние восточные книжные источники задают иную перспективу восприятия сведений Сейфи. Согласно Гардизи, енисейские кыргызы, «подобно индусам, сжигают мертвых». Там же говорится о «диких людях»: «мертвых они уносят в горы и вешают на деревья, пока труп не разложится» [Бартольд, 1973а, с. 48].

[22] Имам ан-Нуман Абу Ханифа (ок. 696 — 767) — знаменитый мусульманский факих, основатель мазхаба ханафийа.

[23] Согласно адату, преимущественное право на ханское достоинство имел старший в роду и, например, дядя (брат хана) считался старше племянников —

сыновей брата. Но это правило сплошь и рядом нарушалось. В действительности хану наследовал его старший сын. Однако и этот порядок не всегда строго соблюдался, о чем и пишет Сейфи.

[24] Вот что сообщает о родословной Кучум-хана Абу-л-Гази: «Чингиз-хан, его сын Джучи-хан, его сын Шибан-хан, его сын Бахадур-хан, его сын Джучи-Бука, его сын Бадакул, его сын Мунга-Тимур, его сын Бек-Конды-оглан, его сын Алиоглан, его сын Хаджжи-Мухаммад-хан, его сын Махмудек-хан, его сын Абак-хан, его сын Тулук-хан, его сын Шамай-султан, его сын Узар-султан, его сын Бахадур-султан; сын упомянутого Махмуд-хана (?) — Муртазы-хан, его сын Кучум-хан». Линия этой династии оборвалась на Кучум-хане. Кучум-хан, пишет далее Абу-л-Гази, правил сорок лет в Туране и прожил долгую жизнь. В конце концов он ослеп, в 1003/1594-95 г. русские отвоевали у него Туру. Кучум-хан бежал к мангытам и там умер [Aboul-Ghazi, 1871, с. 177].

Годы правления Кучум-хана точно установить невозможно. Известно, что он не получил свое царство в наследство от отца, а изгнал из Западной Сибири своего предшественника Ядгар-хана между 1563–1569 гг. Последнее поражение от русских он потерпел в августе 1598 г., после чего, ища убежища, он бежал к ногайцам, которые и убили его [Бартольд, 1968а, с. 554, 555].

[25] Сейфи описывает войны русских казаков во главе с Ермаком с сибирским ханом Кучумом и пленение русскими его племянника Маметкуля [Соловьев, 1960, с. 697–701; Токарев, 1939, с. 94–102; Зуев, Кадырбаев, 2000].

[26] В среде купцов и землепроходцев, будь то русские или восточные люди, ходили слухи о необычных племенах Западной Сибири. Сигизмунд Герберштейн в своих «Записках о Московии» (1556) со ссылкой на русский дорожник, описывающий путь через Уральские горы в низовья Оби, указывает точные названия рек, за которыми «говорят, живут люди чудовищного вида: у одних из них, наподобие зверей, все тело обросло шерстью, у других собачьи головы, третьи совершенно лишены шеи и вместо головы у них грудь или [у других] длинные руки, но без ног. В реке Tachnin водится также некая рыба с головой, глазами, носом, ртом, руками, ногами и другими частями [тела] совершенно человеческого вида, но без всякого голоса; она, как и прочие рыбы, представляет собой вкусную пищу. Все, что я сообщил доселе, дословно переведено мной из доставленного мне русского дорожника. Хотя в нем, кажется, и есть кое-что фантастическое и едва вероятное, как, например, сведения о людях немых, умирающих и оживающих, о Золотой Старухе, о людях чудовищного вида и о рыбе с человеческим образом, и хотя я сам также старательно расспрашивал об этом и не мог узнать ничего наверняка от какого-нибудь такого человека, который бы видел все это собственными глазами (впрочем, всеобщая молва утверждает, что это действительно так), все же мне не хотелось ничего опускать, предоставляя другим больше свободы в толковании сих вещей» [Герберштейн, 1988, с. 160]. Легендарная часть дорожника совпадает со «Сказанием о человецех незнаемых в Восточней стране», известным по спискам конца XV в. [Плигузов, 1993, с. 78–82]. Английский купец Ричард Джонсон перевел часть «Сказания», полагая, что это рассказ Федора Товтыгина о путешествии в страну самоедов [Дженкинсон, 1937, с. 192].

[27] Уставная молитва совершается мусульманами пять раз в день в следующем порядке: 1) намаз-и бамдад — утренняя молитва до восхода солнца; 2) намаз-и пишин — полуденная молитва; 3) намаз-и дигар — послеполуденная молитва; 4) намаз-и шам — молитва сразу же после захода солнца; 5) намаз-и хуфтан — молитва, совершаемая часа через два после захода солнца.

[28] Мустасим (1242–1258) — последний халиф династии Аббасидов. Он сдался Хулагу-хану в воскресенье 14 числа месяца сафара 656/20 февраля 1258 г. и через десять дней был казнен (его затоптали конями) по приказу Хулагу, а весь его род, кроме младшего сына, истреблен.

[29] Тули, монг. Tolui, Толуй (1193–1232), — четвертый сын Чингис-хана [Рашид ад-Дин, 1960, с. 102–113]. По словам Джувейни, Чингис-хан еще при жизни выделил «особые земли, называемые йуртом», каждому из своих сыновей. Толую перешел коренной йурт Чингис-хана — собственно Монголия, и он получил 101 тысячу из 129 тысяч монгольской регулярной армии.

[30] Могольские ханы считаются потомками не Тули, а второго сына Чингис-хана — Чагатая. В 1224 г. Чингис-хан дал в удел Чагатаю западную часть завоеванной монголами Центральной Азии: «Ему было вверено управление территорией от [восточного] начала области Туркестана до устья реки Амуя» [Рашид ад-Дин, 1952, с. 62]. В улус Чагатая входил весь Восточный Туркестан (ныне китайская провинция Синьцзян) и Западный Туркестан до реки Амударьи.

[31] Менгу, монг. Möngke, Мункэ (1209–1259), — старший сын Толуя, монгольский каан (1251–1259).

[32] Султан-Мухаммад (1200–1220) — второй сын Текеша, последний хорезмшах. Скрываясь от монголов, он укрылся на острове в Каспийском море недалеко от устья р. Гурген, где и умер в декабре 1220 г.

[33] Одним из главных символов верховной власти в мусульманских странах служили хутба и сикка. *Хутба* —проповедь с молитвой за правящего государя и за общину правоверных, читаемая имамом во всех соборных мечетях во время пятничного богослужения; *сикка* — чекан имени (титула) правящего государя на монетах, выпускаемых всеми монетными дворами государства.

[34] Это сообщение Сейфи подтверждается и другими источниками (см. [Веселовский, 1877, с. 116–119]).

[35] Важные сведения о реальном статусе Хаджжим-хана сообщает Дженкинсон, лично встречавшийся с ним и затем проехавший по его владениям. «Вся страна от Каспийского моря до этого города Ургенча называется страной туркменов и подвластна вышеупомянутому Азим-хану и его братьям, числом пять. Один из них именуется главным королем, или ханом, но ему плохо повинуются за пределами его собственных владений и того места, где он живет, ибо каждый желает быть самостоятельным королем в своей части, и все братья стремятся погубить один другого. Между ними нет кровной любви, потому что они рождены различными женщинами, и обычно они являются детьми рабынь, христианок и язычниц, которых отец держит в качестве наложниц. Каждый хан или султан имеет по крайней мере четыре или пять жен, не считая молодых девушек и мальчиков, так как жизнь они ведут порочную. Когда между этими братьями идет война (а редко бывает, чтобы ее не было), то побежденный, если он только избежит смерти, бежит в степь с теми, кто за ним последует, живет в пустыне поблизости от колодцев с водой и разбойничает и грабит торговые караваны и всех, кого может одолеть, продолжая таким образом свою злодейскую жизнь, пока не сможет собрать силы и получить помощь, чтобы снова вторгнуться во владения которого-нибудь из братьев» [Дженкинсон, 1937, с. 178].

Акимушкин, 1970 — *Акимушкин О.Ф.* К вопросу о внешнеполитических связях Могольского государства с узбеками и казахами в 30-х годах XVI — 60-х годах XVII в. // Палестинский сборник. Вып. 21. Л., 1970.

Бартольд, 1910 — *Бартольд В.В.* [Рец. на:] Кюнер Н.В. Описание Тибета. Ч. 1. Географическая. Ч. 2. Этнографическая. Владивосток, 1907–1908 // Зап.-Вост. отд. Рус. археол. общества. 1910. Т. 19.

Бартольд, 1963 — *Бартольд В.В.* Киргизы. Исторический очерк // Соч. Т. II. Ч. 1. М., 1963.

Бартольд, 1966 — *Бартольд В.В.* К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов // Соч. Т. IV. М., 1966.

Бартольд, 1968а — *Бартольд В.В.* Кучум-хан // Соч. Т. V. М., 1968.

Бартольд, 1968б — *Бартольд В.В.* Чингиз-хан // Соч. Т. V. М., 1968.

Бартольд, 1973а — *Бартольд В.В.* [Извлечение из сочинения Гардизи *Зийн ал-ахбар*] // Соч. Т. VIII. М., 1973.

Бартольд, 1973б — *Бартольд В.В.* Отчет о командировке в Туркестан // Соч. Т. VIII. М., 1973.

Бартольд, 1973в — *Бартольд В.В.* Хафиз-и Абру и его сочинения // Соч. Т. VIII. М., 1973.

Бартольд, 1977 — *Бартольд В.В.* Состояние и задачи изучения истории Туркестана // Соч. Т. IX. М., 1977.

Бируни, 1963 — *Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед Бируни.* Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). Пер. А.М.Беленицкого. Л., 1963.

Бируни, 1973 — *Абу Рейхан Бируни.* Избр. произв. Т. IV: Фармакогнозия в медицине (Китаб ас-сайдана фи-т-тибб). Исслед., перевод, примеч. и указ. У.И.Каримова. Таш., 1973.

Валиханов, 1962 — *Валиханов Ч.Ч.* Собр. соч. Т. 2. А.-А., 1962.

Веселовский, 1877 — *Веселовский Н.И.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877.

Вильгельм де Рубрук, 1929 — Sinica Franciscana. Vol. I. Itinera et relationes Fratrum Minorum saeculi XIII et XIV. Collegit, ad fidem codicum redegit et adnotavit P. Anastasius Van Den Wyngaert O.F.M. Quaracchi–Firenze, 1929.

Георгий Пахимер, 1862 — Георгия Пахимера история о Михаиле и Андронике Палеологах. Т. I. Царствование Михаила Палеолога, 1255–1282. СПб., 1862.

Герберштейн, 1988 — *Герберштейн С.* Записки о Московии. Пер. А.И.Малеина и А.В.Назаренко. М., 1988.

Дженкинсон, 1937 — Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Пер. Ю.В.Готье. М., 1937.

Зуев, Кадырбаев, 2000 — *Зуев Ю.А., Кадырбаев А.Ш.* Поход Ермака в Сибирь: тюркские мотивы в русской теме // Вестник Евразии. М., 2000. № 3.

Коран — Коран. Пер. и коммент. И.Ю.Крачковского. 2-е изд. М., 1986.

Кычанов, 1973 — *Кычанов Е.И.* Жизнь Темучина, думавшего покорить мир. М., 1973.

Малов, 1947 — *Малов С.Е.* Шаманский камень «яда» у тюрков Западного Китая // Советская этнография. 1947. № 1.

Материалы, 1939 — Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. М.; Л., 1939.

Плигузов, 1993 — *Плигузов А.И.* Текст-кентавр о сибирских самоедах. М., 1993.

Рашид ад-Дин, 1952 — *Рашид ад-дин.* Сборник летописей. Пер. О.И.Смирновой. Т. I. Кн. 2. М.; Л., 1952.

Рашид ад-Дин, 1960 — *Рашид ад-дин.* Сборник летописей. Пер. Ю.П.Верховского. Т. II. М.; Л., 1960.

Соловьев, 1960 — *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 3. Т. 6. М., 1960.

Султанов, 1970 — *Султанов Т.И.* Краткое описание сочинения Сейфи (XVI в.) // Известия АН КазССР. Сер. обществ. 1970. № 1.

Токарев, 1939 — *Токарев С.А.* Поход Ермака и завоевание Сибирского царства // Исторический журнал. 1939. № 1.

Чудеса мира, 1993 – 'Аджā'иб ад-дунйā (чудеса мира). Критический текст, пер. с перс., введ., коммент. и указ. Л.П.Смирновой. М., 1993.

Шастина, 1949 — *Шастина Н.П.* Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. // Советское востоковедение. Т. 6. М.; Л., 1949.

Шефер, 1981 — *Шефер Э.* Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М., 1981.

Юрченко, 2002 — *Юрченко А.Г.* Яса Чингис-хана: нерасшифрованные запреты // Altaica. Вып. VI. М., 2002.

Aboul-Ghâzi, 1871 — *Aboul-Ghâzi Béhadour Khan.* Histoire de Mongols et des Tatares T. 1. St.-Pétersbourg, 1871.

Babinger, 1927 — *Babinger F.* Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke. Mit einem Anhang: Osmanische Zeitrechnungen von Joachim Mayr (Walchsee). Lpz., 1927.

Göts, 1974 — *Göts M.* [рец. на:] Histoire de l'Asie Centrale (Afganistan, Boukhara, Khiva, Khoqand)... par Mir Abdoul Kerim Boukhary. P., 1876. Oriens. Leiden, 1974. Vol. 23–24.

Matuz, 1968 — *Matuz J.* L'ouvrage de Seyfi Çelebi, historien ottoman du XVIe siècle. Ed. critique, traduction et commentaires. P., 1968.

Schefer, 1876 — Histoire de l'Asie Centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khoqand)... par Mir Abdoul Kerim Boukhary. Publieé, traduite et annotée par Charles Schefer. T. II. Appendice V. P., 1876.

В.В.ТРЕПАВЛОВ
(Москва)

Малая Ногайская Орда. Очерк истории

Этногенез и ранняя история ногайского народа остаются во многом неизученными из-за недостатка источников. Однако даже те материалы, которыми историки располагают на сегодняшний день, позволяют с уверенностью утверждать: по происхождению ногайцы — это восточные кипчаки, а их государственное образование, Ногайская Орда XV–XVII вв., по своему территориальному положению, административному устройству, внешней политике, этническому составу населения, его языку и культуре выступала непосредственной преемницей прежних кочевых империй Евразии. В историческом плане она унаследовала кочевую цивилизацию Золотой Орды.

При этом истоки ногайской истории не могут связываться исключительно с Заволжьем. Во-первых, ногайцы как часть огромного кипчакского мира были потомками тех кипчаков, которые в раннем средневековье заселяли северокавказские степи. Во-вторых, в ходе длительных миграций восточнокипчакские (будущие ногайские) племена во второй половине XIV в. — до образования Ногайской Орды — заселяли и некоторые местности Северного Кавказа (по Кубани, Тереку), о чем сохранились воспоминания в исторических преданиях башкир, каракалпаков, чеченцев и др. Таким образом, ногайцы являются потомками давних жителей этого региона.

Во второй половине XVI в. наблюдалось постоянное продвижение так называемых Больших (т.е. заволжских) Ногаев на запад, что неизбежно приводило к еще более тесному их соприкосновению с народами Северного Кавказа. В степном Предкавказье появлялось все больше кочевых улусов, и эта зона постепенно стала рассматриваться как часть Большой Ногайской Орды. После наплыва номадов из-за Волги

© В.В.Трепавлов, 2005

в 1630-х годах Закубанье и левобережье Кубани тоже превратились в ногайские пастбища. Кроме того, в Центральном Предкавказье и на Северо-Западном Кавказе во второй половине XVI — первой трети XVII в. существовала Малая Ногайская Орда (Малые Ногаи или Казыев улус).

Историки давно знали о существовании Большой и Малой Орд, но основное внимание уделяли первой и главной из них — находившейся под управлением верховного государя (*бия*). И если Большой Ногайской Орде посвящено немало исследований, то Малая пока не удостаивалась монографического изучения.

Один из невыясненных вопросов — время отделения Малых Ногаев от Больших. Абсолютное большинство историков связывает этот процесс с междоусобной ногайской смутой 1550-х годов или с событиями, ей предшествовавшими. Некоторые более осторожны и, не располагая материалами источников, датируют отделение более общо — целым столетием или царствованиями крымского Сахиб-Гирея (1532–1551), или московского Ивана IV (1533–1584), или периодом почему-то существования Астраханского ханства (см., например [Бутков, 1869, с. 170; Мутенин, 1948, с. 130; İnalcık, 1948, с. 359])[1]. К 1549 г. относит образование Малой Орды Ш.Лемерсье-Келькеже, к середине или концу 1550-х годов — В.М.Жирмунский, А.Каппелер, А.Н.Курат, М.Г.Сафаргалиев, А.И.Сикалиев и многие другие [Жирмунский, 1974, с. 485; Сафаргалиев, 1938, с. 157, 158; Сикалиев, 1994, с. 43; Bennigsen, Lemercier-Quelquejay, 1976, с. 208; Kappeler, 1992, с. 90; Kurat, 1961, с. 11, 12; The North, 1992, с. 23]. Все они связывают это событие с расколом заволжских кочевников в эпоху бия Исмаила (1554–1563), с уходом ногайского аристократа-*мирзы* Гази б.[2] Урака из-под власти бия из-за несогласия с «вокняжением» бия Юсуфа в 1549 г., а А.Каппелер —

[1] В качестве аргумента Х.Иналджык приводит данные хрониста Саид-Мухаммеда Ризы (середина XVIII в.) о переселении Сахиб-Гиреем ногайских «племен» орак, касай, ур-мехмед и токуз в Буджак. Однако сочинение Ризы — поздний источник, и перечисленные этнонимы тоже явно более позднего, чем первая половина XVI в., происхождения. Например, ур-мехмед — это потомки и улусы большеногайского бия Ураз-Мухаммеда, умершего в 1598 г. И.Тунманн, собравший в XVIII в. сведения о Крымском ханстве, сообщил, что Малые Ногаи являются потомками ногаев Астраханского ханства — или уведенные в крымский плен Мухаммед-Гиреем I, или же добровольно переселившиеся из-за Волги на запад (особенно после падения Астраханского юрта) [Тунманн, 1991, с. 62]. Но во время написания труда Тунманна ногаи бывших Большой и Малой Орд успели смешаться с ногаями Крыма, к которым в основном и относятся данные об этих переселениях.

[2] Б. — обычное в русскоязычной литературе обозначение элемента мусульманского имени «ибн» (сын): Гази б. Урак б. Алчагир — Гази, сын Урака, сына Алчагира.

с дестабилизацией экономической ситуации и международных отношений в Дешт-и Кипчаке после падения Казанского (1552 г.) и Астраханского (1556 г.) ханств.

Особняком стоят единичные, не сообразующиеся с документальными фактами суждения о формировании Малой Орды на базе обособившихся улусов джучидского беклербека Ногая (см. [Евстигнеев, 1995, с. 79; Vernadsky, 1953, с. 190]). Не существовало также и «западных ногайцев», изначально якобы кочевавших отдельно от заволжских ногаев и составивших основу Малой Орды (см. [Сикалиев, 1994, с. 43]). По единодушному мнению специалистов и по сведениям источников, которые приведены ниже, исход подданных Гази из Ногайской Орды на запад случился только в связи с междоусобными раздорами, без какой-либо опоры на «западных ногайцев». Ногаи же Крымского ханства, действительно проживавшие к западу от обеих орд, не принимали никакого участия в складывании Казыева улуса.

Лучшим аргументом и наиболее авторитетным свидетельством о времени и обстоятельствах обособления орд могут служить сведения, исходящие из среды самих средневековых ногаев. М.Г.Сафаргалиев, опираясь на Посольские книги в публикации Н.И.Новикова, утверждал, будто имя Гази б. Урака впервые упоминается в июне 1555 г. в связи с убийством бывшего астраханского хана Ямгурчи; тогда же в первый раз говорится о Газиевых людях на Крымской (западной) стороне Волги [Сафаргалиев, 1949, с. 52; Продолжение, 1793, с. 182, 186]. На самом же деле об основателе Малой Орды узнали на Руси тремя годами раньше. В мае 1552 г. нурадин[3] Исмаил сообщил Ивану VI, что «из Астрахани люди выехали да пристали х Казы мирзе, и учинилось их четыреста человек». Исмаил предлагал царю ловить их выше Переволоки[4], а сам будет делать то же ниже по Волге [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 103, 103об.].

Таким образом, к весне 1552 г. Гази уже находился на правобережье, служил центром притяжения для переселенцев из Ногайской Орды, и мы можем датировать его появление там началом 1550-х или, вслед за Ш.Лемерсье-Келькеже, концом 1540-х годов. На тот период указывает и заготовка ответа на возможный вопрос османов о ногаях в наказе послу в Стамбул Г.А.Нащокину в марте 1592 г.: «А нагаи Казыева улуса издавна з заволжскими нагаи одни были. Как учинилась рознь Казы мурзе с Ысмаилем князем, и Казыи с своим родом... почали ко-

[3] Нурадин — второе лицо после бия в Ногайской Орде, правитель ногайских кочевий в Поволжье и глава правого крыла ополчения.

[4] Переволока — место, где Волга более всего сближается с Доном; в 1589 г. там был основан Царицын.

чевать на Крымскои стороне меж Асторохани и Азова ***тому болши сорока лет***»[5] [РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 3, л. 42–42об.], т.е. ранее 1552 г. Окончательный разрыв между заволжскими и приволжскими улусами произошел с началом смуты в Ногайской Орде (1554 г.) и описан бием Иштереком астраханским воеводам в ноябре 1604 г.: «Как было преж сего при Исупе князе и при Смаиле, и в те поры Казыева улуса не было, а был нагаискои один Юсуф князь... И в те поры в Нагаях меж князя и мурз и улусных людеи розни никоторые не было. А как Смаиль князь убил Юсуфа князя, и Смаиль князь с мурзами и с улусными людми учал кочевать на Нагаискои стороне... а Казыи мурза учали кочевать на Крымскои стороне под Азовом, и учали с тех мест быти Казыев улус» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1604 г., д. 3, л. 65; Акты, 1918, с. 102].

Как видим, причиной полного разрыва Гази с бием, в интерпретации Иштерека, оказалась узурпация Исмаила. Ногайский эпос тоже связывает отделение «Казия» с враждебными действиями Исмаила — правда, не с братоубийством, а с интригами последнего против малолетних сыновей убитого им Урака (см., например [Ананьев, 1900, с. 24; Головинский, 1878, с. 314]).

Большие и Малые Ногаи относились друг к другу, как правило, враждебно. В первые десятилетия после разделения примирение между ними казалось невозможным. В 1577 г. мирза Хан б. Урус твердо отмечал, что казыевцы «себе улусом живут» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 8, л. 73–73об.]. А в 1615 г. Иштерек-бий уже фактически уравнивал свою Орду с Малой, прося для ее мирз такого же жалованья, что и своей родне, «Исмаилевым детям» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 7, л. 13]. Тот же Иштерек в 1604 г., продолжая рассказ о расколе ногаев, поведал воеводам, что «у Смаиля князя и у Тенехмата князя[6], и у Тенехматовых детеи с Казыевым улусом... учала быти рознь великая и кровь проливатца многая за то, что оне меж себя в кочеванье в розни учинились» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1604 г., д. 3, л. 65–66; Акты, 1918, с. 102–103].

Наименования, территория и население Малой Ногайской Орды

В русских документах XVI в. Малая Орда обозначалась как «Казыев улус», в XVII в. его сменили «Малые Ногаи», а затем «Малый Ногай». Разумеется, русские не сами придумывали эти названия, а воспроизводили (переводили) их со слов ногайских информаторов. Тюрко-

[5] Во всех цитатах выделено мною.

[6] «Тенехмат» — сын и преемник Исмаила, бий Дин-Ахмед (правил в 1563–1578 гг.).

язычные документы действительно именуют Юрт *Гази улус* и *Кучук ногай* (см., например [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1648 г., д. 1, л. 406]).

Когда произошла смена первого наименования вторым? М.Г.Сафаргалиев утверждал, что впервые «Малые Ногаи» были поставлены на место «Казыева улуса» в «Книге Большому Чертежу», т.е. в 1627 г. [Сафаргалиев, 1949, с. 52][7]. Материалы приказного делопроизводства позволяют уточнить дату. Терский воевода Н.Д.Вельяминов рапортовал на государево имя в 1618 г., что крымский царевич — эмигрант и авантюрист Шахин-Гирей рассказывал проезжему донцу о том, как тайбуга[8] Кара Кель-Мухаммед побывал в «Малом Казыеве улусе» и вел переговоры со всеми мирзами «Малово Ногаю» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1618 г., д. 1, л. 14, 16]. Московские же канцелярии и Большие Ногаи в то время по-прежнему употребляли сочетание «Казыев улус». Видимо, «Кучук нугай» являлось сравнительно новым понятием и смешивалось в речах соседей Малых Ногаев со старым обозначением (отчего и получился «Малый Казыев улус»). В обращении к воеводе Вельяминову в следующем году Посольский приказ употребил композиту «Меншие Нагаи», приняв, таким образом, сообщенное терцами наименование Малой Орды и трактуя его по своему разумению: «меньшие», а не «малые».

Впрочем, это нельзя считать абсолютной терминологической новацией. Очевидно, оба названия Малой Орды еще в XVI в. в русском политическом лексиконе существовали параллельно. При описании крымского нашествия на Москву 1571 г. летопись перечисляет среди его участников «нагаев больших и меньших» [ПСРЛ, т. 31, с. 140][9].

Трактовать смысл имени «Малый» (*кучук*) возможно вслед за А.Куратом в виде отличения от заволжской Большой орды [Kurat, 1961, с. 12]. Однако понятие «Большая Орда» фиксируется у ногаев еще в первой половине XVI в. как обозначение кочевого сообщества под

---

[7] В неопубликованной диссертации 1938 г. М.Г.Сафаргалиев написал, что название «Малые Ногаи» впервые употребляется в 1600 г. [Сафаргалиев, 1938, с. 160]. Позднее он, очевидно, посчитал сведения «Книги Большому Чертежу» более надежными.

[8] Тайбуга — наместник северо-восточных территорий Ногайской Орды.

[9] Д.И.Багалей предположил, что Казыев улус являлся одним из подразделений Малой Ногайской Орды (в «Книге Большому Чертежу» одновременно упоминаются Малые Ногаи и Малые Ногаи Казыева улуса) [Багалей, 1887, с. 77]. Малая Орда действительно содержала ряд отдельных образований-«половин». Но Казыева улуса среди них не было; это название, судя по известным мне материалам, служило ее синонимом. Разночтения же в «Книге Большому Чертежу» объясняются, возможно, широким расселением Малых Ногаев в южных степях, и под Казыевым улусом значилась их первоначальная территория на Северо-Западном Кавказе, а под Малыми Ногаями — область расселения за ее пределами.

управлением главного мангытского[10] бия. В тех условиях не могло быть «малой» орды, так как не мог появиться «малый» бий. Лишь по прошествии десятилетий «Большая Орда» обрела дополнительное значение, отчего и стало возможным образование антонимичного словосочетания «Малая Орда» для Казыева улуса.

Юрт Гази служил пристанищем для кланов, выезжавших из-за Волги и оппозиционных тамошним правителям. Среди первых обитателей Малой Орды оказались помимо подданных самого Гази б. Урака улусы сыновей бия Юсуфа, свергнутого Исмаилом в 1554 г., а также потомство высокопоставленных мирз, вытесненных из Большой Орды, — Хаджи-Мухаммеда и Мамая [РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 3, л. 42об.; ф. 127, оп. 1, д. 10, л. 144об., 145; Сафаргалиев, 1949, с. 159]. Поселились там и «Шийдаковы дети» — это отпрыски нурадина Саид-Ахмеда б. Мухаммеда б. Исмаила, от которого происходили малоногайские бии Баран-Гази и Касим, а также потомки бия Саид-Ахмеда б. Мусы — предка малоногайского бия Якшисаата. К началу XVII в. там насчитывалось восемьдесят мирз; «Роспись мурзам Малого Нагаю» 1638 г. перечисляет восемьдесят четыре имени [Путешествия, 1954, с. 174; РГАДА, ф. 127, оп. 2, д. 32, л. 17–21].

«Улусные люди» этих мирз сохраняли свою принадлежность к прежним племенным общинам-элям. В разных документах встречаются упоминания о «родствах» мангыт (в том числе кара-мангыт), китай, мин, аз, бузлук кереит, кара кипчак и тюде кипчак, уйшун [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 50; 1628 г., д. 5, л. 23; 1633 г., д. 1, л. 82, 85]. Однако в течение XVII столетия деление на эли утратило былую значимость и стало сопровождаться обозначением общин через имена их первых правителей. Касим (Касай), Мамай, Науруз и прочие мирзы стали эпонимами подразделений «Малого Ногая». Вместе с тем память о племенном происхождении у ногаев сохранялась, и еще в 1780-х годах названия элей сочетались с эпонимами («Наврузовского рода мангытские жилища», «Наурузовы дети и мангыты») [РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 235, л. 11в, 11г, 12об.].

Основные кочевья Малых Ногаев располагались в центральном регионе степного Предкавказья, причем с течением времени они отодвигались все дальше к западу. Малочисленность населения и необходимость держаться вместе в окружении враждебных соседей вынуждали их селиться более-менее компактно и не распространять маршруты сезонных передвижений на очень большие расстояния. Поэтому

[10] Мангыты — кипчакское племя (эль), из которого происходил правящий клан ногаев. В восточных источниках жители Ногайской Орды часто именовались мангытами.

необоснованными выглядят суждения о проживании Малой Орды одновременно по всей Южной Украине, в Подонье, Приазовье, Причерноморье, ее летовках на землях будущей Саратовской губернии (см., например [Алексеева, 1957, с. 37; Гераклитов, 1923, с. 104]).

Малые Ногаи концентрировались поначалу главным образом в степях нынешнего Ставрополья. Есть данные от 1571 г. о «беглых мурзах, которые стоят на поле меж Черкас и Азова, — Казые с товарищи» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 14, л. 23]. В 1616 г. посол О.Зюзин описывал заволжских номадов, что перебрались на Крымскую сторону и ныне «кочуют по Манычу и по Куме, где преже сего кочовывал Казыев улус» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 10, л. 3]. В то время основная масса Малых Ногаев отхлынула на запад, но позднее некоторые их улусы возвратились. По документам первой трети XVII в., занятая ими область ограничивалась на востоке нижним течением Кумы (пять дневных переходов от крепости Терки), на юге — Пятигорьем, на западе — средним течением Кубани (четыре дневных перехода от Азова), на севере — приблизительной широтной линией между устьями Дона и Волги. Одним из центров притяжения и одной из главных ставок Орды были развалины золотоордынского города Маджара (см. [Белокуров, 1888, с. 549; Волкова, 1974, с. 81; Кушева, 1963, с. 142; РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 23, 24, 51, 159])[11].

«Книга Большому Чертежу», составленная во второй половине XVII в. на основе протографа 1627 г., дает следующее описание: «А от реки Кубы (Кубани. — *В.Т.*), от гор к Черному морю и к Азовскому морю и до верха реки Маначи от тех гор все кочевье Малых Нагаев Казыева улусу... А ниже Улки горы, меж морь и гор, от Чорного и от Азовского моря все кочевье Малых Ногаев... А промеж от усть реки Дону от Азова от Азовского море и от Чорного море по реке по Кубе и по реке по Манычю и до горы до Улки, а Улка гора на поли промеж Азова и Астарахани 300 верст, а от Астарахани тож, а на реке на Куме Мажаров юрт; и в тех местех на тех полех все кочевье Менших Нагаев» [Книга, 1950, с. 88, 92, 147].

[11] Развалины Маджара находятся у города Прикумска Ставропольского края. Кроме того, тоже на реке Куме располагаются городища Малые и Верхние Маджары (в нескольких километрах соответственно ниже и выше Маджара). В золотоордынскую эпоху эта территория была сплошной зоной оседлости. В Маджаре и Малых Маджарах сохранились остатки жилищ и мавзолеи [Егоров, 1985, с. 122, 123]. Думается, под «Можарским городищем» Малые Ногаи подразумевали центральный пункт данной агломерации — руины Маджара.

Примерно то же пространство, но расширившееся к западу, обрисовано в зачине ногайского лирического дастана «Толеген и Кыз-Йибек»: «Во времена прошлые, Когда народ наш был в сохранности, в составе Младшей Ногайской Орды (Киши Ногай ишинде, букв. «внутри Малого Ногая». — *В.Т.*), Была страна Ягалыбайлы (Богатые берега. — *В.Т.*). Границей Ягалыбайлы были Берега озера Белое море (т.е. Азовское море. — *В.Т.*), Летними пастбищами были Балки и склоны холмов На берегах Черного моря» (цит. по [Сикалиев, 1994, с. 167]).

Следы пребывания Малых Ногаев на Северном Кавказе долгое время сохранялись в топонимике. Селения Касаева яма и Касаево располагались на границе Ставропольской и Терской областей и на реке Куме во второй половине XIX в.; в наше время на правобережье Кубани существует Ногайский перевал, как называют его местные шапсуги (Ногай хъуз) [Бентковский, 1883, с. 5; Калоев, 1993, с. 98][12].

Данные о численности жителей Казыева улуса очень скудны. Как правило, и в источниках, и в литературе приводится количество воинов. М.Г.Сафаргалиев оценивал его для начала XVII в. в двадцать тысяч человек, а А.П.Архипов со ссылкой на предания писал, что «Малый Ногай во время процветания своих сил и могущества мог выставить в поле до шестидесяти тысяч воинов, исправно вооруженных и храбрых» [Архипов, 1855, с. 119; Сафаргалиев, 1949, с. 52]. Пользуясь общепринятым пятикратным соотношением между боеспособными мужчинами и остальным населением у кочевников, выводим общее количество казыевцев соответственно в сто или триста тысяч человек.

Цифра А.П.Архипова больше соответствует материалам источников. В 1588 г. крымские хан Гази-Гирей и царевич Фатх-Гирей сообщали царю, что после распространения власти Бахчисарая на Малую Ногайскую Орду «х крымскои рати прибыло воиска болши ста тысечь» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 17, л. 192–192об., 194об.] (правда, сюда включались также улусы бия Уруса, перебравшиеся на западный берег Волги). Через двенадцать лет московский посол в Англии Г.И.Микулин упоминал в беседе с лордом-казначеем и о предмете нашего интереса: «А... Барангазы князь з братьею и з детьми, и с племянники — восмьдесят мурз, а у них воинских людей пятьдесят тысяч» [Путешествия, 1954, с. 174] (т.е. 250 тысяч общей численности населения). Наконец, уцелевший фрагмент грамоты какого-то казыевского мирзы царю Михаилу Федоровичу около 1615 г. гласит: «А всех нас ратных людеи есть тысеч с сорок» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 6, л. 9] (т.е.

[12] Подробнее о следах пребывания ногаев на Северо-Западном Кавказе в топонимике абазин, адыгов, карачаевцев и осетин см. [Булгарова, 1999, с. 48].

200 тысяч общей численности). Следовательно, возможно оценить количество обитателей Малой Ногайской Орды в диапазоне от 200 до 300 тыс. чел. — по крайней мере, для конца XVI — первой трети XVII в.

Гази и его улус

Родовая ветвь, к которой принадлежал Гази б. Урак, в 1530-х годах оказалась оттеснена от власти. Выйдя из Ногайской Орды, Гази фактически поставил себя вне ее улусно-эльной системы[13]. По понятиям той эпохи, он стал типичным скитальцем-«казаком». Так он рекомендовал себя сам в обращениях к Ивану IV, так же расценивались его соратники (см. [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 5, л. 214; Записки, 1988, с. 188]). «Мы на лихом месте живем... живем есмя на поле», — делились с царем родичи Гази в 1563 г. [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 230]. «Лихое место» находилось в кумо-манычских степях и в Пятигорье, между Астраханским и Крымским ханствами. Именно это обстоятельство служило Исмаилу удобным поводом уклоняться от походов на Крым в союзе с русской армией: пусть, дескать, сначала царь Иван Васильевич сгонит Гази с данного «промежка» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 191; д. 6, л. 80об., 91об.].

Первое время ногаи-«казаки» обретались, вероятно, на степных пастбищах, следя за развитием событий разгорающейся смуты в Ногайской Орде. Гази в то время был чрезвычайно легок на подъем и использовал любую возможность, чтобы вторгнуться в Заволжье и сцепиться с Исмаилом (в 1555 г. ему вместе с Юсуфовичами удалось даже временно свергнуть его) или поучаствовать в крымско-ногайских военных интригах вокруг обреченной Астрахани (в том же году он убил ее бывшего хана Ямгурчи) [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 295; Книга, 1850, с. 82; Летописец, 1895, с. 24, 25; ПСРЛ, т. 13, ч. 1, с. 245; т. 20, 1-я половина, с. 560].

Позднее буйное «казачество» стало уступать место налаживанию стабильной улусной жизни. Гази сумел договориться с кабардинской знатью о базировании в горных местностях, что позволило ему стать практически неуязвимым. «И он стоит в крепостных местах, а надежа ему на черкасы, — сообщал царю в 1562 г. Исмаил. — В крепостях избывает, не дастся взяти» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 80об.]. Он же писал о попытках Гази наладить торговлю с уже русской Астраха-

[13] О событиях, которые происходили в Ногайской Орде в середине XVI в., подробно см. [Трепавлов, 2001, гл. 6, 7].

нью — правда, пока через посредничество тамошних татар [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 78об., 79].

Под начало Гази стекались мирзы, вытесненные в ходе междоусобиц из родных мест или не желавшие подчиняться Исмаилу. Они двигались на Северный Кавказ в сопровождении сотен подданных, вместе с отарами и табунами. Таких переселенцев становилось все больше. В 1564 г. Урус, нурадин Ногайской Орды, разоренной голодом, эпидемиями и распрями, с горечью отмечал, что «недруг наш Казы умножил, а нас мало» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 7, л. 51].

Рост числа жителей и военного могущества нового юрта вызвали изменение статуса его лидера. Хронологический рубеж этого изменения может быть восстановлен по одному из донесений московского посла в Крыму А.Нагого. В конце мая 1569 г. тот узнал, что к хану Девлет-Гирею явился Газиев посол с информацией о том, что «Тинехмат князь с Казыем *мурзою* не помирились», а мирза Ак б. Юсуф оставил заволжскую орду и «пришел... х Казыю *мурзе*». Вскоре после этого сам Ак прибыл в Бахчисарай. Хан его обласкал, отпустил обратно на новую родину 15 июня и «велел ему кочевать с Казыем *князем* вместе» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 13, л. 256, 269]. Следовательно, Гази обзавелся бийским рангом.

Нет никаких намеков на то, что к этому был причастен крымский государь. Судя по всему, новое качество глава Казыева улуса приобрел в результате провозглашения его мирзами-соратниками. Может быть, прибытие туда именно Ака б. Юсуфа и стало той последней каплей, которая привела улусную аристократию к мысли, что новое ногайское владение достаточно многолюдно и сильно, чтобы заиметь собственного бия. Поскольку посол Гази в конце мая 1569 г. аттестовал своего патрона как мирзу, а прибывший в Крым вслед за ним в середине июня Ак б. Юсуф — как бия, то резонно допустить, что «коронационный» съезд состоялся в первой половине июня 1569 г. С этого времени в Казыевом улусе появляется свой правитель, а сам улус уже может трактоваться не как полуразбойничье сообщество «казаков», а как стабильная политическая структура — Малая Ногайская Орда.

Очутившись «на поле меж Черкас и Азова», выходцы из-за Волги поневоле оказались субъектами сложных международных отношений. Гази и его окружению пришлось налаживать сложные отношения с Крымом, Турцией, Россией и кавказскими княжествами. В западном Дешт-и Кипчаке второй половины XVI в. безраздельным гегемоном стало Крымское ханство, и одной из главных задач Гази стало налаживание контактов с Гиреями.

Но первое время, до конца 1550-х годов, он, очевидно, не испытывал пиетета к бахчисарайским династам. Наверняка сказывалась традиционная неприязнь ногаев к крымцам. Еще в 1555 г. Гази поднял свои отряды против астраханского хана, поддерживаемого Девлет-Гиреем.

Однако уже в начале 1560-х годов появились вести, будто «с крымским царем Казы мирза содиначился», «Казы мирза с крымским царем заодин». А в начале следующего десятилетия стало известно, что «Казыи... с товарищи во всеи цареве воле» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 14, л. 23; ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 187об.; д. 6, л. 7об.]. В 1560 г. Гази заключил с Девлет-Гиреем договор, одним из пунктов которого значилось: «Казы мирзе... Крыму недружбы никак не делывати» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 193об.; д. 6, л. 235]. По мнению окрестных владетелей, данный союз был прочным и искренним и даже вызывал зависть у Больших Ногаев. Через семь лет их глава Дин-Ахмед просил хана жаловать его так же, как «брата нашего» Гази [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 12, л. 343об.].

В Крымском же юрте само появление новой орды ногаев считалось заслугой бахчисарайской дипломатии. «А Казыев улус — еще отца моего, Девлеть Киреева царева величества, устроенье», — писал в 1588 г. хан Гази-Гирей б. Девлет-Гирей [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 17, л. 192об.–193]. По эпической версии, трое сыновей покойного Урака, включая трехлетнего Гази, явились к крымскому хану Адиль-султану и убедили его, что они происходят от знаменитого ногайского героя. «Мурзы хана стали с того времени относиться к братьям доверчиво, и хан... поклялся всегда защищать их и не мстить за своих предков», убитых некогда в ногайско-крымских столкновениях [Ананьев, 1909, с. 20, 21].

Подтверждением союза стал обмен младшими родственниками как заложниками (залог) дружбы. В таврическую столицу прибыли два Газиевых кузена, а к нему были направлены на жительство сыновья Девлет-Гирея, Мурад-Гирей и Фатх-Гирей — для того, «чтоб царь был верен ему (Гази. — *В.Т.*), а он бы был верен и крепок царю» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 13, л. 62об., 63; д. 14, л. 23; ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 7об., 235][14].

А.А.Новосельский расценивал это сотрудничество как «интимную дружественную связь», П.А.Садиков — как «союз полувассального характера», А.П.Григорьев — как фактическое подданство Крыму

[14] А.А.Новосельский считал, что Гази являлся «как бы аталыком (т.е. дядькой-воспитателем. — *В.Т.*) царевичей Гиреев, которых он принимал, содержал и воспитывал в своих улусах» [Новосельский, 1948а, с. 16]. Относительно воспитания крымских султанов малоногайским бием и его аталычества мне не удалось обнаружить в источниках никаких указаний.

[Новосельский, 1948а, с. 16; Садиков, 1947, с. 160; Эвлия Челеби, 1979, с. 221 (примеч. А.П.Григорьева)]. Указанные определения описывают разные стороны и аспекты крымско-казыевских контактов. Главной же целью последних являлся, видимо, военно-политический альянс против общих врагов — в том числе России и Большой Ногайской Орды. Гази участвовал в кампании Гиреев против Астрахани 1569 г., походах на Москву 1571 и 1572 гг. Одним из пунктов соглашения между ними были как раз совместные действия на севере: «...будет... тебе (хану. — *В.Т.*) Белого царя воевати, ино... перед тобою яз (Гази. — *В.Т.*) саблею доведу». Девлет-Гирей в ответ обязался: «Князя (т.е. бия Больших Ногаев. — *В.Т.*) воевать яз тебе рать дам» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 11, 11об.].

Тем не менее нельзя рассматривать отношение казыевцев и их тогдашнего предводителя к крымскому монарху как безграничную преданность и абсолютную солидарность в политических вопросах. Случались и принципиальные расхождения. Например, в апреле 1574 г. Девлет-Гирей узнал, что Гази повоевал его данников-черкесов. Он потребовал от бия вернуть захваченный в походе полон, а самому с войском присоединиться к крымской армии, которая по приказу султана снаряжалась в поход на волошского государя. Гази отказал: «Мне... полон как дать? Ведь... полон даром не доставаетца. У меня... людеи многих побили, и мне... люди свои на ком взяти? Полону черкесом не отдам, а сам к тебе не иду». И не пошел [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 14, л. 258об.–259].

Встречающееся иногда в литературе утверждение о подданстве Гази османскому падишаху (см., например [Новосельский, 1948а, с. 15; Эвлия Челеби, 1979, с. 221 (примеч. А.П.Григорьева)]) не находят убедительного подтверждения в источниках. Стамбульское правительство практически не общалось с Малыми Ногаями, а их контакты с его представителями в Азове активизировались при Гази лишь в конце 1560-х годов, когда Порта начала сколачивать коалицию в преддверии астраханского похода; во время самого похода казыевцы примыкали к турецкой части армии [Записки, 1988, с. 190; РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 2, л. 41об.]. Кроме того, Азов привлекал их как рынок для приобретения хлеба, импортируемого из Турции [Новосельский, 1948б, с. 212].

Отношения с Московским царством развивались в основном в сторону охлаждения. В первые годы «казачества», еще при Юсуфе, Гази обращался к Ивану IV с просьбой допустить его на жительство в его владения. Ту же просьбу он повторил в 1557 г. Царь не возражал («сколко похочешь, столко у нас живи») [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 5,

л. 14об.–16об.], но, как ясно из последующих событий, до практического воплощения этих намерений дело не дошло. Гази обосновался в Черкесии и стал злейшим врагом Исмаила — союзника Ивана Васильевича. Планы переселения в Россию пришлось оставить. В начале 1560-х он уже пытался выпросить из Москвы лишь жалованье. Царь вновь не отказывал, но одновременно сообщал Исмаилу о своем поручении донским казакам «промышляти, как уместно» над казыевцами [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 210об., 214].

Активные действия и неприязнь Гази к Большим Ногаям, а также его угроза «украйнам» заставляли правительство настраивать южных воевод «Казыя мурзу всех болши... воевати» — но только до тех пор, пока тот не изъявит твердого желания вступить в мирные отношения с Москвой. Кстати, в руках у кремлевских политиков имелось дополнительное средство воздействия на вождя-«казака»: его сестра была замужем за служилым татарским царевичем Бек-Пуладом б. Шейх-Аулиаром и давно осела в русской столице. Около 1562 г. она в письме к брату уговаривала его склониться к государеву жалованью [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 111, 114об.].

Сближение наметилось, когда в октябре 1563 г. в Москву прибыло посольство от Гази, мирз Якшисаата б. Мамая и Ислам-Гази б. Саид-Ахмеда с декларацией о намерении служить великому государю. Русские поставили условие: или переезжайте жить на Русь, или служите нам «в Черкасех» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 230, 230об., 248об.–249об.]. И опять ничего не получилось. Во-первых, дьяки Посольского приказа посчитали, что обращения к царю составлены ногаями «невежливо»; во-вторых, начались казыевские набеги под Астрахань и угоны скота. Жесткий отказ встретило предложение степных послов выслать к Гази обретавшихся в Москве Юсуфовичей (царь не хотел усиления противников Большой Орды). В 1565 г. было объявлено о полном прекращении посольских связей России с Казыевым улусом [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 7, л. 69, 69об., 76об., 77]. К концу 1560-х годов их отношения полностью расстроились, и Малые Ногаи превратились в постоянную угрозу для южного русского пограничья.

При всех попытках заигрывания с Москвой, Бахчисараем и Стамбулом истинной опорой «казаков» — выходцев из-за Волги стали кабардинские княжества. «Казыево пристанище у них» оказалось ядром будущей Малой Ногайской Орды. Исмаил не раз с досадой отмечал неуязвимость Гази под защитой горцев. Выше приводились данные о базировании его в горных районах. Эти местности были недоступны для кочевой конницы: «...места крепки, без пушек и пищалеи взяти его

(Гази. — *В.Т.*) немочно», «...и как мы похотим воевать Казы мирзу, и он от нас убегает к черкасом» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 166об., 188об.; д. 6, л. 86]. Если союз с Крымом был закреплен обменом почетными заложниками, то альянс с черкесами ознаменовался браком Гази с дочерью князя Пшеапшоки Кайтукина (не позднее 1562 г.) [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 13, л. 41; ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 91].

Если принять во внимание женитьбу Ивана IV и Дин-Ахмеда б. Исмаила на дочерях главного противника Пшеапшоки — Темрюка Идарова в 1561 г., то становится ясно, что кабардинские княжества распределились по двум коалициям. Политическому объединению Ивана IV, Исмаила и Темрюка противостояла группировка Пшеапшоки, Гази, Девлет-Гирея и султана Сулеймана I. В литературе уже отмечалось, что женитьба малоногайского лидера на «Шепшуковне» позволила втянуть сильное кабардинское объединение в орбиту крымско-османской политики [Кушева, 1963, с. 236; Попко, 1880, с. 54]. Гази участвовал в войнах князей друг с другом, вместе с отрядами Пшеапшоки планировал удары по Ногайской Орде и по Астрахани [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 14, л. 258об.; ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 49, 91, 230, 235об.].

В одном из походов против Темрюковых кабардинцев Гази б. Урак сложил голову. В начале апреля 1576 г. в Бахчисарае узнали, что «Казыя мурзу убили и з братьею и з детми»; в сентябре того же года и московский царь поделился свежей новостью с правителем Больших Ногаев: «Да вести нам подлинные были, и не одны, что ходил в Черкасы Казыи мурза с азовскими людми, и в Черкасех его убили» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 34об.; ф. 137, оп. 1, д. 137, л. 366об.].

Постепенно выяснились подробности. Приблизительно в марте 1576 г. Гази вместе с проживавшим у него крымским царевичем Иман-Гиреем напал на владения Темрюка, одолел местных ополченцев и с большим полоном двинулся назад. Ночью темрюковцы, внезапно напав на конских сторожей, отогнали боевых лошадей, а утром обрушились на пеших и потому ослабленных ногаев. Пали в бою Гази, два его брата, несколько сыновей. Иман-Гирей попал в плен. Из разгромленного войска не уцелел ни один человек. Сын Гази — Хан, узнав о катастрофе, бежал из Малой Орды в Керчь, «потому что ему жить тамо (в Малой Орде. — *В.Т.*) не о ком». В августе в Крым явился измученный, покрытый ранами Иман-Гирей. Его выпустил на волю один из кабардинских князей Алгазуфа (за что был казнен темрюковцами) [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 40, 40об., 44, 44об.].

Гибель Гази очень опечалила хана Мухаммед-Гирея II: «Толко де на Казые царьского имени не было, а камена был стена Крымскому юрту

и Азову». Репутация погибшего бия была в глазах крымских сановников весьма высокой: «а то были у него (хана. — *В.Т.*) на всякои воине первые люди — Казыевы» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 34об., 40об.].

Малые Ногаи в 1580–1590-х годах

Внутренняя история Казыева улуса чрезвычайно слабо отражена в источниках. Лишь незначительные намеки проливают свет на взаимоотношения между различными группировками мирз. Например, стремительный уход Хана б. Гази в турецкую крепость свидетельствует о каких-то разногласиях в среде малоногайской знати, об отсутствии единства. Пока был жив общепризнанный лидер, аристократы следовали его воле. Но после его смерти влиятельные мангыты начали претендовать на главенство.

Результатом этих разногласий (конфликтов?) стало «вокняжение» Якшисаата б. Мамая б. Саид-Ахмеда б. Мусы. Впервые он фигурирует в качестве бия, очевидно, в боярском приговоре от 17 октября 1580 г., констатировавшем очередной крымско-казыевский набег на «украйны» «сего лета... Казыева улуса с Якшисата князя людми» (НКС, д. 9, л. 170). Якшисаат являлся бием на протяжении всего десятилетия и умер около 1590 г. А.А.Новосельский заметил, что в конце этого года от лица Малой Ногайской Орды выступает уже Хан б. Якшисаат — вероятно, заменив покойного отца [Новосельский, 1948а, с. 37].

В 1590-х годах бия у Малых Ногаев, скорее всего, не было. В обстановке внешних ударов и внутренних раздоров орду охватил хаос. Азов, резиденция турецкого наместника и обиталище Хана б. Гази, стал казаться улусникам более надежным местом жительства, нежели открытые для вражеских вторжений степи. Между мирзами и сыном Гази стали налаживаться контакты. Все-таки как бы ни были глубоки противоречия между ними, они уже ощущали себя членами единого, этнически однородного малоногайского общества и не прочь были объединиться против общего противника. Об этом писал в Москву в 1580-х годах (грамота не датирована) мирза Больших Ногаев Хан б. Урус, призывая царя не надеяться на союз с Якшисаатом против Хана б. Гази: «У тех у обеих улусы с одново, и дума у них одна, они оба племя одно» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1586 г., д. 4, л. 1].

Спасаясь от опустошительных нашествий Больших Ногаев, все больше казыевских улусов отходили к Азову и далее на запад, в крымские владения за Дон. Их набеги на Русь и Украину прекратились (из-за походов Уруса и его детей «Казыева улуса мурзам до себя стало»,

а не до внешних кампаний). Не оставлял их в покое и преемник Уруса Ураз-Мухаммед-бий. В 1594 г. Хан б. Гази признавался крымскому хану, что живет в Азове, страшась «Урмаметя князя... что мышь в гнезде» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 19, л. 197об.; д. 20, л. 8; д. 21, л. 233об.; Статейный, 1892, с. 90]. Таким образом, казыевцы отодвинулись на запад, и летописец в Москве с удовлетворением отметил, что «Казыев улус мало не до конца запусте» [Новый, 1853, с. 52] .

Главной причиной этого был конфликт между двумя ордами ногаев. Напряженность в отношениях между ними во второй половине XVI в. все нарастала. Из-за Волги то и дело переходили в Казыев улус мирзы со своими подданными. Разместившись в предкавказских степях, они вместе с местными мирзами начинали нападения на кабардинцев, русское пограничье и кочевников, подчинявшихся бию Урусу. Урус в своем тогдашнем противостоянии с Россией до поры до времени не желал ввязываться в ссору с соплеменниками. Однако в конце 1580-х годов он восстановил дружественные отношения с Москвой, и на юго-западе теперь у него были развязаны руки.

Повод для межногайской войны нашелся быстро. Нурадин Саид-Ахмед б. Мухаммед, перебравшись на крымскую сторону, стал кочевать вместе с казыевцами. Во время какого-то конфликта в 1588 г. он был ими убит. После (и по причине?) этого огромная кавалерия Большой Орды обрушилась на их стойбища. Малые Ногаи потерпели сокрушительное поражение; бий Якшисаат даже попал в плен, но был вскоре отпущен на свободу. Собравшись с силами, казыевцы нанесли ответный удар и убили Уруса. Вслед за этим «мурзы далние заволжских нагаи» во главе с новым правителем Ураз-Мухаммедом опять вторглись на Северный Кавказ. Казыев улус оказался полностью разгромлен, а Якшисаата, очевидно, во время этого нашествия убили (об этих событиях см. [Новосельский, 1948а, с. 37; ПСРЛ, т. 40, с. 233; РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 3, л. 42–43; Статейный, 1892, с. 77, 79]).

Взаимное истребление высших иерархов превратило политическое соперничество орд в кровную вражду. И хотя в 1590-х годах наметилось некоторое потепление (Ураз-Мухаммед даже выдал дочь за одного из самых почитаемых казыевских мирз — Саина б. Мамая, Якшисаатова брата [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1633 г., д. 18, л. 3–5]), но до искоренения вражды было далеко. Характеристика взаимоотношений приведена в наказе московскому послу в Стамбул в октябре 1593 г.: «Заволжским нагаем воина с Казыевым улусом из давных лет, и кровь промеж их прошла по их недружбе, а не по государя нашего повеленью» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 3, л. 231об.–232].

Крымский фактор был не очень заметен в политике Малых Ногаев того времени. Собственно, крымцам было не до степных соседей, поскольку в ханстве разгорелась династическая распря. Первоначально новый хан Ислам-Гирей заподозрил казыевцев во враждебных намерениях; к тому же в их кочевьях укрылись его противники — Арсланай Дивеев «со товарищи». Еще в начале 1586 г. хан вел переговоры с бием Урусом об ударе по ним с двух сторон, а послов Якшисаата принимал у себя без должного почета, в отличие от Урусовых [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1589 г., д. 1, л. 7, 8].

Но уже к середине года стало известно о кардинальных переменах. Нуждаясь в военной поддержке, Ислам-Гирей решил помириться с восточными соседями. Между ним и Якшисаатом была заключена шерть[15], несмотря на то что последний отказался выдать в Бахчисарай мятежного Арсланая. Глава Малой Орды тоже рассудил, что при угрозе из-за Волги будет разумным держаться поближе к Крыму. Вскоре после этого разнеслись вести, будто «крымские люди с Яхшисаатем князем зиму и лето с ними ходят» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 16, л. 73об.; ф. 127, оп. 1, 1586 г., д. 13, л. 67, 86, 87].

Следующий крымский хан — Гази-Гирей решил настоять на возвращении Дивеевых улусов в свое государство. Малые Ногаи просили обождать, пока не уменьшится угроза со стороны заволжских степняков. Хану такой ответ «учинился в досаде». Он собрал всю свою армию и переправился на восточный берег Дона. Перепуганные мирзы тут же смирились и выполнили все требования. Довольный Гази-Гирей разрешил им кочевать на прежних местах, взяв на себя, таким образом, функцию распределения пастбищ, т.е. роль старшего государя. Свое войско он стал исчислять теперь «болши ста тысечь» — с учетом казыевских улусов, считая их своими подданными. «А Казыев улус — еще отца моего... Девлеть Киреева царева величества устроенье. И мы, их прежнюю службу отцу своему помня, их пожаловали, велели им под Азовом кочевати» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 17, л. 190–193]. Хотя ногаи не нашли покоя и под Азовом (на них напали донцы и даже пленили дочь Якшисаата), их предводитель не желал поступаться независимостью: «Я... к турскому и х крымскому не пристану», одновременно обещая крымцам всяческую поддержку в войнах [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1586 г., д. 10, л. 10; Сухоруков, 1903, с. 48].

Поражения в боях с Урусом и Ураз-Мухаммедом заставили казыевских мирз стать более покладистыми. В декабре 1590 г. знатнейшие

[15] Шерть (шарт-наме) — договор между двумя государями, как правило с определением взаимных обязательств.

из них — Хан б. Гази и Баран-Гази б. Саид-Ахмед вновь шертовали Гази-Гирею и согласились кочевать в крымских улусах Дивеевых [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 17, л. 340об.; д.19, л. 107об.]. Тем не менее и на этот раз Бахчисараю не удалось добиться от них полного подчинения. В ноябре 1593 г. глава крымской делегации на посольском размене в Ливнах Ахмед-паша Сулешев заявил, что имеет полномочия шертовать о ненападении на Русь «за весь Крым и за Арасланаев за весь улус Дивеева, ***опричь Азова и Казыева улуса***», поскольку Азов, мол, это османское владение, «а Казыев улус качюют себе, и Казы Гиреи царь ими не владеет же» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 21, л. 49об.–51]. И все же отметим, что до конца царствования Гази-Гирея Малые Ногаи сохраняли лояльность к нему и участвовали в крымских походах на запад и север.

Решающий перелом в крымско-казыевских отношениях при хане Ислам-Гирее II был вызван вмешательством Порты. В 1584 г. султан принял посольство от Якшисаата, которое объявило о желании бия стать подданным падишаха, и направил обратно приказ поддержать Ислам-Гирея и помогать ему [Bennigsen, Lemercier-Quelquejay, 1973, с. 480–483]. В Стамбуле сочли возможным считать Малую Ногайскую Орду вассальным владением османов, и русскому послу в 1586 г. турки объявили, что «Казыев улус и азовские татарове (т.е. улусы Хана б. Гази. — *В.Т.*), и белгородцы — в государя нашего воле»; они, дескать, не ходят воевать без его дозволения, а ослушников султан «велит, сыскивая, казнить» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 2, л. 426]. На самом же деле мирзы были далеки от мысли превращаться в османских вассалов. Они рассчитывали на помощь и заступничество мусульманского владыки, но не на его господство над собой. Выше приводилась фраза Якшисаата, сказанная в том же, 1586 г.: «Я... к турскому и х крымскому не пристану».

Фиктивность альянса с Портой выявилась уже через два года, когда бояре в Москве рассказали персидским послам о новостях на южных границах (май 1588 г.): «А про Нагаи про Казыев улус, про Якшисата князя, про своих голдовников весть к салтану турскому учинилась, что они все от него отложились под нашу царьскую руку и пришли к Асторохани ко городу... и к Терке реке, а от Озова отошли» [Памятники, 1890, с. 138].

Обращение в сторону России тоже оказалось тактическим маневром или шагом отчаяния. Малые Ногаи более всего желали сберечь свой юрт и взывали о поддержке ко всем окрестным монархам. Россия в том ряду являлась далеко не главным адресатом. Русские помнили частые разорительные набеги на порубежье и не видели в казыевцах надежных

внешнеполитических партнеров. Последние рассматривались Москвой лишь как постоянная опасность для границ. Поэтому усилия русской дипломатии были направлены не на поддержку Малой Орды, а напротив, на ее раскол, ослабление, снижение военного потенциала.

Успех подобной политики наметился во второй половине 1580-х годов. В то время как бий Якшисаат вел интриги с Бахчисараем и апеллировал к султану, могущественные мирзы его юрта во главе с Баран-Гази, а также крымский Арсланай Дивеев заключили с русскими шарт-наме о ненападении и готовности кочевать под Астраханью под надзором воевод. Соглашение организовал крымский царевич-эмигрант Мурад-Гирей, присланный царем Федором Ивановичем на нижнюю Волгу. В его задачу входило, кроме прочего, готовить большой поход на Якшисаата вместе с бием Урусом, Темрюковыми кабардинцами и теми мирзами, которых удастся отколоть от Малой Орды. Тогда и состоялось первое победоносное нашествие Больших Ногаев и их союзников на Казыев улус. Это привело к шертованию еще нескольких малоногайских мирз [Памятники, 1890, с. 268; РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1587 г., д. 1, л. 9; ф. 127, оп. 1, 1586 г., д. 2, л. 12, 13; д. 13, л. 2, 11]. Но одновременно притеснения, претерпеваемые от воевод, и — главное — агрессивность заволжских кочевых предводителей напугали казыевцев, и большинство их, фактически разорвав шерть, откочевало обратно на запад[16].

В 1594 г. Баран-Гази возглавил набег восьмитысячного войска на Шацкий острог [Разрядная, 1989, с. 76]. Когда он вскоре вновь завел разговор о переселении к Астрахани, русские уже реагировали настороженно. На всякий случай правительство велело воеводам держать наготове конницу Урусовых и своих стрельцов, чтобы отбить очередное коварное нападение [РГАДА, ф. 141, оп. 1, д. 1, ч. 2, л. 34об., 35об., 36об.].

Связи Малой Ногайской Орды с горцами Северного Кавказа в 1580–1590-х годах оказались слабее, чем в предыдущем двадцатилетии. Темрюк Идаров одолел наконец своего старого врага Пшеапшоку, союзника Гази. Малые Ногаи продолжали контакты с кабардинцами, но решающее значение на Северном Кавказе стали приобретать дагестанские владетели-шамхалы. Терский воевода доносил в 1589 г., что Малые Ногаи теперь находят более выгодным общаться с Дагестаном,

[16] Эту причину ухода Малых Ногаев от Астрахани назвал в 1628 г. казыевский мирза Али Ураков: «И при Урусе князе так же мы (с астраханцами. — *В.Т.*) в миру были и аманаты давали. И после того нагаицом нас велели повоевать. И ныне б так не учинити» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1628 г., д. 2, л. 296–297].

наладив обменную торговлю с кумыками [Кабардино-русские, 1957, с. 59]. Для кабардинских же князей сотрудничество с ногайским юртом в Предкавказье постепенно утрачивало политическую актуальность. Тем более что кочевые улусы под ударами Уруса и Ураз-Мухаммеда удалялись все дальше от гор, на северо-запад. Астраханские власти пытались убедить черкесов участвовать в совместных походах на казыевцев. Те стремились замириться с Кабардой [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1586 г., д. 13, л. 2, 67], но значительная удаленность их уже не позволяла поддерживать оживленные военно-политические связи.

Малые Ногаи в 1600–1610-х годах

В сентябре 1600 г. впервые упоминается новый малоногайский бий — старший сын Саид-Ахмеда б. Мухаммеда б. Исмаила Баран-Гази (см. [Памятники, 1892, с. 49]). О деталях его «вокняжения» (как и его предшественника Якшисаата) ничего не известно. Однако ясно, что объем власти у очередного лидера был неизмеримо меньше, чем у предводителя Большой Ногайской Орды или авторитетного Гази б. Урака. В ходе сражений с большеногайской кавалерией, отступления на северо-запад и метаний по степям среди Малых Ногаев оформились три основные группировки мирз, три главных клана: Ураковы, т.е. потомки и родичи основателя Малой Орды; Мамаевы, т.е. потомки и родичи Якшисаата; Шейдяковы, т.е. родственники самого Баран-Гази. Каждая из этих группировок была многолюдной и скрепленной кровными узами. В условиях политических катаклизмов такие узы казались кочевникам более надежным средством сплочения по сравнению с политическими интересами. Мирзы, не принадлежавшие к данным бийским родам (Юсуповы, Кошумовы, Шигимовы и др.), старались примкнуть к одной из этих трех ведущих сил.

Баран-Гази опирался, разумеется, на собственный клан Шейдяковых. Он пытался упрочить свою власть, добиваясь покорности от прочих мирз. Вознамерившись в очередной раз договориться с московским царем, он, по словам его послов в Астрахани в ноябре 1604 г., ручался только за свое «родство», но обещал также привести к шерти потомков Урака и Мамая. А если-де те откажутся, то бий с Шейдяковыми начнет против них войну [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1604 г., д. 3, л. 140, 141].

При таких отношениях раскол был неминуем. И действительно, вскоре пришли вести, что у Малых Ногаев разразилась «рознь великая». За какую-то провинность бий велел казнить одного из мирз [Акты, 1918,

с. 89, 90, 112, 113]. Как развивался этот конфликт, неизвестно, потому что состояние ослабленных и раздробленных казыевцев в то время интересовало российских политиков мало, и главным образом в связи с делами Большой Орды.

В 1610-х годах бий Иштерек разорвал отношения с Москвой, перебрался на Крымскую сторону и стал кочевать вместе с Малыми Ногаями. При всей своей бедности и политической слабости Иштерек обладал неоспоримо более высоким рангом перед прочими мангытами. Это признавал и бий Баран-Гази. Документы 1613–1614 гг. показывают, что знать Больших Ногаев на новых землях обладала статусным преимуществом. Фактически Иштерек стал правителем обеих орд. «У обеих улусов — у всех Болших Нагаи и у Казыева улуса — один Иштерек князь»; «а Казыев улус, Барангазы князь — с Иштереком же, а владеют ими Иштерек и мурзы и татаровя так, что холопи своими» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1613, д. 4, л. 14–15; д. 5, л. 240]. Подобное поведение заволжских переселенцев тяготило казыевцев. До Астрахани стали доходить слухи, будто Баран-Гази с Иштереком «не в миру» и отказывается участвовать в его военных авантюрах против России [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1616 г., д. 1, л. 18]. Наконец произошел естественный разрыв. В начале 1615 г. наблюдатели уже отмечали, что «Казыев... улус кочюет себе опроче Иштерека князя, а ныне... с казыевцы иштерековых нагаи нет никого» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 1, л. 13].

Кратковременное правление Иштерека на крымской стороне показало ничтожность власти казыевского бия. Все малоногайские мирзы обращались в Москву уже только от своего имени, минуя своего номинального лидера. При этом подчеркивалось равноправие их кланов: «И нас три родства, и все бы нас тебе (царю Михаилу Федоровичу. — *В.Т.*) жаловать ровно: Шеидякова родства болшеи Касаи мурза; другова, Мамаева, родства болшеи — Аиса мурза боготур; третьева родства, Уракова родства, — Карашаи м[урза]» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 6, л. 50][17]. Мирзы подчеркивали, что владения Касима (Касая) и Ураковых наиболее «мурзами и улусами своими силны, те родства улусы своими могут добро и худо» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 6, л. 52–53]. Различные информаторы тоже доносили о Касиме и Али б. Хорошае как о самых сильных и влиятельных в Малой Орде, и из Москвы шли грамоты, адресованные «Барангазыю князю да Касаю мурзе, да Алею мурзе з братьею и з детми, и с племянники».

[17] В другой грамоте главы родов перечислены другие и иначе: Касим (Касай) Шейдяков, Али б. Хорошай Мамаев (следует: Ураков) и Айса б. Мухаммед Ураков (следует: Мамаев) [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 7, л. 1].

Сам Касим б. Ислам фактически возглавил клан своего деда Саид-Ахмеда, оттеснив бия, и хвастался: «А над старыми и над молодыми мурзами болшеи я, Касаи мурза, и в людех болшеи я, и владею всеми я!» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1613 г., д. 4, л. 15; 1615 г., д. 5, л. 3; д. 6, л. 48]. Вожди трех «родств» самостоятельно сносились и с Бахчисараем, и с Терками, а аналогичные инициативы Баран-Гази отвергали. Когда они захотели было воевать Больших Ногаев, бий попытался было возразить и воспрепятствовать, после чего Ураковы и Мамаевы вступили с ним в «недружбу и рознь» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1617 г., д. 1, л. 14, 16; 1619 г., д. 2, л. 242, 243; 1620 г., д. 1, л. 80]. Казыевскую аристократию перестал устраивать бездарный и безвольный правитель, и, наряду с третированием его, она подумывала о другой кандидатуре на его место; в частности, существовали планы пригласить из-за Волги на «княжение» воинственного Джан-Арслана б. Уруса [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 7, л. 22].

Все эти неурядицы происходили на фоне углублявшегося экономического кризиса. Постоянные войны полностью расстроили кочевое хозяйство. «А у нас запасов нет, и лошеди либивы (т.е. изможднены. — *В.Т.*), и нам долго терпети не уметь», — жаловались казыевцы царю. «А Казыева улуса мурзы — люди бедные, наги и голодни; тем добываютца и кормятца, что в воину ходят», — вторил их гонец в Астрахани. Мирзы просили московского государя позволить им обосноваться на Дону, где у них постепенно формировалось зимовье. Оно подвергалось постоянным нападениям казаков, и ногаи слезно упрашивали царя «свести» их [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 6, л. 46, 52].

К началу 1620-х годов уже можно явно определить автономное существование улуса Касима. Туда едет Баран-Гази «для мирного договору» с Касимом; «Касаев улус Казыевых детеи» упоминает Иштерек при описании своих поисков некого пропавшего ногайца [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1616 г., д. 2, л. 1; 1620 г., д. 1, л. 79, 80]. В мае 1622 г. стрелец рапортовал астраханским воеводам о планах донцов идти на Казыев улус — «а на которои... Казыев улус, того... он не ведает» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1622 г., д. 1, л. 5]. Улусов в Малой Орде действительно стало несколько.

Коллизии отношений с Большими Ногаями прошли несколько стадий. Поначалу, после своего «вокняжения» в 1600 г., Иштерек был настроен резко против всяких контактов. Тем более что его главный антагонист Джан-Арслан б. Урус сумел найти общий язык с казыевцами. В ноябре 1604 г. во время обсуждения в астраханской воеводской канцелярии политики по отношению к ним Джан-Арслан выступал за

мирные переговоры, а бий — исключительно за военные действия, обосновывая это вероломством врагов. Он рассказывал о коварстве и безжалостности Баран-Гази, который поссорился с русскими, не пощадив собственного сына-заложника (аманата), обманул Иштерека в своих якобы пророссийских настроениях, когда тот в конце 1590-х годов приезжал в Малую Орду, а затем забрасывал его предложениями переметнуться к Крыму. Глава Больших Ногаев делал однозначный вывод: переговоры с Малыми Ногаями бесполезны из-за ненадежности их; единственный способ воздействия — двинуть на них царскую рать «с вогненым боем... хоти с 500 человек» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1604 г., д. 3, л. 133–150; Акты, 1918, с. 122–128].

Однако судьба распорядилась так, что Иштереку пришлось не только изменить отношение к северокавказскому юрту, но и искать там пристанище во время откочевки на Крымскую сторону в 1614 г. Как уже говорилось выше, он снискал там поначалу всеобщие почитание и послушание, но уже через год вынужден был оставить Казыев улус. Вероятно, это произошло без открытой ссоры, так как в дальнейшем Иштерек сосватал дочь за мирзу Аллакуввата б. Азамата Уракова [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 4, л. 9] и убедил мирз присоединиться к его просьбам освободить из астраханского заклада его родичей. Айса Мамаев, в частности, написал об этом же прошение к царю, сославшись на то, что «Иштерек князь нам, Казыеву улусу, силен» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 6, л. 3, 4].

Москва отказала наотрез. Только что возобновился выгодный для нее разрыв между Большими и Малыми Ногаями после их опасного союза — и вот опять появились признаки солидарности орд. Тем более что гонцы доносили: орды теперь «меж себя... мирны» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 3, л. 9–10]. Послам из Казыева улуса и эмиссарам, направляемым туда, внушали в Посольском приказе мысль: «Иштерек князь и все мурзы Болших Нагаи вам недруги давные, а вы от них говорите!»; к тому же в Москве, дескать, находится сейчас Иштереков посол с предложением совместного нападения на Малую Орду (это было правдой: бий решил вернуться под царское покровительство и планировал делом доказать свою преданность государю — наказать разорителей «украин»). В ставку же Иштерека дали знать, что казыевцы просят у Михаила Федоровича войско против него [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 4, л. 7, 23; д. 6, л. 20; 1616 г., д. 2, л. 10; 1617 г., д. 3, л. 10].

Таким образом, правительство использовало любые средства для внесения раскола в единый ногайский фронт. И в августе 1616 г. в рус-

ской столице с удовлетворением узнали, что «Барангазы князь с Ышшереком князем не в миру», что лидер Казыева улуса отказался от совместного в Большими Ногаями похода на «украйны» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1616 г., д. 1, л. 18].

Характер контактов Малых Ногаев с Москвой определялся динамикой ее отношений с ногаями заволжскими и с Крымом. В начале XVII в. казыевцы уже не расценивались русским правительством как значительная политическая сила. Те, со своей стороны, опасались угодить в сферу российской гегемонии, и неоднократные их декларации о подчинении великому государю носили тактический, конъюнктурный характер. Даже заключение шертных соглашений и выдача аманатов в Астрахань и Терки[18] оказывались малодейственными для сохранения лояльности малоногайских мирз к России.

Судя по всему, такая политика казыевцев была попыткой сохранить самостоятельность в окружении могущественных соседей. Они пытались ни с кем не ссориться и никому не подчиняться. Единственной насущной необходимостью было добиться от Москвы освобождения Дона от казаков, но эта цель была абсолютно иллюзорной. Прочного мира с Россией добиться не удавалось и из-за регулярных набегов на южнорусские провинции. Русские власти, со своей стороны, считали непременным условием удерживать Малых Ногаев посредством шертных обязательств от вторжений, и к этой цели, собственно, сводилась русская дипломатия по отношению к ним. Удавалось это довольно редко, и одновременно правительство то и дело организовывало походы горцев и заволжских ногаев на Казыев улус.

Лишь в конце 1610-х годов почти все мангытские аристократы Малой Орды проявили удивительную солидарность, поклявшись в шартнаме не воевать с Россией. Этот шаг был вызван конфликтом с Бахчисараем, и посольские дьяки понимали его вынужденность: «Казыева улуса Барангазый князь и мурзы все... под великих государей наших рукою в их государском повеленье; толко на своей правде мало стоят, потому что отдаленно живут, близко Азова — турскова города. И коли им бывает теснота от турского, и они туда передаютца... И ныне с турским и с крымским ссорились, с крымским Шагин Гиреем царевичем. И крымской царь посылал на них брата своего калгу Девлет Гирея

[18] Впервые казыевские мирзы оказались в заложниках, очевидно, в самом начале 1590-х годов. Басай, Бай, Али, Сулеш и Ваккас Шейдяковы, Айса Мамаев и Хаджике Юсупов «взяты были... саблею, как Уруса князя убили» (1590 г.) и помещены на астраханский Закладной двор [Акты, 1918, с. 122; РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1603 г., д. 3, л. 133].

царевича с ратными людми, и в Казыеве улусе Касай мурзу и иных мурз воевал и разорил. И они, видя себе от крымского царя разоренье, прибежали под царского величества отчину под Астарахань, а иные под Терек, и били челом царского величества... воеводам, чтоб царского величества воеводы... от крымского остерегали и закл[ады дали?] в Астарахань и в Терской город» (наказ послу в Бухару в июне 1620 г.) [Сборник, 1879, с. 436–437].

Тогда же, в феврале 1620 г., к терскому воеводе Н.Д.Вельяминову прибыл посол из Шемахи, который подтвердил, что крымский хан собирается идти на казыевцев в отместку за их дружбу с Шахин-Гиреем, «хочет Малои Ногай разорить весь», отчего «Малый Ногай» и шертовал московскому царю [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1619 г., д. 2, л. 252, 255].

И в самом деле, у крымского монарха были причины затаить злобу на мирз: в малоногайских кочевьях нашел приют царевич-эмигрант Шахин-Гирей, считавший себя обойденным в престолонаследии. Он сумел убедить предводителей главных кланов тоже занять антикрымскую и антиосманскую позицию, ссылаясь на свои связи с иранским шахом Аббасом. Однажды казыевская армия по наущению этого авантюриста даже разбила турецко-крымскую рать Сайдар-паши [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1619 г., д. 1, л. 55, 56].

В Бахчисарае и Москве пристально следили за этим странным альянсом. Посольский приказ предписывал терскому воеводе удерживать Шахин-Гирея от опрометчивых поступков, которые могли бы повредить русско-иранским отношениям: «а будет Шангиреи царевич с Меншими Нагаи поссоритца и бои учинит, и ты б им битца не мешал», равно как надлежит препятствовать и его ссылкам с Большой Ногайской Ордой, поскольку «нашему делу прибылнее, чтоб Болшие Нагаи с Меншими Нагаи были в розни, а не в миру» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1619 г., д. 1, л. 60–62].

Крымский же двор не ограничивался перепиской; для него интриги Шахин-Гирея были гораздо актуальнее. Весной 1619 г. хан Джанибек-Гирей послал свою армию на Кавказ. Царевич сразу уехал в шамхальство («в Кумыки»), а казыевцы подверглись жестокому разгрому. «И от тое от великие воины Касаи мурза с невеликими людми побежал под горы» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1619 г., д. 1, л. 241, 245, 246; 1620 г., д. 1, л. 77, 78]. Это поражение имело следствием, во-первых, решение искать покровительства (временного!) у России, во-вторых, «рознь» между Баран-Гази и ведущими мирзами, о чем мы уже рассказывали. Вскоре после описанных событий в руки русских властей случайно попала грамота Джанибек-Гирея к Касиму, в которой хан убеждал

мирзу помириться с Крымом и воевать с Шахин-Гиреем, укрывшимся у кумыков [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1619 г., д. 2, л. 239][19].

Отношения Малых Ногаев с турецкими властями в первом двадцатилетии XVII в. стали более тесными. Передвинувшись под ударами Больших Ногаев к турецкому Азову, они были вынуждены добиваться у его наместника разрешения кочевать в окрестностях крепости и приезжать на азовские базары. Естественно, с османской стороны последовало требование гарантий верности падишаху. Такие заверения, судя по всему, были даны, и в юрт пошло соответствующее вознаграждение из Стамбула. В декабре 1614 г. эти обстоятельства вспоминали составители наказа для русского посла в Речь Посполиту: во время русской Смуты бий Баран-Гази и его соотечественники «поотстали были от Московского государства и пристали были к турскому салтану, и у турсково алафу (т.е. жалованье. — *В.Т.*) имали». С воцарением же Михаила Романова они «от турскова отстали» и прислали в Москву поздравления новому монарху, заявив о своей готовности находиться под его рукой [Памятники, 1913, с. 529, 530]. Свое кратковременное пребывание под эгидой султана мирза Айса Мамаев трактовал как дело прошлого уже весной 1615 г.: «Крестьянских великих государеи Бог создал, и мусулманского турского царя не Бог же ли создал? А мы турского царя не холопи ли были?» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 6, л. 1].

Тем не менее намерение дружить с новым московским самодержцем не означало разрыва с Портой. Глава мира ислама при любых обстоятельствах оставался в глазах ногаев самым высокопоставленным государем, да и Азов слишком много значил для ослабленной экономики Малой Орды. Мирзы объявляли о своей решимости направить клинки на любого недруга Михаила Федоровича, в том числе и на крымского хана, — «кроме турскова царя, а мы холопи турскова царя» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 6, л. 7]. Холопство в данном случае означало не подданство, а преклонение перед авторитетом и номинальную готовность следовать указаниям султана.

Отношения Малой Ногайской Орды с горцами, по сравнению с предыдущим десятилетием, еще более ослабли. В документах 1600–1610-х годов сохранились единичные упоминания о том, например, что сын Касимова аталыка-воспитателя находится в заложниках у какого-то кабардинского князя [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 5, л. 18].

[19] Перехваченную грамоту ханские гонцы везли к бию Большой Ногайской Орды Канаю. Когда в Астрахани ее вскрыли, оказалось, что бахчисарайская канцелярия перепутала адресатов, и за Волгу было послано письмо, предназначенное для «Касая» (Касима), а не для Каная.

В начале 1615 г., когда казыевские отряды в очередной раз двинулись на Русь и уже стояли на Оке под Серпуховом, на их обезлюдевшие, беззащитные становища напали «черкасы» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 3, л. 10] — видимо, по наущению южных воевод, постоянно отслеживавших агрессивные поползновения мирз.

Малые Ногаи в 1620–1630-х годах

В источниках, отразивших события третьего десятилетия XVII в., имя бия Баран-Гази уже не встречается. Место главы Малой Орды занял его племянник Касим б. Ислам б. Саид-Ахмед (т.е. Шейдяков). Сам он в грамоте от 24 сентября 1636 г. датировал свое «вокняжение» приблизительно 1621 г., а принятие под управление отцовских улусов — 1616 г. («учинился я... на государстве тому лет с пятнатцать и з дватцать лет») [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1636 г., д. 1, л. 108]. В материалах Посольского приказа за 1620-е годы Касим впервые назван не мирзой, а князем в конце 1625 г. [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1625 г., д. 1, л. 53]. Под его началом формально находились три ведущих клана — Ураковы, Мамаевы и Шейдяковы. Но в реальности новый бий, как и его предшественник, имел в распоряжении только улусы последних. Прочие же два рода держались независимо, и уже едва ли было возможно вернуть их под власть общего правителя. В начале 1620-х годов Ураковы и Мамаевы кочевали вместе, поодаль от улусов Касима и его родичей; астраханские воеводы сообщали, что с Касимом они «в недружбе» [Акты, 1890, с. 211; РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 6, 7, 10; 1627 г., д. 1, л. 425, 426; 1628 г., д. 2, л. 58].

Но угроза набегов донцов и Больших Ногаев, которых становилось все больше на Крымской стороне Волги, а также сложные отношения с Гиреями заставляли казыевцев иногда объединять улусы. Время от времени создавалось впечатление, будто они пребывают «в дружбе и в совете», поскольку кочуют вместе. Но более внимательное знакомство с ситуацией приводило информаторов к выводу, что между тремя родами «дружбы нет, а воины нет же». Касим помнил свои прежние распри с Ураковыми и Мамаевыми («ему те мурзы старые недруги») и не прочь был внезапно расправиться с ними. Тем более что он был «улусными людми... Уракова и Мамаева родства силнее и люднея». А те, в свою очередь, не доверяли своему бию и ссылались с Астраханью, «утаясь от Касая князя» и отказываясь посвящать его в подробности переписки с воеводами [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1626 г., д. 1, л. 12; 1627 г., д. 1, л. 265].

В каждом «родстве» были, если следовать формулировкам той эпохи, «лучшие», «середние», «молодые» и безулусные мирзы. При этом формального разделения юрта не существовало, но уже образовались «половины» или «стороны», т.е. группировки аристократов, возглавляемых признанным лидером (например, «Кармыш мурзина сторона» внутри «половины» Шейдяковых). В «Шейдяковом родстве» предводительствовали бий Касим, его дети и Кармыш б. Баран-Гази; в Ураковом — Али б. Хорошай с братьями; в Мамаевом — Бий б. Ахмед с сыновьями [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1627 г., д. 2, л. 34–36; 1628 г., д. 2, л. 67–69].

Конец 1620-х годов был ознаменован решительным разрывом Али Уракова со своей ордой. Улусы Ураковых (более трех тысяч человек) переправились через Дон и пошли к Азову. Бий Мамаев, напротив, решил сперва сблизиться с бием, но затем присоединился к Али. «Я с Касаем князем в недружбе стал, а с Казыевым улусом розстался», — делился новостями с царем Михаилом Федоровичем вождь Ураковых, отмечая при этом также свою «недружбу» с крымским ханом и с запорожцами. О том же писал и Бий Мамаев. Дружным отказом встретили они призыв бия выступить совместно против польского короля по призыву Джанибек-Гирея. Судя по всему, «лучшие мирзы» склонялись тогда к полной независимости, так как отвергали подданство кому бы то ни было и лишь заявляли о своей номинальной верности шертным обязательствам, данным далекой Москве [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1627 г., д. 3, л. 68; 1628 г., д. 2, л. 298; 1629 г., д. 1, л. 85, 313, 314; 1630 г., д. 1, л. 56–68, 74]. Правда, в 1632 г. вновь отмечен эпизод совместного кочевания Али и Бия с Касимом [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1632 г., д. 1, л. 347], но это было не более чем очередным конъюнктурным и неискренним соединением улусов в условиях горских набегов и угрозы крымского нашествия из-за поддержки Малыми Ногаями Шахин-Гирея.

Попытки Касима собрать родичей на примирительный съезд не достигли цели. Многие влиятельные вельможи, и прежде всего предводители кланов, не захотели участвовать в нем, игнорируя уговоры бия [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1632 г., д. 1, л. 143, 144, 157, 158].

В 1636 г. Ураковы и Мамаевы двинулись в Крымский юрт, предпочтя наконец опасному автономному существованию в прикубанских и приазовских степях подданство хану. «Лучшие мирзы» заключили с Джанибек-Гиреем шарт-наме [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1636 г., д. 1, л. 109; д. 2, л. 25; 1638 г., д. 4, л. 27]. Следовательно, к концу 1630-х годов четко определились две группы Малых Ногаев, разделенные территориально и политически, или две «половины» — Касаева и Урак-Мамаева («Урак

Мамаева половина» или просто «Уракова», «Урак Мамаево родство», «Урак Мамай мурзины дети») (см., например [Кабардино-русские, 1957, с. 237, 264; РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1637 г., д. 1, л. 6; 1638 г., д. 1, л. 65; 1639 г., д. 1, л. 103, 126]).

Большие Ногаи уже не могли воспользоваться расколом среди давних противников, потому что сами вступили в стадию полного хаоса. Многие их мирзы не изменили враждебного отношения к казыевцам, но не имели сил ни отбивать их налеты, ни предпринимать ответные атаки. Лишь вместе с русскими ратями отваживались они выступать против Малой Орды. Правительство в 1633 г. организовало поход против нее за нападения на «украйны» и на кочевья союзных Больших Ногаев. После того как основная масса заволжских номадов в конце 1633 — начале 1634 г. перебралась на Крымскую сторону и рассеялась по причерноморским степям, началось смешение ногаев обоих юртов. Взаимная агрессивность их по отношению друг к другу исчезла. Бий Касим заявлял о своем желании кочевать вместе с кековатом[20] Джан-Мухаммедом, потому что «вера наша одна, и житье наше кочевное» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1636 г., д. 2, л. 27][21].

За всеми этими перипетиями тщательно следили из Бахчисарая. На вторую половину 1620-х годов приходится очередное обострение династических раздоров среди Гиреев. Хан Мухаммед-Гирей III в 1625 г. выступил в поход на иранский Дагестан. Вместе с крымской армией отправилась конница малоногайского бия Касима под командованием его сына, а также улусники Али Уракова, который уже несколько лет жил в Крыму. Шахин-Гирей, переждав эту войну во владениях шамхала, решил прекратить скитания и вернуться на родину, а хан, узнав об этом, обещал сделать его наследником-калгой. Перед своим уходом с Кавказа Мухаммед-Гирей обмолвился, что неплохо было бы поставить на Куме форпост с гарнизоном. Этой идеей вдохновился Касим, намере-

[20] Кековат — правитель ногайских кочевий в Казахстане и глава левого крыла ополчения. Во времена описываемых событий эта должность существовала уже только формально.

[21] Осознание общности и родства между Большими и Малыми Ногаями никогда не забывалось, но почти всегда было омрачено политическими разногласиями. Лишь распад Ногайской Орды привел население обоих ногайских юртов к стихийному смешиванию улусов и маршрутов кочевий, к некоему подобию единства ногаев. В 1626 г. астраханские воеводы докладывали: «И ногаиские... многие люди с казыевскими тотары промеж собою в своистве и в ближнем племяни; потому что ногаиские люди у казыевских людеи женятца, а казыевские у ногаиских людеи женятца. А иных... ногаиских людеи отцы и матери, и братья многие живут в Казыеве улусе, а казыевских татар отцы и матери, и братья живут у ногаиских тотар, и промеж собою ссылаютца и съезжаютца» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1626 г., д. 1, л. 100–101].

вавшийся использовать будущую крепость для укрытия от вторжений воевод и горцев. О том же он просил и Шахин-Гирея, который уже утвердился в планах отъезда в Крым. Если же, дескать, с возведением городка ничего не получится, то бий просил царевича взять его с собой в Крым со всеми улусами [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1625 г., д. 1, л. 4, 8; 1626 г., д. 1, л. 77].

Узнав о примирении хана с мятежным царевичем, казыевские мирзы уже не гнушались подчиняться приказам последнего — в частности, снаряжать набеги на Русь по его повеленью [Акты, 1890, с. 203]. Малейший знак внимания от таврического двора теперь чрезвычайно ценился ими. Например, в апреле 1627 г. Касим нехотя (хотя и «чесно» приняв) вел переговоры с астраханским гонцом, откладывая решение поднятых тем вопросов до съезда всех мирз. Но как только из Крыма донеслись вести о выступлении Мухаммед-Гирея на «бесленеевских черкас», он сразу снялся с места и со всеми подданными двинулся на соединение с крымской армией, проявив необычайную расторопность и активность [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 103–107].

Через год бий столь же резво покочевал в сторону Крыма, едва получив оттуда «ларчик золотых да сто кобыл, да питья телегу». На упреки приближенных мирз Касим откровенно заявил, что «коли... ему крымскои Мамбет Гиреи царь столко много своего жалованья прислал, и ему... как его жалованья не принять и к нему не ехать?» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1628 г., д. 1, л. 286, 287].

«Родства» Мамаевых и Ураковых со временем перевели свои улусы на территорию Крымского юрта и в основном пребывали уже в орбите политики Гиреев. Когда новый хан — Джанибек-Гирей вытеснил с полуострова Мухаммед-Гирея с калгой Шахин-Гиреем, лидеры кланов Али Ураков и Бий Мамаев приняли сторону последних, но в баталиях потерпели поражение и отступили к Кубани. Касим, тоже боясь мести за поддержку свергнутого монарха, откочевал поближе к Астрахани и с легкостью (как всегда) объявил о желании находиться «под царского величества высокою рукою» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1628 г., д. 2, л. 294, 301, 302].

Укрепившись во власти, Джанибек-Гирей вознамерился расквитаться с Малыми Ногаями за пособничество его соперникам. В сентябре 1629 г. на восток двинулось воинство крымцев во главе с ханским сыном Мубарек-Гиреем. Беззащитные перед этой армадой казыевцы тут же признали «ошибочность» своей прежней политической ориентации и поклялись на Коране в «послушанье» хану; дальше, на черке-

сов, Мубарек-Гирей отправился уже в сопровождении малоногайских мирз с пятитысячным отрядом. Те дали ему «оброк: сто десять аргамаков, шестьдесят панцыреи, сорок шапочек железных, тритцетерь наручи» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 23, л. 259 об.–260 об.; ф. 127, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 12, 13]. В конце 1635 г. Али Ураков окончательно перевел свои улусы в Причерноморье и разместился «под Перекопью, а в Крым... для того не идет, что животине кормитца нечем». Хан официально принял его в подданство [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1636 г., д. 1, л. 6; ф. 127, оп. 1, 1636 г., д. 2, л. 25].

Касим пытался удержать остатки распадающегося юрта и отчаянно лавировал. То он зимовал в Крыму, то привечал у себя Шахин-Гирея, снова бежавшего в иранские владения на Кавказе. Информаторы доносили, что бий громогласно называет себя «холопом крымского царя и во всяких речех возвышает крымского ж царя». Но русскому послу он внушал, будто «нигде в холопстве ни у какова государя не бывал, а кочюю, где похотел, по своеи воле с своими улусы» [Акты, 1890, с. 37; Кабардино-русские отношения, 1957, с. 166, 167; РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 56; 1632 г., д. 1, л. 161, 162, 346–349; 1636 г., д. 2, л. 26].

Декларации о «холопстве» малоногайского верховного предводителя встречали полное одобрение в Бахчисарае. Ханы и калги рассматривали казыевцев как «карачеев», «от отцов и дедов извеку холопов наших», как своих слуг и рабов (*карачимиз ва кулумуз*, т.е. «наши карачеи и холопи» в русском переводе XVII в.) [Материалы, 1864, с. 39, 40; РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1628 г., д. 2, л. 46, 50; 1651 г., д. 1, л. 234, 235]. В России признавали прерогативы крымских правителей на господство над Малыми Ногаями и, не надеясь на собственные дипломатические усилия, в 1620-х годах просили уговорить тех не нападать на Русь. Мухаммед-Гирей III обещал «унять» казыевцев и в шертных договорах с Москвой гарантировал строгий запрет на набеги «всяким нашим воинским людем Крымского юрту и нагаиским людем Дивеевым детем и улуса, и Казыева улуса всяким нагаиским людем». Аналогичные формулировки содержатся в шерти хана Джанибек-Гирея 1633 г. [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 24, л. 400об.–401; 1623 г., д. 7, л. 181; Савелов, 1906, с. 20, 21].

Следовательно, крымское правительство в самом деле считало себя в силах и вправе диктовать свою волю и политику Малой Орде. Но при этом оно продолжало относиться к ней настороженно. Казыев улус то и дело становился пристанищем то Шахин-Гирея, то мятежных крымских мангытских вельмож Мансуровых во главе с Хантимуром.

В степняках оно видело скорее неприятельскую, нежели дружескую силу и поэтому, так же как и русские власти, стремилось или привлечь их на свою сторону, или максимально ослабить. Весной 1628 г. из Крыма вернулся домой мирза Хан-Мухаммед б. Касим с щедрыми подарками от Мухаммед-Гирея III и калги Шахин-Гирея. Те приглашали бия присоединиться к их походу к русским границам. Однако стало известно, что одновременно крымцами было послано предложение бесленеевским черкесам напасть на улусы Касима, когда он уйдет в поход [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1628 г., д. 1, л. 283].

По причине все большего ослабления и развала Казыев улус в 1620–1630-х годах уже не представлял какого-либо интереса для Порты[22]. Посольский приказ от имени царя в 1621 г. известил султана, что «Казыева улуса мурзы учинились под великого государя нашего... высокою рукою, и он (султан. — *В.Т.*) бы в них не вступался» [РГАДА, ф. 77, оп. 1, д. 6, л. 372, 372об., 399, 399об.] .

В самом деле, если просмотреть всю переписку Касима и мирз с русским провительством за 1620–1630-е годы, то может создаться впечатление, будто Малые Ногаи только и делали, что шертовали Михаилу Федоровичу и клялись ему в преданности. Да и русская сторона регулярно информировала азиатских и европейских монархов о верности казыевцев царю. Однако указанные заявления и ногаев, и русских расходились с действительным положением дел. Сановники Казыева улуса нередко были вынуждены твердить о своем дружелюбии к России, учитывая близость сильных астраханского и терского гарнизонов, а также промосковски в целом настроенных донцов. Как в Астрахани, так и в Терском городке содержались аманаты, что, впрочем, не слишком связывало мирзам руки, когда менялась политическая конъюнктура. Балансируя между Россией и Крымом, они были готовы выразить свою лояльность кому угодно, если это сулило им поживу и оказывалось безопасным. Когда исходила угроза от Гиреев, казыевцы отводили улусы поближе к русским крепостям, под защиту воевод (тут-то и пригождались их частые шертования); если же возмущенные их вероломством русские власти и Большие Ногаи решались на отмщение за набеги, то они быстро перекочевывали к Азову или в Крымское ханство.

[22] Вся ситуация в Малой Ногайской Орде опровергает мнение С.Э.Родоная о том, будто она служила опорой азовских турок в их борьбе против донцов [Родоная, 1955, с. 12]. Малые Ногаи никогда не представлялись донским казакам серьезной угрозой, и османские азовские паши едва ли могли рассчитывать на существенную помощь со стороны слабых и раздробленных казыевцев.

При этом различная политическая ориентация часто служила Ураковым и Мамаевым удобным и единственным предлогом для отказа от сотрудничества с Касимом и наоборот. Астраханские воеводы регулярно информировали Посольский приказ о ненадежности мирз. Значительная часть сведений поступала от Больших Ногаев. В частности, бий Канай разоблачал своего коллегу из Малой Орды, утверждая будто тот со своими сподвижниками «сказываются... государевы холопи и аманатов дают в... Астарахань... неправдою малых робят, за которых им и стоять не за што (т.е. которые не имеют ценности. — *В.Т.*), на то надеясь, что от Астарахани от... государевых людеи на них (казыевцев. — *В.Т.*) воины не бывает» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1633 г., д. 2, л. 4].

Весной 1633 г. терпение московского правительства иссякло. Велено было собирать большой поход на Казыев улус. Войско возглавили князья В.И.Туренин и П.И.Волконский; к этой рати по государеву указу должны были присоединиться двадцать детей боярских из «низовых» городов, двести астраханских стрельцов, терские служилые люди, гребенские и донские казаки, Большие Ногаи, кабардинские князья и шамхал. В июне и июле к Маджарскому городищу (к тому времени уже оставленному Малыми Ногаями) сходились отряды. Бий Касим тем временем кочевал вместе с Али Ураковым, получая донесения обо всех этих приготовлениях от астраханских татар. В любой момент Касим и Али были готовы сняться с места и уйти в Крым или в Кабарду (о том, чтобы принять бой, разговора и не заходило).

В ходе продвижения русского воинства случайно погиб воевода Туренин. Волконский повел всех собравшихся под его началом ратников (кроме опоздавших донцов) на запад. От разведчиков было известно, что Касим разместил улусы в урочище Ачил под Азовом, куда и обрушился основной удар. Сам бий заблаговременно оставил свои стойбища, которые подверглись грабежу и погрому. Две тысячи казыевцев угодили в плен, в том числе Касимовы внуки и племянники. На возвращавшихся с этим полоном Больших Ногаев во главе с кековатом Джан-Мухаммедом напали донцы, отняли всю добычу и сразу отписали в Москву, будто победили казыевцев, отбив у них русских пленных (за что получили в ответ упреки во лжи) (об этих событиях см. [Материалы, 1864, с. 57, 58, 61; Попко, 1880, с. 54, 55; Щелкунов, 1915, с. 128; РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1633 г., д. 2, л. 354– 356, 360, 370–372, 393, 399–401, 427; д. 3, л. 21–23]).

Эта кампания нагнала страху на степняков, но не смогла вынудить их изменить общую стратегию — лавирование между Бахчисараем и

Москвой. По-прежнему налеты на «украйны» перемежались с заверениями в лояльности. Причем теперь Ураковы с Мамаевыми и Касим со своими родичами Шейдяковыми обвиняли друг друга перед царем и ханами в лицемерии, выставляя верными заключенным шертям лишь себя.

В отношениях с княжествами Северного Кавказа Малая Ногайская Орда продолжала придерживаться союза с шамхалом, а среди кабардинских владетелей в 1620-х годах выбрала для альянса князя Алегука Шеганукова и князей Идаровых («темрюцких черкас»). Соответственно противниками их стали соперники Алегука — правители так называемой Малой Кабарды Шолох Тансаруков и его родичи. Шамхальство служило также звеном связи казыевцев с Ираном и подвизавшимся на шахской службе Шахин-Гиреем, да и сам шамхал Ильдар координировал с мирзами свои внешнеполитические предприятия (см. [Памятники, 1898, с. 388; РГАДА, ф. 121, оп. 1, 1626 г., д. 2, л. 3; 1630 г., д. 1, л. 77–79]).

С Алегуком же наиболее тесные связи установил Али Ураков, который дал князю заложников, иногда жил в его владениях «з дворами своими и с улусы своими» и убеждал московского царя верить Алегуку «во всяком деле» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1629 г., д. 1, л. 313, 314]. Сам Алегуко, а еще более его союзники-темрюковцы служили надежным тылом Малым Ногаям: во время похода Волконского в 1633 г. они прислали пятьсот человек в помощь Касиму, рассчитывавшему при подходе царской рати уйти в Большую Кабарду. Касиму тоже доводилось посылать своих ополченцев на подмогу друзьям-черкесам в их междоусобной борьбе (см. [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1633 г., д. 1, л. 86; д. 2, л. 355, 356, 393]). Соответственно, враги Алегука на Кавказе оставались неприятелями и для Казыева улуса. Конники князя Шолоха нападали на ногайские кочевья, разоряя становища и угоняя скот.

В конце 1639 или в 1640 г. функционер Посольского приказа сделал «выпись», гласящую, что в нынешнем 148 году в Москву явился посол от Касаевых детей с новостью: «Касая князя не стало, а дети ево хотят государю служить так же, как и отец их Касаи князь служил» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1640 г., д. 8, л. 212]. В наказе послам в Кахетию от декабря 1640 г. тоже содержится информация о том, что «ныне Касая князя Исламова не стало» [Посольство, 1928 с. 43].

Судьба распорядилась таким образом, что последний казыевский бий умер вскоре после кончины последнего бия Большой Ногайской Орды, Каная. Ни в той, ни в другой части бывшей ногайской державы

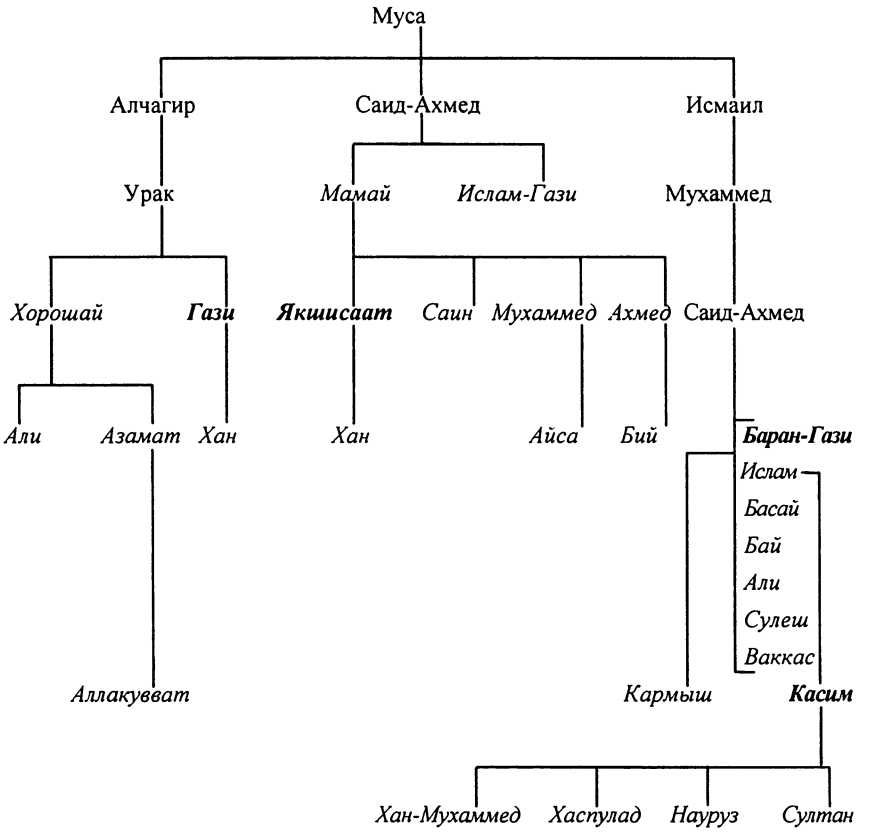
верховный правитель впоследствии не появлялся. Остатки государственной организации ногаев сошли на нет. Но Касим б. Ислам остался в народной памяти надолго в отличие от своего заволжского «коллеги». Поскольку кланы Ураковых и Мамаевых переселились в Крым, то собственно Казыев улус потомки стали связывать исключительно с именем лидера оставшейся на прежних кочевьях «половины». Этнографические материалы XVIII–XIX вв. свидетельствуют, что ногайцы были убеждены в том, будто «все мурзы Малого Ногая произошли от одного Касая», и «потому все вообще доныне называются Касаевы дети» — Касай улы. Подразделения «Малого Ногая» в XIX в. носили имена Касимовых сыновей: Каспулат-улы, Навруз-улы и Султан-улы [Архипов, 1855, с. 119; Бутков, 1869, с. 170; К.Д.Э., 1834][23].

История Малой Ногайской Орды представляет собой пример угасания кочевой политической структуры, лишенной земледельческой подпитки, стабильной системы передвижения народа и стад, стройной организации налогообложения и мобилизации ополчения. В целом судьба Малых Ногаев иллюстрирует уход номадов с мировой исторической арены в позднем средневековье.

Ногайские орды утратили политическую самостоятельность. Но потомки их жителей стали важным элементом этнической карты юга России. Ногайцы принимали участие во всех бурных событиях региона, тесно контактируя с его населением. Отношения между ногайцами и другими кавказскими народами имеют принципиальное значение в общей геополитической ситуации, и без учета участия ногайцев освещение многих исторических и современных событий на Северном Кавказе окажется неполным.

[23] В XVII в. казыевские мирзы, конечно, сознавали, что родословная их более сложна. Для уравнения в статусе со знатью Большой Ногайской Орды ими была разработана генеалогическая схема, по которой Шейдяковы объявлялись потомками бия Саид-Ахмеда б. Мусы, тогда как на самом деле они происходили от мирзы Саид-Ахмеда б. Мухаммеда б. Исмаила б. Мусы. При этом Саид-Ахмед б. Муса трактовался как первый бий Малой Орды, от которого якобы и «пошли Малово Ногаю мурзы» [РГАДА, ф. 127, оп. 2, д. 32, л. 22, 24]; см. также [Трепавлов, 1997, с. 45].

Бии и мирзы Малой Ногайской Орды



Гази — малоногайские бии
Саин — малоногайские мирзы

Акты, 1890 — Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890.
Акты, 1918 — Акты времени Лжедмитрия I-го (1603–1606 гг.). М., 1918.
Алексеева, 1957 — *Алексеева Е.П.* Очерки по экономике и культуре народов Черкесии XVI–XVII вв. Черкесск, 1957.
Ананьев, 1900 — *Ананьев Г.* Караногайские исторические предания // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 27. Тифлис, 1900.
Ананьев, 1909 — *Ананьев Г.* Караногайцы и их предания // Сборник сведений о Северном Кавказе. Т. 2. Ставрополь, 1909.

Архипов, 1855 — *Архипов А.П.* Три отрывка из сочинения о ногайцах и туркменах // Кавказ. Тифлис, 1855. № 29.

Багалей, 1887 — *Багалей Д.И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887.

Белокуров, 1888 — *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского Гл. архива МИД. Вып. 1 // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1888. Кн. 3.

Бентковский, 1883 — *Бентковский И.В.* Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ч. 1. Ставрополь, 1883.

Булгарова, 1999 — *Булгарова М.А.* Ногайская топонимия. Ставрополь, 1999.

Бутков, 1869 — *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 1. СПб., 1869.

Волкова, 1974 — *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. М., 1974.

Гераклитов, 1923 — *Гераклитов А.А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923.

Головинский, 1878 — *Головинский П.А.* Кумыкские ногаи // Сборник сведений о Терской области. Вып. 1. Владикавказ, 1878.

Евстигнеев, 1995 — *Евстигнеев Ю.В.* Ногай и ногайцы // Этническая и этносоциальная история народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. СПб., 1995.

Егоров, 1985 — *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

Жирмунский, 1974 — *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос. Л., 1974.

Записки, 1988 — Записки русских путешественников XVI–XVII вв. М., 1988.

Кабардино-русские, 1957 — Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 1. М., 1957.

Калоев, 1993 — *Калоев Б.А.* Скотоводство народов Северного Кавказа (с древнейших времен до начала XX века). М., 1993.

К.Д.Э., 1834 — *К.Д.Э.* О нагайском племени татар // Санкт-Петербургские ведомости. 1834. № 96

Книга, 1850 — Книга, глаголемая Летописец Федора Никитича Нормантского // Временник Московского общества истории и древностей российских. 1850. Кн. 5.

Книга, 1950 — Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950.

Кушева, 1963 — *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI — 30-е годы XVII века). М., 1963.

Летописец, 1895 — Летописец русский // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1895. Кн. 3.

Материалы, 1864 — Материалы для истории Крымского ханства. СПб., 1864.

Мутенин, 1948 — *Мутенин И.Т.* Исторические сведения о ногайцах и караногайцах, населяющих Грозненскую область // Изв. Грозненского обл. ин-та. и Музея краеведения. Вып. 1. Грозный, 1948.

Новосельский, 1948а — *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948.

Новосельский, 1948б — *Новосельский А.А.* Из истории донской торговли в XVII веке // Исторические записки. М., 1948, т. 26.

Новый, 1853 — Новый Летописец // Временник Московского общества истории и древностей российских. М., 1853. Кн. 17.

Памятники, 1890 — Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1. СПб., 1890.

Памятники, 1892 — Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 2. СПб., 1892.

Памятники, 1898 — Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 3. СПб., 1898.

Памятники, 1913 — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 5. СПб., 1913.

Попко, 1880 — *Попко И.Д.* Терские казаки с стародавних времен. Исторический очерк. Вып. 1. СПб., 1880.

Посольство, 1928 — Посольство князя Мышецкого и дьяка Ивана Ключарева в Кахетию. 1640–1643 гг. Тифлис, 1928.

Продолжение, 1793 — Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. 9. СПб., 1793.

Путешествия, 1954 — Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. М.; Л., 1954.

Разрядная, 1989 — Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 3. М., 1989.

Родоная, 1955 — *Родоная С.Э.* Борьба донского казачества с турецко-татарской агрессией в первой половине XVII в. и его взаимоотношения с Грузией. Автореф. канд. дис. Тб., 1955.

Савелов, 1906 — *Савелов Л.М.* Из истории сношений Москвы с Крымом при царе Михаиле Федоровиче. Посольство С.И.Тарбеева в Крым, 1626–1628 гг. Симферополь, 1906.

Садиков, 1947 — *Садиков П.А.* Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. М.; Л., 1947. Т. 22.

Сафаргалиев, 1938 — *Сафаргалиев М.Г.* Ногайская Орда в середине XVI в. Канд. дис. М., 1938.

Сафаргалиев, 1949 — *Сафаргалиев М.Г.* Ногайская Орда во второй половине XVI века // Сб. науч. работ Мордовского гос. пед. ин-та. Саранск, 1949.

Сборник, 1879 — Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.

Сикалиев, 1994 — *Сикалиев А.И.-М.* Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994.

Статейный, 1892 — Статейный список московского посланника в Крым Семена Безобразова в 1593 году // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1892. № 15.

Сухоруков, 1903 — *Сухоруков В.Д.* Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903.

Трепавлов, 1997 — *Трепавлов В.В.* Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа, 1997.

Трепавлов, 2001 — *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2001.

Тунманн, 1991 — *Тунманн [И.]* Крымское ханство. Симферополь, 1991.

Щелкунов, 1915 — *Щелкунов С.З.* Донские атаманы первой половины XVII века // Сб. Областного Войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1915. Вып. 13.

Эвлия Челеби, 1979 — *Эвлия Челеби.* Книга путешествия (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып. 2. М., 1979.

Bennigsen, Lemercier-Quelquejay, 1973 — *Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch.* La Moscovie, l'Empire Ottoman et la crise successorale de 1577–1588 dans le khanat de Crimée // Cahiers du monde russe et soviétique. P., 1973. Vol. 14. № 4.

Bennigsen, Lemercier-Quelquejay, 1976 — *Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch.* La Grande Horde Nogay et le problème des communications entre l'Empire Ottoman et l'Asie Centrale en 1552–1556 // Turcica. Revue d'études turques. P., 1976., т. 8. № 2.

İnalcık, 1948 — *İnalcık H.* Osmanlı-Rus rekabetinin menşei ve Don-Volga kanalı teşebbüsü (1569) // Belleten. Türk Tarih kurumu. İstanbul, 1948. Cilt 12. Sayı 46.

Kappeler, 1992 — *Kappeler A.* Moskau und die Steppe: das Verhältnis zu den Nogai-Tataren im 16. Jahrhundert // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. B., 1992. Bd. 46.

Kurat, 1961 — *Kurat A.N.* The Turkish Expedition to Astrakhan' in 1569 and the Problem of the Don-Volga Canal // Slavonic and East European Studies. 1961, vol. 40, № 94.

The North, 1992 — The North Caucasus Barrier. The Russian Advance Towards the Muslim World. Ed. by M.Bennigsen Broxoup. L., 1992.

Vernadsky, 1953 — *Vernadsky G.* The Mongols and Russia. New Haven, 1953.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей (т. 13, ч. 1. СПб., 1904; т. 20, 1-я половина. СПб., 1914; т. 31. М., 1968; т. 40. М., 1978)

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

РГВИА — Российской государственный военно-исторический архив

В.С.ФЛЁРОВ
(Москва)

Были ли в Хазарском каганате города?
Археологический аспект проблемы

Поставленный вопрос чрезвычайно труден прежде всего из-за неопределенности понятия *город*, особенно в применении к Хазарскому каганату. Автор не предлагает свой окончательный ответ на него, а лишь выносит на обсуждение некоторые наблюдения.

Прежде всего о самом термине *город*. Это древнее слово русского языка (как и однокоренные в ряде других славянских языков), происходящее от *городить, ограждать*. На Руси под ним подразумевалась в первую очередь деревянная ограда. Таким образом, изначально город — это пункт, имеющий по периметру искусственное ограждение в виде стен. При этом было совершенно не важно, что находилось внутри — гарнизон, гражданское население или и то и другое. Как правило, население поголовно осуществляло оборону. Не принимались во внимание архитектурно-планировочная структура города, занятия жителей.

Город древней Руси так и не получил до настоящего времени общепринятого определения (вряд ли это возможно в принципе, учитывая многообразие исторического процесса). Литература по проблеме древнерусского города обширна, а теории возникновения городов, и не только древнерусских, бесчисленны.

Понятие *город* в широком смысле имеет весьма расплывчатое содержание как в описаниях прошлых веков, так и в историографии. В современной русской терминологии историков и археологов оно приложимо к разнообразным объектам во времени, географии и в социальном отношении. Вот лишь некоторые примеры, буквально на выбор. Городами в русской историко-археологической лексике называются (с востока на запад): Пуян, Чаншань — в Китае; Вьядра и Таккопа —

© В.С.Флёров, 2005

в Индокитае; Мохенджо-Даро, Хараппа, Матхура, Амаравати — в Индии; Вавилон, Ур, Урук, Лагаш, Персеполь, Сузы, Ашшур, Экбатаны, Хаттуса, Ктезифон, Бактры; Иерусалим, Тир, Сидон; Троя, Антиохия, Гераклея, Эфес, Милет; Пелла, Фивы, Афины; Ольвия, Херсон, Фанагория; Гераклеополь, Мемфис, Саис; Кирена, Зама, Карфаген, Тингис; Сиракузы, Мессан, Неаполь, Рим; на Пиренеях — Кордуба, Сагунт; Лютеция, Лондиний. Это лишь мизерная выборка названий городов так называемого Древнего мира.

В средние века количество и многообразие городов безмерно возросли во всех областях ойкумены. Назовем лишь некоторые, синхронные Хазарскому каганату: Ханчжоу в Китае; Мартабан и Ангкор в Индокитае; Каликут в Индии; Газни, Мерв, Самарканд в Центральной Азии; Иконий, Хале; Киева и Момбаса в Восточной Африке; Барка и Мисурата в Северной Африке; Константинополь и Никея; Херсон в Крыму; Средец в Болгарии; Краков, Вена, Генуя, Винчи, Кордова в Европе и сотни других. Не следует забывать о «городах» ацтеков и майя без оборонительных сооружений, характерных для Старого Света [Гуляев, 1979].

На Руси *города* совершенно несоизмеримы между собой по площади и численности населения (см. труды А.В.Кузы, Б.А.Рыбакова).

В XVI–XVII вв. на Дону появляются казачьи «городки», хотя на небольшие города они не были похожи, в том числе и по типам жилищ [Рыблова, 2002, с. 26–48].

Не следует забывать, что термин *город* продолжает бытовать по настоящее время, причем применяется к поселениям, существующим с древности, и новым, не сравнимым ни по каким параметрам. С одной стороны, Самарканд, Дербент, Баку, Тбилиси, Москва, Самара и аналогичные с населением в миллионы, сотни и десятки тысяч, с другой — вчерашние поселки, искусственно переведенные в категорию городов. На Нижнем Дону, к примеру, бывшие еще в середине XX в. станицами Семикаракорская и Цимлянская (давшие имена известным городищам каганата) ныне «преобразованы» в города, хотя в трудовой деятельности их населения сельское хозяйство, включая приусадебное, продолжает занимать едва ли не ведущее место.

Из перечисленного следует один вывод: термин *город* в русской историографии слишком неопределен в применении к любой эпохе. Итак, первая проблема, с которой приходится столкнуться, — лексическая, терминологическая.

Хотя бы временно обойти ее позволяет более строгое рассмотрение археологического материала, для того чтобы определить, по каким же

признакам некоторые археологические памятники каганата могут хоть как-то претендовать на определение в качестве *городов*.

Остается во всех случаях искать альтернативу «город–село/деревня». Выход один — во всех случаях обращаться к конкретному материалу, в нашем случае археологическому, пытаясь выделить *город* из массы памятников иного типа.

Бассейн Дона с его основным притоком Северским Донцом — территория, где культура Хазарского каганата (салтово-маяцкая) сложилась и в дальнейшем развивалась «в чистом виде». Именно для этого региона и необходимо решать вопрос о *городах* Хазарии.

М.И.Артамонов и его ученик И.И.Ляпушкин, заложившие основы современной салтово-маяцкой археологии, к социологическим вопросам поселений не обращались.

Проблема «город Хазарии» внедрена в хазароведение С.А.Плетневой, о чем недвусмысленно заявлено в названии ее книги — «От кочевий к городам», в которой выделен раздел «Города». Название отражает прямолинейную схему развития каганата в указанном направлении, что неоднократно вызывало критику (см. [Степанов, 2002, с. 25]). Тогда автор отнесла к городам собственно хазарские — Итиль, Саркел, Семикаракоры, Семендер, но упомянуты «остальные», неизученные [Плетнева, 1967, с. 44–48].

Спустя двадцатилетие появляется обзорная статья С.А.Плетневой «Города кочевников» [Плетнева, 1987], посвященная в основном генезису указанных объектов. Археологический материал в ней занимает второстепенное место. О каганате сказано немного. Теоретическая основа статьи прежняя — «от кочевий к городам». Поэтому не удивляет вывод автора о появлении городов у кочевников «только на высшей стадии их экономического и социального развития — на третьей стадии (полуоседлости)» [Плетнева, 1987, с. 204, 205].

В качестве примера приводится Итиль, который был *зимником* кагана, в то время как основное население было уже *оседлым и земледельческим*. В связи с этим напрашивается перестановка акцентов. Экономику Итиля все-таки определяли не образ жизни кагана, но основное производящее население, оседлое и земледельческое. Отсюда возникает вопрос о правомерности самого сочетания «города кочевников». Это попытка соединить антиподы. Либо кочевники, либо города с постоянным населением, для которого и третья стадия кочевания — пройденный этап. Другое дело, что тенденции к оседанию проявлялись исподволь раньше.

Тезис С.А.Плетневой о том, что «первым вариантом образования степных городов было активное заселение окружающей *замок* терри-

тории и превращение ее в ремесленный посад» [Плетнева, 2002, с. 118], вызывает у меня принципиальное возражение. Процесс при нормальных внешних условиях шел в прямо противоположном направлении. Сами «замки» вождей возникали в опробованных местах, там, где ранее уже проявилась оседлость, существовало постоянное население. Миниатюрные «замки» не могли возникать в *безлюдной* степи. Концентрация населения была непременным фактором безопасности их существования. В археологическом плане это означает, что рядом с любой крепостью, каменной или кирпичной, или в окру́ге следует ожидать открытия более ранних поселений.

Лишь в пограничных зонах крепости могли ставиться по необходимости в незаселенных местах, но это уже не «замки феодалов»[1], а оборонительные пункты. Становление пограничной крепости тоже требовало привлечения большого количества населения как рабочей силы для строительства, защиты, обслуживания и постоянного производителя сельхозпродукции. Однако концентрация населения около крепости не означает, что возник *город*. Это я попытаюсь ниже показать на нескольких примерах. Забегая вперед, отмечу, что таким объектом с некоторыми натяжками мог быть только Итиль. Все-таки не случайно раздел об Итиле Б.Н.Заходер назвал «Зачатки городской жизни» [Заходер, 1962, с. 167].

В 2002 г. выходит еще одна статья С.А.Плетневой по проблеме городов в Хазарии. В ней исследовательница начала отказываться от прямолинейных решений [Плетнева, 2002]. Комментировать эту работу из-за многих противоречий довольно сложно. В ней можно усмотреть попытку, хотя очень непоследовательную, пересмотра прежних взглядов автора. Обращают на себя внимание нюансы. Так, статья имеет подзаголовок «к постановке проблемы», хотя данная проблема поставлена уже более 40 лет назад именно С.А.Плетневой и анализируется отнюдь не впервые (как дважды подчеркивается в статье). Выделяя интересующие нас более всего степные памятники, собственно салто-

[1] С.А.Плетнева часто использует определения «замки», «феодалы». Надо учитывать, что к Хазарскому каганату они применимы условно. Западноевропейский замок — мощное фортификационное сооружение с плотной застройкой, часто это одно сплошное здание, стены которого являются одновременно крепостными. Второе принципиальное отличие: европейский замок — это жилище феодала, с запасами, рассчитанными на многие месяцы, а то и годы осады. Ничего подобного в Хазарии не было. Не архитектурно, а по существу далекими аналогами замкам являются башни Северного Кавказа.

По проблеме феодализма в Хазарском каганате в связи с куренным расположением жилищ интересные возражения С.А.Плетневой высказала М.А.Рыблова [Рыблова, 2002, с. 37, 38].

во-маяцкие, С.А.Плетнева предлагает неустойчивые характеристики памятников, проявляет при их выборе заметные колебания. Не случайно она допускает возражения своим выводам. Показательна фраза: «...некоторые памятники, привычно считавшиеся в археологической науке городами, таковыми вряд ли являются» [Плетнева, 2002, с. 123]. Но «привычно» можно отнести только к исследовательнице, но не к археологической «науке» вообще.

Заметна неустойчивость терминологии. Такие определения, как «провинциальный пограничный *городок*», «небольшой *городок*», не помогают решению проблем. Предваряя описание «поселений» Верхне-Салтовского, Маяки, Малого Сидоровского, Ютановского, Маяцкого, С.А.Плетнева определяет их как «города?», но в дальнейшем знак вопроса исчезает. Саркел и Семикаракоры ею из разряда городов исключены, с чем, впрочем, я полностью согласен.

С.А.Плетнева по-прежнему полагает, что города Хазарии выросли из «ставок (стойбищ) богатейших аристократов». В этом ее позиция неизменна, хотя археологически это ничем не подтверждено.

Непосредственно систематизацией критериев «городов» Хазарского каганата в теоретическом плане никто серьезно не занимался. Мне удалось найти лишь одну публикацию на эту тему — тезисы В.А.Катунина (Харьков) [Катунин, 2000]. Автор предложил для выделения городов Хазарии использовать критерии, «разработанные А.В.Кузой для древнерусских городов». Такой перенос признаков памятников одной культурной среды в иную принципиально неприемлем. Неудивительно, что автор вынужден из списка А.В.Кузы исключить монументальное зодчество и тип городской застройки. Катунин не остановился на Хазарии, но пошел дальше, предлагая распространить систему А.В.Кузы на Волжскую Болгарию, Иран, Византию и даже Западную Европу. Стоит напомнить, что список критериев А.В.Кузы не приняли для самой Руси многие исследователи.

Археология в рассмотрении поселений дает больше преимуществ по сравнению с письменными памятниками. Предмет ее изучения достаточно конкретен, а источники практически неисчерпаемы. Следует учитывать и то, что на планы, фортификацию и постройки раскапываемых поселений проецируются конкретные предметы древнего обихода.

В подходе к хазарским «городам» особо выделю два признака. При этом под *хазарскими* подразумеваются исключительно памятники в бассейне Дона и, возможно, Итиль. Речь идет о городищах, возведенных самим населением каганата, а не унаследованных от предшествующих эпох.

Первый признак — архитектурно-планировочный облик. При обращении к памятникам любой древней культуры его исключить невозможно. Он материально (до визуальности) *археологически* отличает город от села/деревни. В нем отражается социальная структура городского населения, его состав и организация. Все-таки облик поселения как *города* (не села!) определяли не жилища знати/аристократии, не культовые строения, а тип и структура расположения жилищ горожан, зависимые от их образа жизни и занятий. Даже при наличии письменных источников только археология во всей полноте дает представление о плане и архитектуре древнего города. Город без рядового городского населения — это нонсенс. Не буду развивать эту многократно обсуждавшуюся тему. За ней встает не менее сложный вопрос о функции того или иного поселения, которому присваивается название *город*, о переходных типах города и т.д. Ясно одно — однозначного решения нет.

Второй признак — структура. Как ни странно, признак неоднозначен. Нет ясности, что́ включать в состав *города* — только городища или городища вместе с прилегающими открытыми поселениями. Появляется соблазн начать «игры» с термином *посад*.

Ниже я коснусь лишь некоторых археологических памятников, чтобы показать состояние проблемы, «существовали ли в Хазарии города». Будут упоминаться преимущественно те же археологические памятники, что и в цитированной выше статье С.А.Плетневой 2002 г., а также некоторые другие. Все они известны по многим публикациям, поэтому я предельно ограничу ссылки на издания. Это преимущественно памятники с кирпичной или каменной фортификацией. Обращение к некоторым городищам с валами (Сидоровское, Андрей-аул) «спровоцировано» другими авторами, представляющими их как остатки городов.

Городища бассейна Дона

Саркел

М.И.Артамонов о Саркеле. С.А.Плетнева пишет, что в 30-е годы М.И.Артамонов «утверждал», среди прочего, что «в первой половине X в. Саркел был уже городом, о чем свидетельствуют остатки ремесленных мастерских» [Плетнева, 1996, с. 6]. Он не только не *утверждал* этого, но и никогда не занимался теоретическим вопросом, является ли Саркел городом. В археологических разделах своих трудов М.И.Артамонов избегал поверхностного теоретизирования, предпочи-

тая анализировать непосредственно источники. Только в связи с сообщением Константина Багрянородного он дважды использовал термин *город*. Типичное его выражение — «городище», употребляемое не только для Саркела, но и для Правобережного Цимлянского, Потайновского и других поселений; характерные обозначения для Саркела — «кирпичная крепость» или «крепость» [Артамонов, 1935, с. 81 и сл.]. Гораздо более показательна итоговая статья М.И.Артамонова, в которой Саркел недвусмысленно назван крепостью [Артамонов, 1958, с. 11, 48].

Уровень развития ремесла в Саркеле ничем не отличался от общего для каганата. М.И.Артамонов упоминает несколько гончарных печей и косторезное дело. Что касается мастерских, на которые ссылается С.А.Плетнева, то известна одна (!): «Несомненных следов металлургического производства в хазарском слое Саркела не найдено, за исключением одной кузницы...» [Артамонов, 1958, с. 39–43].

Белую Вежу, т.е. Саркел русского этапа, М.И.Артамонов действительно называет городом, но в этом он явно следовал традиции русской историографии. И тем не менее Белую Вежу он относит к специфическим «пограничным городам-крепостям» [Артамонов, 1958, с. 56]. Особенностью Белой Вежи была ее территориальная изолированность от русских земель. Отсюда необходимость самообеспечения продуктами как ремесла, так и сельского хозяйства. Последнее же «было необходимым условием развития всех других, уже собственно городских видов хозяйственной деятельности» [Артамонов, 1958, с. 65].

Не в укор памяти М.И.Артамонова замечу, что несколько завышенную им оценку ремесла беловежцев надо объяснять политическими особенностями времени, в которое писалась статья. В выработке черных металлов и изделий из них каганат опередил славян даже хронологически, а в гончарном ремесле превосходил во все века своего существования.

«Саркел и „Шелковый путь“». Это программное название носит книга С.А.Плетневой, требующая отдельного и детального рассмотрения. Трактовке Саркела как «перевалочного пункта (на северном ответвлении Великого шелкового пути. — *В.Ф.*) и крупнейшей таможни в стране» [Плетнева, 1996, с. 150] противоречит констатация в заключительном разделе книги: «Высказанные гипотезы об экспорте[2] в Саркеле и через Саркел в IX в. основаны на *крайне небольшом количестве кон-*

[2] Вероятно, не экспорта, а импорта, так как далее речь идет об «импортных», т.е. привозных, предметах: согдийской фигурке слона и самаркандской бумаге. О малочисленности восточных импортов в каганате см. [Равич, Флёров, 2000].

кретных материалов на памятниках. *Что же касается прямой связи Саркела с „шелковым путем", то их по существу нет* (выделено мной. — *В.Ф.*)» [Плетнева, 1996, с. 153]. К этому приходится добавить, что реконструкция двух отсеков крепости как «караван-сараев» построена на серии предположений. «Сохранность всех помещений очень плохая», — отмечает автор. Другими словами, сам археологический источник ненадежен, отсюда выделение «гостиничного комплекса», двухэтажность зданий и трактовку каждого помещения [Плетнева, 1996, с. 35–56] принять не представляется возможным.

Археологический памятник Саркел состоит из ограниченной рвом площади, оставшейся совершенно неисследованной, и кирпичной миниатюрной крепости 178,6×117,8 м по внутреннему периметру. В жилищах нет ни малейших признаков, которые отличали бы их от известных жилищ сельских поселений. Ничем не выделяется и материальная культура. Кирпичные помещения внутри крепости, на мой взгляд, вероятнее всего являются складскими помещениями, арсеналами. Для жилья они малопригодны, особенно в зимнее время.

Археологические раскопки не дали оснований полагать основной функцией Саркела «торгово-таможенную деятельность», которую приписывает ему С.А.Плетнева. Процент находок импортных видов керамики (амфоры и др.) здесь не больший, чем на других памятниках Нижнего Дона. Во всем облике культуры Саркела нет ничего, что позволяло бы говорить о «сходстве этой крепости с городком» [Плетнева, 2002, с. 118]. В конечном счете С.А.Плетнева признает: «У нас нет данных говорить о том, что Саркел был городом» [Плетнева, 2002, с. 118].

Как инженерное сооружение кирпичная крепость Саркела — инородный элемент, имплантированный в культуру каганата. В итоге образовался симбиоз византийской фортификации и обычных для Хазарии примитивных жилищ-полуземлянок. Для выяснения структуры Саркела было бы гораздо важнее знать, что находилось на территории, охваченной рвом. С.А.Плетнева пишет, что «саркельцы не селились вне стен крепости» [Плетнева, 2002, с. 118], но именно этого мы и не знаем, поскольку указанная территория осталась неисследованной. Все силы Волго-Донской экспедиции были брошены на раскопки кирпичной крепости.

Гораздо естественнее для Хазарского каганата была крепость Семикаракоры, построенная в азиатских традициях по плану «квадрат в квадрате».

Семикаракоры

Как единственный на сегодня археолог, проводивший раскопки на Семикаракорском городище, могу констатировать, что данных, которые позволили бы ставить вопрос об этом памятнике как остатках города, не обнаружено [Флёров, 2001]. Размеры крепости невелики (хотя она и превосходит Саркел) — 200×215 м. Сам я никогда не писал о возможности видеть в Семикаракорах город. Еще недавно С.А.Плетнева писала о Саркеле и Семикаракорах как о «крепостях-городах» [Степи Евразии, 1981, с. 67]. Сегодня она от определения *город* отказалась [Плетнева, 2002, с. 118].

В целом же структура Семикаракорского комплекса на сегодня не выяснена. За пределами крепости у ее юго-западного угла собрана керамика, что указывает на возможность существования рядом с крепостью открытого поселения. Однако называть такое поселение «посадом» или «рабадом» [Плетнева, 2002, с. 118] ни в коей мере нельзя, поскольку в целом, как уже сказано, нет ни малейших оснований видеть в Семикаракорах город. То же самое касается и Саркела, для которого С.А.Плетнева поднимает вопрос о посаде [Плетнева, 2002, с. 118].

Одно замечание, выходящее за рамки темы. С.А.Плетнева пишет, что в отличие от Саркела Семикаракорская крепость построена «по местным традициям», явно имея в виду преобладание на Семикаракорах сырцового кирпича, что якобы повлияло на качество строительства. В другой публикации С.А.Плетнева пишет о местных традициях в Саркеле [Плетнева, 2003, с. 68]. Вероятно, автор еще не определила для себя, что все-таки считать местными традициями в кирпичном строительстве на Нижнем Дону.

Саркел и Семикаракоры — не единственные значительные памятники Хазарского каганата в степях Нижнего Дона, однако ни один из известных не может быть определен как город.

В связи с темой Саркела вынужден упомянуть попытку автора из Ростова-на-Дону П.А.Ларенка возродить старую версию о том, что под Саркелом следует понимать не только Левобережное Цимлянское городище, но и Правобережное Цимлянское. С открытием же рядом с Правобережным еще одного, Камышевского[3], в этот «город» включено и оно [Ларенок, Семенов, 1999, с. 31, 32]. В Интернете на сайте ком-

[3] А.И.Семенов и П.А.Ларенок назвали его «Саркел-3». О неприемлемости такого наименования, вносящего путаницу в номенклатуру цимлянских городищ, я уже писал [Флёров, 2002, с. 161]. Вместо этого я предложил называть этот памятник Кымышевское, по названию соседней балки.

мерческой организации «Донское археологическое общество» (материал размещен 25.11.2003), возглавляемой П.А.Ларенком, эта идея оформлена следующим образом: «На степных просторах Нижнего Дона... существовал огромный по средневековым меркам город, имевший сложную систему укреплений и несколько частей, выполнявших различные функции. Здесь была торгово-ремесленная часть (Левобережное городище...), и укрепленный военно-феодальный замок (Правобережное Цимлянское городище), и, как можно предположить из скромных по площади раскопок Саркела-3, политико-административная часть, а возможно и одна из многочисленных резиденций хазарского кагана» [<http://www.archaeologist.ru/page13_5.htm>]. Ничего не остается, как удивляться смелости фантазии автора.

Перейдем к памятникам в среднем течении Дона и на Северском Донце.

Маяцкое поселение

Расположено при впадении р. Тихая Сосна в Дон. Занимает около 40 га (400 000 кв. м), включая небольшую крепость из блоков известняка. На поселении десятки жилищ. Из них исследовано около 50 — преимущественно однотипных полуземлянок [Винников, Синюк, 2003, с. 260]. Рядом с поселением — комплекс из нескольких гончарных мастерских. Концентрации следов иного производства не обнаружено. А.З.Винников, исследователь поселения, отметил малое количество находок орудий труда кузнецов и ювелиров, отсутствие железных шлаков.

Миниатюрная крепость (95×80 м) практически не застроена. В ней лишь несколько жилищ самого рядового облика. Ничем не выделяется по составу находок и цитадель крепости. Она невелика — 27×47 м.

На блоках крепостных стен среди сотен разных изображений и знаков только 14 рунических надписей неизвестного содержания (не расшифрованы). Об уровне грамотности населения эти находки ничего не говорят, но, вероятно, она была невысока.

Две культовые постройки на поселении довольно примитивны и типологически близки к жилищам-полуземлянкам.

Среди исследованных погребений (катакомбы, редко — ямы) могильника и поселения преобладают самые рядовые. Погребения знати, представителей правящего слоя не обнаружены. Таким образом, однообразию жилищ соответствует однообразие захоронений. Даже несколько воинских погребений нельзя признать сколько-нибудь выдающимися.

Маяцкий комплекс — один из наиболее исследованных памятников салтово-маяцкой культуры. Известен по многочленным публикациям Г.Е.Афанасьева, А.З.Винникова, С.А.Плетневой, В.Е.Флёровой (Нахапетян), В.С.Флёрова и др.

С.А.Плетнева пишет о Маяцком поселении с крепостью: «...вероятно, был городом» [Плетнева, 2002, с. 121]. Аргументы не приведены. Перечисленные обязанности жителей, такие, как сельхозработы, ремесло, внутренняя торговля, присущи любому сельскому поселению. Упоминаются сбор дани и таможенных пошлин, но это не подтверждается археологическим материалом. Полностью отсутствуют находки монет на поселении, а на могильнике на 140 погребений найдена лишь одна индикация (серебро?), не поддавшаяся определению.

Многочисленность находок граффити и нескольких надписей сама автор объяснила хорошей сохранностью стен, служивших удобным «писчим» материалом. Так что это не свидетельствует о большем распространении здесь зачатков искусства и грамотности, нежели у населения иных регионов. Наконец, она же указала и на отсутствие уличной планировки на поселении.

Таким образом, на Маяцком поселении нет ни одного признака, который позволил бы выделить его среди прочих в лесостепи.

Теперь о крепости. Почти без культурного слоя, с несколькими рядовыми полуземлянками, она не была ни градообразующим ядром, ни даже постоянным местом жительства местного воинского начальника. Это не более чем убежище, причем для небольшого числа людей на случай непродолжительной осады. К Маяцкой крепости так же, как и к аналогичным Верхне-Ольшанской, Верхне-Салтовской и подобным, не могут быть применены и определения типа «замок феодала». Оборона поселения базировалась не на маленькой крепости, а прежде всего на многочисленности населения и на взаимодействии с жителями соседних столь же обширных поселений с небольшими убежищами-крепостями или без них на р. Тихая Сосна: Алексеевское, Верхне-Ольшанское, Колтуновское, Красное, Павловское и др. [Афанасьев, 1987, с. 182, 183]. Основное назначение этой линии поселений — вероятнее всего, *сторожевое наблюдение и охрана от набегов* соседей-славян на северо-западной границе каганата. Я не говорю даже о долговременной обороне, которая только собственными силами этих поселений была невозможной. Я не очень погрешу, используя сравнение с Кавказской пограничной линией XIX в., при создании которой наряду с возведением крепостей и укреплений главным стабилизирующим мероприятием было заселение ее, создание непрерывной цепи казачьих станиц

против набегов горцев [Захаревич, 2002, с. 7–9]. Без этого крепости оказывались изолированными друг от друга и совершенно беззащитными.

Аналогичен Маяцкому Верхне-Ольшанский комплекс.

Верхне-Ольшанский комплекс

Находится на той же реке, Тихая Сосна, в 40 км выше по течению от Маяцкого. Полностью аналогичен последнему, но менее изучен и менее известен. Комплекс состоит из скопления поселений, расположенных на протяжении не менее 2 км, среди которых каменная крепость размерами 100×100 м [Замятнин, 1921; Флёров, 1994]. Как и на Маяцком, здесь открыт гончарный центр [Якименко, 1994][4].

Внутреннее пространство крепости не исследовано, но мой небольшой раскоп 1991 г. показал отсутствие на нем сколь-либо заметного культурного слоя.

Признаков, позволяющих говорить о городском статусе Верхне-Ольшанского комплекса, нет. Вместе с Маяцким он входит в северо-восточную сторожевую пограничную линию Хазарского каганата. Оба памятника совершенно идентичны.

Верхнее Салтово и Нетайловка

Верхнее Салтово — один из самых известных памятников каганата, давший наименование его культуре — салтовская. Раскапывался преимущественно катакомбный могильник. Поселения изучались эпизодически, небольшими площадями. Реальные границы их не установлены. Очень небольшие участки вскрыты и на городище с каменной крепостью. Еще хуже они представлены в публикациях. До настоящего времени по Верхнему Салтову нет ни одного обобщающего издания. И несмотря на такое состояние изученности, Верхнее Салтово без малейших оснований уже с 60–70-х годов стали называть «городом».

Одним из первых о Верхнем Салтове как «городе» (укр. *місто*) написал Д.Т.Березовец в сводном издании по археологии Украины [Археологія, 1975, с. 422]. То же самое, но усилив акцент, повторила О.В.Пархоменко: «...большой средневековый город, являвшийся, очевидно, крупным ремесленным, торговым и, возможно, администра-

[4] Коллекции керамики остаются необработанными. Отличительная особенность керамического комплекса Верхне-Ольшанского поселения — большое количество и многообразие котлов с внутренними ушками, что указывает на распространение открытых очагов.

тивным центром» [Археология, 1986, с. 217]. Оговорки «очевидно» и «возможно» свидетельствуют о том, что данных для таких утверждений у автора не было.

В конце XX в. небольшие раскопки стены крепости и нескольких прямоугольных полуземлянок на соседнем Нетайловском поселении проводила Н.В.Чернигова. Автор использовала исключительно археологическую терминологию (селище, городище) и вопрос о «городе» не поднимала [Чернигова, 1998; Чернигова, 1999].

Первым, кто в полной мере стал писать о Верхне-Салтовском поселении (включая в него и Нетайловский памятник), стал А.В.Крыганов, исходивший в первую очередь из общих размеров поселений и могильников. Цитирую: «...представлен огромным городищем с небольшой цитаделью и большими пригородами, несколькими частями громадного могильника с несколькими десятками тысяч катакомб. Расположенный напротив... Нетайловский археологический памятник состоит из огромного поселения и некрополя, где не менее 15 тысяч ямных могил. Оба являются остатками самого большого города салтовской культуры и всей (! — *В.Ф.*) Хазарии» [Крыганов, 2001а]. На первый взгляд описание впечатляет, но разберемся в нем.

Во-первых, городище не громадное, а самое обычное, и каменная цитадель столь же мала, как и Маяцкая и Верхне-Ольшанская, — 100×140 м. Внутреннее пространство городища не исследовано, а работы на цитадели едва начаты. Были ли городище и цитадель сплошь заселены — неизвестно. Маленькие раскопчики не позволяют об этом судить.

Во-вторых, собственно поселение, «пригород», по Крыганову, охватывает примерно 120 га, грубо округляя, 1×1,2 км. Это немного и вполне сравнимо с Маяцким и другими поселениями в лесостепи. Но дело в том, что опять же совершенно неизвестно, было ли оно заселено сплошь или это скопление отдельных небольших поселков. Последнее более чем вероятно. Так, сделавший сводку жилищ Верхнего Салтова В.В.Колода перечисляет «селище», «селище А», «селище Б» [Колода, 2000], но неизвестны границы и этих отдельных селищ. Раскопки на них были незначительны; данных о структуре и планировке этих селищ нет. Кроме того, не изучен культурный слой селищ, в литературе нет ни его детальных описаний, ни стратиграфических чертежей.

В-третьих, что касается жилищ, то на 2000 г. разными авторами и в разные годы их было раскопано всего 18 (!) на 120 га — землянки и полуземлянки. При этом, как указывает В.В.Колода, жилища, исследованные С.А.Семеновым-Зусером, не опубликованы и не поддаются

анализу [Колода, 2000, с. 41]. Лишь одно жилище — наземное со стенами вроде бы «в елочку» [Колода, 1999, с. 70], но и оно, кажется, не опубликовано. Действительно ли там обнаружен этот тип кладки?

Обратимся к могильникам. Вычисления количества погребенных в них сделаны исключительно «гипотетично», по предполагаемым площадям. Сплошного погребального поля здесь не было, катакомбные захоронения образуют отдельные участки. Границы Нетайловского могильника так же неизвестны, как и его структура. Таким образом, нет никаких подтверждений ни «десяткам тысяч» катакомб в Верхнем Салтове, ни «15 тысячам» в Нетайловском могильнике.

В итоге все описание А.В.Крыганова оказывается ненадежным предположением с преобладанием эмоционального момента. Тем не менее он объявил Верхнее Салтово вместе с Нетайловкой крупнейшим городом Хазарии (первоначально речь шла только об административно-торговом центре на северо-западной окраине Хазарии (см. [Крыганов, 1997, с. 57]). На этом автор не остановился и отождествил Верхний Салтов с городом «Савгар-Сарада», исходя из созвучия, по его мнению, с «Салтановское-Салтово»: «Лингвистически здесь совпадают первые две буквы, а третьи — *в, р, л* — зачастую при переходе из одного языка в другой взаимозаменяются» [Крыганов, 1999]. Насколько корректно такое «превращение» *Савгара* в *Салтов*, пусть оценят лингвисты. Мне оно представляется сомнительным.

Верхне-Салтовские катакомбные могильники дали около 200 монет, преимущественно арабских дирхемов. Казалось бы, это прямое подтверждение роли поселения как торгового центра. Но и здесь не все так просто. Как отметил сам А.В.Крыганов, монеты заношенные, использовались как украшения. Надо полагать, как средство платежа дирхемы не представляли интереса для местного населения. В целом же монетный материал требует изучения специалистами-нумизматами, которые должны установить эмиссии, пути поступления и определить сроки запаздывания монет при помещении в погребения. От археологов надо ждать детального рассмотрения монет в контексте погребального обряда (распределение по половой принадлежности и возрасту погребенных, расположение в погребении, сочетание с прочими вещами, в том числе с немногими импортными видами, например бусами).

Совершенно иная картина изученности и точности сведений о Верхне-Салтовском и Нетайловском памятниках рисуется по недавней публикации А.В.Крыганова [Крыганов, 2001б]. Оказывается, границы Верхне-Салтовского могильника необходимо уточнять, для чего нужны разведки; протяженность Нетайловского поселения в 7 км (по Д.Т.Бере-

зовцу) сомнительна, и уточнить ее из-за затопления водохранилищем сейчас нельзя; «вопрос о размерах и количестве погребенных (на Нетайловском могильнике. — *В.Ф.*) является сложным» и т.д. Не сообщая ничего нового о Верхне-Салтовских поселении, городище и каменной цитадели и Нетайловском поселении, автор опять повторяет свой тезис о «самом крупном археологическом памятнике салтовской культуры и всей Хазарии», называя его «Сарада». Никаких новых доказательств своих определений он не привел.

На мой взгляд, Верхне-Салтовское поселение с его маленькой крепостью, по имеющимся на сегодня данным, не может претендовать на особое место в системе аналогичных поселений бассейна Северского Донца, тем более на определение *город*. Соответственно нельзя говорить ни о «пригородах», ни о «посадах». Они появляются, повторяю, когда уже сложилось основное ядро города. С.А.Плетнева не решилась сразу назвать Верхнее Салтово городом и сначала пишет как об «одном из наиболее вероятных городов», но затем все-таки «вероятный» отбросила, упоминая и «посад», и «торговый центр» [Плетнева, 2002, с. 118, 119].

Вероятно, пройдет *не один десяток лет*, пока все данные раскопок Верхне-Салтовского и Нетайловского памятников будут обработаны в комплексе и полностью изданы. Поселения же требуют дальнейших рутинных раскопок. Только после этого можно будет вернуться к вопросу о статусе Верхне-Салтовского комплекса в древности. В заключение отмечу, что мне не удалось выяснить, кто определил, что площадь поселения составляет именно 120 га. Так что и общую площадь распространения поселений (пресловутые «пригороды») около Верхне-Салтовского городища еще предстоит уточнять[5]. Все сегодняшние обобщения, касающиеся Верхнего Салтова, опережают изученность его как археологического источника. Пример в салтово-маяцкой археологии довольно типичный.

Маяки

Ниже Верхнего Салтова по течению Северского Донца расположено несколько городищ салтово-маяцкой культуры, среди них Маяки (Царино; не путать с Маяцким). Исследовалось В.К.Михеевым; опубли-

[5] А.В.Крыганов ссылается на сведения «Сельской книги памяти воинов, погибших в боях при освобождении сел Верхний Салтов и Украинка Волчанского района Харьковской области в 1941–1943 гг.» (1998 г.), в которой упомянут город Сарада площадью 120 га. Возникает вопрос: где первоисточник этих сведений о 120 га? Это издание к археологии отношения не имеет. Судя по теме, оно подготовлено сельскими краеведами.

кованы краткие сведения [Михеев, 1985, с. 12–18]. Комплекс состоит из городища, двух селищ, четырех могильников.

Городище овальных очертаний (670×360 м; 17,78 га) имеет рвы и валы, возникшие на месте ранее (!) существовавшего селища. Культурный слой городища всего 40–50 см. Особо отмечу зольники на его территории.

Селище № 1 не исследовалось, его размеры (30 га) установлены по подъемному материалу. Я не исключаю, что оно не было сплошь заселенным. На селище № 2 (9 га) открыто несколько жилищ — юртообразных и полуземлянок, хозяйственные ямы. Большое количество железных предметов (до 800 экз.).

Сам В.К.Михеев об отнесении памятника Маяки к городам вопрос не ставил. Это делает С.А.Плетнева, называя его «город среднего размера», пользуясь указанной публикацией В.К.Михеева. Аргументация следующая: «весьма крупные размеры, довольно отчетливо выявляющийся культурный слой, наличие примыкающих к укреплению поселений — посадов (?), наличие нескольких могильников. И пожалуй, главное — большое количество железных вещей, что свидетельствует о развитом кузнечном деле, а сделанные орудия практически демонстрируют развитие в городе всевозможных ремесел» [Плетнева, 2002, с. 120].

Рассмотрим по порядку.

1) Размеры памятника совершенно обычны для городищ лесостепи. Многие же (например, Сидоровское) значительно превосходят Маяки. О чем не пишет С.А.Плетнева: городище почти не изучено, ничего не известно о его заселенности, внутренней структуре и планировке расположения жилищ. Однако образование зольников на городище — яркое указание на то, что свободного пространства на нем было более чем достаточно. Вообще же зольники — это характерная черта многих обычных открытых сельских поселений каганата.

2) Мощность культурного слоя городища также характерна для обычных поселений. Кроме того, неизвестно, на всей ли площади городища он распространен.

3) Столь же типична для всех городищ лесостепи концентрация поселений около городищ. В качестве примера укажу на Дмитриевский археологический комплекс, который исследовала сама С.А.Плетнева и который она городом никогда не называла [Плетнева, 1989].

4) Остается кузнечное дело. Во-первых, следует иметь в виду, что сохранность железных изделий определяется в первую очередь свойствами культурного слоя, на что указала сама автор («свойства грунта,

сохранявшего железо от ржавчины»). Во-вторых, само по себе кузнечное дело никак не может служить признаком города. Без него не могло существовать ни одно более или менее значительное поселение (открытое, сельского типа или крепость), как и без собственного гончарного ремесла. Так, большое разнообразие железных орудий труда представлено на Правобережном Цимлянском городище, где этому способствовали все те же химико-физические особенности культурного слоя [Плетнева, 1994]. В-третьих, количество остающихся на любом поселении предметов, особенно металлических, зависело от обстоятельств, при которых оно было покинуто жителями. При внезапном бегстве все имущество могло быть брошено. При неспешном, заблаговременном уходе при угрозе нападения все необходимые предметы уносились с собой. Наконец, количество любых вещей, в том числе из черных металлов, сокращалось при медленном затухании жизни поселения вплоть до полного ее прекращения.

При всем желании их найти, признаков, позволяющих считать Маяки городом, пока не обнаружено ни по структуре, ни по содержанию культурного слоя, ни по типам жилищ. Соответственно нельзя говорить о поселениях около городища как о «посаде». Не случайно С.А.Плетнева поставила за определением «посад» вопросительный знак.

Хочу обратить внимание еще на один важный момент. В.К.Михеев указывает, что валы городища насыпаны на месте более раннего поселения, что подтверждает мой тезис о том, что укрепления возникали на уже освоенных населением территориях, но не наоборот.

Нет возможности в этой публикации характеризовать все городища бассейна Северского Донца, которые хоть в какой-то степени подвергались раскопкам. Помимо сведений о городище Маяки В.К.Михеев сообщает некоторые данные о памятниках Сухая Гомольша, Старое Салтово, Пятницкое, Сидорово, Теплинское, Святогорское, Татьяновское, Кировское, Новоселовское [Михеев, 1985, с. 5–24]. Ни одно из них не содержит ни малейших признаков города, как и упоминаемое С.А.Плетневой Ютановское городище. По крайней мере того, что отличало бы их от обычных поселений. Обнаруженные на некоторых из них жилища являются обычными юртообразными полуземлянками или наземными с деревянными конструкциями. Рассредоточение их на самих городищах и примыкающих поселениях — свободное. Мощность культурных слоев незначительна.

В настоящее время Э.Е.Кравченко (г. Донецк, Украина) продолжает раскопки Сидоровского городища (17,9 га) с примыкающими поселениями на площади около 100 га. Пока же его основные раскопки про-

исходили на могильнике [Кравченко, Давыденко, 2001]. Исследователь воздерживается от определения Сидоровского памятника как города (доклад в Институте археологии РАН в феврале 2004 г.).

В.В.Колода и его ученик Г.Е.Свистун (г. Харьков, Украина) ведут раскопки Волчанского и Мохначанского городищ на р. Северский Донец, отраженные в серии предварительных публикаций (см., например, [Колода, 1998; Свистун, Чендев, 2002]). Становится ясным, что и эти памятники, о которых ранее почти не было информации, остатками городов не являются.

Итиль

С позиций археологии этот предполагаемый город, едва ли не самый известный в истории каганата, рассматривать не приходится по простой причине — его местонахождение не установлено. Историография полна различных версий по этому поводу, но реальных результатов они не дали. Напомню лишь самые последние.

Попытки М.Г.Магомедова обнаружить Итиль на острове Чистая Банка [Магомедов, 1994] убедительных доказательств не принесли.

Нельзя обойти вниманием версию Л.В.Гуренко и А.В.Ситникова. Эти авторы из г. Волгограда отрицают возможность нахождения Итиля в дельте Волги из-за значительных колебаний уровня Каспия, которые приводили бы к периодическому затоплению города [Гуренко, Ситникова, 2001]. Важно их указание на отсутствие в волжской дельте памятников салтово-маяцкой культуры. Следуя предположению С.А.Плетневой, они выдвигают гипотезу, достаточно детально аргументируя ее информацией письменных источников, о расположении Итиля/Хамлиджа на переволоке между Доном и Волгой, на юге современного г. Волгограда (не могу принять приравнивание данных ал-Истахри о «месяце пути» от булгар до Итиля точно к 1000 км; продолжительность путешествия могла меняться в зависимости от обстоятельств [Артамонов, 1962, с. 391]).

В подтверждение предлагаемой локализации приводится список памятников салтово-маяцкой культуры в черте Волгограда, в том числе двух поселений. Не считаться с этими косвенными данными нельзя, но их недостаточно для безоговорочного принятия версии Гуренко–Ситникова: следы самого Итиля в Волгограде пока не обнаружены.

Ухищренные расчеты местоположения Итиля предпринял И.Г.Семенов, используя, во-первых, сведения арабских авторов (Ибн Хаукал, Масуди) о расстоянии от Дербента до Семендера. Однако перед этим

исследователь замечает, что «свидетельства арабских географов о местоположении Итиля очень путанные, а использовавшаяся ими единица измерения расстояний — день пути — достаточно расплывчата, но тем не менее их с успехом можно использовать для поисков Хазарской столицы» [Семенов, 1994, с. 212]. Бесспорно, по мере возможности надо извлекать положительные сведения из любого источника, но автор в приведенном пассаже противоречит сам себе. Что выбирать? Если сведения «очень путанные», то как их использовать «с успехом»? Во-вторых, автор напоминает о гипотезе о преемственности Итиля и Саксина: «Если (! — *В.Ф.*) Саксин действительно находился на месте Итиля, в чем мало кто сомневается...» Вопрос: а если Саксин не находился на месте Итиля? Типичная ошибка доказательства, когда вывод строится на предшествующем предположении. Замечу, что до археологического подтверждения напластования Саксина на Итиль всегда будут основания для сомнений. Это нормально (я сам пишу о не подтверждаемых предположениях иного рода — см. ниже).

Более детально свои построения И.Г.Семенов изложил в другой публикации [Семенов, 2002]. Ошибка автора опять в методике. Первым ориентиром для поиска Итиля взят Семендер I, который, по его мнению, безусловно находился на месте пригорода г. Махачкалы — поселка Тарки, что якобы «подтверждается большинством исследователей» (довод недопустимый в науке, к тому же нет ссылок на представителей этого «большинства»).

Вторым ориентиром выступает Шелковское городище на р. Терек, которое вслед за Л.Н.Гумилевым автор объявляет Семендером II. Приводя список критиковавших это построение Гумилева (Г.С.Федоров-Гусейнов, В.Г.Виноградов, В.Г.Котович, А.В.Гадло) и признавая, что «предположение не является достаточным для того, чтобы опираться на него», И.Г.Семенов тем не менее заключает: «...все же я полагаю, что будет нелишним использовать его для расчетов» [Семенов, 2002, с. 41]. Такая исходная посылка сразу делает все дальнейшие расчеты автора бессмысленными.

Дело, однако, не только в неприемлемом методе доказательств. Важнее другое — ни в Тарках, ни на Шелковском (Шелкозаводском) городище (оба местонахождения я имел возможность посетить, как и упоминемые ниже Чир-Юрт и Андрей-аул) не обнаружено никаких археологических свидетельств большого города. Тарки малодоступны для раскопок из-за современной застройки. Шелковское же городище невелико для столичного центра, а главное, его площадь и поныне совершенно не исследована (см. ниже).

В итоге высчитанное И.Г.Семеновым расположение Итиля к югу от дельты Волги на современном дне Каспия не может быть признано. Подводные археологические работы здесь не производились. Сам Семенов пишет: «По некоторым (каким? — *В.Ф.*) сообщениям, на снимках северной части Каспийского моря, сделанных с околоземной орбиты, видны некие (какие? — *В.Ф.*) пятна, которые можно (на каком основании? — *В.Ф.*) идентифицировать как хазарские городища. К сожалению, до сих пор я не имел возможности видеть эти снимки, но любой исследователь, такой возможностью располагающий, может сравнить результаты приведенных расчетов с данными космической съемки» [Семенов, 1994, с. 215].

Итак, прежде чем обсуждать вопрос — что представлял собой Итиль как *город,* как объект интересов археологии, — его предстоит найти.

Рискну поставить на обсуждение следующие вопросы. Соответствовал ли он действительно описаниям в знаменитом письме хазарского царя Иосифа в Кордову (X в.), равно как и упоминаниям арабских авторов? Если Итиль и был относительно крупным городом, то был ли он основан самими хазарами либо в существовавший здесь ранее город была перенесена столица? Глухие упоминания о такой возможности есть.

Сведения о кирпичных стенах и постройках Итиля примечательны, но для археологии этого недостаточно. Мы не знаем размеров итильских кирпичей. Крупный среднеазиатский, блоки типа шелковских, семикаракорско-саркельский? При археологических поисках надо быть готовым к обнаружению любого из них.

«Архитектурный» облик жилищ рядового населения Итиля, по письменным источникам, тот же, что и на городищах и открытых поселениях салтово-маяцкой культуры: шатры (вероятно, юртообразные постройки), деревянные (с деревянным каркасом?) и глинобитные хижины. Однако мы ничего не знаем о планировке города. Была она уличной? Судя по упоминанию шатров, вряд ли. Наконец, совершенно ничего не известно о том, была ли застройка сплошной. Не состоял ли «город» из отдельных разбросанных по округе поселков, как и около многих городищ Дона–Северского Донца?

Я вынужден затронуть вопрос, в котором ни в малейшей степени не являюсь специалистом. *Допустимо ли в переводе письма Иосифа (как и ряда арабских источников) использовать термин* ***город?*** Адекватен ли он тому, что понимал под городом адресат Иосифа Хасдай ибн Шафрут и арабы Среднего Востока? Сомнительно, чтобы облик Итиля хотя бы отдаленно напоминал Кордову/Кордобу. Восприятие данных письменных источников археологом далеко не то же, что историком. В целом же

описание Итиля, численности его населения, количества мечетей и пр. с точки зрения археологии вызывает много вопросов (эта тема требует специального рассмотрения, в котором целесообразно проанализировать сравнительные материалы и с городищами Хазарского каганата, и с синхронным арабским миром).

Я ставлю этот вопрос отнюдь не первым. Еще Б.Н.Заходер писал о «широко распространенном в восточной географической науке убеждении в существовании у хазар городов» и подверг его сомнению: «Это убеждение... не имеет подтверждения со стороны археологической науки. Сказанное... ни в малейшей степени не колеблет основного — остатки строительных сооружений и другие памятники материальной культуры... подтверждают существование в Хазарии *значительных по тому времени населенных мест*» (выделено мной. — *В.Ф.*) [Заходер, 1962, с. 172]. Итак, Б.Н.Заходер фактически не только поставил под сомнение гипотезу о существовании в каганате *города* (поселения, качественно отличающегося от сельского) и возможность применять для его поселений, в том числе и Итиля, термин *город,* но и предложил ему замену — «*значительные населенные места*». Термин нейтрален, удобен как служебный до времени, когда вопрос о собственно городах в Хазарии получит какое-то решение. Он применим в историческом и археологическом исследовании.

Обратим внимание: Б.Н.Заходер исключил даже термин «поселение». Думаю не случайно, так как «населенное место» может означать одно поселение и группу компактно расположенных, даже смыкающихся. Таким мне представляется и Итиль — значительным населенным местом из компактно расположенных поселений сельского облика. Кирпичные же строения занимал только каган. Ничего нельзя сказать об архитектуре мечетей; известно только упоминание «высокого минарета». Надо иметь в виду, что мечети — это не элемент культуры каганата. Если и существовали в Итиле христианские храмы, то не были ли они такими же маловместительными, как в Чир-Юрте [Магомедов, 1983, с. 158, 159]? И уже совершенно ничего нельзя предположить о синагоге — за отсутствием примеров. Примечательно, что Иосиф синагогу не упоминает.

В самых разных отраслях современной науки применяется метод моделирования неизвестных явлений или процессов на основе имеющихся или постулируемых исследователем исходных данных. Так вот, если попытаться вербально или графически создать модель Итиля на основе противоречивых и отрывочных сведений письменных источников, то вряд ли получится что-либо целостное. Придется строить

даже не одну модель, а две: Итиль трехчастный и Итиль двухчастный. Но для моделирования мы не имеем даже определенных и бесспорных данных о величине города, об архитектуре и площади кирпичных строений. Едва ли за основу может быть взят Саркел: строений, похожих на дворцовые, в нем нет. Возможно, в будущем какие-то представления о хазарской архитектуре дадут остатки кирпичных строений Семикаракор. Короче, даже гипотетичную модель Итиля сегодня построить невозможно.

Немного о городище Самосделка в низовьях Волги. В течение нескольких лет оно считалось вероятным «кандидатом» на развалины Итиля. Предварительная публикация содержит данные о слоях X–XIV вв., а сообщение о том, что «самые ранние культурные слои городища будут изучены в ходе раскопок будущих лет» [Васильев, Гречкина, Зиливинская, 2003, с. 106], делает обсуждение беспредметным. Понадобится не менее четверти века раскопок, прежде чем более или менее прояснится время заселения и культура ранних Самосделок. Пока же авторы выдвигают предположение об идентификации города, располагавшегося на месте Самосдельского городища в XI–XIII вв., с городом Саксин [Васильев, Гречкина, Зиливанская, 2003, с. 119].

Отдельная тема, связанная с уровнем развития социальных отношений в каганате и соответственно с проблемой организации поселения как «столицы» государства, — это описанный Иосифом летний маршрут кагана вокруг Итиля. Заслуживает внимания мысль болгарского культуролога Ц.Степанова о том, что это могло быть так называемое *полюдье*, т.е. сбор дани с населения домена, а отнюдь не «доказателство за номадизъм» [Степанов, 2002, с. 29]. На такое же полюдье мог ходить владетель любой крепости, и не только в собственных интересах, но и для сбора натуральных продуктов для гарнизона. Такой способ обеспечения довольно примитивен и вполне соответствует «зачаткам» не только городской жизни, но и государственности, когда фискальный аппарат еще не создан. Полюдье, способ отчуждения прибавочного продукта, по своду сведений Ю.М.Кобищанова, имел «почти глобальное распространение» [Кобищанов, 1987, с. 136].

Хумара

Парадокс, но в то время как ненайденный Итиль почти непрерывно обсуждается историками, а археологи предпринимают бесконечные попытки соотнести его с разными городищами, памятник прекрасной сохранности — Хумаринское городище вспоминают довольно редко.

По размерам каменной крепости (площадь 40 га, периметр более 2 км) с ним ни в какое сравнение не идут кирпичные Саркел и Семикаракоры, каменные Маяцкое, Верхне-Ольшанское или Верхне-Салтовское укрепления. На фоне Хумары последние выглядят крохотными. Крепостные стены Хумары имеют не менее 14 башен, не считая мощной башни-цитадели [Биджиев, 1983; Димитров, 1987, с. 136–142].

Хумара сравнима по масштабам с большими крепостями Болгарии и лишь немного уступает каменной крепости Плиски.

Можно было бы рассмотреть вопрос о Хумаре как городе, но этому препятствует практически полная неизученость ее внутреннего пространства. Нет ни малейших данных о вероятных остатках солидных построек, хотя, возможно, владетель крепости жил в башне цитадели.

И все-таки сомнения в принадлежности Хумары к городам остаются. Х.Х.Биджиев раскопал несколько самых обычных для салтово-маяцкой культуры жилищ: шесть юртообразных, две полуземлянки, фрагменты турлучных; кроме того, четыре каменных разной сохранности. По их расположению видно, что уличная планировка либо иная система здесь не применялась [Биджиев, 1983, рис. 2, 30]. Очертания же самой крепости повторяют границы плато, на котором она возведена.

О принадлежности крепости Хазарскому каганату более, чем жилища, свидетельствует керамика салтово-маяцкого облика [Биджиев, 1983, рис. 43, 44], в том числе котлы с внутренними ушками.

Хумара была, судя по географическому положению, крупнейшим пограничным форпостом каганата в Центральном Предкавказье. В настоящее время раскопки Хумаринского городища не ведутся, а открытые участки стен остаются незаконсервированными.

Памятники Дагестана

Историки, следуя письменным источникам, всегда писали о *городах* Хазарии на территории Дагестана. Так, А.П.Новосельцев посвятил *городам* Хазарии отдельный раздел своей известной монографии [Новосельцев, 1990, с. 122–133]. Показательно, что даже этот крупный историк не поднимал вопроса о возможности использования термина *город* в переводах из арабских и иных сочинений ко всем упоминаемым «значительным населенным местам». К чести исследователя, замечу, что он не пытался связать названия городов с конкретными археологическими памятниками, оставляя это археологам.

И все-таки проблема толкования арабских терминов в приложении к «городам» Хазарии находит отражение у арабистов [Калинина, 2002, с. 46–48]. Но обратимся к археологии.

Следуя той же письменной традиции, о *городах* в Дагестане говорят и археологи, но уже имея в виду конкретные памятники. В статье С.А.Плетневой к остаткам хазарских городов отнесены Чир-Юрт и Андрей-аульское городище. Однако, прежде чем перейти к ним, затрону две археологические проблемы более широкого плана, нежели вопрос о городах на территории Дагестана.

Первая. Спорно определение материальной культуры прикаспийской Хазарии как варианта салтово-маяцкой, т.е. признанной культуры Хазарского каганата [Флёрова, Флёров, 2000; Афанасьев, 2001, с. 44, 45]. Стоит обратить внимание на то, что, описывая городища Дагестана, М.Г.Магомедов не говорит о салтово-маяцком варианте, но вводит другое определение — «культура сероглиняной керамики», которая (керамика) позволяет отличать слои хазарского времени от нижележащих [Магомедов, 1983, с. 28, 29]. Термин приемлем, в его основе — местные реалии. Подчеркну одну особенность комплекса сероглиняной керамики — в нем нет котлов с внутренними ушками, столь характерных для собственно салтово-маяцких памятников бассейна Дона и Центрального Предкавказья (см. [Нахапетян-Флёрова, Флёров, 1997]).

Вторая. В Дагестане совершенно иные корни строительных традиций, иной строительный материал, нежели на Дону. Большинство крепостей Западного Прикаспия основаны не хазарами и не в хазарское время, но раньше. Я вообще затрудняюсь определить, какие же крепости здесь построены в хазарское время, так как датирующая стратиграфическая шкала керамики для них пока не разработана.

Не вдаваясь в детали «вечной» дискуссии о местоположении Семендера и Беленджера, перейдем к конкретным археологическим памятникам.

Чир-Юрт

Основной исследователь Чир-Юрта относит его к остаткам одного из «крупных укрепленных *городов* Приморского Дагестана» [Магомедов, 1983, с. 29]. Судить, действительно ли это город, трудно. На основном плане местонахождения [Магомедов, 1983, с. 30] обозначена только оборонительная стена, пересекающая правобережье долины р. Сулак. Границ городища на нем нет. На другой схеме городище показано в виде небольшого пятна [Магомедов, 1983, с. 63]. Мощность культурного слоя читателю остается неизвестной, так же как и типы

жилищ. О жилищах около стены Чир-Юрта косвенно можно судить по трем прямоугольным постройкам, раскопанным на поселении-спутнике (почему они названы М.Г.Магомедовым «юртообразными», непонятно; основной признак «юртообразности» — овальный план, а не ямки от каркаса). Они турлучные, на незаглубленном основании из кладки «в елочку» [Магомедов, 1983, с. 150]. Были ли такими же примитивными постройки на городище? Ответа нет, но по аналогии с донскими памятниками, где жилища на открытых поселениях и городищах однотипны, можно предположить, что это так.

Значительным раскопкам в Чир-Юрте подверглась лишь стена, пересекавшая долину Сулака поперек. Она двухпанцирная, из необработанного камня, толщиной в 4 м. Возведена без фундамента, дополнена прямоугольными башнями. В третий строительный период стена подверглась утолщению, помимо камня был использован глинобит и сырцовые кирпичи размером 40×20×10 см. К стене были пристроены массивные круглые башни [Магомедов, 1983, с. 127–129].

Стена Чир-Юрта — достаточно грандиозное по меркам региона сооружение. Весь вопрос в том, кто начал ее строительство и кто совершал последующие ремонты и достройки? М.Г.Магомедов указывает, что многочисленные укрепления в Приморском Дагестане связываются письменными источниками со строительной деятельностью сасанидских правителей Ирана, которые предпринимали огромные усилия по укреплению северных границ после захвата в конце IV в. территории Албании. Следы строительной деятельности шаха Хосрова Ануширвана (VI в.) на территории Верхнего Чир-Юрта, пишет автор, пока не обнаружены, но нередкие находки красноглиняной и ангобированной керамики в отложениях городища «могут свидетельствовать о проникновении иранского влияния до теснин Сулака» [Магомедов, 1983, с. 51]. Я оставляю в стороне идентификацию М.Г.Магомедовым Чир-Юрта с Беленджером, основанным, по ряду сведений, Хосровом Ануширваном.

Пока более или менее ясно одно: вероятность того, что стена Чир-Юрта была возведена Сасанидами, очень велика. Чрезвычайно сомнительно, что хазары имели до этого опыт строительства столь значительных каменных сооружений, к тому же в условиях сложного рельефа.

Стену Чир-Юрта надо относить не к собственно крепостям, а к *длинным стенам* (как и в Урцеках). Ее назначение — отсечь зону предгорий и гор от приморской низменности. Жившее у стены население — это прежде всего воинский контингент с семьями, охранявший стену. Ему принадлежало поселение, а возможно и какие-то постройки непосредственно рядом со стеной на так называемом «городище». Ко-

нечно, среди населения были иные категории, призванные обеспечивать жизнь воинов, — те, кто занимался сельским хозяйством и ремеслами, в том числе оружейники, а также строители для поддержания стены в должном состоянии.

Выделить в Чир-Юрте что-либо непосредственно из наследия собственно хазар нельзя.

Андрей-аул

Городище расположено на р. Акташ. Имеет неправильные, подчиненные местности очертания (700×450 м). Защитой служили валы и рвы, овраги, обрывистые берега реки. На городище исследователи выделили «сам город» — 500×450 м, окруженный валами и рвами. С севера к нему примыкает обособленная территория треугольных очертаний (250×200 м), отделенная от основной рвом. Невдалеке от городища — открытое поселение [Атаев, Магомедов, 1974, с. 125–127], основанное еще в начале нашей эры.

По сравнению с общей площадью памятника вскрытые участки микроскопичны [Атаев, Магомедов, 1974, с. 311, рис. 31). Таким образом, ни о структуре городища в целом, ни о назначении отдельных его частей сведений нет. Неизвестна планировка и плотность застройки. «Смешанная структура культурных напластований и однообразная в общей массе керамика, выявленная в огромном количестве... затрудняют и четкое их стратифицирование» [Атаев, Магомедов, 1974, с. 128].

На городище вскрыто несколько полуземляночных прямоугольных жилищ с ямками от жердей каркаса стен. М.Г.Магомедов назвал их, как и чир-юртовские, «юртообразными». В жилищах найдены фрагменты желобчатой черепицы закавказского происхождения, но весьма сомнительно, что они составляли кровлю этих построек [Магомедов, 1983, с. 146–150]. Кровлю из черепиц могли выдержать только каменные или кирпичные стены. Вероятно, черепица здесь использована вторично, в иных целях.

Андрей-аульское городище датируется I–IX вв. [Магомедов, 1983, с. 182]. Слой хазарского времени четко не выделен [Магомедов, 1983, рис. 61, 62]. Известна статья о происхождении культуры городища, но написана она на материалах соседних курганов. Одно замечание из нее очень важно: «Несмотря на неоднократные прекращения жизни, на городище не отмечено резкой смены культур» [Абрамова, Магомедов, 1980, с. 125]. Это означает, что существенного вклада в местную культуру хазарское завоевание не принесло. Действительно, авторы пришли к выводу: «Завладев северными провинциями кавказской Албании,

Хазария оказалась наследницей... сложившихся здесь с глубокой древности оседло-земледельческих и ремесленных традиций» [Абрамова, Магомедов, 1980, с. 139]. Соответственно хазары восприняли и местные традиции в жилищах, использовали и ранее возведенные фортификационные сооружения.

Закономерен вопрос: правомерно ли считать прикаспийские так называемые города и их культуру хазарскими? Вопрос относится не только к Чир-Юрту и Андрей-аулу, но ко всем поселениям, в том числе крепостям и длинным стенам.

Считать ли Андрей-аульский памятник городом? У нас слишком мало археологической информации не только для ответа, но даже для постановки этого вопроса. Мы не знаем внутренней структуры этого поселения. Если говорить о городском типе застройки в Приморском Дагестане, то это можно сделать только в отношении городища Урцеки [Магомедов, 1983, рис. 46]. Дербента, о котором написано много, я не касаюсь.

То, что арабские авторы могли называть городами сеть населенных мест Прикаспийского Дагестана, не означает, что археологическая и историческая наука должна воспринимать их именно так. Необходимы современные критерии, но и в самых недавних публикациях продолжают фигурировать «города» в соответствии с указаниями средневековых авторов, в том числе Баланджар–Чир-Юрт и Вабандар–Андрей-аул [Ромашов, 2003, с. 209].

Города Северного Причерноморья с нехазарским населением

Можно ли считать *хазарскими* городами поселения Тамани и Крыма, входившие какое-то время в состав каганата? Это проблема не только терминологическая, но и имеющая самостоятельное значение. Да и в целом она давняя, касающаяся не только поселений каганата.

Еще в 1928 г. в связи с городищами нижних течений Дона и Кубани Б.А.Лунин писал: «За последнее время некоторыми работниками усвоены и нередко применяются термины „греческое поселение", „римское", „византийское" и т.п., распространяемые на соответствующие отложения древних поселений (городищ) того или иного района нашей страны. Нам кажется, что подобные термины не соответствуют тому *вещественному материалу,* который мы имеем с названных городищ и который уже с известной полнотой характеризует, в общих чертах, древний быт их насельников. Городища эти, за исключением,

быть может, лишь некоторых крупных и исторически известных пунктов, являли собой и в греко-римское время и в так называемый период „византийского средневековья" поселения, главную массу которых составляло *местное население со своей местной культурой*» (выделено мной. — *В.Ф.*). И далее автор заключает: «Мы нарочито позволили себе остановиться на данном вопросе, поскольку придаем, естественно, большое значение вопросам установления единой классификации и хронологизации археологических памятников... слабо разработано у нас единство терминов и однообразное их понимание...» [Лунин, 1928, с. 12, 13].

Выделим главное. Б.А.Лунин, тогда еще молодой исследователь, в основу определения культурной принадлежности городищ интересующего нас региона кладет состав *местного* населения и облик *местной* материальной культуры, *независимо от того, в какую политическую или государственную структуру входило то или иное поселение*. Я полностью принимаю этот постулат. Исходя из него необходимо рассматривать Таматарху, Фанагорию и Боспор-Корчев.

Эти три крупных поселения были основаны еще в античную эпоху. К появлению болгар и хазар сформировалась их планировка, мало менявшаяся от столетия к столетию. Включив поселения в сферу своих интересов, хазары не изменили их структуру и не оказали существенного влияния на облик местной материальной культуры, остававшейся по сути провинциальной византийской, в которую влились и элементы салтово-маяцкой, преимущественно керамики.

С.А.Плетнева в 1967 г. писала: «Даже старинные города Причерноморья с их античными традициями, будучи заняты и освоены полукочевниками-полуземледельцами, приобретали, по всей вероятности, характерный облик кочевий. Особенно придавали им такой вид юрты...» [Плетнева, 1967, с. 50]. Полезно перелистать старые издания! За истекшие десятилетия раскопки Фанагории, Таматархи, Боспора не принесли ничего принципиально нового, что могло бы изменить представление об облике этих городищ. Что касается упомянутых «юрт», то они, вероятнее всего, ставились за стенами городов. В тесной городской застройке для них не было места.

Может быть, хазары внесли что-то новое в фортификацию этих городов? В Корчеве открыт только небольшой участок двухпанцирной стены, которая предположительно относилась к цитадели хазарского времени. Что представляла эта цитадель в целом, неизвестно — данных об этом практически нет. Оборонительная система поздней Фанагории не исследовалась.

Таманское городище изобилует перекопами, оборонительная система хазарского времени не сохранилась. В 1952–1953 гг. на городище, на раскопе Н.И.Сокольского, был вскрыт участок стены, сложенной из сырцового кирпича. В основании стены глинобитный вал. В начале XI в. (дата по С.А.Плетневой) стена с внешней и внутренней сторон была укреплена кладками из камня [Плетнева, 2000]. Габариты стены (ширина 7, 6 м), вал в основании, а также размеры кирпича (42–40×22–20× 7–6 см) делают ее несравнимой со стенами Семикаракор или Саркела — ближайших к Таматархе крепостей каганата. Эти и ряд других данных не позволяют быть уверенным в том, что стена возведена по инициативе хазар и во время их господства в Таматархе. С.А.Плетнева подчеркивает: «...только на небольших участочках удалось углубиться ниже стены... на 0,5–0,6 м» [Плетнева, 2000, с. 24]. По находкам на этих «участочках» немногочисленных фрагментов керамики С.А.Плетнева датирует сооружение стены не позже середины — второй половины IX в. К сожалению, ничего не известно о непосредственно подстилающем стену слое, о составе и хронологии находок в нем[6].

Особая тема — это кладка ***елочка***. Впервые попытку связать с хазарами появление в Северном Причерноморье «елочки» предприняла С.А.Плетнева на материалах раскопок Таматархи (Таманское городище): «...новое население принесло с собой и новую технику кладки

[6] Обстоятельства находки стены и публикация вызывают много вопросов. Кирпичная кладка на рис. 2 изображена весьма схематично, пропорции кирпичей не всегда соответствуют указанным в тексте. Было бы чрезвычайно важно знать, кто непосредственно раскапывал стену и делал ее чертежи, Н.И.Сокольский или кто-либо другой из его группы. Стратиграфия типов керамики на рис. 4 представляет усредненную картину для всех раскопов на городище. Рисунки керамики, найденной непосредственно в слоях около стены, не представлены. Упоминаемые в публикации монеты Романа II (959–963) найдены на других раскопах. Неудивительно, что публикатор, говоря о хронологии стены и слоев около нее, употребляет такие выражения, как «со значительной долей уверенности», «вполне возможно», «кажется весьма вероятным» [Плетнева, 2000, с. 25]. В итоге исторические реконструкции, в частности связь пожара, «учиненного Святославом», с прослойкой около стены, приходится воспринимать в лучшем случае как гипотезу. Весьма сильным аргументом может показаться совпадение размеров сырцовых кирпичей стен Таматархи и некоторых городищ Дагестана; однако необходимо выяснить размер сырцовых кирпичей дохазарских времен на Тамани, где они были широко распространены. Так, на памятнике Береговой 4 (II в. до н.э. — I в. н.э.) применялся формат 40×24×6 см. При этом надо иметь в виду, что в слоях городища встречается обожженный кирпич семикаракоро-саркельского формата толщиной 5 см (благодарю В.Н.Чхаидзе за консультацию). Полагаю, что стена Таматархи должна быть рассмотрена в свете новых раскопок, которые продолжаются там и по настоящее время, а также на других памятниках Таманского полуострова, причем именно теми археологами, которые там работают.

камня — „в елочку". Елочку применяли далеко не всегда. Если приходилось подновлять старое здание, то обычно его чинили той же кладкой, какой была сложена вся стена. Но новые кладки почти все сложены „в елочку", т.е. приемом, совершенно неизвестным в Причерноморье до VIII в. Кладка „в елочку" применялась только в Дагестане и в странах Закавказья (Албании, Грузии) в VI–IX вв. Очевидно, оттуда ее и заимствовали жители Таматархи, заселившие город в VIII в. Тогда же эта кладка распространяется и в Восточном Крыму. Даже стены некоторых базилик (например, на холме Тепсень у пос. Планерское) сложены частично в этой технике» [Плетнева, 1967, с. 49]. К Тепсеню добавлю Илурат [Гайдукевич, 1952, рис. 47]. В этом вроде бы стройном пассаже далеко не все так однозначно, как может показаться на первый взгляд. Настораживает и использование «елочки» христианским населением, среди которого вряд ли были хазары.

Что касается истоков этой кладки, то обратим внимание на оговорку «очевидно». Действительно, никаких прямых археологических данных о приходе нового населения из перечисленных стран нет. Автор ограничилась лишь общей отсылкой к исследованию об азербайджанской архитектуре, причем второй половины XII в. [Щеблыкин, 1943]. В 1967 г. С.А.Плетнева высказалась о кладке «елочка» весьма осторожно, предположительно, хотя из контекста ясно, что появление этого приема кладки она связывает с вторжением в Причерноморье Хазарского каганата, если не самих этнических хазар. Но то, о чем С.А.Плетнева тогда умолчала, через несколько лет отметит Т.И.Макарова, обнаружившая в Боспоре-Корчеве «кладку хазарской постройки, сложенной в „елочку"» [Макарова, 1972, с. 376]. Однако позднее и сама С.А.Плетнева напишет категорично: «„Елочка" стала для археологов одним из самых важных признаков, определяющих проникновение хазар, на исследуемых памятниках Предкавказья, Таманского полуострова и Крыма» [Плетнева, 1996, с. 21]. Дело в том, что список археологов пока ограничивается С.А.Плетневой и Т.И.Макаровой. Не очень уверенно к ним присоединился А.И.Айбабин. Кстати, из небольшой публикации этого автора видно, что картина формирования домостроительства хазарского времени в Северном Причерноморье для него далека от ясности. В частности, к местной домостроительной традиции он относит каменные цоколи, а «прием кладки в елку, видимо, привнесен хазарами из Приморского Дагестана» [Айбабин, 2002, с. 9].

Заметное распространение «ёлочки» на Тамани и в Крыму совпало с болгаро-хазарской экспансией, а не было ее следствием. Но важно другое — в обширном бассейне Дона жилищ с основанием из сло-

женных в «елочку» камней пока не обнаружено. Нет их в Саркеле, на Правобережном Цимлянском городище. Это противоречит версии С.А.Плетневой о связи «елочки» с хазарами. Есть упоминание жилища с основанием, сложенным в «елочку» без связующего раствора, из раскопок С.А.Семенова-Зусера в Верхнем Салтове [Колода, 1999, с. 70]. Публикации этого жилища я не обнаружил. Эта находка, даже если она достоверна, не меняет общей картины. Можно ожидать находок жилищ с кладкой в «елочку» в Северо-Восточном Приазовье и в низовьях Дона, но поселения здесь почти не исследуются.

То, что способ кладки в «елочку» появляется на Таманском полуострове и в Крыму не в хазарское время, а с первых веков н.э., показал С.Б.Сорочан. «Другое дело, что с VШ в. он получил новый импульс к своему распространению... работали в этой технике как тюркские, булгарские элементы, так и ромейские, византинизированные обитатели региона...» [Сорочан, 2004, с. 148]. Я полностью разделяю точку зрения автора, как и то, что место и влияние салтово-маяцкой культуры в этих регионах требуют пересмотра. Целесообразно также введение в хазароведческую литературу наряду с термином «елочка» латинского обозначения *opus spicatum* (от лат. *spica* — колос).

Лагерь / стан / κάνπον / kanpon /campus

Если не *город*, то как мы можем предварительно определить остатки больших городищ Хазарского каганата в бассейне Дона, а также Итиль и Хумару? Предварительное решение намечено в статье Ц.Степанова [Степанов, 2002, с. 29], предположившего, что сохранение традиций «номадического/полуномадического стиля жизни» у владетелей Плиски было то же, что и у хазарских каганов в Итиле, и на этом основании сопоставившего планировочную концепцию Плиски и Итиля (в описании Иосифа).

В известной Чаталарской надписи (надпись № 57) Плиска определена как *стан, военный лагерь*, или *kanpon/campus* [Бешевлиев, 1979, с. 200, 201].

Археологически план Итиля нам не известен, однако известен план Плиски, которую даже после формирования всего каменного строительного комплекса трудно назвать в полном смысле городом. Скорее это административный центр государства с дворцовыми, культовыми и подсобными зданиями и сооружениями (бани, водохранилища) [Рашев, Димитров, 1999].

Судя по общей картине крепостного строительства в Хазарии, белокаменного и кирпичного, есть все основания сомневаться, что Итиль выглядел столь же грандиозно, как Плиска. Тем более это позволяет определять не только Итиль, но и любой крупный центр Хазарии не как город, но как стан, лагерь, укрепление с развитой в той или иной степени инфраструктурой и т.д. Разумеется, мы должны учитывать, что эти термины в данном конкретном случае русские. Надо полагать, соответствия им имелись в языках Хазарии, иранских и тюркских. Но их выявление — это уже дело лингвистов.

Вероятно, термины *κάνπον/kanpon/campus* приложимы к Хумаре с ее мощной цитаделью и Семикаракорскому городищу с его обширной кирпичной застройкой. Хумара, стоящая на р. Кубань, — единственная крепость в Центральном Предкавказье, имевшая не местное, но стратегическое значение.

За небольшими укреплениями типа Маяцкого, Верхне-Ольшанского или Верхне-Салтовского, не имевших фундаментальных строений («дворцов»), пока можно оставить довольно нейтральное определение — *крепость-убежище*. Не берусь пока определять назначение таких больших поселений с валами, как Сидоровское городище. Надо учитывать, что валы — более архаичный тип фортификации, нежели каменные с регулярной кладкой или кирпичные стены. Вопрос о них надо рассматривать особо.

Сложнее обстоит дело с крупными городищами Дагестана типа Андрей-аульского ввиду незначительности раскопок на них. Надо учитывать, что они сохраняли «до-хазарскую» планировку.

Вероятно, к типу *лагерь/стан/κάνπον/kanpon/campus* регионального значения можно отнести знаменитое прямоугольное Шелковское городище со стенами из глинобита и сырцовых кирпичей, но оно не исследовано. Что в нем находилось, мы не знаем. Говорить о нем как о «складывающемся крупном политическом и административном центре» [Магомедов, 1983, с. 44] нет ни малейших археологических оснований из-за «слабой выраженности культурного слоя» [Магомедов, 1983, с. 41]. Менее всего можно представить, что в его центре располагалась «большая базарная площадь» [Плетнева, 2002, с. 114]. Недавно опубликован уточненный план Шелковского городища. В центре обозначено небольшое квадратное всхолмление, но раскопки на нем не производились [Виноградов, Нарожный, Савенко, 2003].

Предлагая использовать терминологию болгарских коллег, я прекрасно понимаю, что это не снимает проблему, вынесенную в заголовок данной статьи. Но эти термины все же ближе к тому, что археология

знает о городищах каганата, нежели всеобъемлющее название *город*. Действительно, если ориентироваться на Плиску, то *лагерь/стан/κάνπον/kanpon/campus* характеризуется наличием мощной оборонительной системы при нерегулярности внутренней застройки (включая и сооружения для знати, и культовые), складывавшейся без определенного плана, без размеченной системы улиц. Что касается хозяйства, то оно мало отличалось от хозяйства любого поселения. Его нельзя назвать специфически городским, дававшим ремесленную продукцию, которую село не производило или производило на более низком технологическом уровне.

* * *

На сегодняшний день из археологически известных в бассейне Дона — Северного Донца крепостей ни одна не может быть определена как город, ни в социально-экономическом, ни в архитектурном отношении. Далека от разрешения ситуация с городищами Дагестана и Хумарой.

Я полагаю, что во взаимопонимании археологов ничего не изменится, если вместо «город Итиль» будем употреблять «Итиль», избегая всяких социологических определений. Не применим термин *город* и к памятникам, которые сами исследователи пытаются такими «сделать», хотя они не раскапывались, раскапывались в ограниченных масштабах или даже не найдены. Последнее относится, в частности, к Семендеру.

Есть и еще одна проблема. Что подразумевало само население каганата под *городом*, если вообще идентичное понятие имелось в его языковом обиходе? Как крупные заселенные места определяли в верхах каганата? Такие вопросы я не встречал в хазароведческой литературе, что связано с отсутствием текстов из самой Хазарии, исключая хазаро-еврейскую переписку. На одном из заседаний (12 февраля 2004 г.) Группы средневековой археологии Института археологии РАН Э.Е.Кравченко (Донецк, Украина) заметил: «Понятие город было расплывчатым даже для современников». Я полностью разделяю эту мысль. Несомненно, защищенность поселения, особенно наличие каменных и кирпичных фортификационных сооружений, непременно отражались в лексике, так как это имело большое практическое значение. Но что касается градации в нашем современном понимании городов и сельских поселений, то это вряд ли занимало население каганата. Жилища, планировка, занятия жителей поселений каганата мало различались. Занятие же сельским хозяйством, скотоводством или/и земледелием

было непременным условием существования любого поселения. Исключения допустимы лишь для отдельных категорий населения, но вряд ли были сколько-нибудь значительно распространены и имели постоянный характер. Даже такие требующие высокой квалификации специалисты, как оружейники и ювелиры, вряд ли были полностью в мирное время свободны от земледелия и животноводства.

Не совсем корректно обращаться за примерами в иные эпохи, но целесообразно обратить внимание на следующий факт из области лексики: «В шумерской и аккадской терминологии не делается никакого различия в словах, определяющих поселения различного размера; селение и город называются одинаково (*uru* — по-шумерски и *alu* — по-аккадски). Эти термины применяются к любому постоянному поселению, состоящему из домов, построенных из необожженного кирпича, а иногда даже и к скоплению хижин и других видов жилищ, образующих административную единицу... Окружающая стена, как правило, существовала, но не была обязательной. В этом *uru* имел сходство с полисом, который тоже не обязательно окружался стеной» [Оппенхейм, 1980, с. 115]; об этом же см. [Гуляев, 1979, с. 234].

Один из предлагаемых выводов: до накопления новых археологических данных, равно как и нарративных, лингвистических, мы вполне можем отказаться от термина *город* в приложении к памятникам Хазарского каганата. Для многочисленных археологических объектов, в первую очередь обширных или/и имеющих оборонительные сооружения, целесообразно придерживаться традиционного понятия *городище,* в первую очередь для совершенно не исследованных или с незначительным процентом вскрытых площадей.

Вывод второй. По имеющимся на сегодня чрезвычайно еще скудным археологическим данным, ни одно городище или конгломераты открытых поселений салтово-маяцкой культуры мы не можем определять как *город* — ни в архитектурно-планировочном плане, ни в социальном. ***Четко различимой дифференциации города и поселения в Хазарском каганате археология не фиксирует.***

Мне остается констатировать, что ***перехода «от кочевий к городам» в каганате не произошло. Ему не хватило для этого отпущенного историей времени.***

В любом научном исследовании есть проблема, которую я обозначу как «подмену содержания феномена термином». Вводя новый термин, исследователь поневоле, неосознанно оказывается у него в плену. Этот вопрос психологии научного творчества напрямую относится и к термину *город*.

Вторая проблема (отчасти также психологическая). Недостаток источников, а для археологии это неполнота раскопок даже известных памятников порождает стремление «восполнить» его всевозможными гипотезами, предположениями, допущениями, вымыслами. Современному поколению археологов-хазароведов необходимо смириться с тем, что ему не дано раскопать даже самые привлекательные памятники. Хазарская археология делает только первые шаги. За почти двухсотлетнюю ее историю полностью не раскопано ни одно (!) поселение салтово-маяцкой культуры, даже самое маленькое, не вскрыто полностью ни одно укрепление. Саркел? Даже он остался вскрытым не полностью.

Абрамова, Магомедов, 1980 — *Абрамова М.П., Магомедов М.Г.* О происхождении культуры Андрей-аульского городища // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.

Айбабин, 2002 — *Айбабин А.И.* Археологическая культура хазар в Северном Причерноморье // Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тез. докл. М., 2002.

Артамонов, 1935 — *Артамонов М.И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону. Л., 1935.

Артамонов, 1958 — *Артамонов М.И.* Саркел–Белая Вежа // Тр. Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1. М.; Л., 1958 (Материалы и исследования по археологии СССР. № 62).

Артамонов, 1962 — *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962.

Археологія, 1975 — Археологія Української РСР. Т. III. Київ, 1975.

Археология, 1986 — Археология Украинской ССР. Т. III. Киев, 1986.

Атаев, Магомедов, 1974 — *Атаев Д.М., Магомедов М.Г.* Андрей-аульское городище // Древности Дагестана. Махачкала, 1974 (Материалы по археологии Дагестана. № 5).

Афанасьев, 1987 — *Афанасьев Г.Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). М., 1987 (Археологические открытия на новостройках. Вып. 2).

Афанасьев, 2001 — *Афанасьев Г.Е.* Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? // РА. 2001. № 2.

Бешевлиев, 1979 — *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи. София, 1979.

Биджиев, 1983 — *Биджиев Х.Х.* Хумаринское городище. Черкесск, 1983.

Васильев, Гречкина, Зиливинская, 2003 — *Васильев Д.Т., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д.* Городище Самосделка — памятник домонгольского периода в низовьях Волги // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Донецк, 2003.

Винников, Синюк, 2003 — *Винников А.З., Синюк А.Т.* Дорогами тысячелетий. Воронеж, 2003.

Виноградов, Нарожный, Савенко, 2003 — *Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Савенко С.Н.* О Шелкозаводском городище хазарского времени на Тереке // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 1. Армавир, 2003.

Гайдукевич, 1952 — *Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Илурата, Тиритаки и Мирмекия // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XLV. М., 1952.

Гуляев, 1979 — *Гуляев В.И.* Города-государства майя (структура и функции города в раннеклассовом обществе). М., 1979.

Гуренко, Ситников, 2001 — *Гуренко Л.В., Ситников А.В.* К вопросу о локализации средневековых городов Атиля и Саксина // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань, 2001.

Димитров, 1987 — *Димитров Дм.И.* Прабългарите по северното и западното Черноморие: Към въпроса за тяхното присъствие и история днешните руски земи и роля им при образуването на българската държава. Варна, 1987.

Замятнин, 1921 — *Замятнин С.Н.* Археологические разведки в Алексеевском и Валуйском уездах // Воронежский историко-архивный вестник. № 2. Воронеж, 1921.

Захаревич, 2002 — *Захаревич А.В.* Донское казачество в боях начального периода Кавказской войны (1801–1802 гг.) // Памяти Владимира Александровича Золотова. Сб. ст. Ростов-на-Дону, 2002.

Заходер, 1962 — *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. М., 1962.

Калинина, 2002 — *Калинина Т.М.* Употребление этникона *ал-хазар* в арабо-персидских источниках IX–X вв. // Хазарский альманах. Т. 1. Харьков, 2002.

Катунин, 2000 — *Катунин В.А.* Критерии выделения городов среди памятников салтовской культуры // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Материалы междунар. конф. к 100-летию И.В.Синицына. Саратов, 2000.

Кобищанов, 1987 — *Кобищанов Ю.М.* Полюдье и его трансформация при переходе от раннего к развитому феодальному государству // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987.

Колода, 1998 — *Колода В.В.* Місце Вовчанського археологічного комплексу серед старожитностей салтівської культури // Збірник наукових прац. Історичні науки. Науковий вісник ХДПУ. Вип. 1. Харьків, 1998.

Колода, 1999 — *Колода В.В.* Раннесредневековые жилища Верхнего Салтова // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 1999.

Колода, 2000 — *Колода В.В.* Житла раннього середньовіччя у Верхньому Салтові // Археологія. 2000. № 4.

Кравченко, Давыденко, 2001 — *Кравченко Э.Е., Давыденко В.В.* Сидоровское городище // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк, 2001.

Крыганов, 1997 — *Крыганов А.В.* О результатах исследования Верхнесалтовского и Нетайловского памятников // Проблемы истории и археологии Украины. Тез. докл. Харьков, 1997.

Крыганов, 1999 — *Крыганов А.В.* Крупнейший город Хазарии // Проблемы истории и археологии Украины. Тез. докл. Харьков, 1999.

Крыганов, 2001а — *Крыганов А.В.* Состояние и задачи изучения Верхнесалтовского археологического памятника // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2001.

Крыганов, 2001б — *Крыганов А.В.* Верхнесалтовский и Нетайловский археологические памятники салтовской культуры — остатки древнего хазарского города // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк, 2001.

Ларенок, Семенов, 1999 — *Ларенок П.А., Семенов А.И.* Саркел, Саркел, еще Саркел... // Донская археология. № 3–4. Ростов-на-Дону, 1999.

Лунин, 1928 — *Лунин Б.А.* Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1926 г. Ростов-на-Дону, 1928.

Магомедов, 1983 — *Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата. М., 1983.

Магомедов, 1994 — *Магомедов М.Г.* Хазары на Кавказе. Махачкала, 1994.

Макарова, 1972 — *Макарова Т.И.* Раскопки около церкви Иоанна Предтечи // Археологические открытия 1971 года. М., 1972.

Михеев, 1985 — *Михеев В.К.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.

Нахапетян-Флёрова, Флёров, 1997 — *Нахапетян-Флёрова В.Е., Флёров В.С.* Котлы с внутренними ушками: вопросы, вопросы // Биляр и Волжская Болгария. Изучение и охрана археологических памятников. Тез. конф. Казань, 1997.

Новосельцев, 1990 — *Новосельцев А.Н.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы. М., 1990.

Оппенхейм, 1980 — *Оппенхейм А.Л.* Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М., 1980.

Плетнева, 1967 — *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. М., 1967.

Плетнева, 1987 — *Плетнева С.А.* Города кочевников // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987.

Плетнева, 1989 — *Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье. М., 1989.

Плетнева, 1996 — *Плетнева С.А.* Саркел и «Шелковый путь». Воронеж, 1996.

Плетнева, 1994 — *Плетнева С.А.* Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // Материалы по археологии и этнографии Таврии. Вып. IV. Симферополь, 1994.

Плетнева, 2000 — *Плетнева С.А.* Оборонительная стена в Таматархе–Тмутаракани // Историко-археологический альманах. Вып. VI. Армавир; М., 2000.

Плетнева, 2002 — *Плетнева С.А.* Города в Хазарском каганате (доклад к постановке проблемы) // Хазарский альманах. Т. 1. Харьков, 2002.

Плетнева, 2003 — *Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. IV–XIII вв. Воронеж, 2003.

Равич, Флёров, 2000 — *Равич И.Г., Флёров В.С.* Горячекованные высокооловянные восточные бронзы на территории Хазарии // РА. 2000. № 3.

Рашев, Димитров, 1999 — *Рашев Р., Димитров Я.* Плиска. 100 години археологически разкопки. Шумен, 1999.

Ромашов, 2003 — *Ромашов С.А.* Территория Хазарского каганата в период расцвета (VIII–IX вв.) // Archivum Eurasiae Medii Aevi. T. 12 (2002–2003). Wiesbaden, 2003.

Рыблова, 2002 — *Рыблова М.А.* Традиционные поселения и жилища донских казаков. Волгоград, 2002.

Свистун, Чендев, 2002 — *Свистун Г.Е., Чендев Ю.Г.* Восточный участок обороны Мохначанского городища и его природное окружение в древности // Археологічний літопис Лівобережної України. Вип. 2. Полтава, 2002.

Семенов, 1994 — *Семенов И.Г.* История стран и народов Западного Прикаспия. Казань, 1994.

Семенов, 2002 — *Семенов И.Г.* К вопросу об исторической географии Хазарии // Сб. Русского исторического общества. Т. 4 (152). М., 2002.

Сорочан, 2004 — *Сорочан С.Б.* Об opus spicatum и населении раннесредневековой Таврии // Хазарский альманах Т. 3. Харьков, 2004.

Степанов, 2002 — *Степанов Ц.* Цивилизационно равнище на българите до X век: другите за нас и ние за себе си // История на българите. Изкривявания и фалшификации. Ч. I. София, 2002.

Степи Евразии, 1981 — Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981 (Археология СССР).

Флёров, 1994 — *Флёров В.С.* Верхне-Ольшанское городище и проблемы методики раскопок белокаменных крепостей салтово-маяцкой культуры // Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация. Рязань, 1994.

Флёров, 2001 — *Флёров В.С.* «Семикаракоры» — крепость Хазарского каганата на Нижнем Дону // РА. 2001. № 2.

Флёров, 2002 — *Флёров В.С.* Крепости Хазарии в долине Нижнего Дона (этюд к теме фортификации) // Хазарский альманах. Т. 1. Харьков, 2002.

Флёрова, Флёров, 2000 — *Флёрова В.Е., Флёров В.С.* Дагестанский вариант салтово-маяцкой культуры: правомерность выделения // XXI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Кисловодск, 2000.

Чернигова, 1998 — *Чернигова Н.В.* Материалы к характеристике Верхнесалтовского археологического комплекса VIII–X вв. (селище у с. Нетайловка) // Вісник Харківського держ. університету. Історія. Вип. 30. Харків, 1998.

Чернигова, 1999 — *Чернигова Н.В.* Исследование Верхнесалтовского городища в 1997–1998 гг. // Древности. 1997–1998. Харьков, 1999.

Щеблыкин, 1943 — *Щеблыкин И.Н.* Памятники азербайджанского зодчества эпохи Низами. Баку, 1943.

Якименко, 1994 — *Якименко Е.В.* Исследования Воронежского областного краеведческого музея на Ольшанском археологическом комплексе салтово-маяцкой культуры в 1988–1992 гг. // Тр. Воронежского областного краеведческого музея. Вып. 2. Воронеж, 1994.

РА — Российская археология. М.
ХДПУ — Харківський державний педагогічний університет

Ю.С.ХУДЯКОВ
(Новосибирск)

Знамена древних тюрков и кыргызов в Центральной Азии в эпоху раннего Средневековья

Важными наглядными символами и атрибутами государственности, властных полномочий и ответственных поручений у правителей, военачальников разных рангов и дипломатов в государственных образованиях тюркоязычных кочевников Центральной Азии в эпоху раннего средневековья были знамена.

В историко-археологической литературе эта тема затрагивалась неоднократно, однако до настоящего времени она изучена неравномерно. Археологи обращались к изучению роли и значению знамен в системе государственной и военной атрибутики кочевников преимущественно в связи с анализом изображений на петроглифах, фресках, торевтике. Историки анализировали сведения письменных источников, на основании которых предлагали различные варианты реконструкции внешнего вида средневековых кочевнических знамен и оценивали их символическое значение.

Отдельные рисунки флагов, изображенных на средневековых каменных изваяниях и петроглифах в Южной Сибири, попали в поле зрения ученых и путешественников, исследовавших сибирские древности в XVIII–XIX вв.

Одним из первых обнаружил такие рисунки П.С.Паллас, путешествовавший по Минусинской котловине в 1771–1772 гг. В долине р. Абакан в Аскизской степи он осмотрел каменное изваяние, которое местные жители называли «Кижи-тас». На боковых гранях этого изваяния, довольно схематично передававшего облик мужчины-воина, были изображены знамена. Вот описание Палласа: «Другой камень называют бельтирцы Кызи-Таш (Мужской камень), коего на правом

© Ю.С.Худяков, 2005

краю внизу виден человеческий образ на лошади с копьем, которое будто бросить намерен; на копье виден привешенный значок, а немного повыше нарочито ясно высечен и увеличен натянутый лук со стрелою. На другом же краю многия были разны фигуры, но уже стерлись, а вверху видно еще копье со значком о трех ластах, которое однако походит как будто на ключ с бородкою; ниже следуют некия чертинки поперек и подобие выворотного сапога, в самом же низу кончается изображением дитяти» [Паллас, 1786, с. 501]. «Значками» в этом описании названы знамена.

В течение длительного времени отечественные исследователи при характеристике и интерпретации реалий на данном изваянии были вынуждены пользоваться очень неточным рисунком Г.И.Спасского, весьма приблизительно передающим особенности изображений [Грязнов, Шнейдер, 1929, с. 85, табл. VII, 68].

Само изваяние, которое уже в конце XVIII в. лежало на земле, позднее было привезено в с. Аскиз и использовалось в качестве ступеньки крыльца в доме местного купца. Оно было недоступно для изучения. Вероятно, поэтому его не упомянул В.В.Радлов, проводивший археологические изыскания в 1863 г. в окрестностях с. Аскиз и описавший сохранившиеся к тому времени каменные изваяния [Радлов, 1989, с. 432].

Более точную копию с рисунков, изображенных на изваянии Кижитас, сняли участники финской экспедиции И.Р.Аспелин и Я.Аппельгрен-Кивало, работавшие в Минусинской котловине в 1887–1889 гг. На правой боковой грани этого изваяния изображено древко копья со знаменем. Знамя имеет прямоугольное полотнище, вытянутое вдоль древка, и три косицы на концах и в центральной части. На левой боковой грани изваяния изображен всадник верхом на коне с копьем в руках. На древке копья, под наконечником, изображено знамя с тремя косицами [Appelgren-Kivalo, 1931, с. 19. Abb. 211]. Финскими учеными были скопированы резные изображения тяжеловооруженных конных воинов с копьями в руках на Сулекской писанице в долине р. Черный Июс на севере Минусинской котловины. На древках копий панцирных всадников изображены знамена и флажки с двумя косицами [Appelgren-Kivalo, 1931. Abb. 81, 93]. В дальнейшем эти рисунки неоднократно использовались для анализа и реконструкции изобразительного искусства и военного дела енисейских кыргызов. Л.А.Евтюхова сопоставила изображения знамен на Сулекской писанице со сведениями китайских источников о кыргызских знаменах [Евтюхова, 1948, с. 106].

Более точная прорисовка изображения панцирного всадника с копьем и знаменем с Сулекской писаницы была опубликована в 1969 г. Л.Р.Кызласовым [Кызласов, 1969, рис. 41].

Анализ цветовой гаммы и назначения кыргызских знамен в военном искусстве был дан автором настоящей статьи [Худяков, 1980, с. 62].

Другая группа рисунков всадников со знаменами на петроглифах и отдельных каменных плитах изучена в Прибайкалье. Большой вклад в исследование этих памятников внес А.П.Окладников, которому принадлежит обстоятельная работа о знаменах на ленских писаницах [Окладников, 1951]. В последующие годы описание и интерпретация этих рисунков были переизданы [Окладников, 1976; Окладников, Запорожская, 1959, с. 18–20, 120–125]. Он подробно описал, определил хронологию и культурную принадлежность рисунков, отнес их к курыканской культуре эпохи раннего Средневековья, привел аналогии на петроглифах и в торевтике других культур Евразии, проанализировал сведения китайских и арабских источников о знаменах у древних тюрков, уйгуров, кыргызов, монголов. А.П.Окладников предложил свою интерпретацию некоторых наверший, характерных для культур скифского времени, в качестве знамен. Им были приведены примеры почитания знамен у тюркских и монгольских народов в эпоху Средневековья и этнографический период. По его оценке, знамена у курыкан и других тюркоязычных народов были важным свидетельством социальной стратификации и выделения кочевой аристократии [Окладников, 1976, с. 191].

В течение последних десятилетий большая серия наскальных рисунков, изображающих конных и пеших воинов со знаменами, изучена в Саяно-Алтае, Монголии, Казахстане и Кыргызстане.

Среди рисунков, исследованных на территории Монголии, значительный интерес представляют фигуры панцирных всадников с копьями и бунчуками на памятнике Хар Хад в Монгольском Алтае. Э.А.Новгородова дала свою интерпретацию некоторым реалиям на этих изображениях. По ее мнению, «важной датирующей деталью являются изображенные на копьях хархадских всадников подвешенные к древкам под навершием предметы, напоминающие бубенцы или колокольчики. Единственной, причем точной аналогией им являются изображения круглых предметов на копьях со стенных росписей в Восточном Туркестане, датируемых VI в.» [Новгородова, 1984, с. 132].

На территории Горного Алтая гравированные изображения всадников с копьями, на которых укреплены флаги, штандарты или бунчуки,

были зафиксированы на памятниках Кара-Оюк, Жалгыз-Тобе, Чаган [Окладникова, 1988; Черемисин, 2004, с. 42–47].

Большая группа рисунков всадников и пеших воинов с копьями и знаменами исследована на Тянь-Шане, в Семиречье и Восточном Казахстане.

Подобные изображения имеются на памятниках Жалтырак Таш, Ешкиольмес, Тамгалы, Никитенка и др. [Шер и др., 1987, рис. 8.; Марьяшев, Ермолаева, 1981, с. 140; Максимова, Ермолаева, Марьяшев, 1985, с. 23; Марьяшев, Рогожинский, 1991, с. 29; Самашев, 1992, с. 174–177].

З.С.Самашев классифицировал все подобные рисунки, выделив пять территориальных групп: восточноевропейскую, казахстанскую, монгольскую, южносибирскую и прибайкальскую. Помимо локальных особенностей он отмечает различия между изображениями: знамен — прямоугольных полотнищ, прикрепленных к шесту; флагов — прямоугольных полотнищ с косицами; бунчуков — пучков конских волос; штандартов — подвешенных к шесту рамчатых фигур с кистями [Самашев, 1992, с. 174–177]. Изображения предметов на концах копий хархадских всадников он определил как изображения бунчуков [Самашев, 1992, с. 176]. Различия между разными вариантами знамен он оценил в соответствии с их функциями и причинами этнического и социального порядка. Знамя — это официальная инсигния, символ родоплеменного объединения или воинского подразделения, власти правителя или полководца. По мнению З.С.Самашева, знамена и флаги крепились к специальным шестам, в то время как бунчуки — к копьям [Самашев, 1992, с. 174]. Он считает, что штандарты были «сакральными символами воинских подразделений или знаками полководческого ранга» [Самашев, 1992, с. 176, 177].

Важным изобразительным источником по изучению знамен средневековых кочевников в западном ареале степного пояса Евразии являются гравированные рисунки воинов со знаменами на предметах, выполненных из кости, и изображения на торевтике [Артамонов, 2001, с. 303, 305; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 104–109, рис. 21].

Письменные исторические свидетельства привлекались для анализа формы, цветовой гаммы, культа знамен у разных тюркских и монгольских народов [Окладников, 1976, с. 184–191; Худяков, 1980, с. 62, 46].

Попытка реконструкции внешнего вида девятибунчужного знамени средневековых монголов на основании сведений письменных источников, предпринятая Э.Хара-Даваном, представляется неудачной. Он реконструировал это знамя в виде треугольного белого полотнища с изображением серого кречета и девятью хвостами [Хара-Даван, 1991,

с. 49, 50]. Более вероятно, что это «девятибунчужное» и «девятиножное» знамя состояло из девяти бунчуков на древках разной длины. Согласно изысканиям Т.Д.Скрынниковой, знамя являлось символом харизмы-*сульдэ* правителя и всей этносоциальной общности монголов. Это знамя, Сульдэ Богдо, обожествлялось, ему поклонялись и приносили жертвы. Такой же функцией обладали и малые бунчуки, которые воспринимались как часть объединения знамен [Скрынникова, 1997, с. 87].

Знамена сохраняли свое символическое значение в военной организации и заупокойных культах тюркоязычных кочевников вплоть до нового времени.

У казахов каждый род имел собственное знамя особого цвета, а его подразделения имели боевые «значки» — флаги, соответствующие цвету родового знамени. Свои знамена были у казахских ханов и султанов. В каждом отряде помимо полководца был особый «хранитель знамени». Ханское знамя считалось главным стягом всего войска. Его охранял отряд отборных воинов. Потеря знамени, священного символа единства войска, считалось тягчайшим преступлением и позором для кочевника [Кушумбаев, 2001, с. 86, 87].

Знамена и бунчуки упоминаются в эпосе тюркских и монгольских народов. Иногда они описаны с гиперболическими преувеличениями. Знамя калмыцкого эпического героя Джангара сияло как «семь солнц» даже сквозь надетый на него чехол [Липец, 1984, с. 84].

Судя по вещественным и изобразительным источникам, боевые знамена, флаги или бунчуки появились у древних кочевников в эпоху развитой бронзы. Об этом свидетельствуют находки в памятниках культур развитого бронзового века, относящихся к сейминско-турбинскому транскультурному феномену, бронзовых наконечников копий, на втулках которых имеется рифление и боковые петли, предназначенные для закрепления под наконечником флажка, вымпела или бунчука [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 28, 29, 30, 31]. Вероятно, в эпоху развитой бронзы в некоторых культурах скотоводческих племен копье служило атрибутом политической и военной власти племенных вождей. В пользу такого предположения могут свидетельствовать находки наконечников копий, изготовленных из благородных металлов. В составе Бородинского клада найдены серебряные наконечники копий с геометрической орнаментацией на втулках, выполненной с использованием золота [Черных, Кузьминых, 1989, с. 70, 80]. Возможно, такие серебряные наконечники служили навершиями для знамен или штандартов, укрепленных на длинных древках. Боевые знамена исполь-

зовались в качестве опознавательных знаков или сигналов, по положению которых воины могли ориентироваться в ходе сражения. Вполне вероятно, что уже в эпоху развитой бронзы знамена могли играть роль фетишей и объектов поклонения, а их знаковая, символическая функция стала превалировать над сигнальной. Боевые знамена должны были вдохновлять воинов стремиться вперед, в атаку, вслед за знаменосцами.

Со времени появления в развитом бронзовом веке боевых колесниц и тактики колесничного боя боевые знамена и штандарты стали важной частью экипировки воинов-колесничих. В условиях колесничного боя и пыли, поднятой копытами боевых, упряжных лошадей и колесами колесниц, возвышавшиеся над колесницами знамена и штандарты были важными, заметными издали опознавательными знаками, по расположению и передвижению которых можно было судить о ходе сражения. Подобные штандарты иногда изображались на рисунках боевых колесниц на петроглифах [Кожин, 1987, с. 114]. В период позднего бронзового века боевые знамена изредка изображали на оленных камнях — стелах, передающих образ воинов-колесничих. На оленном камне на памятнике Херексурийн Дэнж в Монголии изображено копье с удлиненно-ромбическим наконечником и шипами на втулке, с развевающимся бунчуком и узкой полоской полотнища знамени на древке, к нижней стороне которого прикреплен шар [Волков, 1981, с. 159]. Подобные шары, прикрепленные ленточками к древкам копий под флагом или бунчуком, сохранялись в воинской атрибутике воинов из государств Восточного Туркестана вплоть до эпохи раннего Средневековья [Le Coq, 1925, fig. 50].

А.П.Окладников считал, что у ираноязычных кочевых племен, населявших степи Евразии в I тыс. до н.э., в качестве знамен использовались «фигурные изделия из меди и бронзы, характерные для скифской культуры Восточной Европы и одновременных ей степных культур Центральной Азии — вплоть до Ордоса и Северного Китая, — так называемые «навершия», изображающие различных животных и, в очень редких случаях, человека» [Окладников, 1976, с. 185].

У сарматов были распространены драконовидные штандарты, передняя металлическая часть которых была укреплена на древке, а задняя, матерчатая, развевалась на ветру, наподобие воздушного змея. Как считает А.К.Нефедкин, сарматские боевые значки первоначально представляли собой воздушных змеев с волчьими головами, которые римляне воспринимали как изображения драконов. По его мнению, такой значок являлся символом божества, покровительствующего сармат-

ским воинам в бою. Значки использовались для передачи сигнала к началу атаки, они показывали место военачальника или определенного отряда в ходе боя. Помимо таких значков у сарматов применялись и другие виды наверший: значки в виде фигуры лани с золотыми рогами, символизирующей солнечное божество [Нефедкин, 2004, с. 139–142]. Штандарты в виде воздушных змеев с головой дракона были распространены у китайцев, парфян, персов, римлян. В эпоху раннего Средневековья подобные навершия были у воинов городов и оазисов Восточного Туркестана [Le Coq, 1928, fig.. 174]. Ираноязычные кочевники, жившие на территории Средней Азии в первой половине I тыс. н.э., имели знамена, напоминавшие воздушных змеев и крепившиеся к древку [Никаноров, Худяков, 1996, рис. 4, 2].

А.П.Окладников считал, что такими же были и знамена древних тюрков. «Из китайских источников известно, что знамена тюрков имели вид сделанной из золота волчьей головы, так как волк считался предком — тотемом тюркского племени» [Окладников, 1976, с. 185]. В китайских источниках древнетюркские знамена упоминаются неоднократно. При изложении древнетюркской этногенеалогической легенды, повествующей о происхождении правящего рода Ашина от волчицы, говорится: «В числе их был Ашина, человек с великими способностями, и он признан был государем; почему он над воротами своего местопребывания выставил знамя с волчьею головою — в воспоминание своего происхождения» [Бичурин, 1950, с. 221]. О наличии у древних тюрков знамен с подобной символикой упоминается при описании их вооружения: «Из оружия имеют: роговые луки с свистящими стрелами, латы, копья, сабли и палаши. Знамена с золотою волчьею головою» [Бичурин, 1950, с. 229].

«Волчьи знамена» были и у уйгуров. Вероятно, они также символизировали легендарное происхождение уйгуров. Известно, что каган Моюн Чур, принимая китайского посла, «гордясь своею силою, выставил войско, подвел Цзы-и поклониться волчьему знамени» [Бичурин, 1950, с. 311].

Вопрос о том, как выглядели подобные знамена, не может быть решен в настоящее время со всей определенностью. Вполне возможно, что у древних тюрков были штандарты с металлическим навершием в виде волчьей головы и матерчатым полотнищем. Однако до настоящего времени в памятниках культуры древних тюрков в Центральной Азии подобных наверший пока не обнаружено. Нет изображений знамен с волчьей головой и на петроглифах, которые специалисты относят к древнетюркской культуре. В то же время на петроглифах Монго-

лии, Саяно-Алтая, Семиречья и Тянь-Шаня имеется немало рисунков знамен и бунчуков, которые достаточно широко использовались древними тюрками и другими кочевыми племенами Центрально-Азиатского региона в эпоху раннего Средневековья.

Вероятно, наиболее распространенным и широкодоступным видом оформления древков копий под наконечником были бунчуки — пучки волос или хвосты коня и яка. Кочевники Саяно-Алтая использовали бунчуки в первой половине I тыс. н.э. На деревянных планках с рисунками из таштыкского склепа на памятнике Тепсей III имеется изображение воина с копьем и бунчуком [Грязнов и др., 1979, рис. 59, 2].

Для крепления бунчука к копью на некоторых наконечниках на втулке имеется специальная петля. Такой наконечник был найден в древнетюркском погребении с конем на памятнике Беш-Таш-Короо I во Внутреннем Тянь-Шане [Табалдиев, 1996, рис. 4, 2]. По нашему мнению, именно бунчуки изображены на древках копий у панцирных всадников на петроглифическом местонахождении Хар Хад в Монгольском Алтае (рис. I, *1–4*). Э.А.Новгородова считает эти детали изображениями бубенчиков или колокольчиков [Новгородова, 1984, с. 132]. С такой трактовкой трудно согласиться, если принять во внимание форму и пропорции этих деталей по отношению к древку копья. Схожие детали, изображенные под брюхом у лошадей в защитных попонах, она трактует как «кисти или бубенцы» [Новгородова, 1984, с. 134]. Изображения шаров на древках копий воинов на фресках Восточного Туркестана, которые привлечены в качестве аналогии хар-хадским рисункам, также не могут быть бубенцами, поскольку по своим размерам они значительно превосходят наконечники копий [Le Coq, 1925, fig. 50]. С трактовкой хар-хадских рисунков как бунчуков согласен З.С.Самашев [Самашев, 1992, с. 176]. Бунчуки изображены на рисунках древнетюркских конных воинов на петроглифическом местонахождении Кара-Оюк в Горном Алтае [Окладникова, 1988, рис. 4, 5].

Бунчуки изображены под наконечниками в верхней части древков копий, которыми всадники атакуют своих противников, держа копье обеими руками наперевес. Бунчуки показаны свисающими с древка копья в виде нескольких линий или в виде треугольников, ориентированных вершиной в сторону наконечника или древка (рис. I, *6, 9, 11*). Интересно, что у двух всадников кисти изображены свисающими с нижней части древков копий (рис. I, *5, 7*). Видимо, таким образом древко украшалось не только под наконечником, но иногда и над втоком [Окладникова, 1988, рис. 4, 5].

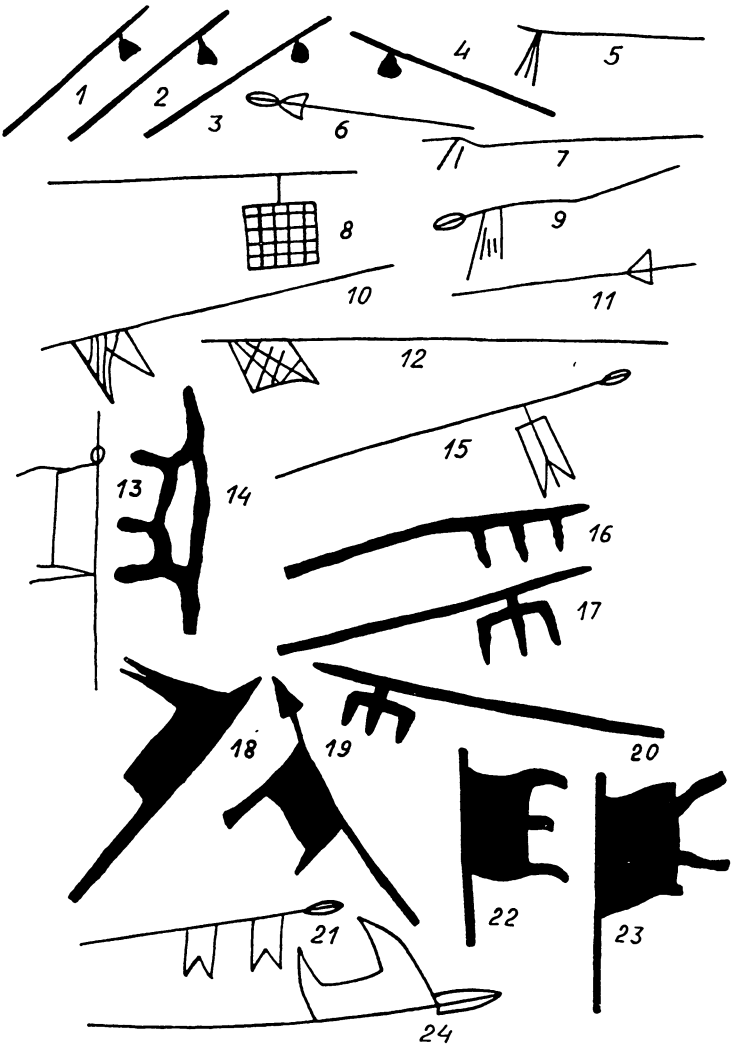


Рис. I

Изображение знамен и бунчуков на петроглифах: *1–4* — Хар-Хад, Монголия; *5–7, 9, 11* — Кара-Оюк, Горный Алтай; *8* — Жалгыз Тобе, Горный Алтай; *10, 12* — Чаган, Горный Алтай; *13, 14, 15* — Ешкиольмес, Семиречье; *16, 17, 20* — Никитинка, Восточный Казахстан; *18, 19* — Тамгалы, Семиречье; *21, 24* — Сулек, Минусинская котловина; *22, 23* — Шишкинская писаница, Прибайкалье

Судя по изображениям, бунчуки не были индивидуальным отличительным знаком, характерным для военачальников или отдельных воинов. На хар-хадской композиции они показаны у нескольких панцирных всадников. На петроглифах Кара-Оюка они изображены у некоторых воинов, возможно относящихся к разным отрядам, поскольку у одних они показаны под наконечником, а у других над втоком. Вероятно, бунчуки в этом случае можно считать отличительным знаком определенных военных отрядов конницы. Однако в периоды развитого и позднего Средневековья они получили повсеместное распространение. В калмыцком эпосе «бунчуки знамен» сравниваются с камышом, а «копейные острия» — с сахарным тростником [Липец, 1984, с. 84].

С эпохи раннего Средневековья бунчуки служили символами властных и посольских полномочий. Согласно интерпретации В.Шотта, туг, установленный в ставке кыргызского правителя Ажэ, представлял собой штандарт из конских волос [Schott, 1865, с. 434]. Во времена Чингисхана девятибунчужное знамя «Сульдэ богдо» было объектом особого поклонения [Скрынникова, 1997, с. 87].

Бунчуками как символами посольских полномочий в средние века широко пользовались в практике дипломатических контактов с кочевниками представители китайской империи Тан. Они направляли своих послов к правителям кочевых государств не только с грамотами и верительными бирками, но и с бунчуками, о чем имеются многочисленные упоминания в источниках [Бичурин, 1950, с. 130, 324].

Помимо бунчуков древние тюрки имели и другие виды значков или стягов, которые выполнены техникой точечной выбивки в силуэтной или контурной манере и резной гравировкой на петроглифических памятниках Центральной Азии. По мнению З.С.Самашева, часть рисунков можно отнести к знаменам с квадратным или прямоугольным полотнищем, прикрепленным одной из длинных сторон к древку. Однако с его предложением считать знаменами полотнища, прикрепленные к специальным шестам, а не к древкам копий [Самашев, 1992, с. 174], трудно согласиться. В батальной сцене с местонахождения Чаган в Горном Алтае древнетюркский панцирный воин поражает своего противника, на древке которого имеется знамя (рис. I, 192) [Черемисин, 2004, рис. 14]. На петроглифах Ешкиольмес в Семиречье знамена показаны на древках копий с наконечниками удлиненно-ромбической формы [Марьяшев, Рогожинский, 1991, рис. 46, 57].

Форма полотнища у знамен, изображенных на петроглифах Ешкиольмеса и Тамгалы, — прямоугольная, с двумя или тремя косицами (рис. I, *13, 14, 18, 19*). На рисунках встречаются разные варианты рас-

положения косиц: две косицы в верхней части полотнища знамени, две косицы в верхней и нижней части полотнища, три косицы в верхней, нижней и в центральной части стяга [Самашев, 1992, рис. 180]. На петроглифах Чагана полотнище знамени изображено без косиц [Черемисин, 2004, рис. 14].

Наиболее близкие аналогии древнетюркским знаменам обнаруживаются в наскальном искусстве и торевтике тюркоязычных кочевников степного пояса Евразии. Знамена с прямоугольным полотнищем, вытянутым вдоль древка, и двумя косицами в верхней части были характерны для кочевников эпохи раннего Средневековья в западном ареале евразийских степей. Наиболее точные аналогии им можно усмотреть на гравировках, изображающих тяжеловооруженных всадников и пехотинцев, на костяных пластинах из Шиловского курганного могильника в Поволжье. Р.С.Багаутдинов, А.В.Богачев и С.Э.Зубов считают, что эти находки принадлежат представителям тюркского кочевого населения, которое явилось ядром Великой Булгарии и Хазарского каганата [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 171]. «Болгарский хан», изображенный на серебряном кувшине, обнаруженном в Сент-миклошском кладе, держит на плече копье со знаменем, у которого показано узкое прямоугольное полотнище с двумя косицами в верхней части. Знамена воинов, выгравированных на Преславском камне в Болгарии, имеют иную конфигурацию прямоугольных полотнищ, вытянутых перпендикулярно древку, и две косицы в верхней и нижней части [Артамонов, 2001, с. 303, 305].

Знамена с прямоугольными полотнищами и двумя или тремя косицами на концах и в центре, изображенные на древнетюркских петроглифах Семиречья, находят близкие аналогии на выбитых силуэтных рисунках всадников со знаменами на Шишкинских писаницах Прибайкалья (рис. I, *22, 23*) [Окладников, 1976, рис. 3; Окладников, Запорожская, 1959, рис. 57]. Гравированное изображение древнетюркского знамени с прямоугольным полотнищем с петроглифического памятника Чаган в Горном Алтае находит аналогии на изображениях знамен на плитах Манхайского городища в Прибайкалье, отнесенного к культуре курыкан [Асеев, 1980, с. 103, 106, 107].

Знамя изображено на древке копья, которым кыргызский тяжеловооруженный всадник атакует пешего лучника в батальной сцене на Сулекской писанице (Рис. I, *24*). Оно имеет прямоугольное полотнище с двумя треугольными косицами [Кызласов, 1969, рис. 41).

Помимо знамен З.С.Самашев предложил выделить среди изображений стягов на петроглифах флаги и штандарты [Самашев, 1992,

с. 174–177]. Флагами он предлагает считать небольшие прямоугольные полотнища, расположенные длинными сторонами перпендикулярно древку и имеющие две треугольные косицы. Такой флаг изображен на древке копья у тяжеловооруженного всадника, атакующего поверженного противника на композиции с памятника Чаган в Горном Алтае (рис. I, *10*) [Черемисин, 2004, рис. 13]. У всадника, изображенного на петроглифическом местоположении Жалтырак Таш в Таласской долине, на копье — небольшой прямоугольный флажок [Шер и др., 1987, рис. 8, 1]. На рисунке всадника с копьем с памятника Никитинка в Восточном Казахстане показано три небольших флажка (рис. I, *16*) [Самашев, 1992, рис. 44].

У кыргызского панцирного всадника с Сулекской писаницы на древке копья изображено два прямоугольных флажка с треугольными косицами (рис. I, *21*) [Евтюхова, 1948, рис. 187].

К числу штандартов З.С.Самашевым отнесены различные по форме полотнища — флажки с двумя или тремя косицами, крепившиеся не непосредственно к древку, а соединенные с ним с помощью шнура. Очевидно, у таких штандартов должна быть перекладина, на которой держится полотнище [Самашев, 1992, с. 177]. Изображение штандарта с квадратным полотнищем, прикрепленного на шнуре к древку копья панцирного всадника, имеется на петроглифическом памятнике Жалгыс-Тобе в Горном Алтае (рис. I, *8*) [Горбунов, 1998, рис. 2, 1]. На петроглифах Ешкиольмеса в Семиречье прямоугольный штандарт показан на копье пешего воина, атакующего лучников. В нижней части штандарта изображены две треугольные косицы и — тонкой линией между ними — третья косица (рис. I, *15*) [Марьяшев, Рогожинский, 1991, рис. 57]. Схематичные изображения штандартов с тремя косицами на древках копий у всадников имеются на памятнике Никитинка в Восточном Казахстане (рис. I, *17, 20*) [Самашев, 1992, рис. 40].

В материалах кочевнических культур соседей и современников древних тюрков изображений штандартов нет, но очень похожие стяги имеются на фресках Восточного Туркестана [Le Coq, 1925, fig. 50].

Значительное разнообразие форм стягов отличает изобразительные памятники западных тюрков в Семиречье и на Тянь-Шане. Вероятно, его можно объяснить интенсивными контактами западных тюрков с ираноязычным населением Восточного Туркестана и Средней Азии [Кляшторный, 2003, с. 179]. В отличие от западных тюрков, восточные тюрки, жившие в Горном Алтае и Монголии, постоянно контактировали с енисейскими кыргызами и курыканами, что нашло отражение в сложении схожих форм культуры, в том числе боевых знамен. Сход-

ство некоторых форм знамен западных тюрков Семиречья и болгар Восточной Европы, вероятно, восходит к эпохе Первого Тюркского каганата, когда кочевники западного ареала Степного пояса Евразии были объединены в рамках одного государства.

Контекст изображений стягов на петроглифах позволяет отнести их к категории боевых. И знамена, и флаги, и штандарты изображены на древках копий, которыми воины атакуют своих противников в ходе боя.

Вполне вероятно, что среди них изображены реальные или эпические богатыри, знатные воины и полководцы. Известно, что выдающийся полководец Второго, восточного, Тюркского каганата Кюльтегин принимал непосредственное участие в самой гуще сражений. В сражении в Черни Сунга «одного мужа он поразил стрелою, двух мужей заколол (копьем) одного после другого» [Малов, 1951, с. 41].

Наличие двух или трех флажков на древке может быть связано с принадлежностью к определенному подразделению в составе более крупных воинских единиц. Знамена были символами крупных военачальников и военных отрядов. Особое, главное знамя было символом власти правителя.

Об этом красноречиво свидетельствуют упоминания кыргызских знамен в китайских источниках. В них говорится, что кыргызы «на войне употребляют лук и стрелы и знамена» [Бичурин, 1950, с. 352]. Помимо этих боевых знамен в ставке Ажо было особое знамя, символизирующее его власть как главы государства. «Государь называется Ажо; почему и прозывается также Ажо. У него водружено знамя» [Бичурин, 1950, с. 352].

Судя по этому упоминанию, знамя Ажо было постоянно водружено в его ставке, подобно «волчьему знамени» в ставке легендарного основателя древнетюркского правящего рода — Ашина.

Символически «водружение» знамени соответствовало установлению власти над покоренными племенами. Об этом недвусмысленно говорится в послании, которое кыргызский каган отправил своему противнику, правителю уйгуров, накануне решающего сражения под Орду-Балыком: «Твоя судьба кончилась. Я скоро возьму золотую твою орду, поставлю перед нею моего коня, водружу мое знамя. Если можешь состязаться со мною, то немедленно приходи; если не можешь, то скорее уходи» [Бичурин, 1950, с. 355–356]. В источниках есть упоминания о цветовой гамме кыргызских знамен: «Их Ажэ установил один штандарт, низ его весь красный» [Кюнер, 1961, с. 60]. В мусульманском источнике о кыргызских знаменах говорится, что «их знамена зеленые» [Бартольд, 1963, с. 495]. Знамя сопровождало правителя в

боях и походах, на дипломатических переговорах. Судя по рисункам на Шишкинских писаницах, у курыкан существовало особое знамя, которое возил конь без седока [Окладников, 1976, с. 184].

Принимая послов арабского халифа Хишама, тюргешский каган приказал развернуть десять знамен по числу отрядов, выстроенных для парада, а одно было развернуто над ним самим [Мокрынин, 1975, с. 112].

Символическое значение общего государственного знамени неразрывно связано с его почитанием в качестве объекта культа войны. В наиболее развитой форме оно проявилось у монголов, для которых поклонение девятибунчужному знамени было символическим, ритуальным средством объединения воинов для обеспечения грядущих побед. Однако элементы подобного культа существовали и в эпоху раннего Средневековья, о чем свидетельствуют факты «водруженйя» знамени над поверженной вражеской столицей, принуждение иноплеменников к поклонению знамени и транспортирование знамени в сопровождении «духа войны» на отдельном коне без всадника. Вероятнее всего, в эпоху раннего Средневековья у тюркских кочевых народов складываются традиции использования знамен и бунчуков в заупокойной обрядности, сохранившиеся у кыргызов вплоть до этнографической современности.

Анализ изображений разнотипных знамен и бунчуков и сведений об их использовании древними тюрками и кыргызами в эпоху раннего Средневековья показывает важное значение этих символов и атрибутов государственной власти в военном деле, дипломатии и идеологии кочевников.

Артамонов, 2001 — *Артамонов М.И.* История хазар. СПб., 2001.

Асеев, 1980 — *Асеев И.В.* Прибайкалье в средние века (по археологическим данным). Новосибирск, 1980.

Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998 — *Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э.* Праболгары на средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998.

Бартольд, 1963 — *Бартольд В.В.* Киргизы. Исторический очерк // Соч. Т. II. Ч. 1. М., 1963.

Бичурин, 1950 — *Бичурин Н.Я.* (*Иакинф*). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. 1. М.; Л., 1950.

Волков, 1981 — *Волков В.В.* Оленные камни Монголии. Улан-Батор, 1981.

Горбунов, 1998 — *Горбунов В.В.* Тяжеловооруженная конница древних тюрок (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998.

Грязнов, Шнейдер, 1929 — *Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р.* Древние изваяния Минусинских степей // Материалы по этнографии. Т. IV. Вып. 2. Л., 1929.

Грязнов и др., 1979 — *Грязнов М.П.* и др. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979.

Евтюхова, 1948 — *Евтюхова Л.А.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948.

Кляшторный, 2003 — *Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.

Кожин, 1987 — *Кожин П.М.* Колесничные сюжеты в наскальном искусстве Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987.

Кушумбаев, 2001 — *Кушумбаев А.К.* Военное дело казахов в XVII–XVIII веках. Алматы, 2001.

Кызласов, 1969 — *Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века. М., 1969.

Кюнер, 1961 — *Кюнер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

Липец, 1984 — *Липец Р.С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984.

Малов, 1951 — *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951.

Максимова, Ермолаева, Марьяшев, 1985 — *Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н.* Наскальные изображения урочища Тамгалы. А.-А., 1985.

Марьяшев, Ермолаева, 1981 — *Марьяшев А.Н., Ермолаева А.С.* Исследования в урочище Тамгалы // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981.

Марьяшев, Рогожинский, 1991 — *Марьяшев А.Н., Рогожинский А.Е.* Наскальные изображения в горах Ешкиольмес. А.-А., 1991.

Мокрынин, 1975 — *Мокрынин В.П.* Дипломатическая практика в Западнотюркском каганате // Страницы истории и материальной культуры Киргизии. Фрунзе, 1975.

Нефедкин, 2004 — *Нефедкин А.К.* Под знаменем дракона. Военное дело сарматов во II в. до н.э. — V в. н.э. М.; СПб., 2004.

Никаноров, Худяков, 1996 — *Никаноров В.П., Худяков Ю.С.* Изображения воинов из Орлатского могильника // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск, 1996.

Новгородова, 1984 — *Новгородова Э.А.* Мир петроглифов Монголии. М., 1984.

Окладников, 1951 — *Окладников А.П.* Конь и знамя на ленских писаницах // Тюркологический сборник. М.; Л., 1951.

Окладников, 1976 — *Окладников А.П.* Конь и знамя на ленских писаницах // История и культура Бурятии. Улан-Удэ, 1976.

Окладников, Запорожская, 1959 — *Окладников А.П., Запорожская В.Д.* Ленские писаницы. М.; Л., 1959.

Окладникова, 1988 — *Окладникова Е.А.* Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай (характеристика изобразительных особенностей и хронология) // Материальная и духовная культура народов Сибири. Сборник музея антропологии и этнографии. Вып. XLII. Л., 1988.

Паллас, 1786 — *Паллас П.С.* Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской императорской Академии наук. Ч. 2. Кн. 2. СПб., 1786.

Радлов, 1989 — *Радлов В.В.* Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989.
Самашев, 1992 — *Самашев З.С.* Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. А.-А., 1992.
Скрынникова, 1997 — *Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997.
Табалдиев, 1996 — *Табалдиев К.Ш.* Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек, 1996.
Хара-Даван, 1991 — *Хара-Даван Э.* Чингис-хан как полководец и его наследие. Элиста, 1991.
Худяков, 1980 — *Худяков Ю.С.* Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск, 1980.
Черемисин, 2004 — *Черемисин Д.В.* Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004, № 1.
Черных, Кузьминых, 1989 — *Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989.
Шер и др., 1987 — *Шер Я.А.* и др. Петроглифы Жалтырак-Таша // Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово, 1987.

Appelgren-Kivalo, 1931 — *Appelgren-Kivalo H.* Alt-Altaische Kunstdenkmäler Briefe und Bildmaterial von J.R. Aspelins Reise in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Helsingfors, 1931.
Le Coq, 1925 — *Le Coq A.* Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittel-Asiens. B., 1925.
Le Coq, 1928 — *Le Coq A.* Von Land und Leuten in Ost-Turkestan. Lpz., 1928.
Schott, 1865 — *Schott W.* Über die ächten Kirgisen. // Abchandlungen der Königlichen Preussischen Academie der Wissenschaften zu Berlin. B., 1865.

А.Г.ЮРЧЕНКО
(Санкт-Петербург)

Гадание по огню в сакральной практике хазарского кагана

В 1918 г. известный востоковед К.А.Иностранцев в сборнике Музея антропологии и этнографии опубликовал заметку, посвященную верованиям древних тюрков. К.А.Иностранцев полагал, что в опубликованном им фрагменте из сочинения неизвестного арабского автора речь идет о ритуальной практике тюрков. Вот как он оценивает содержание известия арабского анонима: «Как в ложно приписываемой ал-Масуди „Книге о чудесах земли", так и в космографии Ахмеда ибн Хамдана ибн Шабиба ал-Харрани мы имеем интересное известие о гадании по пламени у древних тюрок, заслуживающее быть отмеченным вследствие относительной малоизвестности источников» [Иностранцев, 1918, с. 152–154].

С тех пор в исследовательской литературе утвердилось мнение, что космографический рассказ о гадании по цвету пламени действительно связан с верованиями древних тюрков [Дмитриев, 2002, с. 73–76]. Насколько обоснованно такое мнение? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно вновь обратиться к арабскому известию и попытаться объяснить содержание этого в высшей степени загадочного сюжета.

В сочинении анонимного автора «Ахбар аз-заман» («Известия времен»), в других вариантах именуемого «Мухтасар ал-аджаиб» («Сокращенное изложение диковинок»), описываются народы Европы. Хазарам посвящен отдельный рассказ. Если верить этому сообщению, правитель хазар ежегодно участвует в таинственном ритуале: по цвету пылающего огня он предугадывает будущее. Потенциальное поле значений таково: каждому из пяти цветов пламени соответствует один из пяти прогнозов, касающихся судьбы хазарского царства. Иными словами, в ежегодном ритуале выявляется один из пяти возможных сценариев ближайшего будущего.

© А.Г.Юрченко, 2005

Прогноз касается трех жизненно важных аспектов: дожди или засуха определяют материальное благополучие народа; безопасность внешних границ или война связаны с социальной устойчивостью общества; отдельная угроза — эпидемии; и наконец, смерть правителя, как правило насильственная, рассматривается как сигнал урегулировать отношения с высшими силами. Как уже сказано, во время гадания огонь может принять один из пяти цветов. И в этом, собственно, заключена загадка. Если красный или желтый цвет огня можно себе представить, то черный, белый и зеленый огонь скорее метафора, чем реальное явление.

Интересующий нас сюжет выглядит так:

«Рассказ о царстве ат-Турк.

Что касается ат-Турк, то они происходят из рода Йафета, сына Нуха, да будет мир над ним, и их виды многочисленны, и они владеют городами и крепостями, и среди них есть народ, живущий на вершинах гор и в степи в войлочных палатках, и нет у них другого занятия, кроме охоты, и тот, который не желает охотиться, убивает свою лошадь, берет ее кровь и жарит ее, и они едят ястребов, воронов и других птиц. У них нет религии, и среди них есть такие, кто обратился в иудейство. Самый старший их царь — хакан, он имеет трон из золота и золотую корону, и его пояс также сделан из золота, и их одежда из шелка, и говорят, что величайший их владыка почти не является перед ними, и если он предстает перед ними, никто не стоит перед ним, и они отличаются коварством, злобой, силой и храбростью. Для царя у них наступает день, когда разводят огромный огонь. Он идет к нему и стоит возле него, и смотрит на него, и разговаривает, издавая рычание, и поднимается огромный огонь. Если он зеленого цвета — будет дождь и плодородие, и если он белого цвета — то засуха, и если он красного цвета — будет кровопролитие, если он желтого цвета — то болезни и чума, а если он черного цвета — это указывает на смерть царя или его далекое путешествие, и если бывает это — царь спешит отправиться в путешествие, чтобы возвратиться (живым?)» [Крюков, 1983, с. 206–207].

Возникает как минимум два вопроса: первый — существовал ли такой ритуал в действительности; второй — почему прогноз будущего связан с пятью цветами? Вопросы должны ставиться именно так. Царь выступает в роли посредника между социумом и высшими силами, поэтому именно ему открывается будущее. Речь идет о диалоге царя с Богом.

Гадание с помощью огня — одна из культурных универсалий. Вопрошающий получает ответ-прогноз по ряду внешних признаков: интенсивности пламени, треску, вспышкам слева или справа, но не по цвету пламени. Вот один из примеров. Арабский писатель, теолог и полемист ал-Джахиз (776–869) излагает фрагменты из сасанидской книги «Айн-наме», где говорится о гаданиях персов по огню: «Признаки в огнях. Когда с треском пылает огонь очага направо от сидящего, это указывает на дуновение ветров и пыль. Если [это] бывает налево от сидящего, это указывает на дождь и снег, которые скоро выпадут. Если огонь кружится кругом очага, это указывает на смуту и спор в [этом] месте. Если он кружится кругом сидящего или перед ним, это указывает на грядущую победу и приближающееся веселье, на еду, питье, свадьбу. Если кружится огонь перед очагом, это указывает на отдаление хозяина дома от достояния его. Если кружится он за очагом, это указывает на болезнь, которая постигнет обитателей этого дома» [Иностранцев, 1907, с. 35].

Такого рода исторических примеров множество, тогда как указание на то, что пламя способно принять один из пяти цветов, единственное в своем роде. По крайней мере мне не известны тексты, рисующие сходное явление. Описанные в этнографической литературе гадания тюрков по цвету пламени [Паллас, 1773, с. 577; Левшин, 1832, с. 61; Вамбери, 1868, с. 276] к нашему сюжету никакого отношения не имеют.

То же относится к сведениям Ч.Ч.Валиханова: «Ильты гадают обыкновенно по цвету пламени, бросая в огонь жир: если горит светло — значит предзнаменование хорошее, темно и красно — нехорошо. При этом джин требует какой-нибудь эксцентричности от бакши. Она все время пьет воду — ведро, или употребляет целый рог табаку» [Валиханов, 1961, с. 118].

Вернемся к теме сакральной практики хазарского кагана. Гадал ли каган по огню? Скорее да, чем нет. Ничего необычного в практике гадания по огню нет. Сомнения возникают, когда речь заходит о пяти цветах пламени. Скорее всего, мы имеем следующую ситуацию. Арабские авторы знали об особом статусе хазарского кагана. Возможно, они знали и о том, что он гадает по огню. Однако как именно совершалось это гадание, для арабов было тайной за семью печатями. И сама фигура кагана, и государственные ритуалы были закрытой для посторонних глаз сферой. Как в таком случае быть с подробным описанием ритуала гадания в книге арабского анонима?

Мне кажется, что отсутствие какой-либо информации аноним восполнил литературным вымыслом. Однако вымысел не был произволь-

ным. Аноним воспользовался известным античным сюжетом о гадании иерусалимского первосвященника. Неожиданное на первый взгляд обращение к древнему сюжету мотивировалось тем обстоятельством, что в обоих случаях речь шла об иудейском царстве и сакральной практике высшего лица этого царства. Тот факт, что иерусалимский первосвященник гадал по цвету драгоценных камней, а не по огню, особого значения не имеет. Важно, что камень адамант был способен пылать различными цветами и тем самым предсказывать будущее. Подчеркну еще раз, в этой ситуации предмет (огонь, камень) вторичен, решающее значение имеет совпадение исторической интриги или, более формально, сюжетной конструкции.

Для того чтобы иметь возможность сравнить сюжет о гадании по цвету пламени с параллельными текстами, выделим в нем элементы, определяющие структуру повествования. Таких элементов, или сюжетных единиц, три: царь, вопрошающий божество о будущем; огонь, являющий волю божества; интерпретация или прогноз будущего по цвету огня. Наша задача — найти параллельный текст, включающий эти же элементы. Поскольку у анонима речь идет о хазарском кагане, исповедующем иудейскую религию, то это обстоятельство позволяет резко сузить ареал поисков. На мой взгляд, за образом кагана, совершающего ежегодные гадания, стоит фигура иерусалимского первосвященника, вопрошающего волю Бога.

Начнем с анализа первого элемента нашего сюжета. Главное действующее лицо хазарского ритуала — священный царь. Один из пяти вариантов будущих событий, демонстрируемый черным цветом огня, непосредственно связан с судьбой кагана, поскольку указывает на его смерть или далекое путешествие, что является синонимом смерти. В политической практике хазар предусматривалась возможность такого сценария. Речь идет о насильственной смерти кагана в случае природных бедствий или военного поражения. Остановимся на этом пункте подробнее, поскольку остальные четыре прогноза (плодородие, засуха, чума и война) не имеют этнической или иной привязки.

В ранний период у хазар, как известно, священные и мирские функции правителя были разделены между царем и хаканом [Григорьев, 1876; Петрухин, 2001]. Царь держал в своих руках все нити управления, а хакан выступал как священная фигура. Приведем несколько примеров, иллюстрирующих особый статус хакана.

Наиболее осведомленным в хазарских делах был арабский дипломат Ахмед ибн Фадлан. Вот что он пишет о двоевластии у хазар: «Что же касается царя хазар, титул которого хакан, то, право же, он не по-

казывается иначе как [раз] в каждые четыре месяца, [появляясь] в [почетном] отдалении. Его называют „большой хакан", а его заместителя называют „хакан-бех". Это тот, который предводительствует войсками и командует ими, управляет делами государства, руководит им, появляется [перед народом], совершает походы, и ему изъявляют покорность находящиеся поблизости от него цари. И он входит каждый день к наибольшему хакану смиренно, проявляя униженность и спокойствие. <...> Когда этот большой царь выезжает верхом, то едут [также] все войска по случаю его выезда, причем между ним и частями кортежа миля [расстояния], и ни один из его подданных не видит его иначе как павши ниц на свое лицо, поклоняясь ему, и не поднимает своей головы, пока он не проследует мимо него. Продолжительность [правления] их царя — сорок лет. Если он переживет их [хотя бы] на один день, то подданные и его приближенные уволят его или убьют и скажут: „У этого ум уже уменьшился, и его суждение [стало] путаным"» [Ковалевский, 1956, с. 146–147].

Следующий наш источник — книга ал-Масуди «Золотые копи и россыпи самоцветов» (950 г.). «Ал-Масуди говорит: в том, что мы сообщили, мы, собственно, имели в виду не царя хазар, а хакана. В действительности в хазарском государстве имеется хакан и существует правило, чтобы он находился в руках другого царя и в его дворце. Хакан пребывает внутри замка и не может ни выезжать, ни появляться перед придворными и народом, ни покидать свое жилище, где вместе с ним живет его семья. От него не исходят ни приказы, ни запрещения, и он не принимает решений в государственных делах. Однако царь не управлял бы Хазарским царством должным образом, если бы хакан не был при нем в столице и бок о бок с ним в замке. Когда Хазарское царство постигнет голод или другое какое-нибудь бедствие, или когда против него обернется война с другим народом, или какое-нибудь несчастье неожиданно обрушится на страну, знатные люди и простой народ идут толпой к царю и говорят: „Мы рассмотрели приметы этого хакана и дней его, и мы считаем их зловещими. Так убей же его или передай нам, чтобы мы его убили". Иногда он выдает им хакана, и они убивают его; иногда он убивает его сам; а иногда он жалеет и защищает его, в том случае если он не совершал никакого преступления, за которое он заслуживал бы [наказания], и не был повинен ни в каком грехе. Я не знаю, древен ли такой порядок или нов, но раз должность этого хакана принадлежит членам некой определенной семьи из их знати, я полагаю, что власть находилась у этой семьи издавна, но один Господь бог всеведущ» [Минорский, 1963, с. 195].

В картине, рисуемой ал-Масуди, голод и бедствие, война или иное несчастье, постигшее хазар, вполне сопоставимы с засухой, войной и эпидемией в ритуале гадания кагана по цвету огня. Поскольку у ал-Масуди говорится только о бедствиях, то судьба хакана имеет единственный и предрешенный финал — это ритуальная смерть. Можно полагать, что в случае благоденствия никто не требовал смерти кагана. Существенное отличие сравниваемых сообщений заключается в том, что у ал-Масуди описана ситуация бедствия уже произошедшего, тогда как в ритуале гадания выясняется весь спектр возможных сценариев; в их число входит и потенциальная угроза бедствий.

Неизбежность ритуальной смерти кагана в случае неожиданных несчастий, затрагивающих судьбу всего царства, находит полное соответствие в прогнозе, когда пламя при гадании вспыхивает черным цветом. Это может означать, что аноним располагал надежными сведениями о статусе кагана и умело использовал их, конструируя сюжет о гадании.

Если доверять сведениям ал-Масуди, то каганов хазарам приходилось менять часто.

Следующее сообщение принадлежит Ибн Хаукалю, арабскому путешественнику и географу, автору «Книги путей и стран» (ок. 977 г.). Здесь говорится, что каганов рекрутировали из известных семей, не имевших владений и богатств. Следовательно, семьи не имели возможности воспрепятствовать «законному» убийству каганов. Цитируемый ниже отрывок почти дословно повторяет текст ал-Истахри, написанный на 40 лет раньше.

«Хаканство является исключительною принадлежностью известных семей. У хакана власть среди хазар только номинальная, и его только величают, когда входят к нему. Приходят к нему только по необходимости. При входе к нему входящий падает перед ним ниц на землю, поклоняется ему и становится вдали, пока хакан не разрешит ему приблизиться. Когда постигает их тяжелое событие или война, то они выводят хакана, и не взглянет на него ни один из тюрков или других соседних с ними кяфиров (неверных) без того, чтобы не поклонился и не удалился. И никто не воюет с ним из-за великого почтения к нему. Когда он умрет и его похоронят, то не проедет ни один мимо могилы его без того, чтобы не спешиться перед нею и не поклониться праху его; и путник сядет верхом не прежде, чем скроется из виду его могила. <...> Я уже упоминал, что хаканство есть принадлежность известных семей, не имеющих владений и богатств, но иногда бывают среди них богатые. Когда достается кому-нибудь хаканство, то ему присяга-

ют, не обращая внимания на его имущественное положение. Мне сообщил человек, которому я доверяю, что он видел на одном из их рынков юношу, продававшего хлеб; и они говорили, что если хакан их погибнет, то никого нет более достойного хаканства, чем он, разве только что он мусульманин, а назначаются на хаканство только иудеи. У хазар трон под золотым навесом изготовляется только для хакана; шатры хакана, когда разобьют их в случае необходимости в дороге, выше шатров царя, а жилище его в городах выше царского жилища» [Караулов, 1908, с. 116–118].

Религиозная ситуация в Хазарии не была секретом для арабских географов. Вот, например, сведения ал-Истахри об обычаях и вероисповеданиях жителей Хазарии: «Царь их иудейского вероисповедания, и говорят, что свита его числом около 4000 человек. Хазары — мусульмане, христиане и иудеи, и среди них есть идолопоклонники. Самый малочисленный класс — иудеи, а самый большой — мусульмане и христиане, но все-таки царь и приближенные его — иудеи. Большую часть обычаев их составляют обычаи идолопоклонников, и они кланяются до земли друг другу для выражения почтения. А установления их, которыми они отличаются от других народов, основаны на древних обычаях и противоречат религиям мусульманской, иудейской и христианской» [Караулов, 1901, с. 43].

Перейдем к анализу второго и третьего элементов нашего сюжета — предмету, через который проявляется воля божества, и прогнозу будущего. Тот факт, что царь хазар был иудейского вероисповедания, позволяет привлечь для сопоставления с рассказом о гадании по цвету огня широко известный с античной эпохи сюжет о том, как иудейский первосвященник узнавал волю Бога по сверканию драгоценных камней, украшавших его одеяние.

По словам Иосифа Флавия, у первосвященника Иерусалимского храма было наплечное одеяние, и золота в нем было больше, чем остальных материалов. «Видом своим оно походило на панцирь и скреплялось двумя золотыми застежками, в которые были вправлены выдающиеся своей красотой и величиной сардониксы с вырезанными на них именами колен [еврейского] народа. С другой же стороны к нему четырьмя рядами прикреплялись двенадцать других камней по три в каждом ряду: сардоникс, топаз и смарагд в первом ряду; карбункул, яшма и сапфир — во втором; агат, аметист и лигирион — в третьем; оникс, берилл и хризолит — в четвертом. Здесь тоже на каждом камне было вырезано имя одного из колен» [Иосиф Флавий, 1996, V.5.7]. Впоследствии эти сведения вошли в «Хронику» Георгия Амартола,

созданную в 842 или 847 г. Церковно-славянский перевод этой хроники известен как «Временник Георгия Мниха».

В «Хронике» имеется легендарный рассказ о том, как Александр Македонский, захватив Тир, отправил послов к иудеям, прося помощи против персов. Они отказали ему в просьбе, опасаясь мести со стороны Дария, так как были под рукою его и имели договор не воевать с ним. Разгневавшись, Александр двинулся на Иудею. Первосвященник иудейский вышел навстречу Александру, облачившись в торжественные одеяния, чтобы удивить Александра и вызвать доверие. Одно из одеяний — наплечник — называлось *ефод*. В этой истории нас интересуют драгоценные камни, украшавшие одеяние, и их свойства.

«На обоих плечах его прикреплены были сардониксы в оправе из чистого золота и еще двенадцать драгоценных камней непостижимой для человека ценности и тоже в золотой оправе, четырьмя рядами с двух сторон расположенные, в каждом ряду по три камня. Удивительное богатство являли они взору. „В первом ряду были сардоникс, топаз и смарагд, во втором — карбункул, яспис и сапфир, в третьем — лигурион, аметист и агат, в четвертом — хризолит, оникс и берилл“ (Исх. 28. 17–20). И на них на всех имена патриархов написаны, на каждом камне — имя старейшины рода. Был на том *ефоде* на груди четырехугольный кусок, пядь в высоту и пядь в ширину, теми же цветами, что и *ефод*, расцвеченный. Этот *ефод* по-еврейски *фоэссин* называется, что значит „словесное“ или „явленное“, потому что на нем Бог идущим на войну проявлял победу. Если камни на нем начинали сверкать особенно ярким блеском — войско не будет побеждено. Особенное же знамение давал камень адамант, потому что благодаря ему воины узнавали, что Бог придет к ним на помощь. В середине же его была звезда целиком золотая, с обеих сторон от нее смарагды, по шесть в каждом ряду, на которых были написаны (имена) двенадцати колен Израиля, а между двумя (рядами) смарагдов камень адамант. Так что, когда иерей хотел вопросить Бога, он привязывал [его на] наплечник посреди груди и подкладывал под него руки, расположив ладони как дощечки. Поэтому Саул, спеша начать войну, „сказал иерею: Сложи руки свои (1 Цар. 14.19) и возьми *ефод* (1 Цар. 14.18)“. И потом, глядя на *ефод*, он задавал вопросы Богу, особенно внимательно следя за камнем адамантом, который менял окраску [в зависимости от Божьего изменения и перемены], являя людям будущее: если он черным становился — то смерть, если красным становился — то пролитие крови, если белым — являл перемену Бога. И к этому были буквы из чистой меди сделаны, для каждого знака еврейской азбуки, которые

иерей приносил [Господу] Богу, и, положив их на *ефод*, задавал вопросы. Знаки тотчас же поднимались Божьим движением, ясно показывая благосклонность или неблагосклонность Божию. Так, если вопрос и дело были по воле Божией, то поднимались только означающие, что Он хочет, чтобы так было. Если не по воле Его было, поднимались только знаменующие „нет". Так же и при других вопросах к Господу: знамения были ясными и отчетливыми, если (люди) полностью угодны Ему были. Если же Он гневался [на них], то ничего им не отвечал, ни через эти знаки, ни через Божье откровение, ни пророчеством» [Временник, 2000, с. 48–49].

Все три элемента, составляющие структуру арабского рассказа о гадании хазарского кагана по цвету огня, присутствуют в сказании о гадании иерусалимского первосвященника по блеску драгоценных камней. В обоих случаях главное действующее лицо имеет особый священный статус; только первосвященник и каган могут обращаться к Богу; ответ приходит в виде перемены цвета, причем цвет указывает на будущее развитие событий.

Кажется несомненным, что сказание о гадании иудейского первосвященника было использовано для литературного оформления каких-то неясных слухов о хазарском кагане как священном царе. И в целом рассказ анонима может рассматриваться как реакция арабских историков на известия о существовании на Волге иудейского государства, созданного хазарами.

Вамбери, 1868 — *Вамбери А.* Очерки Средней Азии. М., 1868.

Временник — Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола) // Рус. текст, коммент., указ. В.А.Матвиенко, Л.И.Щеголева. М., 2000.

Григорьев, 1876 — *Григорьев В.В.* О двойственности верховной власти у хазаров // Россия и Азия. Сб. исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанных в разное время В.В.Григорьевым. СПб., 1876.

Дмитриев, 2002 — *Дмитриев С.В.* К вопросу о мантике в военной культуре народов евразийских степей // Altaica. Вып. VI. М., 2002.

Иностранцев, 1907 — *Иностранцев К.А.* Материалы из арабских источников для культурной истории сасанидской Персии. Приметы и поверья. СПб., 1907.

Иностранцев, 1918 — *Иностранцев К.А.* Несколько слов о верованиях древних турок // Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. V. Вып. 1. Пг., 1918.

Иосиф Флавий, 1996 — *Иосиф Флавий.* Иудейская война. Пер. М.Финкельберг и А.Вдовиченко. М.; Иерусалим, 1996.

Караулов, 1901 — *Караулов Н.А.* Сведения арабских географов IX и X вв. по Р. Х. о Кавказе, Армении и Адербейджане // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 29. Тифлис, 1901.

Караулов, 1908 — *Караулов Н.А.* Сведения арабских географов IX и X вв. по Р. Х. о Кавказе, Армении и Адербейджане // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 38. Тифлис, 1908.

Ковалевский, 1956 — *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956.

Крюков, 1983 — *Крюков В.Г.* Сообщения анонимного автора «Ахбар аз-заман» («Мухтасар ал-аджаиб») о народах Европы // Древнейшие государства на территории СССР. 1981. М., 1983.

Левшин, 1832 — *Левшин А.И.* Описание киргис-казачьих или киргис-кайсацких орд и степей. Ч. III. СПб., 1832.

Минорский, 1963 — *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербента. М., 1963.

Паллас, 1773 — *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. I. СПб., 1773.

Петрухин, 2001 — *Петрухин В.Я.* К вопросу о сакральном статусе хазарского кагана: традиция и реальность // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. М., 2001.

Научное издание

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК
2003–2004

Тюркские народы
в древности и средневековье

Утверждено к печати
Санкт-Петербургским филиалом
Института востоковедения РАН

Редакторы *С.В.Веснина, Л.С.Ефимова*
Художник *Э.Л. Эрман*
Технический редактор *О.В. Волкова*
Корректор *М.К. Киселева*
Компьютерная верстка *Е.А. Пронина*

Подписано к печати 15.12.05
Формат 60×90$^{1}/_{16}$. Печать офсетная
Усл. п. л. 23,5. Усл. кр.-отт. 23,8. Уч.-изд. л. 25,7
Тираж 600 экз. Изд. № 8198. Зак. № 2063

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ППП "Типография "Наука"
121099. Москва Г-99, Шубинский пер., 6

ISBN 5-02-018491-8

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК 2003 2004